

ISSN 0131-6656
ИНДЕКС 70820

'99

литературно-художественный иллюстрированный журнал

12

Смена

Смена

декабрь

'99

Леонид Шварц Баллада о великом агенте

Леонид Шварц

Александр Экштейн Солнечный убийца

"ЛУКОЙЛ-СТАНДАРТ" - универсальные моторные масла, предназначенные для применения в умеренной климатической зоне.

"ЛУКОЙЛ-СТАНДАРТ" - рекомендованы в качестве основного сорта для двигателей любых российских автомобилей.

Ваш автомобиль может быть любым:

"ЛУКОЙЛ-СУПЕР" - универсальные всесезонные моторные масла с высоким уровнем защитных свойств. Изготовлены с применением присадок фирм

"Шелл", "Лубризоль", "Эксон".

"ЛУКОЙЛ-СУПЕР" - допущены к применению компанией "Мерседес-Бенц".

спортивным, городским или внедорожником

"ЛУКОЙЛ-ЛЮКС" - универсальные моторные масла на полусинтетической основе с высокими эксплуатационными характеристиками.

"ЛУКОЙЛ-ЛЮКС" - рекомендуются к применению в новейших форсированных бензиновых двигателях и дизелях с наддувом последнего поколения.

одно остается неизменным:

"ЛУКОЙЛ-СИНТЕТИК" - полностью синтетическое моторное масло мирового уровня качества с наивысшими защитными свойствами.

"ЛУКОЙЛ-СИНТЕТИК" - обеспечивает высокую степень защиты во всех режимах работы, чистоту и высокий ресурс двигателя.

МОТОРНЫЕ МАСЛА "ЛУКОЙЛ"

Главный редактор
Михаил Кизилов

Редколлегия:

зам.главного редактора

Борис Данюшевский

Николай Левицев

зам.главного редактора

Сергей Попов

главный художник

Виталий Федоров

редактор отдела

литературы и искусства

Шамара Чилина

Литературно-
Художественный
Иллюстрированный
Журнал

Основан
в январе
1924 года.

Сдано в набор 25.10.99.

Подписано к печати 19.11.99.

Бумага офсетная.

Печать офсетная.

Заказ № 2721

Тираж 50 000 экз.

Цена свободная

101457, ГСП, Москва,

Бумажный проезд, 14.

212-15-07 — для справок.

250-29-39 — отдел реализации.

Факс (095) 250-59-28.

E-mail: smena@garnet.ru

Журнал зарегистрирован

в Комитете Российской

Федерации по печати.

Рег.№ 014832

Учредитель —
ООО "Издательский дом
журнала "Смена".

Рукописи, фото и рисунки
не возвращаются.

Набор, верстка и цветоделение
ЗАО "НИИ НИТ"

Отпечатано в типографии
ОАО ПО "Пресса-1"

В случае полиграфического брака
обращаться в типографию
ОАО ПО "Пресса-1"
257-42-29
257-41-03

**Журнал выходит
12 раз в год.**

© "Смена", 1999.

56 Рут Рэнделл

**ПОДКУП
И КОРРУПЦИЯ**

Зарубежный рассказ

130 Александр Экштейн

**СОЛНЧЕЧНЫЙ
УБИЙЦА**

Остросюжетный роман

16 Олег Дзюба

**ЗДЕСЬ ЖИВЕТ
ДЕД МОРОЗ**

28 Иван Зюзюкин

**КТО БУДЕТ
ЧЕТЫРНАДЦАТЫМ?**

Светлана

67 Бестужева-Лада

**ЧЕСТЬ ДОРОЖЕ
ДЕНЕГ**

104 Леонид Шаров

БАЛЛАДА**О ВЕЛИКОМ АГЕНТЕ**

Светлана

241 Бестужева-Лада

БЕЗУТЕШНЫЙ МОЙ...

Николай

248 Александров

ЖИЗНЬ СНАЧАЛА

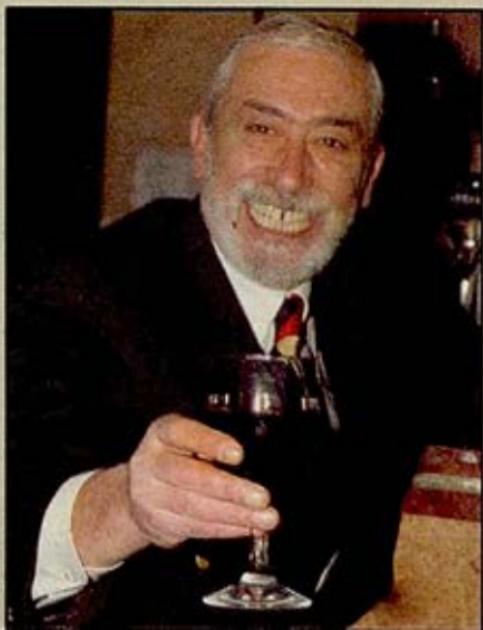
258 Лариса Чепчева

**"СИНДРОМ
БОРМАШИНЫ"**

стр. 8

стр. 86

8 Вахтанг Кикабидзе:

**"БУБА — ПЕРВОЕ
СЛОВО, КОТОРОЕ Я
ПРОИЗНЕС
В ДЕТСТВЕ"**

40 Любовь Русева
ГЕННИЙ СЫСКА**78 Юрий Куклаев:**
**"МОИ КОШКИ —
ИНТЕЛЛИГЕНТНЫ"****86 Лилия Байрамова**
АНЬОЛО БРОНЗИНО**124 Диана Корзун:**
**"ПО ЖИЗНИ Я НЕ
ИДУ, А ЛЕЧУ"****228 Геннадий Евграфов**
**"Я В СЕБЕ, ОТ СЕБЯ,
НЕ БОЮСЬ
НИЧЕГО..."****275 Дмитрий Вебер**
**"ЭЛЕКТРОНИК",
НО НЕ НАШ**

стр. 78

4 Андрей Дементьев**Виктор
Пронин****СМЕРТЬ В СВОЕЙ
ПОСТЕЛИ**

После семейного ужина в загородном доме крутого бизнесмена хозяин особняка найден в своей постели с престреленной головой. Улик — никаких, жена, секретарша, телохранитель, и даже двое строителей с Украины — все ненавидели бизнесмена, и любой из них мог произвести тот роковой выстрел... Кто же убийца? Это и предстоит выяснить начальнику следственного отдела горпрокуратуры Пафнутьеву вместе со следственной группой.

**Виталий
Кузьмин**
**РАЗГОВОРЫ
С СОБАКОЙ**

Что мы знаем о такой редкой профессии, как дрессировщик животных? Только то, что им должен быть человек, безумно любящий зверушек. Автор исповеди, много лет отдавший дрессуре медведей, открытым текстом повествует о жестоких нравах, царящих в мире людей, работающих с животными.

**1
анонс:
ливари '2000**

Андрей ДЕМЕНТЬЕВ

* * *

Хочу домой.
Хотя в России худо,
Что ныне не скрывает
Даже ТАСС.
Зато там есть немыслимое чудо —
Родной язык,
Который не предаст.

И так надежно искреннее слово,
Когда в душе не остается сил.
Родной язык — как оголенный провод, —
Который нас с тобой соединил.

И добрый свет, что согревает сердце,
Немыслим без мелодий языка.
Не потому ли не боюсь я смерти,
Что зазвучит в тебе моя строка.

* * *

А.П.

Ты остаешься, а я ухожу...
Что-то в нас есть, неподвластное смерти.
Пусть все идет по тому чертежу,
Что без меня тебе Время начертит.

Ты остаешься, а я ухожу.
Долгая жизнь,
Как пиджак, обносилась.
Муза ютился, подобно бомжу,
В душах чужих,
Оказавших ей милость.

Пусть мне простят, что останусь в долгур.
Мне бы успеть на тебя насмотреться.
Все те слова, что тебе берегу,
В книгах найдешь
Или в собственном сердце.

ПИСЬМО ИЗ ИЕРУСАЛИМА
Я понял, пожив на чужбине,
Что надо быть в жизни крутым.
Что как бы нас где ни любили,
Нам сладок Отечества дым.

*Я понял, пожив за границей,
Что счастье мое вдалеке,
Где даже заморские птицы
Поют на моем языке.*

*А как хороши там пейзажи...
Шумят ли река иль тростник.
Не тем дороги мне, что наши,
А тем, что мы счастливы в них.*

*Я понял, пожив на чужбине,
Что нет мне дороже страны,
Где осенью плачут рябины,
И снятся знакомые сны.*

* * *

*Когда я возвращаюсь в Тверь,
Где столько пережил и прожил,
Мне кажется — я открываю дверь,
Чтоб оказаться снова в прошлом.*

*Пройду по улице родной,
Где отчий дом давно разрушен.
И Волга чистою волной
Омоет память мне и душу.*

*И наложив на грусть запрет,
С друзьями давними побуду.
И вдруг ступлю на старый след
И возвращусь в былое чудо.*

*Когда я приезжаю в Тверь,
Душа моя восторгом полнится.
И все — от дружбы до потерь —
Живет во мне, болит и помнится.*

* * *

*Хороших людей много меньше,
Как мало талантливых книг.
И лучшие люди — средь женщин.
И худшие — тоже средь них.*

*Хороших людей слишком мало,
Чтоб жизнь наша стала добрей,
Чтоб каждая русская мама
Спокойна была за детей.*

*Но как бы нас жизнь ни ломала,
В ней некое есть волшебство...
Хороших людей слишком мало.
И все-таки их большинство.*

* * *

*На берег выбросился кит.
То ль заблудился в темных водах,
И захотелось вдруг на воздух,
То ль надоел подводный быт.*

*Он на песке лежал всю ночь,
Такой огромный — как подлодка.
И люди подходили робко,
Не зная, чем киту помочь.*

*А он с надеждой ждал воды —
Прилива, шторма или чуда,
Чтоб как-то выбраться отсюда —
Из неожиданной беды.*

*И не жалея сил своих,
Все суетились возле туши.
Забыв,
Что будут бить из пушек.
Пускай не этого — других.*

*На землю опустилась тьма.
Уже никто в успех не верил.
А, может, кит сошел с ума
И потому рванул на берег.*

*И напрягая круто спину,
Он опускался в забытье...
И все же землю кит покинул.
И долго плыл вблизи нее.*

* * *

*Я брошу по майскому Парижу.
Жаль, что впереди всего три дня.
Все надеюсь, что еще увижу
Женщин, изумивших бы меня.*

*Я искал их при любой погоде...
Наконец все объяснил мне гид,
Что пешком красавицы не ходят.
И сменил я поиск Афродит.*

*На такси за ними я гонялся,
На стоянках все смотрел в окно.
По бульварам, словно в старом вальсе,
Обгонял я модные "рено".*

*Я искал их — черных или рыжих...
Но не повезло мне в этот раз.
До сих пор не верю, что в Париже
Женщины красивей, чем у нас.*

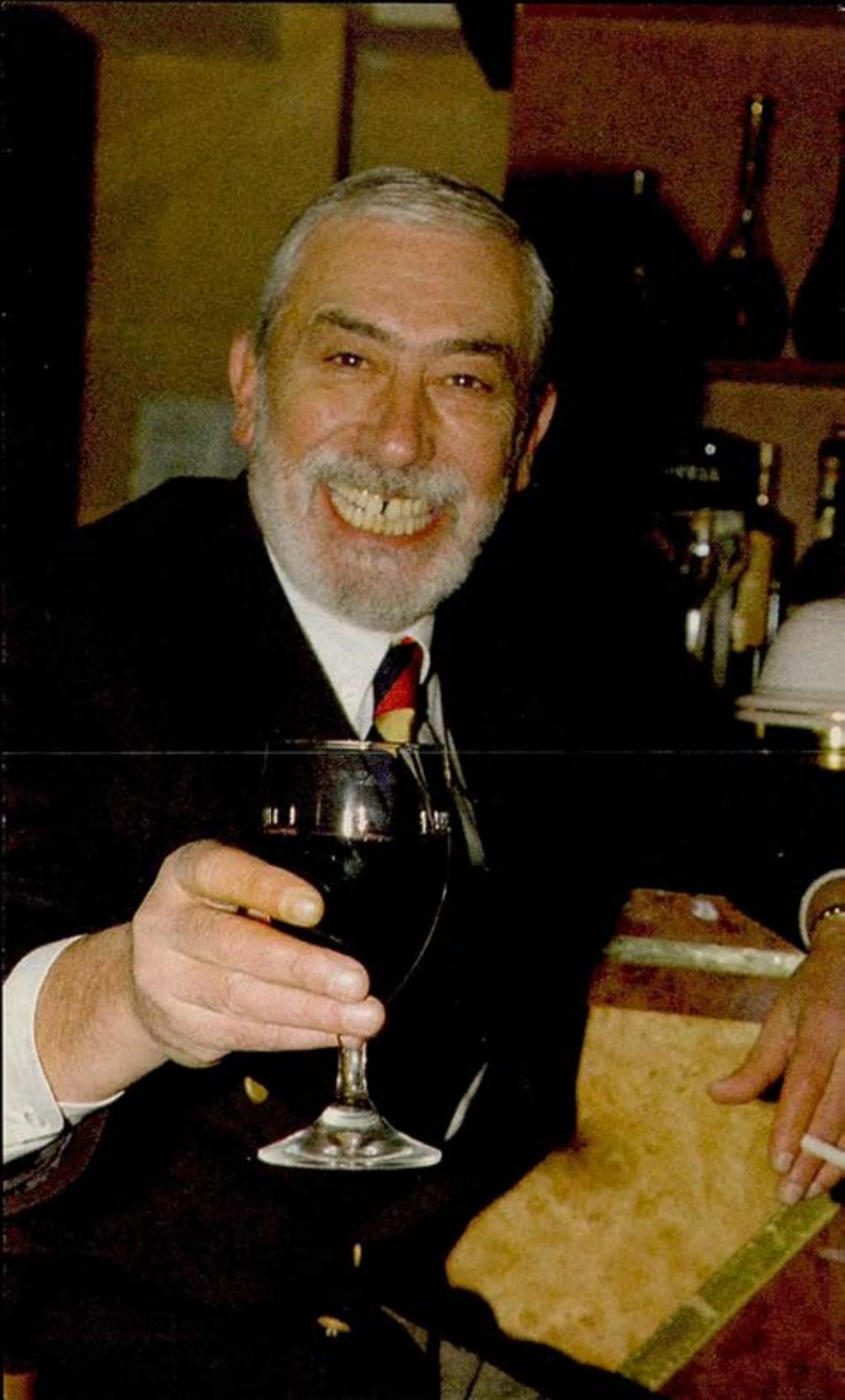
* * *

*Я теперь озвучиваю "Вести".
И для текстов приобрел тетрадь.
Но мое лицо и голос вместе
"Вести" не желают совмещать.*

*Стал и я поденщиком безлиkim,
Уступив свой авторский экран
Глаупым шоу да убогим клипам
Вперемежку с пошлостью реклам.*

*И страна, любившая поэтов
По минувшим встречам и годам,
Больше не запишет на кассету
Ни стихов с экрана, ни программ.*

*Как сказал один чиновник важный, —
Ни заслуги, ни авторитет
Не помогут, ежели однажды
Лихачи столкнут тебя в кювет.*

**Вахтанг
КИКАБИДЗЕ:**

"Буба — первое слово, которое я произнес в детстве"

Этого эстрадного певца,
актера кино и просто
замечательного человека
особо представлять
не надо. Вахтанга
Кикабидзе знают все.

Он в песнях поет
о маленьком человеке,
в кино играет то,
что трогает этого человека.

И поговорить
с Вахтангом Кикабидзе
о самых простых,
будничных вещах было
тоже очень интересно.

**— Вахтанг Константинович,
почему вас зовут Бубой?**

— Буба — первое слово, которое я произнес в детстве. С тех пор близкие люди меня так и зовут. Некоторые мои поклонники так называли своих детей.

**— Детство, пожалуй, самое
лучшее, что есть у человека.**

— В детстве я жил в огромном тбилисском дворе. Там было очень много детей, причем разных национальностей. Русские, евреи, грузины, итальянцы, армяне. И все мы жили одним двором. Все мы прекрасно уживались, и двери наших квартир не закрывались. Нормились все вместе. В Тбилиси до сих пор так. Это такая нация.

Сосед — даже больше, чем родственник. Это чувствуется, но

гда у кого-то свадьба, когда к тебе пришли гости и нужно расширить территорию. Как тут без соседа? Он всегда приходит на помощь. И ничего особенного в этом нет.

Сейчас всем трудно жить, но, к счастью, чувство соседства осталось. Видимо, оно в крови у нас сидит.

Вы знаете, у нас на поминах отдельно пьют за соседа. На свадьбе это понятно — радость, веселье. А когда горе, тогда сосед для тебя играет очень большую роль. Становится опорой.

Сосед — такая же неотъемлемая часть жизни, как стул, стол, кровать в доме. Если кто-то получает квартиру, всегда спрашивают: кто у тебя сосед? Это очень

важно. Это входит в систему бытия. Бывает, что вечером он должен обязательно зайти к соседям, посидеть, выпить. Или к нему должны прийти после работы. А когда сосед плохой — это горе.

— Говорят, одессит — это национальность. О жителях Тбилиси можно сказать то же самое?

— Да. Только у нас эта национальность называется "горожане". Хорошее слово — горожанин. Одесса немного похожа бытом на Тбилиси.

— Вы считаете себя национальным героем?

— Сегодня национальный герой — это политический деятель. Я, может быть, национальное достояние. Вот так будет правильнее. И не только я. Нани Брегвадзе, многие художники, писатели... Потому, как люди ко мне относятся, я чувствую это.

— А это правда, что ваш любимый вид спорта — сидение за столом?

— Любимый вид спорта — бокс. А за столом сидеть для меня — это все равно что наажды день прессу читать. Причем размер и время застолья не имеют никакого значения. Если ты долго не сидишь за столом, значит тобой не интересуются.

У нас ведь за стол садятся не для того, чтобы напиться. Напиться можно стоя и в забегаловке. У нас за столом решаются все проблемы, если они есть. Обсуждаются все дела тоже за столом. И если ты неделю, две нигде за столом не сидел, значит до тебя никому нет дела. Это очень плохо.

— А что тогда для вас семья?

— Малая родина. Есть большая родина, место, где ты родился. И есть вторая родина — твоя

семья. Ты — отец, оплот этого семейства. Трудно ты живешь или хорошо — неважно. Семья знает, что ты есть, и пока ты есть, значит у них все будет хорошо. Вот что важно.

Моя жена, правда, говорит, что у меня на первом месте Родина, потом друзья, а только потом семья.

Мои друзья — моя вторая семья. Удивительные люди. Абсолютно разных профессий. Говорят, что близких друзей должно быть мало. У меня их очень много.

— Вы счастливый человек. Не наажды можете сказать, что у него много близких друзей.

— Просто Бог так распорядился, что вокруг меня много хороших людей. Богатых никого нет, а плохо живущих много. Они надежные друзья. У меня вся жизнь на колесах. И так получилось, что мои дети выросли на руках у моих друзей, они вместо меня на родительские собрания в школу ходили. Уезжая, я знал, что свою семью могу оставить на своих друзей. Они тоже могут.

— Наверное, не ошибусь, если скажу, что в представлении всех женщин бывшего Союза вы — эталон настоящего мужчины. А в вашем представлении каким должен быть настоящий мужчина?

— Про это нигде не написано, ни в одной книге. Думаю, что в первую очередь — порядочным. Если рядом с ним женщина, то он должен о ней обязательно заботиться. Если же вдруг он полюбил другую, то не надо голову морочить. Нужно жить по правде. Мужчина должен быть мужчиной. Его должны уважать окружающие, ему Бог дал приоритет: деньги зарабатывать, цветы женщины

принесать, махать нулаками. Пить, если хотите. Но он не должен делать это так, чтобы его поведение оскорбляло близких ему людей.

И еще одно: он обязательно должен Родину свою любить. И здраво смотреть на вещи. Женщина должна гордиться тем мужчиной, что рядом с ней.

— Если мужчина любит женщину, должен ли он быть рядом с ней, если свободен, конечно?

— Даже если несвободен, он должен сделать так, чтобы она была рядом.

— Даже если это в ущерб его семье?

— Думаю, да. Потому что если он не будет рядом, он и эту сделает несчастной, и ту, которая дома. Лучше сразу точки поставить. И дать воздуха обоим.

— Значит, жизнь на две семьи вы не приемлете?

— Это очень некрасиво. Хотя, когда мужчина объясняет, почему именно так он живет, получается, что он прав. Но это его слабость.

— Настоящий мужчина должен быть гуляной?

— Обязательно. Кавказ всегда жил по своим законам. В Грузии 99 процентов женщин верны. И если в семьях что-то происходит, то только по вине мужчины. В основном у нас так. А то, что мужчины гуляют, женщины на это глаза закрывают. Как мужчина может не гулять?..

Мы с женой тридцать пять лет живем, она про меня все знает. И я не могу себе представить, как бы я жил без нее.

— А вы что же — гуляя? И об этом знает ваша жена?

— И об этом тоже. Какой актер не гуляет? Как говорят: верти

хвостом, да знай меру. Но мы с вами говорим о другом. О том, когда мужчина или женщина встречает человека, который становится судьбой. И это счастье и несчастье одновременно. Особенно если есть семья. Это драма. Это все равно, что жизнь или смерть. Вот здесь нужно сделать шаг и объяснить и себе, и своим близким. Нельзя лгать. Я не люблю бегунов. Ушел, пришел...

— Уходя — уходи?

— Христос учит, что надо прощать. Но я считаю, что есть одна вещь, которую никогда нельзя простить — это предательство. Так вот для второй половины твоя новая любовь — это предательство. Для женщины, для детей. Ведь ребенку же не объяснишь...

— Значит, если мужчина встретил женщину, будучи женатым, и понял, что она — его судьба, он должен уйти из семьи, или же "завинтить" в себе все гайки и отречься от любви ради семьи...

— Если можешь "завинтить", значит "закинти". Но мы же говорим о другом. Тогда нужно уходить. Но всегда помнить о том, что у тебя остались дети. Чтобы они не чувствовали, что у них нет отца, матери...

— В одном из интервью вы сказали, что если когда-нибудь о вас выйдет книга, она будет называться "Бубизм". А само слово расшифровали — дуранаваление. Вы любите повалить дурака?

— Очень люблю.

— Несмотря на то, что происходит за окном?

— На то, что происходит за окном, надо серьезно смотреть. Но воспринимать все это с юмором. Иначе очень тяжело.

— Получается, что вы валиете дурака, чтобы не заплакать.

— Наверное, так.

— Говорят, что актер — это не профессия, а диагноз.

— Это точно. Актёр — это диагноз. Я думаю, что как только актёр перестает играть, он начинает умирать. Так было с моей тещей. Замечательная актриса пятьдесят лет играла в театре. В 84 года она еще выходила на сцену и всегда говорила: "Как только перестану играть, я умру". Так и произошло.

— Но вам-то еще рано говорить о смерти.

— Я к смерти как-то спокойно отношусь. Все в руках Божьих.

— Если бы сейчас были разрешены дуэли, есть ли люди, которым бы вы бросили перчатку?

— Есть. Сейчас таких много. Они в основном в политике. Эти люди считают, что они имеют право учить тебя жить: как ты должен быть, детей воспитывать. В основном это неучи. Больше всего на свете я не люблю хамства и не выношу людей, которые не на своем месте. Человек должен жить в такой стране, за которую, не задумываясь, может положить голову. Если ты живешь в такой стране, в которой тебя разучили ее любить, грош цена такой стране и тебе.

— У вас есть песня "Моя го́да — мое богатство". Вы и про свою жизнь так считаете?

— Да.

— Неужели никогда не хотелось скинуть эдак лет двадцать?

— Нет. Что скидывать? Ведь все равно все дороги ведут в Рим.

— То, что вы не любите, я поняла. А что вы любите?

— Жареную картошку.

— Сами готовите?

— Я умею хорошо готовить. Я не едок, но люблю, когда на столе стоит много всего и люди едят это с удовольствием. Мы часто собираемся, устраиваем мальчишники, готовим что что умеет.

— Вашу династию кто-нибудь продолжает?

— Дочь — актриса, играет в театре. Сын по профессии художник. Три года работал в посольстве в Москве. Что будет дальше — посмотрим.

— А внучки?

— Пока еще рано говорить.

— Интересно, а какой вы дед?

— Они меня все зовут Буба и на "ты". Вот такая команда.

— Знаю, что недавно вы снялись в новой картине...

— Георгий Николаевич Данелия, с которым мы дружим лет тридцать, специально для меня написал сценарий. Насколько сегодня нужна эта картина — не знаю, но мне почему-то кажется, что именно без этого сегодня жить нельзя. Главный герой в бегах, ему шестьдесят лет, он очень давно живет в маленьком городке. Он думает, что преступник, и когда решил пойти и сдаться, чтобы помочь молодому человеку, который попал в беду, выясняется, что его никто и не искал. Так жизнь его и прошла: ни кола, ни двора, ни жены, ни детей. Это будет смешная, но очень грустная история.

— В представлении нас, зрителей, артист — богатый человек.

— У меня нет дачи и никогда не было. Один мой друг-москвич недавно подарил мне "Волгу", до этого у меня машины не было. А я ведь вналывал всегда будь здо-

ров. Мог бы строить дачи и покупать "мерседесы". Но у меня очень много людей, которым надо помочь.

Старший внук — очень талантливый мальчик — учится в Лондоне, это очень дорогое удовольствие. Но если он там не будет учиться, это будет большой грех. Мама в Тбилиси, семья, дочь, сын, еще два внука. И очень много друзей, которые всю жизнь мне помогали. Сегодня многие из них остались без работы, и я должен помогать им.

Я не понимаю тех людей, которые могут ездить в "мерседесе" и жить в однокомнатной квартире. Я немного иначе смотрю на это.

— Но в однокомнатную квартиру можно никого и не пригла-

шать, и никто не будет знать о том, что у человека однокомнатная квартира, зато все будут видеть его сидящим в "мерседесе".

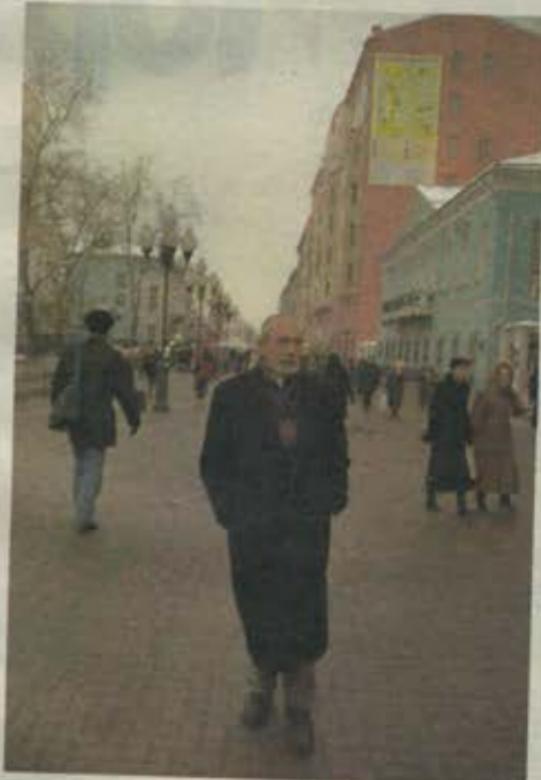
— Если можно никого не приглашать, я никогда в этот дом не зайду. Конечно, лучше иметь "мерседес", чем "Волгу"... Когда у меня будут деньги, я обязательно куплю одну машину, о которой давно мечтаю...

— "Мерседес"?

— Джип. Большой. Чтобы можно было на нем в лес приехать, на озеро. Я лес очень люблю, воду, рыбалку, костер...

А вообще, если бы у меня были деньги, я сеть ресторанов открыл бы. Всегда интересно делать что-то такое, что людям приятно.

Беседовала **Лада АКИМОВА**

Здесь живет Дед Мороз

Олег ДЗЮБА

фото Виктора Нагиева
и автора

Над морозными просторами с ревом проносились штурмовини, имитируя бомбометание. К торосям близ слияния Сухоны с Югом высаживались с вертолетов саперы, закладывали гирлянды зарядов, оставив подожженный бинфордов шнур, а потом наблюдали сквозь иллюминатор, как сверкающая толща льда разом оказывалась вспоротой.

Норовистая рена за год до этой репетиции встречи паводка затопила больше трети города, и повторения всенародной борьбы с последствиями наводнения здесь не желали. На подготовку канала, сквозь который высокая вода могла бы сбежать в Северную Двину, минуя древний город, бросили даже противотанковые мины.

Таких учений — проходили они в присутствии "бедового" министра Сергея Шойгу — Великий Устюг еще не видывал. Генеральские фуражки занимали чуть ли не все вешалки в администрации города, так что полновничим приходилось ютиться на столях и подоконниках. Привычки и причуды рени так препарировались в докладах специалистов по льдам и погодам, что Сухоне не оставалось ни малейшего шанса незаметно подкрасться к городским кварталам на манер новарного горца, подползающего к беспечному часовому.

Беда в том, что Сухона имеет неприятное обыкновение каждой весной бросать воды против своего течения. Верховья реки избавляются от льда куда раньше, чем низовья при слиянии Сухоны и Юга в Северную Двину. Из-за этого возле Великого Ус-

тюга каждый год возникает ледяная плотина, которая и обращает венчие воды вспять, нещадно подмывая берега.

Вода уже не раз подбиралась к церкви Симеона Столпника, под угрозой и храмы Дымковской слободы, расположенной на противоположном берегу реки. Вероятность, что после двух-трех сильных наводнений бесценным памятникам суждено по-просту рухнуть в реку, становилась реальной. В свое время власти пытались укреплять опасные участки песком, но река безжалостно сносила рунтоворные барханы. Начинали было соруждать защитную стенку из бетона. Но прежде были деньги, не подкрепленные фондами на цемент, потом появился цемент, который не на что оказалось покупать. Ладно еще, что дивной устюжской набережной с ее Соборным Дворищем участь града Нитеха не грозила. Хотя и здесь без самоедства не обошлось. Лет тридцать тому назад городские мостовые покрыли асфальтом, а выновырянным из земли булыжником выложили относы набережной. С тех пор по стенам старинных храмов и особняков поползла вверх сырость. От искусствоведа Ирины Добрыниной я слышал, что пора бы снимать дорожное покрытие и убирать культурный слой по крайней мере на полметра. В конце 80-х что-то подобное сделали в Бухаре, и древнейший город на глазах подрос, еще выше взметнув анурные минареты в знойное небо. Лет десять назад об этом на сухонских берегах можно было разве что помечтать за графинчиком ароматных здешних насто-

ен. Сейчас и просветы появились и кое-какая выручалочка нашлась. Речь, правда, скорее, не о волшебной палочке, а о посохе, впридачу к белой бороде и мешку с подарками, но сути дела это не меняет.

...Тут придется отвлечься на несколько абзацев от русского Севера и припомнить, что 16 столетий тому назад жил-был не-подалеку от нынешней турецкой Антальи епископ Николай. Скромным девицам из бедных семей он даровал приданое, чтобы милые прихожанки поскорее обретали семейное счастье, моряков защищал от штормов, а детям тайном подкладывал подарки в рождественские ночи. В отмеренный небесами срок его земная жизнь оборвалась и с течением веков людская благодарность наделила усопшего приятным, но хлопотливым статусом покровителя юных девушек, детей и странников.

В Европе и Америке его прозвали Санта Клаусом, а у нас Дедом Морозом. Заграницного добродетеля молва поселила в Лапландии, а российский веками обходился без постоянного места жительства. Потом в Великий Устюг по случаю юбилея, уравнивающего в годах город на Сухоне с Москвой, прилетел Юрий Лужников и в подарочной книжке, выпущенной к очередной кремлевской елке, предложил поселить в Великом Устюге российского Деда Мороза. Вологодские власти идею подхватили с ходу и, к огорчению других городов-претендентов, застолбили ее стремительно.

Лучшей вотчины Деду Морозу и не отыскать. Таинственные об-

ряды, связанные с переменой времен года, свершались в этих краях еще в незапамятной дохристианской древности. Есть ча-рующая и весьма аргументированная гипотеза, согласно которой прародину индоевропейских народов следует искать именно в этих холодных краях под лучами Полярной звезды.

Впервые об этом задумались не в России, а в Индии. Тамошние учёные еще в начале века выявили в древних мифах описания краев, напоминающих Заполярье. Противники гипотезы ссылались на ледник, некогда покрывавший территорию Европы. Назалось невероятным, что в студеных просторах могла уцелеть некая "доледниковая" цивилизация. Однако современные исследования прояснили, что в высоких широтах остались оазисы, не затронутые многовековой стужей.

Общность культурных истоков России и Индии подтверждается и сходством древних орнаментов. Вологодская исследовательница Светлана Жарникова както привезла московским коллегам копии старинных северных вышивок. В гостях у столичных этнографов в это время оказалась коллега из Индии. Увидев вологодские узоры, индианка восхитилась... усердию, с которым, по ее мнению, российские коллеги скопировали традиционные орнаменты штата Гуджарат!

Вот над какой древностью носились пилоты на своих "Су" и вот к каким временным толщам цивилизации суждено приобщиться туристам, уже потянувшись в северный город. И не только о россиянах речь.

Дом Шилова красив и сегодня.

Разноязычная публика не переводилась здесь и в пору "холодной войны". Министерство иностранных дел включило город в рекомендуемый перечень для лакомых до русской экзотики дипломатов, и время от времени сюда являлись любопытствующие визитеры. Делалось это, как тогда водилось, под покровом тайны. Ради иностранцев открывали даже собор Троице-Гледенского монастыря, куда российским любителям странствий попасть было трудновато. В этом храме, от стен которого видны обе реки, сливающиеся в третью, сохранился уникальный резной иконостас с удивительными деревянными статуями. Сотворили его устюжские мастера в кон-

це XVIII века, но вскоре после того Синод счел, что подобные учреждения церквей отдают язычеством, а заодно и католицизмом, в отношениях с которым у православия проблем всегда хватало. Статуи из церкви велено было убрать, и пошли они, безвинные, под топор и в огонь, сохранившись только в сибирской и северной глухомани.

К этой, чудом уцелевшей красоте, и возили дипломатов. От очевидцев визитов я слыхивал, что эмоциональные французы поспешили назвать Троице-Гледенский иконостас лучшим в Европе. При всех поправках на галльский темперамент звучит приятно и ласкающее для национального самолюбия.

Прознав про французские восторги, я посонахал, что первый выходец из страны королевских лилий, попавший в Великий Устюг, иконостаса увидеть не успел, поскольку угодил в здешнюю ссылку еще до появления иконостаса. Лейб-медик Елизаветы Петровны граф Лестон не мало помог дочери Петра Великого занять российский престол, но потом слишком увлекся интригами и загремел с петербургского паркета на великоустюгские хляби.

В ссылке Лестон духом не падал и принял за постройку особняка, чтобы и в северной глухи нежить себя комфортом. Судя по размаху сооруженного здания, обосноваться здесь Лестон собирался всерьез и надолго. Но по царской милости авантюристу дозволено было вернуться на берега Невы, и самый высокий в Великом Устюге особняк опустел, чтобы чуть позднее войти в историю уже в связи с именем коренного устюжанина Василия Шилова. Этот купец-земледелец два с лишним столетия назад отправился из Великого Устюга в Америку и удачливо разбогател на торговле аляскинскими и алеутскими мехами. Торгую с аборигенами, Шилов не забывал переносить на бумагу контуры не ведомых миру земель и по возвращении представил в Академию наук карту Алеутских островов, за которую сама Императрица Екатерина II наградила купца золотой медалью.

Вернувшись домой, Шилов выкупил лестонский дом и благополучно прожил в нем до последнего вздоха, нечаянно сведя в

одних стенах смутные тени при дворных тайн с отголосками штормовых ветров.

В шиловском доме я больше всего люблю печку-советчицу. Изразцы, которыми выложена она еще при Шилове, украшены наивными рисунками и назидательными надписями. Одна из них за два столетия ничуть не устарела. На изразцовую картинку изображена дебелая матрона с чаркой, обвитой словами: "Много пiti — ум потерять!"

Теперь и не поверить, а в восемидесятые еще годы изразцовую печь восемнадцатого столетия иные ловчаки умудрялись прибрать к рукам за двести-триста тогдашних рублей. Технология облапошивания проста. Обитатели некоторых обветшавших домов цены своим печам не знали. Деревянные же стены мало что стоили, и находились бабушки, отдававшие свои избушки за эфемерные цены, благо, что сами давно жили у детей или внуков. Новый владелец жить там, понятное дело, не собирался, а разбирал печь по изразцу и отбывал в нужную ему сторону.

Алчущих житейской простоты и теперь полно, да северный народ цену своим просторам все же усвоил. Вот устюжанину Захарову за его усадьбу предлагали и трехкомнатную квартиру, и загородное авто, а он ни в каню. Да и нан с таким родовым гнездом расстаться, если дом окружён церквами и уголон этот в городе слывает святым. Возраст дома более чем почтенный, состояние на грани аварийности, но хозяевам он дорог и люб. И дело не в кладе бабни Серафимы, про который семейные легенды по-

вествуют, а в верности своей родословной, которая, как и память предков, продаже не подлежит.

Что же насасется клада, то про берестяную коробку с сокровищами, которую покойная бабушка будто бы зарыла под кочаном капусты, в доме вспоминают с улыбкой и надеждой на внезапную находку не питают. Правда, однажды попались хозяину на огороде одна за другой две золотые монеты. Но по здешним понятиям Захаров все же не самый везучий. Прежний глава городской администрации взялся строить новый дом для семьи и в первый же трудовой день на семейной стройке выворотил лопатой из земли целую груду золота. Вроде бы на этом месте когда-то стоял особнячок великоустюгского ювелира. После революции пришла пора контрибуций и тот мог склонить драгоценный свой товар до лучших времен, которые то ли вообще не наступили, то ли наступили, но не для него...

Но как бы то ни было, а новые дома строить в Великом Устюге любят. Устюжский живописец Владимир Латынцев, переехав на Сухону из Заполярья, гогда полтора кисти в руки не брал, и, орудия лишь топором да пилой, возводил гнездо для семьи с мастерской в мезонине. Нажитое прежде добро со свистом улетало в коммиссионку и любому, кто купит. Выдался как-то денек, когда до нового урожая картошки оставалось еще месяца полтора, а старых клубней не хватало прикрыть донышко ведра. Ну кто угадать бы смог, что в тот же день в местный магазинчик-сувениров забредет эмигрант первой

волны из Калифорнии? Пейзаж набережной Великого Устюга тут же отправился в Сан-Франциско, а Латынцев смог наконец перевести дух...

На Баренцевом море Латынцев предпочитал пейзаж, а здесь увлекся устюжскими легендами. На его полотнах и Прокопий Праведный, молитвами отогнавший от города каменно-огненную тучу в XIII столетии, и современники спасителя устюжан от небесной напасти Иоанн да Мария, судьбы которых необыкновенны, как и многое иное в прекрасном и таинственном городе.

Монгол Буга, присланный самим ханом Батыем в Устюг для сбора дани, встретил случайно Марию, пленился красотой и тут же увел красавицу-устюжанку в свои покой наложницей. В городе и прежде роптали от притеснений ордынца, а теперь дело шло уже к бунту, после которого Буга прямая дорога была в геенну огненную. Но женское сердце непредсказуемо. Мария известила Бугу о грядущем бунте и неминуемой расправе, от которой его могло спасти только обращение в христианство и венчание с наложницей по церковному обряду. Так Буга стал Иоанном, но долго еще горожане относились к нему с сомнением, не веря в искренность крещения перед лицом неминуемой смерти.

Время шло, и устюжские скептики привыкли к новому приходу Иоанна. Необычно сложившаяся семья обрела уважение всего города, а позднее пришло и почитание, сказавшееся даже на топонимике устюжских окрестностей.

Однажды Иоанн отправился на соколиную охоту и в жаркое полуденное время остановился на привал на холме близ города. Во сне ему явился некто, повелевший поставить на холме церковь своего имени. Долго гадал изумленный охотник, силясь угадать, от кого же исходил наказ. К истине его подтолкнула Мария, обратившая взор мужа на икону Иоанна Предтечи. Не обошлось, видимо, и без совета с основателем Архангельского монастыря Киприаном, любившим беседовать с недавним степняком. Вот и построил бывший сборщик дани на пустынном холме церковь Иоанна Предтечи.

Супруги жили долго и счастливо и после кончины похоронены были в церкви Вознесения. Одна из икон храма и по сию пору хранит лики Иоанна и Марии. А холм, где явилось видение бывшему степняку, с тех пор зовется Ивановской горой. Переименования она избежала даже в пору приказного атеизма, когда многие старинные названия исчезли безвозвратно.

Впрочем, и переименования дают обратный ход. Накануне нового вена вернул себе историческое имя местный пивоваренный завод. Основатель его немец Зебальд назвал свою фирму "Баварий", а потом добротное здешнее пиво пало в безымянность. Теперь пивовары решили вернуться к зебальдовским традициям и опять стали сухонскими баварцами.

Продолжают традиции и в фирме "Северная чернь", чьи ювелиры берегут опыт средневековых умельцев чернения се-

ребра, упрямо сводят концы с концами и гордо ходят в исправных донорах городского бюджета. Генеральный директор фирмы Евгений Щедрин называет украшения с чернью народными. Они и небогатым родителям старшеклассницы по карману, и скромнице любых лет к лицу.

Но благородный металл дорожает. И чем выше цена серебра, тем миниатюрнее и тоньше изящные поделки устюжан. Художникам, привыкшим к просторам юбилейных кубиков, портсигаров или ваз, приходится съживать фантазию до миниатюрных перстеньков или брошен. Слава Богу, что указаний свыше больше никто не дает. Ведь чего только ни приказывали в былые годы изображать на запонках или колечках. К московской Олимпиаде приходилось в приказном порядке гравировать на серебре боксерские перчатки или волейбольные сетки. Про съезды и революционные юбилеи и говорить не приходится...

С тех пор цены стали еще суровей, так что многие эскизы новых кувшинов или ваз обречены на вечное заточение в папках. Зато появился спрос на... вензеля. Женам новых русских серебряные браслеты или серьги, понятное дело, ни к чему. "Серебряной" стрелой самолюбие соперницы не уналиши, тут без платины с бриллиантами не обойтись. Но кофейный сервис или коньячный набор — дело другое. Заслуженную художницу России Елизавету Тропину я нанял застал за эскизом монограммы, которой кто-то из новых миллионщиков надумал украсить кофейный сервис. Некогда этот на-

бор для ароматного напитка изготавлили по запросу ЦК КПСС. Кофейник и чашечки предназначались для подарков лидерам братских партий. И заназчин, и вероятные адресаты его щедрот давно сплыли за исторический горизонт, а сервисы остались невостребованными. С той поры цена зашла за сорок тысяч рублей. Ному-то по плечу и по душу. Изготовили их в свое время совсем мало, укрась монограммой и ставь на полку серванта — как фамильное серебро...

А вот легендарному сервису работы Евстафия Шильниковского покупателей не только не ищут, а даже страшатся их появления. Двадцать лет тому назад я слушал рассказы автора о давних странствиях по северу, о возрождении искусства черни по серебру, тайнами которого поделился с ним некогда последний хранитель секретов Михаил Чирков. А на стене скромной квартиры девяностолетнего без нескольких месяцев художника белел диплом Всемирной выставки в Париже, полученный им в 1937 году. Кроме диплома автору полагалась еще большая серебряная медаль, но она до Великого Устюга не дошла, застряв где-то в Москве. А сервис из 42-х предметов, украшенных сюжетами пушкинских сказок, в Великий Устюг все же вернулся и почти шестьдесят лет таился в хранилище "Северной черни". Несколько ложек попали на время в экспозицию городского музея, а полностью этот единственный в своем роде памятник декоративно-прикладного искусства никому, кроме редких высокопоставленных гостей, не де-

монстрировался. Но даже увидевшим оценить мастерство Шильниковского удавалось с немалым трудом, поскольку серебро за десятилетия успело потемнеть. Эта особенность металла и спасла уникум для родины его создателя, когда в 1981 году кому-то из партийных деятелей областного масштаба пришло в голову подарить легендарный сервис Брежневу по случаю его наступившего семидесятилетия. На счастье Великого Устюга идея осенила чиновников едва ли не накануне юбилея и тогдашний директор завода Юрий Калининский сумел отстоять сервис, ссылаясь на то, что точно к дате серебро отреставрировать не удастся.

Во всем блесне мастерства и фантазии сервис впервые после парижан увидели только посетители московской выставки мастеров народного творчества, посвященной 200-летнему пушкинскому юбилею. Готовя шедевр к показу после шести десятилетий полузабвения, специалисты "Северной черни" решили оценить свое достояние. Стоимость оказалась достойна книги российских рекордов. С учетом художественной и исторической ценности шедевра его цена исчислена в 26 миллионов 36 тысяч 162 рубля.

Поспорить с сервисом Шильниковского по уровню цены могут в Вологодской области только некоторые иконы древнего письма. Другое дело, что денежный эквивалент святых досок исчислить просто невозможно, поскольку ни одной из них на аукционы угодить не придется.

Что же касается сервиса, то на "Северной черни" больше все-

го страшатся, что вдруг отыщется толстосум, готовый начертать в чековой книжке баснословную сумму. Конечно, такая сделка многие прорехи позволила бы надолго затянуть, но здесь предпочитают наследием гордиться и самим при этом не плошать.

Кожно-галантерейная фабрика совсем было разорилась под натиском нахального и дешевого импорта, так что впору вспоминать было странничку из школьного учебника истории, повествовавшего, что равнинны Индии усеяны были костями ткачей после того, как в поноренную англичанами страну хлынул текстиль из метрополии. До таких страстей здесь бы, верно, не дошли, но был момент, когда слабонервным мнилось уже, что последним изделием прогорающей фирмы станет белый флаг, пошитый на прощание из всех ее невостребованных товаров. Однако же собрались с силами, осмотрелись и вспомнили, что нет в России двора без футбольных баталий, как нет пляжка без волейбольных забав.

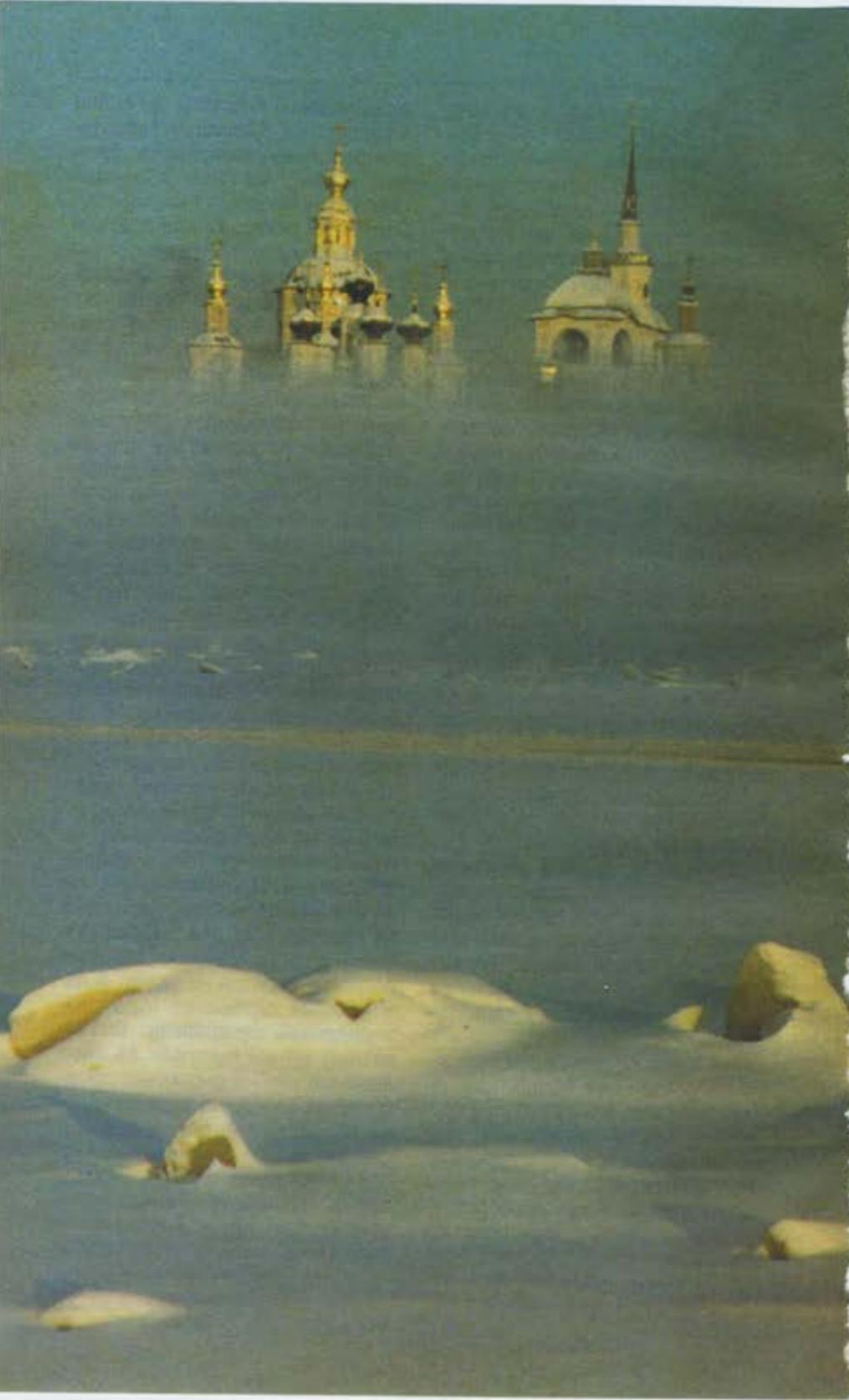
Сейчас за окнами генерального директора галдят городской рынок, атакуя кабинет Владимира Мелентьева ароматами чебуреков да шашлыков. Этую вот торговую площадку и сделали стартовым плацдармом галантерейщики три года назад.

— У нас все по басне Крылова, — сказали мне Мелентьев. — Там, если помните, речь шла про необходимость заниматься своим делом. Ни к чему сапожнику пироги печь, незачем пирожнику сапоги тачать. У нас наоборот.

Обновленное руководство ОАО "Галантерея" строгому пре-

дупреждению классина не вняло и создало на пустующей территории собственное торжище. Риск был немал, так как устюжане своих многолетних маршрутов менять не любят. Пришлось привлекать купцов, предлагая им услуги, которых за поносившимся забором райпотребсоюзского базара было не сыскать. Для коммерсантов создали надежные камеры хранения и весовые, оборудовали автостоянку и холодильник. Торговый люд удобства оценил и в полном составе перебрался на непривычную площадку. За ним потянулись и покупатели. Что же касается самой "Галантереи", то доходы от рынка помогли сбить оборотные средства и вспомнить основное занятие.

Волейбольные мячи понемногу выпускали и прежде. Теперь взялись и за футбольные. Сначала освоили мячи из 18 дюймов, а потом замахнулись на 32-дюймовые. Таких из натуральной кожи во всей России никто больше не шьет. Вот и запрыгали они по всем российским часовым поясам от Тихого океана до Балтики. Для чемпионата мира или нашей высшей лиги пока не подойдут, но для первых степеней к суперкубкам и "золотым богиням" годятся на славу. А начинающий футболист куда привередливей суперзвезд. Он заветный мячик покупает за свои кровные или на скромные профсоюзные субсидии, проверив кожу на огонь и нитки на разрыв. Сейчас добрую сотню тысяч в год мячей здесь шьют, а склады пусты, поскольку залениваться нечему. Так что и в провинции народ не только на лапти горазд

да на воспоминания о славе предков.

Устюжане былых времен и так забыть о себе не дают. Художница Татьяна Вязова однажды показала мне работы учениц фирмы "Великоустюгские узоры", копировавших узоры и сюжеты со старинных шкатулочек из бересты. Были на них дамы с пышными буялями и нумушками за самоваром, были волшебные звери и причудливые орнаменты. Потом вдруг оказалась передо мной продолговатая пластинка бересты с панорамой неведомого селения. Справа виднелась лучистая башенка маяка. Вязова пояснила, что шкатулка хранится в столичном Историческом музее и ученицы копировали ее по репродукции из книжки для детей.

Я присмотрелся к аннуратному строю берестяных бунов и прочел пояснение неведомого рисовальщика: "Сия горы мраморны. Селение на них надъянов".

— Автор книги надпись так и не разгадала, — пояснила Вязова, — пришлось ей к читателям обратиться, а нет ли близ Великого Устюга похожего названия?

Неподалену от славного города подобной деревни, увы, не отыскать. А панорама приморской крепости, похоже, увидена была создателем шкатулки за много тысяч верст от родного города на острове Надъян близ Алясни, куда запросто отправлялись в былье века неугомонные устюжане и оттуда через полтораста лет пришел нечаянный привет потомкам... ■

**"Если кто-то
идет не в ногу,
это может означать,
что он слышит
бой другого барабана"**

Генри Торо

Недавно мне на глаза попалась книга американского публициста Джина Ландрама с интригующим названием — "Тринадцать мужчин, которые изменили мир". Я стал листать ее — и не смог оторваться. Теперь же, как это бывает с людьми, узнавшими поразительную новость, мне не терпится рассказать, о чем и о ком эта книга. То, что предлагается вниманию читателя ниже, нельзя назвать очерком в общепринятом понимании. Но это и не рецензия на книгу с указанием ее достоинств и недостатков. Скорее всего, это заметки об особенностях представленных в книге людей и, в первую очередь, одного из них, человека, который, на мой взгляд, наиболее полно олицетворяет собой бурный противоречивый уходящий век.

Некоторых из героев книги Ландрама уже нет на свете. Но тот, кого мы выбрали в качестве основного персонажа, не только жив, но еще, как говорится, на коне. Время от времени он появляется и на наших телезрекранах. Высокий, поджарый, в очках, одетый так непритязательно, будто собрался погулять с собакой, в окружении многочисленных помощников он стремительно проходит вдоль технической линии одного из ультрасовременных заводов электронной промышленности, где-ни-

Иван Зюзюкин

Кто Будет Чет

будь резко останавливается и, начав разговор с мастерами и рабочими, смеется, жестикулирует, вновь срывается с места и мчится дальше, увлекая за собой вихрь, состоящий из бегущих за ним людей. "Председатель Билл", — так в среде подчиненных зовут этого джентльмена, которому уже за сорок, но жестами и повадками он сильно смахивает на своеобразного и даже несколько взбалмошного подростка. А между тем на сегодня он — самый богатый человек на земле. Это — Уильям Гейтс III, проще говоря, Билл Гейтс, глава могущественной корпорации, производящей компьютеры и программы для них — "Майкрософт".

Звезда Гейтса не взошла на небосклоне американской экономики, а можно сказать, взмыла вверх. Десять лет тому назад он — всего лишь один из капитанов компьютерной индустрии США. Еще десятилетием раньше известен лишь как специалист в области программирования. Тридцать лет тому назад и подавно: Билл в ту пору еще школьник. Но уже в эти годы он заявил себя как личность и заставит всех считаться с собой.

С ним случится то, что происходит со всеми в эту пору жизни: он влюбится. Но не в девчонку, как большинство его сверст-

ЫРНАДЦАТЫМ?

ников, а в компьютер, купленный "клубом матерей" для частной школы, в которой Билл учится. Наверное, слово "влюбится" кому-то покажется литературным преувеличением. На самом деле даже оно не отражает в полной мере того, что произойдет с мальчишкой, когда он впервые сядет за персональный компьютер, который в те времена и по виду напоминает, и по возможностям лишь немного превосходит пишущую машинку. Однако этот простенький (по сравнению с нынешними) аппарат прямо-таки околдует Билла! В то время как его сверстники резвятся во дворе школы или играют в спортзале в баскетбол, светловолосый, щупленький Гейтс, точно зомбированный, корпит над компьютером. Не очень-то прилежный ученик, он теперь (чаще всего со своим другом Полом Алленом) засиживается в школе почти до утра и, что прозвучит совсем неправдоподобно, приходит в нее даже по воскресным дням. И все из-за компьютера...

Отец Билла, известный юрист штата, вначале не в восторге от того, чем увлечен его сын. С его точки зрения, Билл способен на нечто большее. Пусть учится он не блестяще, но голова-то у него — что надо! Взять, к примеру, его память. Билл может, прочитав трехстраничный текст всего один раз, тотчас пересказать его наизусть. По математическому тесту он наберет высший балл — 800. В то же время отец знает: если мальчишка упрется, его не сдвинешь и бульдозером...

Тринадцать лет от роду Билл разработает свою первую программу для персонального компьютера. Как бы подтверждая правило, что любое творчество немыслимо без игры, программа будет предназначена для игры в "крестики-нолики". В пятнадцать лет Билл и Пол разработают для своего города программу наиболее рационального уличного движения и, заработав на этом 20 тысяч долларов, создадут компанию по продаже этой программы другим городам. (Примечательная деталь: ныне признанный лидер мирового компьютерного бизнеса, Гейтс в своей книге "Дорога в будущее" откровенно признается, что его раздражает, как долго горит красный светофор на перекрестке улиц рядом с его офисом, и что он намерен как-то воздействовать на администрацию города, чтобы она покончила с неразумной тратой времени автоводителей и пешеходов.) Еще через два года юный Гейтс разработает по заказу города программу наиболее эффективного использования мощностей местной электростанции и заработает на этом уже 30 тысяч долларов. Затем он поступит в университет на факультет экономики, но страсть к компьютерам вынудит его временно оставить учебу и с головой броситься в бурные волны электронного бизнеса. (К слову сказать, по той же самой причине Пол Аллен оставит хорошо оплачиваемую работу в одной из солидных фирм.) Вдвоем друзья начнут разрабатывать программы для персональных компьютеров и, то добиваясь впечатляющих успехов, то прогорая до тла, в конце концов найдут свою нишу в бизнесе. В ту пору еще совсем моло-

дые парни (Биллу исполнится девятнадцать), они сколотят небольшую команду из таких же, как они сами, фанатиков и в 1975 году объявит о создании компании "Майкрософт".

С той поры и по сегодняшний день детище Гейтса, если сравнить его с баллистической ракетой, совершает взлет строго по вертикали. На предприятиях этой компьютерной империи трудятся тысячи первоклассных инженеров и высококвалифицированных рабочих. Если другим компаниям, специализирующимся на производстве ПК и программ для них, удается производить и продавать их сотнями тысяч в год, то у Гейтса счет идет на миллионы. Один американский журнал несколько лет тому назад поместил на своей обложке портрет Гейтса и задал своим читателям вопрос: "Кто остановит его?" Увы, таких пока не нашлось. Сметая со своего пути конкурентов, "Майкрософт" из всех компьютерных компаний США имеет самую высокую прибыль. К тридцати семи годам Гейтс на своем счету имеет уже 17 миллиардов долларов. В настоящее время у него их значительно больше, но сколько именно, знают только его адвокаты: сам он, говорят, редко интересуется, сколько у него денег.

Такова вкратце биография одного из "тринацати мужчин, которые изменили мир". В этом списке также Соичиро Хонда, создатель всемирно известных мотоциклов и автомобилей, Говард Хед, изобретатель металлических лыж и больших ракеток для тенниса, Акио Морита, основатель знаменитой фирмы "Сони", Тед Тернер, глава телекомпании Си-Эн-Эн... Биографии всех тринацати поразительно схожи. Все они (лишь Гейтс и Тернер исключения) выходцы из простых бедных семей, все начинали, что называется, с нуля, все стали выдающимися бизнесменами, все весьма своеобразны в своем поведении и склонны к нестандартному образу жизни. Но в книге Ландрама они оказались рядышком по более существенной причине: все принадлежат к одному социально-психологическому типу — к "креативным личностям", т.е. творческим, созидательным натурам. (Иногда Ландрам называет их также "креативными гениями", желая подчеркнуть их коренное отличие от деструктивных, разрушительных личностей типа Нерона, Атиллы, Гитлера.) Что же это за порода людей? Какие мотивы ими движут? Благодаря чему (или, наоборот, вопреки чему) они добиваются поразительных успехов?.. Поверьте, это не праздные вопросы, и, особенно, для нас, жителей страны, что медленно, с трудом, но все же переходит на рельсы рыночной экономики...

Вернемся к Биллу Гейтсу. Что поможет ему стать тем, кем он является сегодня? Природные способности? Да, без них он наверняка бы далеко не уехал. Но сколько на свете людей с потрясающей памятью, умеющих оперировать в уме астрономическими величинами? Сколько тех, кто прочитал горы книг, кого мы

шутя, но не без зависти называем "ходячими энциклопедиями" и им подобных людей-феноменов?! Однако далеко не все из них состоялись как творческие личности. Очевидно, дело не только и даже не столько в "количестве" ума, сколько в его "качестве", в способности "кreatивной личности" использовать свои интеллектуальные возможности в нужное время, в нужном месте.

Про Гейтса один психолог скажет, что Билл еще в детстве чувствовал, что обыденность — не его стезя и что он всегда и во всем выбирает непроторенные пути. Такое качество проявится у него очень рано и, как это ни странно прозвучит, проявится прежде всего в том, что Билл не только не отличается прилежанием в учебе — он, кроме математики, почти не интересуется другими предметами. (Но, как теперь признается, прочитывает всю энциклопедию.) Заработав первые тысячи долларов, он перестанет ходить в школу и предложит дирекции засчитывать его компьютерные программы как курсовые работы. Хвала его учителям за то, что поняли: ученик, способный разработать программу для компьютера — способный ученик, и предоставили ему полную свободу действий. (Да и что они могли поделать? Школа — и не только та, в которой учился Билл — по своей природе не рассчитана на обучение и воспитание "кreatивных личностей" — ей бы удовлетворить запросы детей со средними способностями. Умные педагоги, понимая это, не мешают особо одаренным ученикам делать, что им нравится, недалекие же учителя им и самим себе лишь отправляют жизнь.)

Что же получается в итоге? Самый богатый человек на планете фактически не имеет законченного среднего и полноценного (в формальном смысле слова) высшего образования. (И то же самое можно сказать о многих других "кreatивных личностях". К примеру, Альберта Эйнштейна исключат из гимназии как безнадежно (!) тупого ученика. Теду Тернеру из-за неуспеваемости придется перейти в другое учебное заведение...) Но у кого сегодня повернется язык назвать упомянутых людей малообразованными? Отсутствие "аттестата зрелости" нисколько не помешает "технарию" Гейтсу быстрее многих политиков и философов понять, что компьютеризация труда и быта современного человека — одна из самых великих революций, когда-либо совершившихся на земле, — именно этой мыслью пронизана его книга "Дорога в будущее", написанная глубоко, увлекательно, математически образным, если так можно выразиться, языком...

Да Бог с ним, с образованием "кreatивных личностей", скажет читатель, зато все они классные профессионалы. Увы, это далеко не всегда именно так, и Гейтс, блестящий инженер-программист, опять же скорее исключение, чем правило. Для других "мужчин, которые изменили мир" высокий профессионализм, наоборот, будет помехой до тех пор, пока они не займутся тем делом, к которому изначально не готовились. Примечательно, что многие великие открытия в области науки, искусства и

бизнеса совершаются не профессионалами, а любителями, мышление которых не связано с традициями и докторами, какие есть в каждом роде занятий. В самом деле, кто докажет несостоятельность геоцентрической теории устройства Вселенной? Ученый богослов Коперник. Кто сформулирует теорию относительности? Служащий патентного бюро Эйнштейн. Кто заложит основы генетики? Монах Мендель. А кем были по образованию наши великие писатели, Чехов и Булгаков? Медиками... Чего только — и без большого успеха — не перепробует в своей жизни еще один герой книги Ландрама итальянский бизнесмен Марсель Бич, пока его однажды не осенит мысль, что шариковая авторучка (причем, вовсе не им изобретенная) и другие вещи одноразового пользования придется по вкусу людям, которым до смерти надоело возиться с капризными ручками-наливушками, то и дело за правлять бензином зажигалки и т.д. Подобно булгаковскому Мастеру, этот предприниматель мог бы воскликнуть: "Как я угадал!". Осенившая Бича идея, ныне всем нам кажущаяся простой и очевидной, буквально перевернет его жизнь, вознесет на высочайший гребень коммерческого успеха, сделав его почти что в одночасье мультимиллионером, а шариковые авторучки, газовые зажигалки, безопасные бритвы и т.п. станут в полном смысле "вещами века", изменят мир, в котором мы живем...

Если на то пошло, ведь и Гейтс, сделавший ставку на персональный компьютер, не является его изобретателем. Но он услышит трубный зов времени — бросит все свои способности, твердый характер, недюжинное упорство, весь свой первоначальный капитал на то, чтобы его ПК были самыми миниатюрными, самыми удобными в пользовании и имели бы самое мощное программное обеспечение. (В своей книге Гейтс — и почти не приходится сомневаться, что когда-нибудь он это сделает — мечтает о создании компьютера-«бумажника», который бы служил человеку как мобильный телефон, кредитная карточка, телевизор, блокнот, фотоаппарат, компас, часы, калькулятор, ключи от квартиры и еще многое другое.) Руководитель «Майкрософт» еще далеко не завершил своей карьеры, а о нем уже сказаны вот эти слова: «Гейтс в сфере программирования значит столько же, сколько Эдисон в отношении к электрической лампочке: отчасти как новатор, отчасти как предприниматель, отчасти как торговец, но обязательно — как гений...»

Говорят, один ум хорошо, а два лучше. Но, кажется, это правило применимо лишь к обычным умам... Как, к примеру, поступит президент компании «Сони» Морита, когда все служащие фирмы выразят сомнение в целесообразности массового производства плейеров, считая, что это всего лишь игрушка для юных оболтусов? Морита пойдет против всех и, взяв под личную ответственность результат операции, отдаст приказ начать выпуск плейеров в огромном количестве. Итог известен: миллионы лю-

дей во всем мире — и не только молодых — не расстаются с этой “игрушкой” даже на улице, в метро... Изобретателя тренажеров Артура Джонса — еще одна “креативная личность” — специалисты и эксперты настойчиво убеждают, что его изобретение не будет иметь спроса. Главный их довод: куда проще и дешевле тренироваться в спортзалах. Джонс рискует — и станет мультимиллионером.

Создается впечатление, что глаза “креативных личностей” устроены иначе, чем у других людей: они видят то, что находится как бы в стороне от видимого всеми. Это можно назвать прозорливостью, гениальным чутьем, звериной (в смысле остроты) интуицией и еще как-то, но факт остается фактом: во многих случаях ум одной “креативной личности” бывает дальновиднее целой сотни обычных умов, вместе взятых. Почему такое происходит? Наверное, потому, что когда умов — целая сотня, все они втайне надеются друг на друга, а ум “креативной личности” — прежде всего на себя...

В свое время в нашей стране большими тиражами издавались романы американского писателя Теодора Драйзера. Их главный герой Фрэнк Каупервуд, крупный финансист и предприниматель, по всем признакам “креативная личность”: умен, одарен, необычайно изобретателен в проведении рискованных финансовых операций. Разоряя одного за другим своих конкурентов, он не принимает в расчет никаких моральных соображений. И что же руководит его поступками? Одно: страсть к наживе — безоглядная, тупая, разъедающая душу и совесть... Возможно, Драйзер встречал в своей жизни бизнесменов подобного рода, но как писатель он упрощал своего героя, рисуя его портрет черной краской с небольшим — для пущей объективности — добавлением белой, в результате чего его Каупервуд выглядит не более убедительно, чем какая-нибудь кровожадная “акула капитализма” из газетного фельетона тех лет...

Ландрам приводит в своей книге результаты многочисленных исследований “креативных личностей” и мотивов их поведения. Одним из самых мощных (если не сказать, самым главным) стимулов деятельности всех “тринадцати мужчин” является их неутомимое стремление к первенству. Как и герой Драйзера, они тоже не всегда разборчивы в средствах удовлетворения этой сжигающей их страсти, путь к успеху многих из них усеян “трупами” (увы, иногда — без кавычек) разоренных конкурентов, их победы оплачены горем тысяч и тысяч рабочих и служащих, оставшихся без работы. Но поступать иначе герои книги Ландрама просто физически не могут! Про Гейтса, к примеру, пишут, что он “безжалостный конкурент”, “питается победами” и “соревнуется даже в том, кто лучше устроит вечеринку”. Да, он счастлив и горд тем, что продукция “Майкрософта” пользуется наивысшим спросом (“Компьютер на каждый стол и в каждый дом”, —

не устает он повторять), что руководимая им корпорация постоянно расширяет производство, создавая новые рабочие места. В отличие от его литературного собрата Каупервуда, для Гейтса (особенно теперь, когда он сказочно богат) важны не столько сами деньги, сколько то, что у него их больше, чем у кого бы то ни было. Но что он считает необходимым делать, чтобы такое положение — положение лидера компьютерной индустрии — сохранилось? Главное: самому работать не покладая рук и не позволяя корпорации расслабляться. ("Успех — скверный учитель, — пишет Гейтс в своей книге. — Он ненадежен. Он кружит голову. Бизнес-план или новейшая технология — верх совершенства сегодня, завтра могут так же безнадежно устареть, как восьмидорожечные магнитофоны, телевизоры на электронных лампах...") В одном из интервью он признается: "Каждый день, когда я прихожу в свой офис, я спрашиваю себя: мы все еще хорошо работаем? Опередил ли кто-нибудь нас? Действительно тот или иной продукт принимается хорошо? Что мы можем сделать для его усовершенствования?" Словом, Гейтс и другие "мужчины, которые изменили мир" — живое подтверждение того, что главным мотором рыночной экономики является конкуренция — вечная, безжалостная, не дающая шансов на выживание слабым, дающая возможность сильным проявить свои амбиции и заодно поработать на технический прогресс. Капиталистическая система словно бы создана для "креативных" (и не слишком-то сентиментальных) личностей, а порой кажется, что это они создают ее.

Конечно, азартность свойственна в той или иной степени всем людям. Но "креативным" — в наибольшей. Иногда она принимает даже форму одержимости. Так, однажды мать Гейтса получит от сына письмо с известием, что он (находясь в общем-то неподалеку) не сможет с ней видеться полгода. Причина? Билл поставит перед собой задачу "положить на лопатки" Ай-Би-Эм — самую в то время могущественную компанию по производству компьютеров. Кажется невероятным, что Гейтс, с ранних лет целеустремленный, до мозга костей деловой человек, в студенческие годы страстью увлекался игрой в покер, то выигрывая, то просаживая за карточным столом немалые суммы. Он и сегодня непрочь пощекотать себе нервы этой игрой, обожает также мчаться с огромной скоростью на автомобиле или моторной лодке. И все же сильнее всего герои Ландрама загораются, когда им надо победить, обойти конкурента, а лучше всего вообще вывести его из игры. И тут они могут развить такую "скорость", что у них, как у гонщиков-профессионалов, теряющих во время соревнований контроль над собой, в глазах появляется красный туман — состояние, близкое к наркотическому опьянению. Оно может быть предвестием звездного часа, но может — и сокрушительного поражения. Так, молодой Гейтс в начале своей карьеры увлеченно, забывая про сон и еду, работает на фирму, которая

вдруг терпит банкротство. Он остается ни с чем. И что же? Молодой программист подписывает выгодное соглашение с Ай-Би-Эм (которую потом захочет "положить на лопатки"), вместе с Полом Алленом разрабатывает лучшую по тем временам программу для ПК и получает за нее уже не десятки тысяч, а миллионы долларов! Кто научит его этому умению превращать катастрофу в победу? Конечно же, жизнь, полная борьбы и риска, та самая капиталистическая действительность США, где лишь на взгляд туристов все достается легко и просто. Иногда эту способность устоять на ногах при любых ударах судьбы в "креативных личностях" целенаправленно воспитывают родители. Так, отец Теда Тернера время от времени нарочно устраивал для маленького сына те или иные "катастрофы"...

Что еще объединяет "креативных личностей", так это увлеченность работой, которая у них, как и стремление первенствовать, тоже схожа с одержимостью. "Я в основном работаю до полуночи с перерывом на обед в компании кого-нибудь из сотрудников, — поведает Гейтс одному журналисту. — Затем я отправляюсь домой и где-то около часа читаю книги или журнал "Экономист". В офис я возвращаюсь к девяти утра следующего дня". Но вообще-то "Председатель Билл" неохотно говорит о своем рабочем режиме: даже на это ему жалко времени. В среднем, говорят, он работает по 13 часов в сутки. Для самого себя он установил шестидневную рабочую неделю. Однако, опровергая расхожее мнение, что такие, как он, в беспрестанном труде ищут средство забыться, Гейтс в своей книге напишет: "Я работаю очень много, потому что я люблю свою работу. Я — не "трудоголик", мне нравится заниматься и другими вещами, но работа мне очень интересна".

Трудолюбие порой делает "креативных личностей" равнодушными к своему здоровью и благоустроенному быту. Так, тот же Гейтс в студенческие годы никогда не убирает за собой постель, ест за тем же столом, где и работает. Уже став главой "Майкрософта", он чаще всего обедает в ресторанчике напротив офиса, где обслуживаются по счету "раз, два, три", наспех съедает гамбургер или пиццу и возвращается в офис. У него нет собственного самолета (хотя мог бы иметь целую эскадрилью), мультимиллиардер садится в рейсовый самолет и для него не важно, в каком классе лететь — лишь бы прибыть как можно быстрее туда, куда надо. Что касается его манеры одеваться, то некоторые склонны считать ее "шиком наоборот" или оригинальничаньем. Однако те, кто его близко знают, утверждают, Гейтс всегда одевает то, что ближе к руке... Долгое время казалось, что он никогда не женится. (Представитель одной конкурирующей фирмы однажды с тоскливой откровенностью заявил: "Нам бы очень хотелось, чтобы Билл женился и завел нескольких детей"). Не так давно мультимиллиардер наконец-то расстался с холостяцкой жизнью, по-

строил на берегу озера виллу (не столько роскошную, сколько начиненную компьютерной техникой) и немного остыл.

Но говоря о своей любви к работе, он что-то недоговаривает. По наблюдению одного журналиста, глава "Майкрософта" "настолько напряжен, что практически постоянно подергивается во время беседы". Что это? Возможно, кроме работы, Гейтс также одержим страхом чего-то не успеть, не полностью воплотить заложенные в нем способности, а порой элементарной боязнью, что в его отсутствие подчиненные могут сделать что-то не так. Работа "по 25 часов в сутки", как невесело подшучивают над самими собой люди, подобные Гейтсу, дает смутную надежду, что таким образом им удастся удержать лидерство, причем даже с некоторым запасом прочности. Но когда этот запас начинает убывать и еще, не дай Бог, кто-то вдруг вырвется вперед, "творческая личность" включает мотор своей одержимости на предельное число оборотов — и вот тогда в глазах снова появляется опасный и, как наваждение, манящий красный туман. Стоит ли говорить, что инфаркт, инсульт, а то и мгновенная смерть — таким часто бывает результат этой бешеной гонки?..

В книге Ландрама дается сравнительная характеристика "адапторов" (людей, чтиущих традиции) и "инноваторов" (мыслящих и действующих нестандартно). Приводимая таблица наглядно показывает, когда и при каких условиях "адапторы" чувствуют себя точно рыба в воде, а когда и при каких условиях — "инноваторы".

Адаптор

1. Важен для функционирования учреждения все время.
2. Характеризуется как надежный, аккуратный, квалифицированный, методичный, комфортный.
3. Исполняет властные полномочия согласно должностному расписанию.
4. Редко пренебрегает правилами.
5. Часто сомневается в себе, реагирует на критику.
6. Хороший руководитель, если есть время и деньги.
7. Изобретателен в продуктивности.

Инноватор

1. В учреждении он идеален при незапланированном кризисе или застое.
2. Считается недисциплинированным, мыслит беспорядочно, неординарно подходит к решению задач.
3. Стремится быть неофициальным лидером.
4. Часто нарушает правила, не уважает обычая.
5. С тех пор, как выработает свою систему убеждений, практически не сомневается в себе, не нуждается в поддержке большинства.
6. Не теряется, когда ресурсы ограничены.
7. Продуктивен в творчестве.

8. От добра добра не ищет.

8. Может искать перемен ради самих перемен.

Не надо обладать особой проницательностью, чтобы понять: "инноватор" — та же "креативная личность", но взятая во взаимоотношениях с окружающими людьми. Несложно догадаться и о другом: в любой роли — председателя совета директоров компании, конструктора, простого наладчика, служащего — "инноватор" всем доставляет хлопоты. Легко ли, к примеру, работать с Гейтсом? (Один психолог скажет о нем: "Гейтс обладает совокупным интеллектом восьмидесятилетнего и гормональным обменом подростка"). Легко тем, кто так же, как он, много работает, инициативен и фанатично предан "Майкрософту". Но он терпеть не может инертных людей, круто поступает с теми, кто не чувствует новых веяний. Может, сам того не сознавая, "председатель Билл" стремится уподобить себе всех своих подчиненных...

С "инноваторами" непросто не только оттого, что они нарушают привычный ритм жизни — многим они еще и неприятны как личности. Да, чего греха таить, человек такого сорта, как правило, не в ладах с чувством такта. (Но можно сказать и так: у него свои представления о такте.) "Инноватор" остается самим собой даже в процессе дружеского общения. Разговаривая с вами, он может на полуслове прервать беседу и как ни в чем ни бывало удалиться. Скорее всего, в эту минуту его захватит какая-то мысль, и вы становитесь ему неинтересны. Среди "креативных личностей" встречаются заядлые хвастуны: их хлебом не корми, а дай поговорить, какие они умные, незаурядные, послушать их, в любом деле они понимают лучше всех. Такие обожают давать интервью. Другие, напротив, замкнуты, закомплексованы, не подпускают близко репортеров, швыряя в чересчур назойливых чем попало. Третий дорожат (лучше сказать, дрожат) над каждой минутой жизни и, обладая огромным состоянием, не видят смысла ни в чем, кроме работы...

Таких людей, в лучшем случае, считают чудаками. (Кстати говоря, прозвище "Чудак" закрепится и за Гейтсом.) Но в общем и целом они производят впечатление не вполне нормальных людей. И, увы, иногда это не просто впечатление, а, как говорят, медицинский факт. Психика "креативных личностей", как правило, имеет какие-то вполне ощутимые отклонения. К примеру, Тед Тернер в связи с этим проходил курс лечения. Многим из них свойственны те или иные навязчивые идеи. И что же? Как ни странно, эти их недостатки одновременно являются их великими достоинствами. Безгранична, порой прямо-таки маниакальная вера в себя помогает им, образно говоря, двигать горами. Размышляя, почему многие люди, сами по себе умные и талантливые, так и не достигают своих целей в жизни, один психолог справедливо замечает, что, в отличие от "креативных личностей", "они никогда на самом деле не ставили свою мечту на первое место". Одолеваемые той или иной на-

вязчивой идеей, "креативные личности" выбирают и, что самое важное, выдерживают такой ритм жизни и работы, который "убил бы других". Это говорится к тому, что иные люди зря гордятся тем, что у них-то с головой "все в порядке". Иногда это звучит как невольное признание своей заурядности...

Да уж, героев книги Ландрама гармоничными никак не назовешь. Грань, отделяющая их разум от безумия, так тонка... Как же тогда следует относиться к плодам их творчества? Один из исследователей "креативных личностей" в связи с этим пишет: "Цель гения привлекает его внимание и становится его страстью... Эта сумасшедшая страсть или страстное сумасшествие есть причина того, что психопатические личности часто проявляются как истинные творцы, и при этом продукт их деятельности совершенно нормален". Другими словами говоря, творец (кинорежиссер, бизнесмен, шахматист, поэт, изобретатель) может быть каким угодно — капризным, неуживчивым, высокомерным и т.п., — но если его творчество нравится людям и приносит пользу обществу, предоставим ему право быть таким, какой он есть. Попытаемся его переделать, перевоспитать, "вылечить" — а примеров подобного рода в истории, в том числе и нашей, несть числа — погасим в нем Божью искру, разрушим ту самую тонкую грань, что, может быть, и есть гениальность...

Заключая свои заметки, хочу сказать, что еще поразило меня в книге Ландрама. В ней исследуется жизнь "креативных гениев" разных национальностей, говорится о том, какое влияние они оказали на развитие науки, техники, бизнеса тех или иных стран. Но в книге начисто отсутствует Россия. Так, словно ее нет... Конечно, право автора выбирать темы и героев для своих книг. Но — и я не побоюсь признаться в этом — мне стало "за державу обидно". Что бы в ней ни происходило сейчас, она была и останется великой страной. И гениев в ней не меньше, чем где-нибудь. Возьмем, к примеру, тот же, что и у Д.Ландрама, XX век. Разве Константин Циолковский, Иван Павлов, Сергей Королев и другие звезды нашей науки и техники не относятся к числу "мужчин, которые изменили мир"? Страна, давшая таких людей — верю, — даст и гениальных предпринимателей. (Да и не все можно измерить быстро заработанными миллионами — есть ценности повыше.) И эти заметки написаны как бы впрок — чтобы мы походя и ненароком не отнесли своих "креативных личностей" к числу смешных чудаков или безнадежно больных людей... ■

Любовь РУСЕВА

Гений сыска

рисунок Геннадия Новожилова

Визящной гостиной дома на Пречистенке* сидели друг против друга два человека. Сановники эти — хлебосольные братья Архаровы — были любимцами москвичей: хозяин дома — Иван Петрович и его старший брат — московский обер-полицеймейстер Николай Петрович.

Иван Петрович красив и сановит. На умном волевом лице его выделялись крупно высокий лоб, славянский нос, у него была приятная улыбка и проницательный взгляд. Тяжелое мягкое лицо Николая Петровича, напротив, было довольно бедно мимикой, обычное выражение его — суровая угрюмость, которая, правда, исчезала, когда Архаров находился в семье любимого брата. Его огромные ястребиные глаза, казалось, насквозь пронизывали не только человека, но и землю. Под проницательным взглядом Николая Петровича люди чувствовали себя неуютно и справедливо полагали, что он читает их мысли, знает их прошлое и настоящее, видит будущее.

Сегодня обер-полицеймейстер получил из Парижа письмо Сартина, знаменитого сыщика Людовика XV, о делах которого ходили фантастические слухи. Удобно расположив свое грузное тело в вольтеровском кресле, Николай Петрович читал вслух восторженное послание Сартина.

— ... Уведомляясь о некоторых ваших действиях, — говорилось в письме, — не могу довольно надивиться вам...

Сам Сартин, этот овеянный легендой француз, восторгается им, Архаровым, он поражен методами работы русского коллеги, он следит за его карьерой и не может удержаться, чтобы не написать и не выразить свое удивление и преклонение перед северным сыщиком.

Иван Петрович, слушая брата, улыбался доброй улыбкой. Довольство было написано и на лице Николая Петровича.

— Да, и мы не лыком шиты, — самодовольно произнес Архаров-старший, закончив читать письмо. — Сам Сартин признает сие.

— Где ему до тебя! — воскликнул Иван Петрович. — Ты гений. И в кого такой уродился?!

Братья не успели развить тему, так как вошел старый камердинер, одетый в ливрею, вышитую золотом.

— Ваше превосходительство, — обратился он к своему барину, — фельдъегерь из Петербурга к его превосходительству Николаю Петровичу.

— Зови, голубчик, — ответил хозяин.

Офицер, поприветствовав Архаровых, подошел к обер-полицеймейстеру и протянул ему пакет.

— Депеша от Ея Императорского величества государыни императрицы. Срочно.

* Сегодня в этом здании располагается Дом ученых.

— Благодарю, братец, посиди покуда тут, — сказал, вставая, Архаров и направился в кабинет, младший брат последовал за ним. Устроившись за просторным рабочим столом, обер-полицеймейстер вскрыл конверт, пробежал глазами письмо и задумался.

— Ну, что там? — не выдержал Архаров-младший.

— В Петербурге приключилась значительная краже серебряной утвари. По розысканиям тамошней полиции возникло подозрение, что похищенное серебро привезено сюда. Императрица требует его найти.

— А известно, кто совершил сию кражу?

— Нет.

— И тем паче не ведомо, кому доставили серебро, — догадался Иван Петрович.

Николай Петрович ничего не ответил. Лицо его стало напряженным, взгляд — отсутствующим. Казалось, он ушел глубоко в себя, либо же мысленно находится в данный момент где-то далеко. Иван Петрович, увидев состояние брата, которое ему было хорошо знакомо, замолчал.

— Иван, бумагу и чернила, — произнес Архаров.

Хозяин достал из бюро требуемое и положил перед братом. Обер-полицеймейстер, не говоря ни слова, стал быстро писать. Окончив письмо, еще раз пробежал написанное глазами и, удовлетворенно улыбнувшись, запечатал в конверт.

— Что же ты ответил государыне?

— Что искать не буду.

Иван Петрович ахнул и хлопнул в ладони.

— Но тебе приказано найти драгоценности.

— Уже.

— Что уже? — не понял Иван Петрович.

— Нашел.

Архаров-младший изумленно смотрел на брата.

— Мне велено искать серебро в Москве.

— Ну?

— Так что же попусту время тратить, коли его здесь нет.

— Шутишь?!

— Нисколько.

Николай Петрович встал и направился в залу, где дожидался прибывший курьер императрицы.

— Вот что, братец, — сказал Архаров, протягивая письмо, — пообедай-ка с нами и возвращайся в Петербург...

Через несколько дней Екатерина II получила ответ московского обер-полицеймейстера. Прочитав его, она с недоумением взглянула на своего фаворита графа Орлова.

— Гриша, либо Николай Петрович ясновидец, либо твой протеже зазнался и дерзит.

— Что ответил Николай? — спокойно спросил Орлов.

— Он пишет, что не будет искать серебряную утварь в Москве, поскольку ее спрятали здесь, в подвале, подле дома обер-полицеймейстера.

— Значит, так оно и есть... Посылай, Катя, команду и не сумневайся.

Полицейская команда была послана. Через час императрице доложили, что утварь найдена по указанному адресу.

Архаровы происходили из незнатного дворянского рода. Николай родился 5 мая 1742 года. В пятнадцать лет он был зачислен в Преображенский полк и служил под начальством любимца гвардии Григория Орлова. В 1761 году он получил первый офицерский чин.

Склонность к буйной молодецкой жизни сблизила Николая Петровича с братьями Орловыми. Немецкий трактир на 3-й линии Васильевского острова был приютом друзей, здесь они собирались, пили, играли в карты и на бильярде. Именно здесь и зрел государственный переворот 1762 года, в результате которого на престол взошла Екатерина II. Орловы взлетели на недосыгаемую высоту.

Благодаря фавориту императрицы Николай Петрович получил возможность посвятить себя сыскному делу. Он приобрел известность как ловкий и энергичный полицейский сыщик и при Екатерине II последовательно занимал должности московского обер-полицеймейстера, московского генерал-губернатора, тверского и новгородского наместника.

От природы одаренный быстрым, сметливым умом и чрезвычайной энергией, Архаров отличался особенной ревностью к службе и строгим, точным выполнением своих обязанностей.

В 1771 году за усердие и деятельность он получил чин полковника и звание московского полицеймейстера. Назначение Архарова состоялось в очень сложное время — в Москве свирепствовала чума, которая косила людей тысячами в сутки. Вся тяжесть борьбы с эпидемией легла на плечи полиции. Именно полицейские чины, недосыпая, круглосуточно ходили по зачумленному городу, подбирали больных, которых отправляли в карантины, а трупы сами же и зарывали в землю.

Не успели еще окончательно справиться с моровой, как грянула новая беда — на Яике разгорелась война под предводительством Емельяна Пугачева. Угроза нависла над первопрестольной. Московские сенаторы, главнокомандующий князь Волконский, губернатор Остерман и обер-полицеймейстер Архаров делали все возможное, чтобы защитить столицу. По улицам разъезжали патрули, около дома главнокомандующего установили пушки. Настал самый тяжелый период царствования Екатерины II. Москва ощетинилась штыками в ожидании орд Пугачева. Екатерина, со страхом ожидая падения Москвы, уповала теперь на друга своего фаворита. Тут-то и проявился во всем блеске талант Архарова.

Николаю Петровичу было предписано "употребить надежных людей" для подслушивания разговоров в торговых рядах, банях, кабаках. Обер-полицеймейстер организовал (впервые в истории сыска) разветвленную сеть агентуры. В кратчайший срок он обнаружил и нейтрализовал активных сторонников самозванца, предотвратив восстание в первопрестольной.

В 1774 году, после пленения Емельяна Пугачева, императрица поручила Архарову вести следствие над участниками Крестьянской войны. Он же был распорядителем казни Пугачева. Теперь имя Архарова стало известным всей России.

Благодаря своей агентуре и помощнику Шварцу (одно имя которого держало в страхе Москву) обер-полицеймейстер Архаров знал до мельчайших подробностей, что делалось в городе.

Николай Петрович наладил взаимодействие разнородных частей полицейского управления. Прирожденный сыщик блестяще раскрывал по горячим следам преступления; его талант и распоряжения способствовали раскрытию стародавних злоупотреблений, взяточничества, вымогательства. Архаров умел видеть замаскированное зло там, где, казалось, его не было, в результате он предотвращал или пресекал в зародыше серьезные уголовные преступления. Современников поражала молниеносность, с которой обер-полицеймейстер отыскивал краденое. Нередко Николай Петрович, только взглянув на человека, решал, виновен тот или нет... И никогда не ошибался.

— Ваше благородие, бедда, — пролепетал насмерть перепуганный священник. Бородка и руки его мелко тряслись.

— Чего еще?! — сурово спросил Шварц, который был раздражен тем, что его разбудили ни свет ни заря.

От взгляда и окрика священнику стало дурно, и он перестал дрожать.

— Ограбили... голубушку нашу... святую... ограбили... — бессвязно лепетал священник.

— Какую святую?! Не городи тень на плетень!

— Приход мой... Церковь святую... Все как есть унесли, всю утварь, сосуды, иконы... ничего не оставили, безбожники. — Отец Андрей расплакался.

“Этого только недоставало! — зло подумал полицеймейстер. — Надо же сему случиться именно сейчас, когда императрица здесь!”...

Шварц обошел вокруг церкви, внимательно осмотрел двор. Сыщику повезло — обильный снегопад прекратился поздно вечером, когда прихожане после службы уже покинули храм. Утром было раннее, поэтому никто, кроме служителей церкви, сюда еще не приходил. Сверив следы священнослужителей, Шварц обратил внимание на те, которые не походили ни на чьи из присутствовавших. Одни из них вели в церковь, они же шли и в сторону неподалеку стоящего дома.

- Кто сторожил храм ночью? — угрюмо спросил Шварц.
- Кирилл, ваше благородие, — ответил отец Андрей, — солдат, человек графа Строганова.
- Привести.
- Привели невысокого, щуплого, болезненного вида солдата.
- Ты ограбил храм? — процедил полицеймейстер.
- Солдат повалился в ноги.
- Я, ваше благородие, я ограбил храм.
- Окоянный! — вскричал отец Андрей, не веря своим ушам. — Да как же ты посмел?!
- Где утварь? — продолжал Шварц.
- Солдат замотал головой и ничего не ответил.
- В застенок его, — приказал полицеймейстер.
- ...Императрица, находясь в Москве, не изменила свой режим и, как всегда, по утрам принимала чиновников. По заведенной традиции первым являлся обер-полицеймейстер, который докладывал о происшествиях, какие случались за сутки, о состоянии цен, о настроении народа.
- Николай Петрович, — обратилась к Архарову императрица, — я весьма довольна порядком, кой воцарился в Москве вашими стараниями.
- Благодарю вас, Ваше императорское величество.
- Это я вас благодарю. Если бы во всей империи был такой порядок! Сенаторы мне доложили, что вы стали грозой не только воров и убийц, но и чиновников, кои боятся брать мзду, и дела в судах стали рассматриваться без проволочек.
- Я, государыня, только исполняю свой долг пред вами и Отечеством.
- С удовольствием принимаю нeliцемерные уверения о вашем ко мне ревностном усердии. Продолжайте труды ваши, и будьте уверены, что я к вам непременно доброжелательна.
- Ваше императорское величество, срочное донесение от полицеймейстера Шварца.
- Екатерина с удивлением взглянула на пакет и протянула его Архарову.
- Оно адресовано вам, Николай Петрович.
- Обер-полицеймейстер прочел и нахмурился.
- Государыня, сей ночью доистра ограблена одна из церквей. Шварц доносит, что вора задержал, но тот, признавшись в содеянном, несмотря на все старания, не открывает, куда дел награбленное.
- Наслышина я о средствах старания твоего помощника. — Екатерина Алексеевна нахмурилась. — Николай Петрович, голубчик, отправляйся к себе да вырви из рук Шварца несчастного, покуда он не замучен до смерти. Разберись, пожалуйста, непременно сыщи воров да верни похищенную утварь.
- Будет исполнено, государыня, — заверил Архаров.

— Врешь, не походишь ты на вора! — бросив быстрый взгляд на солдата, сказал Архаров, когда того привели.

Солдат весь сжался под взглядом сыщика. Архаров некоторое время разглядывал подозреваемого, внешний вид которого был довольно потрепан. “Шварцу в усердии не откажешь, — грустно подумал обер-полицеймейстер. — И что за страсть над людьми измыватьсь?.. А сей не виновен... И в мыслях не держал святотатства... Так пошто ж напраслину на себя возвел?”

— Ну вот что, братец, — тихо произнес Архаров, подходя к солдату, — сдается мне, что ты не токмо не причастен к сему разбою, но и не ведаешь, кто сие святотатство сотворил. Так признайся мне, что оговорил себя. Не бери грех на душу.

Как ни старался обер-полицеймейстер, солдат стоял на своем. Сыщик отправил подозреваемого в холодную, а сам поехал к его хозяину.

— Ваше сиятельство, — обратился Архаров к графу Строганову после обычных приветствий, — поведайте мне о своем Кирилле. Чует мое сердце — не виновен ваш солдат, а он, хоть ты убей его, все талдычит, что ограбил... А тут еще все улики против него.

— Ума не приложу, Николай Петрович, не мог Кирилл сего сотворить — не таков он человек.

— Может, граф, он пьет да в состоянии опьянения буйнит?

— Мухи не обидит, генерал, а горячительных напитков и во все не употребляет. Кирилл нрава смиренного и никому обид не причинял.

— Я так и думал. Благодарю вас, ваше сиятельство, простите за учиненное беспокойство.

Архаров простился, вернулся к себе и потребовал арестанта. На Кирилла было жалко смотреть, он весь извелся.

— По закону за преступление я должен отправить тебя в Сибирь. Пред тем тебя батогами накажут. Ты же меня на преступление толкаешь, братец! Шутка ли — осудить невинного?! А как иначе, коли ты твердишь, словно Отче наш, что ограбил?

Арестант захлюпал носом⁶, но продолжал молчать.

— Ты сам рассуди, как же мне искать настоящего вора, коли у меня в остроге он уже сидит? Ты будешь мыкаться на каторге в то время, как настоящие преступники распродадут утварь, а прихожане в пустом храме молиться будут.

— Ваше превосходительство, — Кирилл повалился в ноги обер-полицеймейстеру, — ни в чем я не виновен. Я думал, что Бог за грехи испытует меня, да сильно страшился помощника вашего. Вот и возвел на себя напраслину.

— В церковь погреться заходил?

— Нет, ваше превосходительство, мужик один подошел и сказал, будто дворник барина послал его сказать, что жинка моя захворала. Вот я и вошел в храм свечку поставить, да отправился домой.

-
- Жена тяжко захворала?
— Нет, ваше превосходительство, жинка, слава Богу, здорова. Она спала, когда я пришел.
— После ты вернулся в церковь, а мужика более не видал?
— Нет, ваше превосходительство, его не было.
— Счастлив ты, что приведен прямо ко мне, иначе не избежать бы тебе тяжкого наказания.

Николай Петрович сдержал слово: утром прихожане благодарили Господа за то, что вся утварь вернулась в храм.

Средства раскрытия преступления у Архарова зачастую были самые оригинальные и дали повод для многочисленных легенд о нем...

...Торговые ряды первопрестольной, как обычно, гудели и напоминали большой муравейник. Народу было несметное количество, каждый был занят своим делом, поэтому никто не обращал внимания на двух подъячих, которые стояли недалеко от лавки мясника Федотова и живо о чем-то шушукались.

— Степан, — сказал тот, что постарше, — коли попадемся — несдобривать.

— Михайло, да разве ж я на грех тебя толкаю?! Глянь-ка на эту сытую харю! Разве ж это справедливо?! Ты денно и нощно спину гнешь в канцелярии над бумагами, слепнешь — и все за гроши, а сей кровопивец почитай даром деньги лопатой гребет.

— Так-то оно так, да боязно больно. — Михайло почесал затылок. — И опять же, как ни крути, а воровство — грех, даже коли и нужда горькая.

— Грех сей мы замолим, — убедительно сказал Степан. — И ничего-то с этим толстопузым не будет — всего один мешок унесем. Тебе ж, чтоб заработать такой мешок с деньгами, три года горбатиться, а он за несколько часов его восполнит.

— Ну, а коли попадемся?

— Положись на меня, — самодовольно ответил Степан, — ты только отвлеки его, остальное дело мое.

— Ладно, — вздохнул Михайло и подошел к мяснику.

— День добрый, Бог в помощь вам, — поклонившись, произнес он. — Хочу свининку купить, да только свежую.

— Другой не бывает, — высокомерно ответил Федотов, презрительно оглядывая потрепанную одежду покупателя.

— В какую цену вот этот кусок? — спросил Михайло.

— Два с полтиною.

— Ой ли! Да что так дорого? — удивился покупатель.

— Коли дорого, ступай отселя! — грозно ответил продавец.

— В соседней лавке такой кусок всего полтора рубля стоит, — продолжал возмущаться Михайло.

— Это в какой же лавке такой кусок стоит полтора рубля?

— Да вот в той, что насупротив, — сказал, оборачиваясь, Михайло и указал пальцем на противоположную сторону.

— У Иваныча, что ли? — удивился Федотов, глядя туда, куда показывал Михайло.

— Не ведаю я, Иваныч он али кто другой, но у него свинина почитай что в два раза дешевле.

В это время Степан подошел с другой стороны, спокойно взял мешок с деньгами, взвалил его на плечо и, не торопясь, пошел с ним мимо мясника.

— Иваныч цену сбивать?! — недоверчиво протянул Федотов. — Да быть того не может!

— Я от него к тебе пришел — дорого показалось мне его мясо, думал, что у тебя по-божески, а ты как ни есть кровопиц! — обиженно произнес Михайло.

— Стой! А ну воротись! — закричал вдруг мясник, узнав свой мешок с деньгами, который удалялся от него на спине какого-то незнакомца. Федотов бросился за ним и моментально настиг похитителя.

— Кому говорят, стой! Ворюга! — неистово вопил мясник и вцепился в мешок.

Степан обернулся и с недоумением уставился на мясника, словно не понимая, чего от него хотят, но мешка из рук не выпустил.

— Ах ты, харя воровская! — продолжал вопить мясник.

— Это я-то харя воровская?! — еще громче того завопил Степан. — Ах ты, ракиля! Честного человека поносить!

От неожиданности Федотов отпустил мешок. Степан положил свою ношу на мостовую и, схватив мясника за грудки, зорал громче прежнего:

— Православные! Грабят! Честного человека грабят!

Вокруг них стал собираться народ.

— Вы только посмотрите на этого кровопийцу! Харю отъел в сажень, а мои деньги, потом и кровью заработанные, отымают! Почитай, всю жизнь копеечку к копеечке складывал! Тыфу! — плюнул Степан в лицо опешившему торговцу.

— Люди добрые, где это видано?! — обратился к толпе Федотов. — Видит Бог, мешок с деньгами мой, а сей разбойник отнял его у меня! Среди бела дня отнял!

Но сочувствие было на стороне Степана. Вдохновленный аферист продолжал разыгрывать комедию.

— А ну, пошли в полицию! — закричал Степан и, схватив правой рукой за шиворот мясника, а левой — мешок с деньгами, потащил Федотова к Рязанскому подворью. Именно здесь, в начале улицы Мясницкой у Лубянской площади, располагался московский обер-полицеймейстер.

Полицейские, очумев от спора двух претендентов на мешок с деньгами, отвели их прямо к Архарову.

— В чем дело? — поднимая от стола свой тяжелый взгляд, спросил обер-полицеймейстер.

— Ваше высокопревосходительство, — заговорил Степан, — иду я давеча мирно мимо торговых рядов, как вдруг сей разбойник кидается на меня, хватает мой мешок с деньгами и пытается отнять. Защитите, ваше высокопревосходительство, будьте отцом родным, не дайте в обиду честного работящего человека. Всю жизнь во всем себе отказывал — денежку копил на дом, а тут...

— Ваше высокопревосходительство, — прервал Степана Федотов, — оговор это. Мои деньги. А сей грабитель украл у меня мешок. Меня всяк знает в торговом ряду, не первый год я здесь торгую...

— Молчать! — рявкнул обер-полицеймейстер и стукнул кулаком по столу. — Принести котел с кипятком!

Все находившиеся в комнате, особенно просители, содрогнулись, услышав о таком грозном приготовлении.

— Никак пытать собрался? — проговорил про себя Степан упавшим голосом, но виду не подал, что испугался.

— Сварит, ей Богу, сварит, — простонал побелевший мясник.

— Вот-вот, давно тебя пора в котел, ишь харю какую отрастил, — съехидничал подьячий.

Между тем Архаров, не обращая на них никакого внимания, продолжал выслушивать просьбы других посетителей. Наконец притащили большой котел, наполненный на три четверти кипятком.

— Бросить деньги в котел! — приказал Архаров.

Через минуту обер-полицеймейстер подошел к котлу, внимательно поглядел в него и обернулся к Федотову.

— Деньги сии твои. Возьми их, а подьячего — в тюрьму, — приказал генерал.

— Колодун! — произнес побледневший Степан. — Неужтовода указала на хозяина, али деньги признались сами?

Когда вынесли котел и увели Степана, Николай Петрович оглядел опешивших подчиненных и ухмыльнулся.

— Неужто и вы за колдуна меня приняли? С нечистой силой не вожусь, разве что с людьми нечистыми дело имею. — Он вернулся к своему столу и сел на свое место. — Не жиром писарь бумаги свои марает, а чернилами, — пояснил генерал, но видя, что до них не дошел смысл сказанного, добавил: — Медяки жирными оказались, и от кипятка сей жир поднялся на верх...

В 1782 году Архаров назначен генерал-губернатором Москвы, а через год произведен в генерал-поручики.

3 сентября 1784 года Екатерина II вызывает Архарова из Москвы и назначает его генерал-губернатором Новгородского и Тверского Наместничества. Кроме того, он назначается главным директором водяной коммуникации, в управлении кото-

рой необходимо было часто иметь дело с простым народом, со всеми барочниками и перевозчиками.

Совмещая эти должности, Архаров обратил особое внимание на устройство путей сообщения, дорог и мостов, неутомимо занимался проведением каналов и в этом отношении принес большую пользу Отечеству. Николай Петрович основал в подчиненных ему наместничествах народные училища. За свою деятельность он был награжден орденами Св. Ал. Невского и Св. Владимира 1-й степени.

Наместнику приходилось исполнять не только свои непосредственные обязанности. Часто императрица призывала его и по другим делам.

24 июня 1788 года Архаров получает тревожную депешу: "Николай Петрович, приезжай сюда под каким бы то ни было видом. Екатерина". Экстренный вызов был связан с ультиматумом шведского короля. В разгаре была война с Турцией. Грандиозные успехи русской армии и флота испугали Густава III, который опасался усиления России. Он потребовал вернуть Турции Крым и другие южные земли, а также уступить часть северных земель Швеции, отошедших к России по Ништадтскому и Абоскому договорам.

Екатерина, естественно, отказалась, Густав объявил войну. Именно в это крайне тяжелое время для Отечества Николай Петрович особенно отличился. Северная граница к моменту объявления войны была совершенно открыта. Архаров в рекордно короткий срок собрал ополчение, доставил его к границе, и когда вражеские войска подошли, она была уже на замке. О напряженной деятельности наместника в Шведскую войну свидетельствует переписка его с императрицей. Вот всего лишь некоторые депеши Екатерины II.

"Господин генерал-поручик Архаров. Из воинских команд, при водяных коммуникациях вашего ведомства находящихся, повелеваем выбрать немедленно не старых, а лучших солдат и унтер-офицеров и доставить сюда для укомплектования полков гвардии, а вместо их для нужных исправлений позволяем употреблять вольнонаемных людей с платежом из сумм на содержание водных коммуникаций и на разные по оным работы отпускаемых. Пребываем всегда вам благосклонны. Екатерина".

"Секретно. Николай Петрович! По надобности иметь зимния повозки для артиллерии, людей, снаряды и провианта, исправление сего возлагаем на попечение ваше с тем, что оное производимо было колико возможно без огласки, и чтоб к месту поспело к первому декабря... Пребываем вам благосклонны. Екатерина. В С.-Петербурге 30 сентября 1788 года".

Заслуги Николая Петровича Архарова перед Отечеством были высоко оценены Екатериной — он стал кавалером всех российских орденов.

6 ноября 1796 года Екатерина Великая скончалась. На престол вступил ее сын. Император Павел особенно благоволил к Архарову и тотчас, по восшествии на престол, произвел его в генералы от инфантерии.

Из сановников прежнего царствования мало кто сохранил свое положение. Одним из немногих был знаменитый сынщик, который сделался (правда, ненадолго) фаворитом нового императора. Назначая его на должность петербургского обер-полицеймейстера, государь на выходе подошел к Архарову и, потрепав его по плечу, сказал:

— Николай Петрович! Вы, сударь, барабаньте мне правду, как я теперь барабаню вас по плечу.

Подозрительный Павел, который с детства боялся заговоров и покушения на свою жизнь, возлагал большие надежды на прозорливость, распорядительность и исполнительность генерала. Император не терпел возражений и требовал точного и беспрекословного выполнения приказов. Поскольку многие его распоряжения вызывали негодование дворян, то исполнительность обер-полицеймейстера также вызывала негодование. Привыкший в точности исполнять приказы, он подчас становился посмешищем.

Павел старался произвести кардинальные изменения в государстве, особенно ополчился он против порядков в гвардии. Множество из того, что задумал император, было рациональным и прогрессивным, но негибкость его политики и средства, которыми претворялись в жизнь реформы, зачастую принимали уродливый характер. Кроме того, новая политика подрывала сословные привилегии дворянства. Зрело недовольство среди аристократии и офицеров некоторых полков гвардии.

— В России дворянин только тот, с кем я говорю и пока я делаю ему эту честь! — не уставал подчеркивать Павел.

Довольный порядком, установленным Архаровым в столице, Павел пожелал иметь такого же надежного человека и в Москве. В разговоре об этом с государем обер-полицеймейстер ловко указал на своего брата. Иван Петрович был немедленно потребован к императору, произведен в генералы от инфантерии, пожалован орденом св. Анны 1-ой степени и назначен вторым московским военным губернатором в помощь престарелому князю Юрию Владимировичу Долгорукову. Благодаря государя за назначение, Архаров заметил, что, живя много лет в деревне, отвык от всего военного и боится, что в этом отношении не угодит его величеству.

— Ну, хорошо, я тебе дам человека, который в том тебе будет помогать.

На другой день московским плац-майором был назначен старый пруссак полковник Гессе, который вместе с Иваном Петровичем отправился в Москву и сделался неразлучным его спутником на всех парадах, разводах и учениях. Москвичи его

прозвали "дядькой" нового губернатора. При содействии Гессе из восьми гарнизонных батальонов был сформирован Архаровский пехотный полк, который прославился такой суровой дисциплиной, что имя "архаровец" сделалось нарицательным.

Архаров зажил в Москве большим барином. Дом его на Пречистенке был открыт для всех. Каждый день у него обедало не менее сорока человек, по воскресеньям давались балы, на которых собирались все московское общество. Иван Петрович губернаторствовал в Москве два года. Фактически же он выполнял роль обер-полицеймейстера. Москвичи были им довольны, и он сам не желал лучшего для себя положения, как вдруг его карьера прервалась...

Однажды государь приказал выкрасить полосами все шлагбаумы и полицейские будки в белую, оранжевую и черную краски. Николай Петрович в его отсутствие приказал всем без исключения обывателям столицы окрасить ворота своих домов и садовые заборы по образцу шлагбаумов. Кроме того, он немедленно дал знать об этом брату, который в свою очередь, обязал жителей Москвы сделать то же самое. Это приказание надо было исполнить немедленно, что повело за собой огромные расходы, так как маляры воспользовались удобным случаем и запрашивали, сколько хотели. Со всех сторон раздались крики негодования.

— Что означает сия нелепая фантазия? — спросил вернувшийся император, пораженный количеством выкрашенных по однообразному шаблону построек.

— Полиция принудила обывателей безотлагательно исполнить волю монарха, — последовал ответ.

— Так что же я, дурак, что ли, чтобы стал отдавать такие повеления? — гневно воскликнул Павел.

Николай Петрович славился не только оперативностью и точностью исполнения приказов, но и трезвым рассудком. Это был человек недюжинного ума, и вдруг?.. Тупостью (как несправедливо упрекают Архарова некоторые современники) подобные вещи не объяснить.

После коронации Павел Петрович отправился осматривать Литовские губернии, а Архарову поручил сопровождать императрицу в Петербург. Николай Петрович ехал в восьмиместной карете императрицы. По пути он незаметно перевел разговор на прошлое. Описывая блестательное время царствования Екатерины II, Архаров неосторожно сказал:

— Благословенные дни счастья, славы и благоденствия могут мгновенно возникнуть в России, следует только поступать по стопам в Бозе почившей мудрой повелительницы Севера.

По возвращении государя в Петербург благоверная супруга пересказала ему слова обер-полицеймейстера.

Почему же этот крайне осторожный и хитрый царедворец позволил себе такую неосторожность: коснуться в разговоре об-

стоятельств восшествия на престол Екатерины II и более того — дать совет поступить так же жене Павла? Утратил способность читать потаенные мысли собеседника или неожиданно поглу- пел? Скорее всего Архаров знал об императрице то, в чем она сама себе не признавалась. Дальнейшее развитие событий подтвердило его правоту.

— Если нет более императора, то я ваша императрица! Одна я имею титул законной государыни! Защитите меня! Следуйте за мной! — Громко заявила о своих правах на трон Мария Федоровна, когда узнала о смерти мужа.

Ее возвзание к солдатам напоминало обращение Екатерины Великой, но у той были братья Орловы, в руках которых была гвардия, и их единомышленники. Теперь-то вдова Павла Петровича, вероятно, сожалела, что с головой выдала Архарова императору. Был бы он здесь, а не в ссылке, кто знает, как дело обернулось бы? Против Петра III был весь народ, против Павла I — кучка царедворцев. Здесь и Архарова с его полицией могло бы хватить.

Как бы то ни было, но в то время императрица была недовольна Архаровым, тем более, что на место обер-полицеймейстера она прочила графа Буксгевдена — родственника фрейлины Нелидовской.

К доносу императрицы были присовокуплены все перегибы Архарова, Павла уверили, что столица крайне недовольна обер-полицеймейстером, и народ на грани бунта. В результате знаменитого сыщика, который держал в страхе всех, свалили две женщины: императрица и Нелидова. Вернувшись, император был очень милостив с Архаровым, но после посещения императрицы и фаворитки вышел чернее тучи. Обер-полицеймейстеру было приказано не показываться на глаза государю.

Через 24 часа было “повелено” Архарову отправиться на безвыездное житие в село Рассказово Тамбовской губернии. Вслед за ним опале подвергся и его брат. Генерал-фельдмаршал граф Иван Петрович Салтыков получил с фельдъегерем высочайшее повеление: “Генерала Архарова II, исключенного из службы, отправить в 24 часа из Москвы в тамбовскую деревню, где находится его брат”.

Вместе с Николаем Петровичем удален был и полицеимейстер Чулков, распоряжения которого привели к непомерной дорогоизнен сена в Петербурге. На опалу этих двух чиновников появилась карикатура: Архаров лежит в полосатом гробу, выкрашенном краской полицеийских будок, вокруг гроба свечи в новомодных уличных фонарях, а у ног его стоит Чулков и утирает глаза сеном.

В 1800 году Архаровы добились позволения жить в Москве, одновременно московский главнокомандующий граф Салтыков получил секретное предписание следить за каждым шагом

Николая Петровича и обо всем доносить прямо государю. Большой особняк Николая Петровича находился в приходе Иоанна Предтечи, что у Девичьего поля, на Большой улице (ныне Большая Пироговская).

Николай Петрович, как человек холостой, ежедневно гостил у брата. Как ни был опытен он и осторожен, но как-то за обедом у Ивана Петровича у него вырвалось несколько слов осуждения необдуманным порывам Павла. Этого было достаточно. 23 апреля 1800 года последовал приказ об увольнении обоих Архаровых от службы, а на другой день графу Салтыкову послано следующее повеление: "По получении сего, повелеваю вам объявить братьям генералам от инфантерии Архаровым повеление мое выехать немедленно из Москвы в свои деревни в Тамбове, где и жить им впредь до повеления".

Ссылка Архаровых продолжалась недолго: 11 марта 1801 года император Павел был убит, и на престол вступил Александр I. Архаровы поспешили ему напомнить о себе поздравительными письмами. Александр ответил им весьма любезно, зачислил вновь на службу, разрешил жить, где пожелают.

Николай Петрович, владея несколькими языками, внимательно по зарубежной прессе следил за положением в Европе. Он предсказал неминуемую войну с Наполеоном еще в 1805 году.

1812 год... Вражеские войска рвутся к первопрестольной. Семидесятилетний Архаров просится на службу. "Николай Петрович, с особенным удовольствием увидел я из письма вашего ко мне, что вы, невзирая на преклонность лет ваших, усердствуете еще посвятить жизнь свою трудам и службе. Достоинство ваше и многие оказанные вами Отечеству услуги давно бы обратили на вас мое внимание, но я хранил ваш покой. Ныне же, удовлетворяя собственному желанию вашему, охотно соглашаюсь, чтоб вы приехали в Москву. И вместе с братом вашим Иваном Петровичем присутствовали в комитете, где опытность и советы ваши могут быть полезны Отечеству. Пребываю вам благосклонный Александр. С.-Петербург августа 26 дня 1812 года".

Умер знаменитый сыщик в 1814 году в своем тамбовском имении в селе Рассказове и похоронен в Трегуляевом монастыре под Тамбовом. Архаров не был женат, но имел побочную дочь от француженки, которой и передал свое наследство. ■

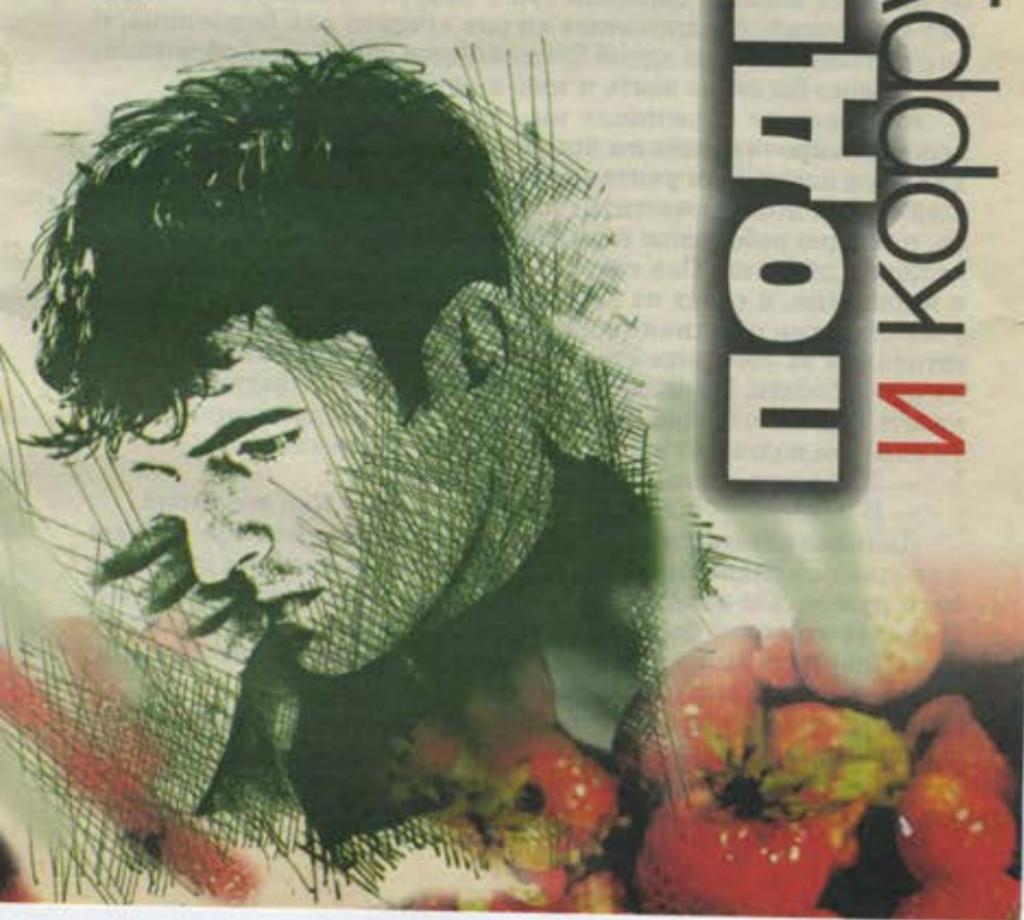
Виталий Федоров

Рут Рэнделл

Каждому, кто имеет привычку обедать вне дома в Лондоне, известно, что "Поттерс" на Мэрайлибоун-Хай-стрит — одно из самых дорогих заведений подобного рода. Николаса Хоуторна, обедавшего обычно в комнаташке, которую он снимал, или в скромных, дешевых закусочных, ввело в заблуждение негромкое название. Когда Аннабель предложила: "А что если нам сходить в "Поттерс"? ", он спокойно согласился.

Николас впервые пригласил ее в ресторан. Она была крохотной симпатичной девчушкой, и это, пожалуй, все, что можно было о ней сказать. На маленьком лице глаза казались огромными, они точно взвывали к вам. Прямо как у летучей лисицы, подумал Николас. Аннабель предложила взять такси, чтобы доехать до "Поттерса". При виде громадного здания как раз посередине Мэрайлибоун-Хай-стрит у него мелькнула мысль, что пешком его было бы ничуть не труднее найти, чем на такси, но вслух он ничего не сказал.

ПОТТЕРС И КОРРУПЦИЯ

Он уже мысленно прикидывал, сколько там может стоить обед. "Поттерс" был большим и роскошным рестораном. Окна — того удивительно прозрачного, но слегка покоробленного стекла, которое свидетельствует о возрасте, а двери — из темного мореного дерева, выглядевшего так, будто его полировали каждый день на протяжении пятидесяти лет. Задернутые занавески скрывали интерьер, так что могло показаться, будто это какая-нибудь частная резиденция — быть может, городской особняк богача.

Сразу за дверью уютно расположился бар; там, в черных кожаных креслах, сидели три пары. Официант принял пальто от Аннабель, и их проводили к столику в зале ресторана. Николас, хоть и был еще молод, отличался наблюдательностью. Он ожидал, что Аннабель будет так же смущена и растеряна, как и он сам, но она точно сбросила с себя робость вместе с пальто. И когда официанты подали им меню и карту вин, она смело заявила, что начнет с "перно".

Во сколько же все это ему обойдется? Николас, в отчаянии глядя на цены, благодарил Провидение хотя бы за то, что прихватил с собой недавно приобретенную кредитную карточку.

Аннабель на первое выбрала спаржу, а на второе — жареную куропатку. Куропатка была самым дорогим блюдом в меню. Себе Николас заказал овощной суп и свиную отбивную. Он спросил у девушки, предпочитает ли она красное или белое вино, и та ответила, что ведь одной бутылкой все равно не обойдешься, так почему бы им не взять и того и другого?

Аннабель не произнесла ни слова, пока они ели. Николас вспомнил прочитанное им когда-то стихотворение, где поэт восхищался школьным учителем, удивляясь, как это одна небольшая голова может вместить столько знаний. Николас поражался, как одно небольшое тело может вместить в себя все, что поглощала девушка. Она съела и жареный картофель, поданный к куропатке, и салат из краснокочанной капусты, и фасоль, а услышав, как официант советует взять тушеные артишоки посетителям за соседним столиком, заметила, что тоже не прочь их попробовать. Николас молил Бога, чтоб ей не вздумалось заказать еще одно блюдо. Но льстивый искуситель официант будто нарочно подкатил к ним тележку с десертами.

— У нас есть свежая клубника, мадам!

— В ноябре? — восхитилась Аннабель. — Как это мило!

Допивая остатки вина, Николас наблюдал, как она поедает клубнику со сливками и просит принести ей кусочек шоколадного рулета. Он заказал кофе. Не желают ли господа ликера? Николас отчаянно замотал головой. Аннабель сказала, что взяла бы шартрез. Николас знал, что это самый изысканный из ликеров — и уж, само собой, самый дорогой.

К этому времени его уже так мучил ужас при мысли о счете и отвращение при виде ее алчной ненасытности, что ему необ-

ходимо было хоть ненадолго оторваться от Аннабель. Было совершенно очевидно, что она согласилась пойти с ним лишь для того, чтобы наесться до отвала и упиться до беспамятства. Он извинился и вышел, направившись в комнату для мужчин.

Для того, чтобы попасть туда, нужно было пройти через бар. Он пока был наполовину пустой, однако за прошедший час здесь появилась еще одна пара; они сидели за столиком в центре зала. Средних лет, с густыми серебристыми волосами и слегка тронутым загаром гладким лицом мужчина правой рукой обнимал за плечи свою спутницу — очень молоденькую и очень хорошенькую блондинку, и что-то нашептывал ей на ушко. Николас сразу узнал его — это был председатель компании, в которой отец его служил коммивояжером вплоть до того дня, два года тому назад, когда его уволили под каким-то благовидным предлогом. Компания называлась "Соренсен и Мак-Гилл", а мужчину с серебристыми волосами звали Джюлиус Соренсен.

Со всем жаром молодого человека, преданного своему обожаемому родителю, Николас ненавидел его. Однако будучи еще очень молодым, он никак не мог задеть Соренсена. Только буркнул сквозь зубы "добрый вечер" и нырнул в мужскую уборную, где вывернул карманы, пересчитал все, что было у него в кошельке, и попытался подсчитать, сколько он уже должен компании по кредитной карточке. Если понадобится, можно занять у отца, хотя ему до смерти не хотелось этого делать, поскольку Николас прекрасно знал, что доходы у отца весьма скромные, с тех пор как эта скотина Соренсен выставил его...

Когда он вышел, чувствуя себя совершенно разбитым, Соренсен и его девушка сидели, отодвинувшись подальше друг от друга. Они не смотрели на него, и Николас тоже отвел глаза в сторону. Аннабель допивала вторую рюмку шартреза, с жадностью поглощая птифюры. Он уже и раньше подумал, что ее лицо похоже на мордочку летучей лисицы, а в эту минуту вдруг вспомнил, что летучая лисица — это всего лишь красивое название крыланы, плотоядной летучей мыши. Поедая марципановый апельсин, Аннабель очень походила на прожорливую маленькую летучую мышь.

— Мне так хочется спать, и у меня такое странное ощущение, — сказала она. — Может, я подхватила какой-нибудь вирус? Ты бы не мог расплатиться?

Николасу не сразу удалось привлечь к себе внимание официанта. А когда удалось, тот просто подлетел к ним с кофейником. Николас и сам удивился собственной твердости.

— Счет, пожалуйста, — произнес он тоном гладиатора, обращавшегося к Цезарю: "Идущие на смерть приветствуют тебя!"

Не прошло и минуты, как официант вернулся. Не будет ли Николас так любезен пройти с ним и побеседовать с метрдотелем? Николас кивнул, совершенно ошеломленный. Что случи-

лось? Аннабель откинулась в кресле, ее большие глаза были полузакрыты, из уголка ее губ стекала оранжевая струйка. Они, наверное, намерены сказать ему, чтоб он увел ее отсюда, что она бросает тень на их заведение, думал Николас, идя за офицером.

Огромный мужчина с шевелюрой королевского пингвина сообщил ему:

— Ваш счет уже оплачен, сэр.

Николас уставился на него.

— Не понимаю, что вы хотите сказать?

— Ваш отец оплатил его, сэр. Мне поручено сообщить вам, что ваш отец заплатил по счету.

Николас почувствовал невероятное облегчение. Казалось, он снова стал выше ростом. Выходит, кто-то подарили ему... хм, сколько же? Шестьдесят фунтов? Семьдесят? Внезапно он понял. Соренсен оплатил этот счет, назвавшись его отцом. В виде маленькой компенсации за содеянное, за то, что он уволил его отца. Он заплатил шестьдесят фунтов, как бы показывая, что хочет загладить свою вину, показывая, что ему хочется хоть немного исправить несправедливость.

Свободный и уверенный в себе Николас попросил:

— Пожалуйста, вызовите мне такси!

Затем он разбудил задремавшую Аннабель, ведя себя при этом с благородством истинного лорда.

Эйфория его длилась еще долгое время после того, как он втолкнул полусонную Аннабель в дверь ее дома, затем поднялся к себе, в меблированную комнату, которую снимал, и засел за кроссворд в вечерней газете. Все могло бы быть совсем по-другому, не взмыслись он за этот кроссворд. "Двенадцать по вертикали: то, что при соответствующем воздействии подвергает вашу душу коррупции. (6 букв)." "П", "Д" и "К" уже были. Мгновение — и Николас уже знал ответ: "Подкуп!" Николас бросил газету, уставившись в стену напротив. Он всегда идет рука об руку с коррупцией. Как можно быть таким идиотом, таким безмозглым простодушным болваном, чтобы думать, будто такой человек, как Соренсен, мог тревожиться из-за содеянной им несправедливости или хоть на миг усомниться в своей правоте? Ну разумеется, Соренсен даже и не думал ни о какой компенсации, и уж, конечно, он оплатил этот счет не по доброте душевной и не движимый раскаянием. Это был подкуп. И он его сделал, чтобы заткнуть Николасу рот, потому что не хотел, чтобы кто-нибудь узнал, что он там пил с этой девицей и обнимал ее, будучи женатым. Это был подкуп, идущий рука об руку с коррупцией.

Как-то, года три назад, Николас со своими родителями оказался на вечере, который Соренсен устраивал для своего персонала, миссис Соренсен тогда принимала гостей. С каштановыми волосами, маленькая, чем-то походившая на мышь

ку женщина, вспомнил он сейчас, она выглядела на все свои сорок пять — возраст довольно преклонный, по мнению Николаса.

Соренсен оплатил этот счет, не желая, чтобы его супруга проводила о том, что у него есть подружка, столь юная, что гудила ей в дочери.

“Он меня купил, — подумал Николас, — подкупил и превратил в продажную и растленную личность — или, по крайней мере, попытался. Но ему это не удастся. Напрасно он думает, что снова сумеет разделаться с кем-то из рода Хоуторнов. Хватит одного раза”.

Николас провел тяжелую ночь, то и дело просыпаясь и думая обо всех вещах, от которых ему придется отказаться в течение последующих нескольких недель ради собственной чести. Тем не менее, к утру его решимость окрепла. Проверив, на месте ли чековая книжка, он отправился на службу.

Прошло несколько часов, прежде чем он набрался мужества и позвонил в “Соренсен и Мак-Гилл”. А что он станет делать, если Соренсен не пожелает с ним встретиться? Вот если бы у него был солидный счет в банке, на котором лежало бы пять сотен фунтов, он мог бы сделать широкий жест и выслать Соренсену незаполненный чек, сопроводив его кратким, надменным письмом.

Телефонистка, отвечавшая обычно в те дни, когда он временно звонил своему отцу на работу, ответила и сейчас.

— “Соренсен и Мак-Гилл”. Слушаю вас!

Несколько охрипшим голосом Николас спросил, не может ли он встретиться сегодня с мистером Соренсеном по очень срочному делу. Его переключили на секретаршу Соренсена. Пришлось подождать. Звучали гудки, щелкали переключатели. Девушка опять взяла трубку, и Николас был уверен, что она сейчас скажет “нет”.

— Мистер Соренсен спрашивает, подходит ли вам час дня?

Во время ленча? Ну разумеется, подходит! Но что, черт побери, могло побудить Соренсена пожертвовать одним из обильных, обходившихся в немалую сумму завтраков только для того, чтобы увидеть его? Николас отправился на Беркли-сквер, гадая, в чем причина подобной отзывчивости. Слабый, тоненький голосок надежды в душе снова принял лепетать те же доводы, которые накануне вечером голос здравого смысла столь решительно отверг.

Быть может, Соренсен действительно хотел совершить добре дело, и, когда Николас придет к нему, тот ему скажет, что оплата счета была вовсе не подкупом, а желанием сделать подарок сыну служащего, которым он некогда дорожил. Хорошенькая девушка могла ведь быть и дочерью Соренсена. Николас понятия не имел, были ли у того дети. Возможно, у него есть дочь. В таком случае, никакой коррупции, никакого преда-

тельства, никакой необходимости отказываться от сигарет или унижаться перед домохозяином.

В компании "Соренсен и Мак-Гилл" его знали. Он бывал там с отцом и, к тому же, был похож на отца. Та девушка, хорошенькая блондинка, никак не походила на Соренсена. Секретарша провела его в кабинет председателя компании. Соренсен сидел в бежевом кожаном кресле, за письменным столом из розового дерева с инкрустированной, из бежевой кожи, столешницей. Стену у него за спиной украшали картины под Модильяни, а на столе стояла пепельница из темно-зеленого нефрита, полная окурков, которую секретарша заменила на чистую, из бледно-зеленого нефрита.

— Хелло, Николас, — произнес Соренсен. — Садитесь.

Единственный стул в кабинете был из тех новинок дизайна — металлические рамки и кожа. Рядом стоял журнальный столик из черного стекла, обтянутый по краям черной кожей, на стекле лежал журнал, раскрытий на развороте с изображением обнаженной девицы. Есть люди, умеющие создать для других непринужденную обстановку, и есть такие, что умеют поставить других в неловкое положение. Николас опустился на стул — в самом деле опустился, поскольку оказался в каких-нибудь трех дюймах от пола.

Соренсен закурил, не предложив сигареты Николасу. Он посмотрел на юношу и задумчиво покачал головой.

— Пожалуй, я этого ожидал.

Николас открыл было рот, собираясь заговорить, но Соренсен предупреждающе поднял руку.

— Минуточку, у вас еще будет время высказаться. — Тон его стал суровый, напористый. — Девушка, которую вы видели со мной вчера вечером, была просто случайной знакомой, я подцепил ее в баре. Никогда прежде ее не видел и никогда больше не увижу. Она — в любом смысле этого слова — не моя подружка и не любовница. Подождите! — прервал он Николаса, когда тот снова попытался что-то сказать. — Позвольте, я закончу. Моя жена не отличается крепким здоровьем. Узнай она, где я был прошлой ночью и с кем, это, без сомнения, сразит ее. Весьма вероятно, она опять занеможет, я, разумеется, имею в виду нравственное расстройство, душевное потрясение, однако... — Он глубоко затянулся. — Однако я ни в коем случае не позволю, чтобы меня шантажировали. Ясно вам? Я заплатил за ваш обед вчера вечером — и все. Не хочу, чтобы моя жена узнала о том, что вы видели, но вы можете все рассказать ей, растрезвонить об этом хоть на весь свет — я все равно не заплачу вам больше ни пенса.

При слове "шантаж" сердце у Николаса бешено заколотилось, кровь бросилась в лицо. Он пришел, чтобы отстоять свою честь, а причины его появления здесь были поняты столь превратно!

— Дело вовсе не в том, я совсем не... как вы можете говорить мне подобные вещи?

— Это не очень-то приятное слово, не так ли? Но как бы вы это ни называли, суть-то одна! Вы ведь пришли ко мне, чтобы попросить еще?

Николас так и подскочил.

— Я пришел, чтобы вернуть вам ваши деньги!

— Ах, вот как! — Соренсен произнес это странным тоном — старомодно учтивым, циничным, но с нотками любопытства — и с силой загасил сигарету. — Понимаю. Юность моралистична. Неопытность — высоконравственна. Вы, так или иначе, ей скажете, поскольку вы не продаетесь, не так ли?

— Да, я не продаюсь.

Николаса трясло. Он встал, опираясь руками о письменный стол Соренсена, но они все равно дрожали.

— Я никогда никому не скажу, о том что видел, даю вам слово. Но я не могу допустить, чтобы вы оплатили мой обед... да еще и выдавали себя за моего отца! — Глаза его защипало от слез.

— О, ради Бога, садитесь! Если вы не собираетесь меня шантажировать и будете держать язык за зубами, какого же черта вы пришли сюда? С визитом вежливости? Поболтать, как мужчина с мужчиной, о девушках, с которыми мы развлекались вчерком накануне? Вы ведь знаете, ваши родственники не входят в число тех, с кем мне хотелось бы поддерживать приятельские отношения.

Николас чуть отступил. Он почувствовал силу этого человека. Это была сила денег и сила того, кто всегда их имел. Ему открылось нечто, чего он прежде никогда не замечал в Соренсене, а сейчас вдруг заметил. Соренсен, казалось, был отлит из металла: кожа — из меди, волосы — из серебра, костюм — из сплава олова со свинцом.

Затем глаза Николаса затянуло пеленой, все стало расплываться перед ним.

— Сколько с меня причиталось по счету? — с трудом произнес он.

— О, Бога ради!

— Сколько?

— Шестьдесят семь фунтов, — усмехнулся Соренсен, — более или менее.

Казалось, он забавлялся.

Для Николаса это было целым состоянием. Он достал свою чековую книжку, выписал чек на имя Дж. Соренсена, протянул его через стол и сказал:

— Вот ваши деньги. Но вам не о чем беспокоиться. Я никому не скажу, что видел вас. Даю слово, что не скажу.

Произнеся эти слова, он почувствовал себя невероятно благородным, настоящим героем. Слезы, угрожавшие пролить-

ся, высохли. Соренсен взглянул на чек и разорвал его пополам.

— Вы очень докучливый молодой человек. Я больше не желаю терпеть ваше пребывание здесь. Уходите.

Николас вышел из дверей здания с высоко поднятой головой. Он обдумывал, как послать Соренсену еще один чек, когда два дня спустя, читая в поезде утреннюю газету, неожиданно наткнулся на ненавистное имя. Поначалу он даже и не подумал, что речь идет о "его" Соренсене, но вскоре понял, что так оно и есть. Крупные заглавные строчки гласили: "ЖЕНЩИНА НАЙДЕНА МЕРТВОЙ В ЛЕСУ. УБИЙСТВО СУПРУГИ ДЕНЕЖНОГО МАГНАТА".

"Тело женщины, — говорилось дальше в статье, — было найдено прошлой ночью в брошенной машине в лесу Хатфилда, в графстве Хертфордшир. Она была задушена. Женщину опознали сегодня как миссис Уинфред Соренсен, 45 лет, Итон Плэйс, Белгрэйвия. Это супруга Джонса Соренсена, председателя компании "Соренсен и Мак-Гилл", производящей оборудование для офисов.

Миссис Соренсен гостила у своей матери, миссис Мэри Клиффорд. Миссис Клиффорд заявила:

— Моя дочь собиралась погостить у меня еще два дня. Меня удивило, когда она сказала, что поедет домой, в Лондон, во вторник вечером.

— Я не ждал жену во вторник, — сказал мистер Соренсен. — Я понятия не имел, что она уехала от матери, пока не позвонил туда вечером. Когда я узнал, что она пропала, я немедленно сообщил в полицию.

Полиция считает, что это убийство".

Бедняжка, — подумал Николас. В то время, как она ехала домой, к мужу, скучая по нему, быть может, нуждаясь в его обществе и сочувствии, он развлекался с девицей, которую тут же и подцепил, девицей, чьей фамилии он даже не знал. Теперь его, должно быть, терзает раскаяние. Что было страшнее всего — так это контраст: Соренсен — щека к щеке с этой девушкой, за рюмкой вина, а позднее, без сомнения, в постели; и его жена — одинокая в своей борьбе с убийцей, в пустынном месте, в темноте.

Николаса, разумеется, ничуть бы не удивило, если бы Соренсен сам это сделал. Что бы ни сделал Соренсен, он бы ничему не удивился. Этот человек способен на любое беззаконие. Вот только он не мог этого сделать, и Николас знал об этом лучше, чем кто бы то ни было. Поэтому он очень удивился, возвращаясь домой этим вечером, что его поджидают два полисмена.

— Не беспокойтесь, мистер Хоутон, — сказал старший из них, который представился как инспектор сыскной поли-

ции. — Это просто формальности. Думаю, вы читали в сегодняшней газете о гибели миссис Уинфред Соренсен?

— Да.

— Разрешите войти?

Они поднялись с ним наверх. Что им нужно от него? Николас иногда читал детективы, и ему пришло в голову, что, зная, быть может, о том, что он имеет некоторое отношение к компании "Соренсен и Мак-Гилл", они хотели бы задать ему вопросы о характере Соренсена и о его отношениях в семье. В таком случае, они обратились по адресу.

О, ему было что рассказать им! Он мог поведать, почему несчастная миссис Соренсен, измученная ревностью и подозрениями, вбила себе в голову уехать от матери на два дня раньше и вернуться домой. Она намеревалась поймать своего мужа с поличным. И она бы его поймала — обнаружив его отсутствие или, возможно, застав его с этой девицей в их доме, — вот только не попала домой. Какой-то маньяк лишил ее жизни. О да, уж он бы им мог рассказать!

— Установлено, — начал инспектор, — что миссис Соренсен была убита между восемью и десятью часами вечера во вторник.

Николас кивнул. Он едва мог сдержать возбуждение. То-то они будут поражены, когда он им расскажет о подробностях частной жизни этого внешне респектабельного бизнесмена! Еще секунда — и Николас застыл с раскрытым ртом.

— В девять часов в тот вечер мистер Джюлиус Соренсен, ее муж, находился в ресторане под названием "Поттерс" на Мэрайлибун-Хай-стрит в обществе молодой девушки. Он сам рассказал нам об этом.

Соренсен рассказал им! Он признался. Какое разочарование!

— Вы, кажется, были в ресторане в то же самое время?

Николас тихо ответил:

— О да! Да, я был там.

— На следующий день, мистер Хоуторн, вы пришли в офис "Соренсен и Мак-Гилл", где состоялся разговор между вами и мистером Соренсеном. Не могли бы вы передать суть вашей беседы?

— Мы говорили о том, что я видел его в "Поттерсе" вечером накануне. Он хотел, чтобы я...

Николас запнулся. Щеки его покрылись краской смущения.

— Минуточку, сэр! Мне кажется, я понимаю, отчего вас это смущает. Позвольте заметить — и тут нет ничего обидного, — вы еще очень молодой человек, а молодые люди нередко смущаются, когда затронуты такие понятия, как преданность и верность. Я прав?

Озадаченный Николас кивнул.

— Но вы должны говорить правду. Вы готовы?

— Да, разумеется.

— Хорошо. Не пытался ли мистер Соренсен подкупить вас?

— Да. — Николас набрал в грудь побольше воздуха. — Я дал ему слово.

— Которое ничего теперь не значит, мистер Хоуторн. Позвольте, я повторю. Миссис Соренсен была убита между восемью и десятью. Мистер Соренсен сказал нам, что был в "Поттерсе" в девять. Официанты из бара не могут его припомнить. Фамилия дамы, с которой, по его утверждению, он был, ему не известна. Согласно его заявлению, вы видели его. — Инспектор взглянул на помощника, затем снова перевел взгляд на Николаса. — Ну, так как, мистер Хоуторн? Это вопрос чрезвычайной важности.

Николаса снова охватило волнение, однако он не показал виду. Они и так все поймут.

— Я был в "Поттерсе" с восьми часов приблизительно до половины десятого. — Он старательно придерживался правды. — Мы с мистером Соренсеном говорили о том, что я был там и видел его, во время нашей встречи у него в офисе, в среду, и он... он заплатил за мой обед.

— Понятно.

Каким острым, пронзительным был взгляд у инспектора! Как много, ему казалось, он знает о молодежи и возрасте, о мудрости и наивности, о невинности и коррупции!

— Ну и... Вы действительно видели мистера Соренсена в "Поттерсе" во вторник вечером?

— Я не могу забыть мое слово, — тихо, но твердо произнес Николас.

Ну еще бы, разумеется, он не мог. Ему только и нужно было, что держать свое слово, и полиция обвинит Соренсена в убийстве. Он опустил глаза и сказал виноватым, сдавленным голосом:

— Я не видел его. Конечно, не видел.

Перевод с английского Зоя Святогоровой.

ЧЕСТЬ ДОРОЖЕ ДЕНЕГ

Скажите, читатель, какие ассоциации возникают у вас, когда вы слышите слово "телохранитель"? Правильно: такой наначанный "шинаф" с озабоченным выражением на лице, который прямо-таки принадлежит к охраняемому им телу. Причем, как правило, таких "шинафов" несколько. Во всяком случае, подобные картины то и дело мелькают по телевидению...

— И дают совершенно исказженную картину того, что на самом деле должно происходить, — прокомментировал мои сентенции генеральный директор объединения "Бюро охраны коммерческих структур" **Валерий Николаевич Величко**. — Лучшая охрана — та, которой не видно. У нас, например, есть в штате сотрудники, которые могут справляться с тремя, а то и больше, против-

нинами, потому что в совершенстве владеют различными приемами рукопашного боя. И выглядят при этом обычными людьми, а никакими не "шкапами" или "начками".

Моя встреча с Валерием Николаевичем все откладывалась и откладывалась, и я, если честно, начинала слегка сердиться. Ну, назначил же встречу, определил время, тан удали его нанонец журналисту, а потом занимайся своими делами. Но когда интервью все-таки состоялось, я поняла, что мои обиды — сплошная глупость. Доведись мне жить и работать в таком режиме, я бы сама с собой встречаться не смогла бы, а не то что с какой-то там журналисткой.

Наиболее опасной в охранной сфере считается работа по сопровождению грузов, хотя об этом мало кто знает. Казалось бы: посадил вооруженных ребят в машину и пусть себе охраняют. Оказалось, не все так просто.

— Мой железный принцип, — заметил Валерий Николаевич, — не подставлять ребят под удар. В этих случаях я первые три поездки делаю сам, прокатывая весь маршрут: посещаю отделения милиции, посты ГИБДД, отделы ФСБ, то есть создаю своеобразную защитную инфраструктуру. И даже если наши сотрудники попадают в сложную ситуацию, они знают, что фирма будет им в любом случае помогать.

Сколько же времени уходит на это самое "создание инфраструктуры"? При том, что это — вовсе не основная работа, а тан, сопутствующая.

— Валерий Николаевич, а нужна ли частная охрана вообще?

Есть ведь милиция, которую никто не отменял.

— Очень даже знакомый вопрос. Отвечаю. До 1991 года, когда существовал Союз, когда существовала устоявшаяся правоохранительная система, когда каждый милиционер охранял не мафиози, не назино и не бордель, а занимался охраной каждого гражданина, а этот каждый гражданин мог обратиться в милицию и получить соответствующую помощь, когда у милиции был бензин, чтобы выехать на место происшествия, частная охрана, естественно, была не нужна. Но теперь ситуация круто изменилась. И милиция элементарно не может справиться со всеми возложенными на нее задачами. Судите сами: только наша фирма предлагает такие виды услуг, как личная охрана, вооруженная охрана банков, офисов и других помещений, в том числе и с использованием служебных и поисковых собак, инкассационные услуги с предоставлением спецавтомобилей, обеспечение безопасности массовых мероприятий, охрану грузов при транспортировке, консультационно-экспертную работу...

— Понятно. Но в западных странах полиция, в отличие от нашей, работает, как мне кажется, нормально. Тем не менее, охранники — как можно видеть хотя бы в кинофильмах — там присутствуют. Неужели и тамошняя полиция не справляется?

— Мы все время забываем, что живем уже в совершенно другом государстве, при ином строе. Дело в том, что когда у нас существовала социалистическая система, когда в принципе отсутствовали очень богатые люди, кото-

рые могли бы позволить себе что-то, кроме той же милиции, ничего, кроме милиции, не было и быть не могло. А при том капитализме, который сейчас существует в России — да, диний, да, криминальный, но все-таки капитализм, — ситуация существенно изменилась. И возникла необходимость в иной охране. Если помните, несолько лет назад в любом магазине, даже в уличном ларьке при входе сидел милиционер с автоматом. Причем не просто милиционер, а майор или даже полковник. Что, в принципе, было неправильным. Поскольку, если появляется новое по устройству общество, то оно требует и новой формы услуг. Этой новой формой стала частная охрана, частная безопасность. И получилось так, что эта система начала здорово развиваться, особенно после того, как в 1992 году вышел "Закон о частной детективной и охранной деятельности", по которому, например, частной охране было дано право иметь оружие, специальные средства и так далее. И если до выхода этого закона, с позволения сказать, охрану осуществляли бывшие военнослужащие с дубинками или газовыми пистолетами — это в лучшем случае! — то теперь охрана приобрела соответствующую форму. И соответствующее оружие.

Кроме того, сотрудники охранных предприятий теперь имеют право на средства личной защиты: бронежилет, насы и так далее. Конечно, и радиосредства, и автотранспорт... — продолжил Валерий Николаевич. — То есть если раньше какой-нибудь бандит мог совершенно спокойно вломиться в помещение, зная, что

там в лучшем случае стоит дедок с палкой, то теперь он прекрасно знает, что может получить в ответ столько, что мало не покажется.

— А правда, что большинство охранных структур фантически выросло из бандитских формирований? — выпалила я мучивший меня с самого начала вопрос.

Выпалила — и испугалась. Вот сейчас сказала: "Да, а что? Мы вот тоже..." Хороша я буду в этой ситуации! Слава Богу, не угадала.

— Неправда, — твердо ответил Величко. — Впрочем, какой-то процент охранных предприятий был создан криминальными структурами для охраны собственного бизнеса. Но тут мы опять должны вернуться в прошлое. Раньше, до установления жесткого контроля над охранными предприятиями, то есть до лицензирования этой деятельности, подобное, безусловно, встречалось. Но теперь такого просто не может быть, потому что фантически каждый охранник проходит специальную проверку. Для получения лицензии необходимо представить три справки: первая — от психиатра, вторая — от нарколога и третья — обычная справка о состоянии здоровья. Все это представляется в милицию, милиция выявляет сведения о принадлежности или какой-то причастности этого человека к криминалу, и, если он проходит по неблаговидным делам, никто ему лицензию не выдаст. Все.

Почему, подумала в этот момент я, так не проверяют людей, которые занимаются не охраной, а в прямом смысле слова решают людские судьбы в масштабах всей страны? Но это — так, субъективные рассуждения.

— Однажды мне довелось выступать по телевидению вместе с господином Колесниковым. — Теперь он первый замминистра внутренних дел России, а тогда был начальником МУРа. И вот он, помимо всего прочего, заявил, что девять из десяти охранников — бандиты. На это я ему ответил: "Уважаемый господин генерал. Если вы знаете, что из десяти охранников девять — бандиты, то как же они получают лицензии? Получается, что вы, милиция, по сути дела, недостаточно добросовестно выполняете свои обязанности. Даете лицензию людям, о которых известно, что они бандиты, или фирме, у которой заведомо бандитская репутация. Если это не так, то я вас, извините, могу обвинить в клевете. В нашей фирме, слава Богу, около двухсот сотрудников и если из них, по вашим словам, сто девяносто — бандиты, то получается, что и я, генерал-майор НГБ в отставке, бандит. А я — частный охранник, у меня есть лицензия. Так что за свои слова нунчко отвечать. Он сначала разобиделся, но потом мы все-таки подружились.

— То есть они все-таки признали, что бандиты — это одно, а охрана — как бы совершенно другое? — поинтересовалась я.

— Дело в том, что частную охранную деятельность тоже необходимо смотреть в динамике. До выхода закона, когда в этом деле была чистая самодеятельность, — одно. После выхода "Закона о частной детективной и охранной деятельности" — уже другое. А после создания и укрепления практики выдачи лицензий — третье. А четвертое — это сегодняшний день. За это время произошел

значительный отсев: мелкие фирмы, которые только выдавали себя за охранные предприятия, ушли. Были случаи, например, когда создавались охранные предприятия с уставным капиталом в три рубля и брали под охрану, скажем, транспортировку груза компьютеров общей стоимостью в два-три миллиона долларов. В случае утраты с кого было спрашивать? С этой самой фирмы, у которой и брат-то нечего? Затем появилась целая методика, были созданы фирмы с достаточными материальными средствами, когда если что-то и произойдет, можно расплатиться. Плюс — появление системы страхования, когда часть ответственности за груз несут соответствующие компании, имеющие по закону больший уставной капитал.

Повторяю, большая часть прежних частных охранных предприятий за последнее время закрылась. Нажется, около двухсот. Во-первых, по причине непрофессионализма, во-вторых, навести, из-за связи с криминалом. Дальше: появилась еще одна форма обеспечения большей надежности предприятий — они стали объединяться в структуры. Плюс создается система общественного контроля, которая определяет так называемые "мошеннические предприятия". Сегодня, если предприятие не входит ни в одно из общественных объединений: "Российский союз предприятий безопасности", "Консультативный Совет при ФСБ", "Российский профсоюз государственных предприятий и охранных структур", у любого нормального предпринимателя должно возникнуть сомнение в надежности этой

фирмы. Тем более, можно всегда получить справку, что из себя представляет предприятие под условным названием "Аллигатор". Мы знаем друг друга лучше, чем милиция, и в общем-то способны проследить за тем, чтобы на этот рынок не попадали недобросовестные люди.

— То есть подавляющее большинство частных охранных фирм — легальные, законопослушные предприятия?

— Мы платим огромные налоги. К сожалению, я даже не могу повысить зарплату сотрудникам, потому что чем больше я имплачиваю, тем больше денег забирает государство. В геометрической прогрессии. Когда нашей фирме исполнилось пять лет, я попросил посчитать, сколько налогов мы за это время выплатили. Оказалось — несколько десятков миллионов долларов. Сравнимо с бюджетом среднего районного центра.

— Говорят, что сейчас в России свыше миллиона частных охранников. Цифра, прямо скажем, впечатляет. Это так?

— Нет, не так. Если верить статистике, то в России сейчас числится около 160 тысяч лицензированных охранников. Если учесть, что практически у каждого охранника есть семья, то есть жена и как минимум один ребенок, то получается, за счет деятельности охранных предприятий могут нормально существовать около полумиллиона человек. Если кто-то наверху вдруг решит, что частная охрана не нужна, то без работы останутся около двухсот тысяч людей, которые умеют только служить и охранять. То есть получится колоссальная социальная

поддержка криминала — ведь нормальный, здоровый мужик не будет работать за гроши, он будет искать нормально оплачиваемую работу, а ее быстрее всего ему предоставит криминал. При этом совершенно не обязательно становиться бандитом в прямом смысле этого слова. Достаточно просто поступить на работу в криминальную фирму, а их, поверьте, и сегодня хватает. Я иногда смотрю рекламные объявления и прихожу в ужас...

— Это понятно. А как быть людям, не владеющим соответствующей информацией?

— А это уже, простите, вопрос к криминальному государству: как оно позволяет рекламировать криминальные фирмы. Я лично не готов ответить на этот вопрос.

— Хорошо, тогда другой. Зачем охрана в обменных пунктах с бронированными стенами и железными дверьми? Для денорации?

— Отвечаю: никакие пуленепробиваемые стекла и бронированные двери ни в коей мере не помогут, если нет человека. Есть такое сочетание — "человек-техника". Самый сложный механизм, самое современное оборудование не могут работать без контроля человека. То есть они неэффективны. Той же девушке в окошне можно просто брызгнуть соответствующий газ и ей хватит только ножками дернуть два раза. А вскрыть любую стальную дверь можно максимум за пятнадцать-двадцать минут. Показывали же по телевизору "праздничную" операцию ОМОНа или СОБРа, не помню точно, по зачистке этих самых обменных пунктов. Ну и что — помогли эти двери?

— Хорошо, это, так сказать, "легальное вскрытие". Но ведь существует еще и соответствующая сигнализация для вызова милиции...

— Сегодня милиция просто не справляется с тем количеством объектов, которые нужно серьезно охранять. Не хватает людей, техники, у милиции наконец нет бензина. Нан тут быть? А в магазинах охрана занимается еще и выявлением мелких краж. Тащат все подряд, не случайно же во многих магазинах уже стоят металлоискатели, а на большинство более или менее дорогих товаров ставят специальные датчики, которые размагничиваются на кассе при выходе. И при чем тут милиция? Ставить по милиционеру каждому прилавку?

Тут уже я была не готова ответить на вопрос, зато меня посетили кое-какие интересные мысли. Налоги, которые мы все платим, уходят, похоже, в том числе и на создание не очень-то эффективной правоохранительной системы. Это единственный, между прочим, вывод, который направляется. А следом за ним направляется вопрос: а куда вообще уходят налоги? В частности, данной конкретной охранной фирмы, налоги с которой могут составить бюджет небольшого районного центра? Смею думать, что это — не единственная фирма в России, которая "спит спокойно", будучи абсолютно законопослушной, в том числе, и в плане налогов. Тогда — в канву "черную дыру" все это проваливается? Ведь даже на те налоги, которые плачу я исправно родному государству, можно пронормить нан минимум двух пенсионеров.

Нет, умом Россию действительно не понять.

Все это я конспективно изложила своему собеседнику и, в общем-то, встретила понимание с его стороны.

— Сегодня эта система, увы, недостаточно эффективна вообще. И обеспечить то, что мы называем "защитой каждого гражданина", она не может. Испокон веков была система: защита государства, защита общества, защита личности. Теперь появилась еще защита собственности, и эта услуга требует больше денег, чем что-либо другое. Охранник, занимающийся личной охраной, получает в некоторых фирмах около тысячи долларов. Для профессиональной охраны одной семьи требуется пятьдесят-шестьдесят человек, заявляю это со всей авторитетностью. Посчитайте стоимость такой охраны. По месту жительства, в офисе, на трассе проезда.

— То есть один телохранитель, который все время таскается за "телом", — это, извините, фуфло? — остро заинтересовалась я.

— Это не просто, нан вы изволили выразиться, фуфло, это мошенничество и обман тех людей, которые думают, что их охраняют. Рассказываю случай из жизни. Нан-то мне пришлось консультировать службу безопасности первого лица серьезного банка. Он взял к себе на работу, точнее, просто переманил взвод ОМОНа во главе с его командиром. Встретили меня, мягко говоря, без особого удовлетворения: мол, что он нового может нам сказать?

Я и не стал ничего говорить, а предложил пару дней посмотреть за их работой. Крутые ребята, от-

лично физически подготовленные, участвовали в освобождении заложников, других серьезных переделках. Назалось бы, сам Бог велел им заниматься охраной. В течение двух дней за ними совершенно открыто ходила наша машина наблюдения, снимали на видеокамеру. И они за два дня ухитились не рассмотреть, не засечь ее. Магнитофонная запись показала, что ребята ездят за шефом, главным образом мирно беседуя о "былых походах", планах на вечер. Нет никакого разделения он-ружающего пространства на секторы, никакого наблюдения. Весь расчет на внешний эффект: вот если на нас нападут, мы высокочим и быстро разметим бандитов...

На следующей встрече я показал им тот видеофильм и начал рассказывать. Вот вы въезжаете во двор. Да, один человек пошел с охраняемым в подъезд. Остальные стоят во дворе толпой с сигаретами в зубах, "травят". А хоть один из вас бросил взгляд на верх? (Припомните случай с Отари Квантришвили, когда снайпер на крыше дома спокойненько расстрелял его на глазах у охранников.) Смотрите, вон там сидит на ми посаженный человек с палкой в руках, имитирующий снайпера. Вы его видели? Нет.

Дальше. Заехав во двор, что вы обязаны были сделать первым? Сверху донизу осмотреть подъезд. Осмотрели? Нет. Но ведь только после этого, убедившись, что там нет ничего и никого подозрительного, что там все чисто, можно пускать в подъезд охраняемого. Где чаще всего ниллеры поджидают свои жертвы? В подъезде, у лифта, у двери квар-

тиры. В общем, в течение полутора месяцев ребята очень серьезно, с полной нагрузкой работали по нашей методике. И стали действительно профессиональными охранниками-телохранителями.

— Но ведь совершенно невозможно к каждой семье предпринимателя приставить полсотни человек! Нереально!

— Совершенно верно. Никакое количество охранников не спасет от неприятностей, если нет службы безопасности, которая самым серьезным образом анализирует ситуацию вокруг фирмы, контакты охраняемых, изучает их рабочий режим, обучает персонал, то есть работает не только вокруг фигуры охраняемого, но и в дальнем его окружении. Да, с одной стороны — это дорогое удовольствие. Но с другой стороны — расстрелы и взрывы происходят там, где бизнес смыкается с криминалом. Там, где люди не обманывают, они, как правило, работают долго и счастливо.

— А нужны ли вообще люди, которые в принципе не создают материальные ценности, а ходят и охраняют каких-то там миллионеров, когда основной народ элементарно бедствует?

— Если мы как бы строим капиталистическое государство, то понятно, что российский капиталист-производитель вносит свой вклад в экономику государства хотя бы налогами. Следовательно, охраняя этого предпринимателя, мы тем самым выполняем государственную задачу. Замечу: моя фирма не охраняет казино и бордели, мы охраняем предпринимателей, новый класс буржуазии. Если мы вынуждены развивать новое общество, то охрана таких лю-

дей носит свой социально-ориентированный подтекст.

— Хорошо, а почему в последнее время понадобилась охрана больниц?

— Отвечаю. Больница — это, с точки зрения сегодняшних реалий, прежде всего средоточие наркотиков. Врываются наркоманы, травмируют больных, издеваются над персоналом, разбивают аптечные киоски, чтобы получить свою очередную дозу. Раньше этого не было, не было явления, как танового. Появилось явление — появилась необходимость на него реагировать. А государство в его данном состоянии не может обеспечить безопасность всех медицинских учреждений.

Опять же рассказываю случай из жизни. Наша фирма взяла под охрану больницу Патриархии. И сразу перекрыла для наркоманов, которые там находились на излечении, возможность получать наркотики "с воли". У одного из них началась ломка, он набросился на медсестер, разбил аптечный киоск, тут его наши бойцы и скрутили. Не исключено — спасли несколько человеческих жизней. А вы спрашиваете, зачем охранять больницы?

— И все-таки правда ли, что у охранных структур существует негласная связь с мафией? — задала я очередной "наболевший" вопрос.

Наболевший потому, что чуть ли не во всех средствах массовой информации этой теме уделяют прямо-таки повышенное внимание.

— Дело в том, что какое предприятие каким-то образом если не связано, то соприкасается с мафией. Танова наша жизнь. Но

ведь соприкасаться можно по-разному. То место, где сейчас находится наша автомобильная стоянка, около Октябрьской площади, было одним из самых криминальных в Москве. Сюда на короткий срок перегоняли автомашины, перебивали номера, меняли номерные знаки — ну, и так далее. Рядом было казино, которое содержала казанская бандитская группировка. До нашего прихода здесь было просто страшно. Да, мы какое-то время соприкасались с мафией, но у нас уже было оружие. И бандитов мы отсюда убрали. Теперь-то криминал уже задумывается, стоит ли иметь дело с объектом, который охраняют ребята в васильковых беретах? Кстати, не все, наверное, знают, что васильковый цвет — это цвет Комитета госбезопасности, а теперь — ФСБ. Наглость тут ужне не проходит. Мы уже достаточно сильны, чтобы дать отпор организованной преступности, не обращаясь в РУОП и прочие соответствующие структуры. Мое же личное мнение таково: пока существует рыночная экономика, охранный бизнес должен существовать. Со временем мы станем еще сильнее.

— А как к вам теперь относятся милиция?

— Это отдельный вопрос — наши отношения с милицией. Накое-то время они были, мягко говоря, напряженными. Нас считали конкурентами, когда я приходил на какие-то большие мероприятия, мне чуть ли не в лицо говорили, что мы — бандиты, в лучшем случае, что мы защищаем мафию, ее "крестных отцов". Но сегодня и здесь произошел перелом в сознании: пришла

мысль о том, что это — помощь, подспорье. У меня целая папка благодарственных отзывов за помощь в тушении пожаров, за задержание преступников. Есть сотрудники охраны, представленные к государственным наградам. Например, группа сотрудников фирмы "РиН плюс" — за предотвращение ограбления инкассатора. Один из моих руководителей среднего звена лично участвовал в организации тушения пяти пожаров, и теперь я хлопочу о награждении его медалью "За отвагу на пожаре".

И вообще, — подвел итог нашей беседе Валерий Николаевич Величко, — не надо бояться частного охранника. Частный охранник — он в прошлом гранданин советский, менталитет у него советский, идеология — тоже, поэтому он никогда и никому не откажет в помощи. И еще до приезда милиции примет все меры. И тому же для меня лично и для всей на-

шей фирмы существует негласный лозунг: "Честь дороже денег". И мы его свято соблюдаем. У нас работают в основном офицеры, большинство из которых прошли через горячие точки и по праву могут считаться ветеранами. А это, согласитесь, о многом говорит.

"И если вас в тридцать зовут ветераном, за это не выпить, естественно, грех", — вспомнились мне слова одной из песен. Не знаю, как насчет выпить, а вот насчет того, что "есть такая профессия — защищать Родину", то есть профессия офицера, мы канто позабыли. А ведь они нас все равно охраняют. Частные предприятия. Российскую экономику. Безопасность людей.

Если вдуматься — наше с вами будущее. То самое, которое совсем скоро станет настоящим для наших детей. ■

Беседовала
Светлана БЕСТУЖЕВА-ЛАДА.

Юрий КУКЛАЧЕВ:

"Мои кошки — интеллигентны"

Кошки — существа загадочные, даже мистические. Все знают, привлечь кошку сложно, она всегда будет сама по себе. Но если уж кого полюбит, то на всю жизнь. Народного артиста России, художественного руководителя театра "Кошкин дом" Юрия Куклачева эти независимые животные приняли в свою компанию на равных.

— Вообще кошки обладают многими необыкновенными способностями, еще не изученными человеком. Например, кошка Стрелка помогает мне определять, способен ли человек на дружбу или нет. Ее невозможно обмануть улыбкой или лаской, видит человека гораздо глубже, чем мы можем предположить. Мне кажется, кошки способны чувствовать, какая энергия исходит от человека — добрая или злая. Аnota Чарлина я давал своим детям, когда они уходили в лес, вместо компаса. Набрав грибов, дети отпускали Чарлина, и он, как вол-

шебный клубочек, всегда приводил домой.

Если продолжить тему необычных способностей кошки, то стоит рассказать одну историю, которая произошла во время гастро-лей. Мы плыли на теплоходе "Бородин". И вот однажды

я обнаружил, что все кошки заболели. Они сидели нахолившиеся и грустно щурили глаза. Когда я предложил им рыбу, то все, как одна, отвернулись от мисок, а врач только развел руками. Для меня кошки — как дети. Чувствую, погибнуть могут. Но тут один матрос поднял мысль: "Думаю, что причина в самом корабле. Он ведь из металла сделан. Внутри корабля образуется магнитное поле. Возможно, кошки действие магнитного поля переносят иначе, чем те животные, которых мы перевозили раньше. Надо сделать им медные ошейники, и они поправятся". Так и поступили. Кошки постепенно успокоились, здоровье пошло на поправку.

— Были ли у вас проекты, которые так и остались неосуществленными?

— Те цели и задачи, которые я перед собойставил, осуществил. Захотел стать клоуном — стал им. Так получилось, что на приемные замены в цирковое училище я

пришел на костылях. Накануне, нупаясь в реке, наступил на разбитую стеклянную банну. Кровь хлынула ручьем. Врач, извлеченный из ступни осколком, сказала, что с мечтой о цирке придется расстаться, порез был настолько сильный, что хромота могла остаться на всю жизнь. Убеждали меня и члены приемной комиссии. И все-таки я стал студентом. Начались занятия.

Нога болела по-прежнему. А ведь приходилось выполнять десятки упражнений, в которых нагрузка падала именно на ноги. Целый год я тренировался, делал специальную гимнастику. Иногда хотелось бросить все, но я старался взять себя в руки. В конце концов болезнь отступила.

Но мало стать клоуном, важно ни на кого не быть похожим — ни на Олега Попова, ни на Карандаша... Я нашел свое лицо. Ношки помогли. В Монте-Карло из со-

ветских клоунов только Олег Попов и Юрий Нунчаков получили приз. Нас каждый год приглашает к себе принц Монако. Единственное, что я пока не сделал, но, думаю, со временем мне это удастся, — хочу построить в Москве храм Ношни. В Японии, кстати, есть такой. Это не религиозный храм, он будет объединять в себе музей и выставку. У меня уже есть план, проект. Буду искать одержимых людей, которые могли бы помочь.

— А если привлечь спонсоров?

— Я от них прячусь. Они в основном ищут возможность разместить рекламу. Но театр и бизнес — вещи несовместимые. Ни в одной стране мира этого нет. И у меня не будет.

— Вы реалист или идеалист?

— Я — оптимист.

— Вы требовательный начальник?

— Очень. В первую очередь, к себе. Поэтому, наверное, все у нас идет нормально. По-другому нельзя. Будешь рассуждывать — все развалится. Ведь рассмешить человека довольно сложно. Это огромный труд, большое напряжение.

жение, и физическое, и психическое. Но для меня девизом всегда была мудрая пословица: "Тот, кто хочет что-нибудь сделать, находит способ, кто не хочет — ищет причину".

— Наверняка пушистые артисты не дают вам снувать...

— Конечно. Как-то пришла ко мне в гости мама. А кот Никита Барабулькин запрыгнул к ней на колени и принялся платье ногтями рвать. Она испугалась, что с котом случилось? И я чувствую, кот сам не свой. Лапной прямо в карман к ней лезет. Я спрашиваю: "Мама, что у тебя в кармане лежит?" "Ничего", — отвечает, и вытаскивает пузырек с валерьянкой. Кот как запоет! Подпрыгивает, словно собака, до самой руки. Того и гляди, палец откусит.

Тут же появилась идея. На следующий день я посадил кота на печку, взял микрофон и объявил: "Сейчас перед вами выступит солист кошачьего ансамбля Никита Барабулькин. Он исполнит старинный романс "Где же ты, моя милашка, дорогая ниска Машка?" За кулисами намазал микрофон валерянкой. Кот только поднес микрофон коту, он тут же громко запел: "Мяуу..."

С этим номером я работал недолго. Люди возмущаться стали. Некоторые утверждали, что кот не поет, а кричит: "Караул!" Через некоторое время Никита Барабулькин заболел. Стал худеть, плохо ел... Повели кота в ветеринарную лечебницу. Сделали операцию — извлекли из желудка пятнадцать резиновых пробок от фланонов из-под лекарств. Теперь кот чувствует себя прекрасно. Только я подальше убираю фланоны с ле-

карством, потому что он может не только валерянку всю выпить, но и пробочкой занусить.

— Наверное, ваши подопечные уже превратились в настоящих артистов и забыли свои прямые обязанности, предназначенные им природой...

— Далено не каждая кошка, которая "сама по себе", отважится охотиться на крыс и мышей. А мои кошки, действительно, "интеллигенты". Они умеют прекрасно выступать, а вот что насается мышей... Иногда становится грустно и смешно, что главный инстинкт у них притуплен.

Мы ехали на гастроли в Бакинский цирк. Открываю ящик с продуктами, а там с десяток мышей сидят. Я взял самого крупного кота, Никиту Барабулькина, и в ящик с мышами сажаю. Увидев маленькие, серенькие комочки, он испугался, выскоцил из ящика, в угол забился, дрожит. Я решил пустить в бой Нешу. Тот, увидев их впервые в жизни, принял лапкой играть с ними в салочки. Мыши, поняв, что враг им попался странный, напали на него. Неша убежал. Тогда рабочий по ходу говорит: "Давай сиамского Наполеона испытаем". Через секунду у Наполеона из пасти только хвостики торчали. Весь ощетинился, глаза стеклянные, рычит, как собака. С этих пор Наполеон у нас вместо мышеловки.

А однажды случай был. На даче из печки выскоцила горящая щепка и упала на ковер. Все кошки бросились из дома, и только Уголек, заметив яркие языки пламени, громким мяуканьем стал звать на помощь. Я в огороде в это время был. Слыши у какой-то необычный крик,

тревожный. Захожу в комнату, а там навер уже пыхает. Так Уголен помог спасти дачу от пожара.

— Ниношники интересуются вашими артистами?

— Да. Например, нашим Рыжином. Но после того, как он стал рекламировать кошачий норм, его стали звать Борисом.

— Наким для вас был год Желтого Кота?

— Я надал одного: чтобы театр не сгинул. В этом году театру исполнилось 10 лет, а я отметил свое 50-летие и 30-летие творческой деятельности. И все в год Рыжего Кота! Для меня он стал удачным. Хотя такой агрессивный, как Тигр, который всех нас здорово поцарапал. Он мягче, добнее, домашнее животное — для уюта и покоя. ■

Беседу вели
Ирина ВАСИЛЬЧИКОВА.

Аллегория Мудрости.

Лилия БАЙРАМОВА

Андро Борисов

Имя итальянского художника Аньоло Бронзино не принадлежит к числу первых и самых громких имен Италии. Рядом с искусством таких титанов и гениев Возрождения как Леонардо да Винчи, Микеланджело или Рафаэль его искусство выглядит более скромным и менее значительным. Глядя на красивые и холодные картины Бронзино, кажется, что та великая сила и мощь, которые до сих пор восхищают и поражают нас в творениях величайших мастеров Возрождения, исчезли, оставив лишь внешние формы, смутно напоминающие о прежнем итальянском величии.

Причины этого следует искать не столько в рождении менее крупных дарований, сколько в явлениях духовного и экономического порядка. Кажется, никогда еще человечество не знало периода такого вдохновения, радостной открытости миру и влюбленности в человека, какие существовали в эпоху Возрождения. Но вот экономическое процветание, обеспеченное ловкой и энергичной деятельностью итальянских банкиров, сменилось медленным спадом, а затем и упадком. Недальновидность правителей привела к политической нестабильности, крупным военным и политическим поражениям. Вдохновенный гимн человеку, здоровый реализм, внимательное и пытливое взглядывание в жизнь сменилось холодностью и равнодушием. Вот в такую, быть может, не слишком счастливую для искусства эпоху довелось жить и творить Аньоло Бронзино.

Родился Бронзино (настоящее имя его Аньоло ди Козимо ди Мариано) 17 ноября 1503 года в предместье Флоренции, города, подарившего миру Данте и Петrarку, Джотто и Донателло, Мазаччо и фра Анжелико, Боттичелли и Микеланджело. Сам дух, воздух, стены домов, мостовые этого небольшого города за века его существования были настолько пропитаны искусством и красотой, что, казалось, любой мало-мальски одаренный ребенок обречен здесь заниматься искусством. Подумать только, именно в 1503 году, когда родился Аньоло, Леонардо да Винчи написал во Флоренции едва ли не самую знаменитую картину во всей всемирной живописи — Джоконду, портрет жены простого флорентийского купца. В следующем, 1504-м, Микеланджело закончил работу над не менее прославленным всемирным шедевром — четырехметровой статуей Давида, которую благодарные и восхищенные флорентийцы установили на площади Синьории. Приблизительно в эти же годы во Флоренции работал и еще один величайший мастер Возрождения — Рафаэль, писавший своих нежных и целомудренно-печальных Мадонн.

Увы, к тому времени, когда маленький Аньоло подрос и его родители обнаружили у сына склонности к рисованию, великих мастеров уже не было в городе, и ребенка отдали в обучение к неизвестным и, скорей всего, посредственным живописцам. Чуть

больше ему повезло, когда он подрос и перешел в мастерскую Якопо Карруччи, прозванного Понтормо, — грамотного, умелого и одаренного живописца.

Художник настолько привязался к Аньоло, что даже оставил портрет преданного и послушного мальчугана в одной из сцен "Историй Иосифа Иудейского", которыми он, совместно с другими художниками, украшал деревянные лари в брачных покоях очередных заказчиков. Благодаря этой трогательной любви учителя к ученику мы можем представить теперь, как выглядел почтенный Аньоло Бронзино в пятнадцать лет. Вот он сидит на лесенке — тоненький, робкий мальчишка с перепуганным и немногим жалким лицом. Черная шапка облегает светлые кудри, темная, теплая куртка защищает от непогоды...

Дружба маэстро и его ученика продолжалась всю жизнь и закончилась только со смертью Понтормо.

Осенью 1522 года их уютное и безоблачное существование нарушилось одним весьма печальным известием: в Риме вспыхнула эпидемия чумы. Через месяц кровожадная и смертоносная болезнь уже добралась до стен несчастной Флоренции и собрала свою первую жатву. Как и в легендарные времена Боккаччо от черной напасти не спасало ничто: "не помогали против нее ни мудрость, ни предусмотрительность человека, не помогали и усиленные моления". Помогало лишь одно единственное средство — "избегать больных и удаляться от общения с ними и их вещами". "Некоторые же полагали, — как добавлял Боккаччо, — что умеренная жизнь и воздержание от всех излишеств тоже сильно помогают в борьбе со злом", и поэтому "собравшись кружками, они жили, отделившись от других, укрываясь и запираясь в домах, где не было больных и им самим было удобнее".

Понтормо поступил почти так же, как герои Декамерона, он захватил с собой юного Бронзино и удалился с ним в один из дальних монастырей, вовремя приняв приглашение расписать монастырский двор. Как писал Вазари: "Вкусив от этого образа жизни в покое, молчании и одиночестве (а все это отвечало гению и природе Якопо), он решил по этому случаю постараться еще более и, углубив свои познания в искусстве, показать миру, что он достиг еще большего совершенства и изменил свою манеру по сравнению с тем, что он делал ранее". Мастер и ученик работали так увлеченно, что даже счастливое известие об окончании эпидемии не могло прервать их работы, и они остались в монастыре еще на два года. Понтормо старательно и вдохновенно расписывал стены монастыря в духе входившего тогда в моду Дюрера, Бронзино вторил ему, расписывая два люнета и украшая изящными миниатюрами монастырские библиотечные книги.

В 1525 году, когда Бронзино исполнилось двадцать два года, его приняли в цех живописцев Святого Луки, что по тем временам считалось равнозначно получению диплома об окончании образования и первым шагом на пути обретения самостоятельности.

сти. В том же году он получил и свой первый заказ от "черных" монахов-бенедиктинцев — расписать в монастыре большую фреску. Первая самостоятельная работа, казалось бы, свидетельствовала об обретении творческой самобытности, но на самом деле он еще не сумел освободиться от влияния своего учителя и долголетнего партнера и поэтому некоторые его ранние портреты почти неотличимы от работ Понтормо. Как, например, портрет совсем юного Лоренцо Ленци, который долгие годы, почти сорок лет, приписывали Понтормо.

С этим Лоренцо Бронзино познакомился на вилле Уго делла Стура, где он, Лоренцо, и их близкий приятель стихотворец Вар-

ки скрывались от очередной эпидемии чумы. Скрываться пришлось довольно долго, почти полтора года, пока чума наконец не отступила от города.

Впрочем, не одна только чума угрожала в те годы Флоренции. В 1527 году наемные войска испанского короля и германского императора Карла V вышли из повиновения, осадили Рим, захватили его и разграбили. Папа Климент VII, незаконный сын Джулiano Медичи, младший брат Лоренцо Великолепного, позорно бежал из Рима.

Флорентийцы, воспользовавшись беспомощностью папы, в очередной раз восстали против ненавистных Медичи, выгнали их из города, а роскошный дворец тиранов разграбили. Народ мечтал о восстановлении древней республики, но коварный папа разрушил все планы. Заключив договор с Карлом V, он двинул его войска на Флоренцию. Одиннадцать месяцев отважные флорентийцы героически защищали стены родного города. Среди самых активных организаторов обороны был и Микеланджело. Однако, как ни старались флорентийцы, их усилия оказались напрасны: главнокомандующий предал их, и 12 августа 1530 года Флоренция сдалась. Герцогом будущей столицы Тосканского герцогства стал молодой Alessandro Medici, "мулат с откровенными повадками тирана, жестокий, расточительный, развратный и беспечный".

Опасаясь за свою жизнь, из Флоренции бежал Микеланджело, но папа Климент VII, "хотя и гневался на него, простили ему все, будучи другом талантов". Он повелел Микеланджело возвратиться и закончить сооружение теперь уже знаменитой на весь мир капеллы Медичи. А что же делали в эти страшные и трагические для Флоренции дни неутомимый Понтормо и его преданный ученик Аньюло Бронзино? Они — писали. Понтормо — для приюта невинных младенцев "Мученичество десяти тысяч христиан", явно сделанное по мотивам одноименного произведения Бронзино, а Бронзино писал красивую картину на тему Пигмалиона и Галатеи. Никакого отголоска военных событий в ней не было и в помине: чистые, спокойные краски, умиротворенные линии, маленькая поэма о любви художника к своему удачному детищу...

"Когда же миновала осада Флоренции и был заключен мирный договор, Бронзино отправился в Пезаро, где, находясь при урбинском герцоге Гвидобальдо, не только украсил множеством фигур весь корпус выше гарси-

Портрет Гианфранческо дельла Ровере

Пигмалион и Галатея.

хорда, произведение редчайшее, но и сделал портрет этого синьора вместе с одной из дочерей Маттео Соферони, картину поистине прекрасную и весьма прославленную". Так неспешно повествовал о Бронзино бессменный биограф всех итальянских художников — Джорджо Вазари. Уехать в Пезаро подвигло Бронзино не только желание найти работу и заработки, но и бегство все от той же чумы. Ландскнехты Карла V снова занесли проклятую болезнь в город, и она, как и в прежние времена, собирала свою печальную дань.

В Пезаро Бронзино вместе с другими тосканскими живописцами расписывает прекрасную виллу Империале, расположенную в двух километрах от города, и пишет портреты. Самые интересные из них — портрет молодого наследного принца, сына герцогини Элеоноры Гонзага, облаченного в новенькие, отполированные доспехи, привезенные ему специально из Ломбардии, и без которых он отказывался позировать, и другой — портрет дамы с собачкой, привлекающий внимание звучным аккордом яркого красного пышного платья.

Едва закончив портреты, Бронзино поспешил обратно во Флоренцию. Там его ждал старый учитель Понтормо, нуждавшийся в помощнике, чтобы завершить роспись на вилле Медичи в Поджо а Кайано, которую не успел закончить дель Сарто. Однако завершить работу им тоже не удалось. 6 января 1537 года герцог АLESSANDRO Медичи был убит своим дружком и приспешником, маленьким Лоренцаччо, успевшим после убийства бежать из Флоренции. Тосканским герцогом стал другой Медичи, двоюродный брат Лоренцаччо Козимо I.

Герцог Козимо I, большой любитель охоты и военного дела, воцарился во Флоренции надолго: в 1569 году папа Пий V даровал ему титул великого герцога Тосканского. Отныне и до конца жизни Бронзино была связана с Козимо I.

Особенно пышно и торжественно отпраздновали во Флоренции бракосочетание юного герцога с дочерью вице-короля Неаполя, испанкой Элеонорой Толедской. По всему городу выстроили специальные декоративные павильоны, украшавшие праздничную столицу. Аристотель де Сангалло строил театральные подмостки для представления веселой комедии и спешно оформлял зал в фамильном дворце Медичи на Виа Ларга, предназначенный для грандиозного банкета. Лучшие художники Флоренции украшали стены зала историями из жизни рода Медичи, однако ни Бронзино, ни Понтормо на этих росписях не было. Не покладая рук, они трудились над украшением лоджии на вилле Медичи в Кастелло. По свидетельству Вазари, Бронзино превзошел самого себя. Он изобразил "диспут, состоявшийся в Неаполе, показав перед императором герцога Алессандро и изгнанных в 1536 году флорентийцев". "Прекраснейшая картина, лучшая из всех, написанная другими". В следующей сцене Бронзино изобразил "бракосочетание названного герцога Козимо, состоявшееся 29 марта

1539 года", произведение, "сделанное с такой грацией, что превосходило, как и первое, все другие истории". Эта славная работа Бронзино так искренне восхитила герцога, что "герцог, убедившись в мастерстве этого человека, поручил ему приступить к росписи небольшой капеллы для синьоры герцогини, женщины, поистине несравненной ни с одной из всех, когда-либо живших, и за бесчисленные свои заслуги достойной вечной хвалы".

Дело в том, что Козимо I, вопреки сложившейся традиции, решил перенести свою резиденцию из семейного дворца Медичи на Виа Ларга во дворец Синьории, в котором еще с конца XIII века размещались исключительно городские власти. Переездом новый Медичи хотел показать, что отныне с республикой покончено навсегда, и что городская власть и он — единое целое.

Еще не закончились необходимые ремонтные работы во дворце Синьории, а герцог вместе со своей Элеонорой и первой их дочерью Марией начал туда перебираться. Герцог старался создать для своей любимой Элеоноры как можно более комфортные условия, отвел для герцогини самые спокойные помещения на третьем этаже.

Для капеллы герцогини выкроили небольшое помещение, и Бронзино сразу же приступил к работе. В течение долгих пяти лет, не покладая рук, он трудился над маленькой капеллой и наконец превратил ее в некое подобие красивой, нарядной шкатулки, где все — и стены, и пол, и потолок — радует глаз веселыми и свежими красками. Начал он с потолка, затем перешел к стенам. С 1542 по 1544 годы пустые оштукатуренные пространства стали заполняться красивыми, многофигурными и чрезвычайно сложными композициями. Но самой важной и ответственной работой Бронзино считал создание алтарного образа — "Оплакивание Христа". В самом деле, картина ему удалась: в ней есть цельность и, что особенно важно для Бронзино, — даже некоторая патетика, в принципе не свойственная художнику. Хорош и общий ее колорит, изысканная гамма темно-фиолетовых и голубых цветов, которые и создают настроение скорби.

Но не только эта трудоемкая и плодотворная работа занимала все годы Бронзино, с равным усердием трудился он и над созданием портретной галереи Медичи. Благо, что здесь было, кого писать и воспевать, ибо семейство год от года росло. Из портретов самого герцога наибольший успех выпал на долю его погрудного портрета в латах. Здесь холодному, чрезмерно спокойному и несколько жесткому лицу герцога Бронзино попытался придать черты некоторой мужественности, решимости и героизма. Впрочем, таковы требования придворного портрета: герцог перед подчиненными должен представлять героя. Совсем другое — Элеонора. Вот самый знаменитый ее портрет из галереи Уффици. На голубом фоне изображена дама в фантастически роскошном наряде, поражающем богатой, изысканной вышивкой жемчугом, и поясом, усыпанном драгоценными камнями. Лицо красиво, но

как-то удивительно холодно и неподвижно, ни одна мысль или тайная страсть не оживляет ее карие глаза.

А вот и герцогские дети. Самый первый портрет в этом ряду, пожалуй, и самый красивый, — маленькой Бии, незаконной дочери герцога Козимо. На синем фоне выделяется прелестное лицо румяной девочки, на груди висит медальон с изображением ее молодого отца. К сожалению, чудесный ребенок умер слишком рано. А дальше идут законные дети, которых у царственной четы насчитывалось целых одиннадцать.

Увы, почти все “ангелочки”, как их называл Бронзино, кончили свою жизнь трагически и печально. Старшие сыновья, Гарсиа и Джованни, скончались в молодом возрасте; ходили слухи, что старший брат убил в ссоре младшего и за это был задушен отцом, после чего герцогиня помешалась от горя и умерла (по другой версии, все трое умерли от какой-то заразной болезни). Молва обвиняла герцога также в убийстве старшей дочери, Марии, которая дерзнула полюбить пажа. Другую дочь, Изабеллу, удавил ее муж, герцог Браччано, за нарушение супружеской верности; по той же причине третья дочь, Лукреция, была отравлена по повелению своего мужа, герцога Феррарского; по этой же причине погибла жена Пьера, пятого сына Козимо I.

Третий сын, Франческо I, стал великим герцогом, но он и его жена, красавица-венецианка Бьянка Капелло, в 1587 году внезапно скончались при таинственных обстоятельствах, возможно, от лихорадки, молва подозревала, что причиной послужило отравление. Одни считали, что Бьянка хотела отравить брата своего мужа кардинала Фердинандо и подготовила для него соответствующее “лакомство”. Ничего не ведавший герцог съел отравленное пирожное раньше, чем коварная супруга успела остановить его, и ей ничего не оставалось, как последовать его примеру. А другая молва утверждала, что все было наоборот: коварный кардинал отравил своего брата вместе с женой, чтобы захватить власть. Мария, дочь Франческо I, впоследствии стала королевой Франции, выйдя замуж за Генриха IV, а кардинал Фердинандо сложил с себя духовный сан и стал великим герцогом Тосканским.

Такова трагическая и страшная история семейства Козимо Медичи.

Но самого Аньюло Бронзино, скромного и трудолюбивого художника, ни эта житейская грязь, ни герцогские скандалы никоим образом не касались. Начиная с 1540-х годов, он тихо и незаметно живет со своей матерью Феличи и племянницей Диаманте в доме семьи Аллори на Корсо делли Адимори. По-видимому, он был преданным и надежным другом, ибо, когда в 1541 году скончался его любимый и близкий друг Кристофано, давно и серьезно болевший, Аньюло, и прежде всегда помогавший ему материально, взял все заботы о вдове, дочери и трех сыновьях на себя.

Сам Бронзино жил более чем скромно, занимая крошечную комнатку в “три локтя”. Его дом располагался в шумном и густо-

Портрет Луры Баттиферри.

населенном районе Флоренции, где размещались мастерские кожевников и лавки сапожников и где были десятки больших и маленьких церквей, отчего по всему городу денно и нощно раздавался звон колоколов. Колокола и городской шум мешали Бронзино, и он с нетерпением дожидался ночи, чтобы предаться любимому занятию — сочинению стихов.

Любовь к стихам и литературе привела Бронзино в литературную Академию, переименованную впоследствии во Флорентий-

скую, членом которой он стал с 1541 года. В течение шести лет он исправно посещал все диспути Академии, посвященные, как правило, творчеству самых великих флорентийцев — Данте и Петрарки, и встречался здесь с самыми учеными и выдающимися людьми своего времени. Почти все они, его друзья, запечатлены им в алтарной композиции “Сошествие Христа во Ад” из церкви Санта Кроче.

Несмотря на увлечение литературой, Бронзино продолжает много и активно писать. К пятидесяти годам он все еще остается одним из самых популярных и любимых портретистов Флоренции. До наших дней сохранилось множество его красивых и эффектных, хотя и несколько холодноватых портретов. Например, очень эффектный портрет римского кондотьера Стефано Колонна, назначенного герцогом генералом-наместником своих войск. Бронзино изобразил его в гордой и торжественной позе, одетым в черные красивые латы. Или парные портреты богатого купца Бартоломео Панчатики и его прекрасной жены Лукреции. Сам Бартоломео изображен в темном элегантном платье на фоне тонко разработанного архитектурного задника, а жена, рыжеволосая красавица, в столь любимом Бронзино ярко-красном платье.

И все же, несмотря на успешную деятельность, звезда Бронзино, столь счастливо светившая много лет, к середине 50-х годов стала закатываться. Причина тому не столько в надвигавшейся старости, сколько в новых требованиях времени, которым он не мог соответствовать. Его место потихоньку занимали новые молодые художники, например, аргентинец Джорджо Вазари, с 1555 года возглавивший работы над декорациями Зала пятисот и государственных апартаментов в палаццо Векью. И хотя герцог еще продолжал оказывать Бронзино благодеяния, и в 1553 году он все еще получал регулярное жалованье от двора, но уже навсегда лишился должности главного придворного живописца, которую занимал на протяжении последних пятнадцати лет.

Важнейшие герцогские заказы отныне доставались одному только Вазари. Что было отчасти справедливо, ибо Бронзино не обладал ни способностями исторического живописца, ни способностями придворного льстеца. Все эти таланты имелись у Вазари. А герцогу, как никогда раньше, приходилось восславлять свою власть, укреплять свой дом и до бесконечности напоминать народу богатую родословную семейства Медичи. Конечно, Козимо не забывал своего прежнего любимца и баловня, оставляя ему некоторые заказы, но все это было уже не то.

Например, устройство похорон великого Микеланджело. Гениальный флорентиец скончался в Риме в 1564 году в возрасте 83 лет и с великими почестями погребен в усыпальнице церкви Сант Апостоло. Папа Пий IV даже намеревался воздвигнуть ему памятник в соборе св. Петра. Однако Флоренция мечтала вернуть прах своего героя на родину. Еще жива была память о том, как папа Лев X (Джованни Медичи) в свое время пытался вернуть во

Оплакивание.

Флоренцию прах другого великого флорентийца — Данте, скончавшегося в Равенне, но равенцы ему отказали по той причине, что не могут отдать прах тому, кто не сумел оценить поэта при жизни.

Портрет Луини Мартини.

Данте остался укором для Флоренции, и теперь герцог Козимо твердо решил не допустить второго позора и вернуть прах Микеланджело на родину. Как сообщает Вазари, герцог дал это поручение Леонардо, племяннику великого мастера, и тот сумел исполнить возложенное на него дело: труп Микеланджело тайно извлекли из гробницы, упаковали, как тюк с товаром, и перевезли во Флоренцию.

“Для устройства похорон и погребальных церемоний были избраны четыре лица: живописцы Аньоло Бронзино и Джорджо Вазари, скульпторы Бенвенуто Челлини и Бартоломео Амманати, люди с незапятнанным именем, в своем искусстве прославленные”. Герцог распорядился устроить пышные похороны в соборе, но, узнав, что сам Микеланджело желал быть похороненным в церкви Санта Кроче, где покоились его предки, герцог уважил волю покойного и дал мрамор для сооружения памятника.

В 1561 году Бронзино получил почетный пост во флорентийской Академии рисунка, подтвержденный десятью годами позднее. Вообще, в последние годы старый и заслуженный художник, так много потрудившийся на своем веку и создавший множество известных всем флорентийцам красивых произведений, был окружен всеобщим вниманием и любовью. Летом 1572 года ему присвоили звание капитула Академии, и, чтобы загладить обиду, нанесенную художнику, когда его незаслуженно исключили из Флорентийской Академии, его вновь ввели в знаменитый совет.

Все же старость и болезни брали свое. В ноябре 1572 года Бронзино серьезно заболел. Его друг Боргини писал Вазари: “Бронзино болен, и болезнь довольно серьезна; вчера казалось, что ему стало лучше.

Поживем — увидим, он стар, и помоги ему Бог”. Но через несколько дней Бронзино не стало. “На его погребении, — вспоминал Боргини, — присутствовали все связанные с искусством люди, и живописцы, и скульпторы, вплоть до Микеле ди Ридольфо, с трудом волочившего ноги”. Его похороны, проходившие без всякой лишней суеты и помпы, вполне соответствовали духу не любившего роскоши художника. ■

Леонид ШАРОВ

История, которую хочу я вам поведать и которую решил назвать балладой — настолько она оригинальна и по-своему красива — не плод моего болезненного воображения. И если найдется читатель (а он обязательно найдется), который не поверит в случившееся, то пусть отыщет в Москве, на Преображенке, новое, но уже провонявшее потом и чем-то кислым здание

Баллада о великом агенте

городского суда. Пусть найдет там дверь с надписью "Архив". Постучится в нее и попросит у сидящих за дверью строгих девушек "Уголовное дело № 389/1-89". Даже не все "Дело" — достаточно одного четвертого тома.

Пусть прочтет вшитые в него документы и ахнет. И тогда он поймет — в какое замечательное время и в какой замечательной стране мы с вами, читатель, живем.

Письмо главному герою

Валерий Михайлович!

Боюсь, Вы меня не помните. Когда мы с Вами увиделись, Вам было не до одиноко сидящего в зале судебного заседания человека с блокнотом, хотя время от времени я ощущал бросаемые Вами настороженные взгляды. Бог знает, за кого Вы меня могли принять.

Между тем именно тогда, далеким уже серым февральским днем, я решил увековечить Вас — великого тайного агента госбезопасности — и запечатлеть Ваши приключения на бумаге. Я намерен сделать это, даже несмотря на возможные Ваши возражения. Может, только тогда и придет к Вам заслуженная популярность и Вас наконец начнут узнавать на улицах? Кроме того, я думаю, что теперь об этом можно рассказать. Покровы тайны сорваны. Родина должна знать своих героев!

Да и обидно за Вас, Валерий Михайлович. Посмотрите, о ком и о чем сегодня только не пишут! Со страниц детективов встают супергерои. Политические деятели выворачивают свои души наизнанку. Разоблачаются сильные мира сего. Но разве вся эта мишура стоит тех трех с небольшим дней, в течение коих Вы совершили нечто такое, о чем не могли даже мечтать Штирлиц, Джеймс Бонд, Мата Хари вместе взятые, я уж не говорю о реальных героях невидимого фронта, взятых хоть вместе, хоть врозничу? Нет, кричу я, не стоит!

Задача моя облегчается тем, что мне не надо ничего выдумывать. Да я бы и под дулом пистолета не смог бы этого выдумать. Фамилии и географические места я употреблю только подлинные — это я Вам обещаю, ибо достоверность в данной ситуации для журналиста — прежде и превыше всего. Да и вам, коли попадется мой скромный опус в руки, будет приятно вспомнить своих соратников и коллег по осуществленной Вами беспримерной акции.

Жалко, что не знаю Вашего теперешнего адреса. В ведомстве, куда я обратился за ним, на меня посмотрели сурово и вместе с тем испуганно.

За сим остаюсь...

Автор

“Не верь приметам, лейтенант!”

Людям свойственно мечтать. Один мечтает о том, чтобы стать депутатом. Это выгодно и модно. Другой видит себя в коммерции. Это понятно. Многие хотят податься в артисты. Это красиво. Провинциальные девочки грезят о панели около пятизвездной гостиницы. Это якобы престижно.

Лейтенант внутренней службы Митя Писуков мечтал стать начальником тюрьмы. Тюрьма ассоциировалась у него с городом. В городе не было комаров. Там ходили автобусы, а по тро-

туарам брели расконтвоированные прохожие. Вообще от слова "тюрьма" на Митя веяло уютом, теплом, спокойствием и уверенностью.

Увы, был Митя на самом деле удручающе молод и в свои 24 года дослужился только до лейтенанта. Митю окружали непреходимые пермские леса. Двойной ряд колючей проволоки. И зеки — народ ушлый, злой...

Митя их очень не любил. Но еще больше он не любил начальство. Митя был обычным оперуполномоченным оперативной части исправительно-трудовой колонии за номером 2, которая входила в целый исправительный комплекс, привольно раскинувшийся в Пермской области — исконно зековских местах. Митина колония была главной достопримечательностью поселка городского типа, название которого — Ныроб — вызывало приступ неистребимой изжоги и желание уйти в крутой недельный запой.

Надо быть справедливым: судьба Мити Писукова могла сложиться по-разному. Но наступила суббота — 13 августа. Именно в этот день где-то над верхушками не спиленных еще зеками сосен прозвучали серебряные фанфары, и Митина судьба изготавливалась совершил невероятный зигзаг.

В дверь крохотного писуковского кабинета постучали. Вшел прапорщик и сообщил, что осужденный Наджаев очень просит о встрече с лейтенантом. Наджаев был неприятным типом. Мотал он срок за убийство. Зеки его не жаловали. Он болтался между "мужиками" и местной воровской элитой. Ловили его с водкой, с железками, из которых можно было при желании смастерить вполне сносный нож. Так что время от времени штрафной изолятор гостеприимно распахивал перед Наджаевым свои решетчатые двери. Но вместе с тем Наджаев мог привести на хвосте какие-то любопытные сведения.

— Заводи, — прокрипел Митя в сторону прапорщика.

Наджаев вошел почему-то без стука. По-хозяйски, уверенно оглядел нехитрое канцелярское хозяйство Писукова. Не по уставу — ногой (!) — придвинул к себе стул и тяжело угнездился на него.

— Ты чего, — удивился Митя, — в карцер захотел? Так это я мигом.

— Погоди, лейтенант, — спокойно сказал Наджаев. — Не горячись. Разговор у меня к тебе есть. Очень серьезный разговор. И если бы не чрезвычайные обстоятельства, я бы к тебе не пришел.

— Какие еще обстоятельства? — испуганно спросил Митя. — Побег, что ли, замышляется?

— Не торопись. Дело, о котором я хочу тебе рассказать, является государственной тайной. И задействованы в нем люди — не нам с тобой чета. Деваться мне сейчас некуда, потому выбирать не приходится. Но ты — парень молодой, смысле-

ный, делу своему преданный. И характеризуют тебя неплохо. Прежде всего разреши представиться. Я — сотрудник Комитета государственной безопасности. Звания сообщить не могу, но оно много выше твоего, сам понимаешь. Настоящую мою фамилию знают только в центре. Ведь я не просто сотрудник ГБ, я — тайный агент общегосударственного значения. Не слышал о таких?

— Нет, — ошарашенно произнес Митя.

— Еще бы. Нас внедряют в определенные государственные учреждения. И мы там находим врагов, изобличаем их, а если надо, то и... Полномочия мои велики. Скажу тебе прямо: врагов хватает. Особенно сейчас. Они люто борются с нами, с государством, с нашим многострадальным народом. Они успели проникнуть всюду. Особенно на периферии. У них — деньги, оружие. Полагаю, что и связи с ЦРУ тоже. В твоей колонии я выполнял и выполняю секретное задание. В принципе я близок к цели. И могу тебе сообщить, что ниточки тянутся, ты только не падай, к начальству твоему, что сидит в городе.

Вот тут убеждать Митя было не надо: в продажность своего начальства Митя поверил сразу и безоговорочно. Хотелось закричать: «Да, да! Они там, наверху, воруют, берут в лапу, пьют, строят роскошные бани с женской обслугой, давно и на корню купили все московское начальство. А нам за все приходится расплачиваться. Чуть что, на нас вешают всех собак, будто мы виноваты, что все кругом разваливается и что зек наглый пошел, в газеты, сволочь, пишет, права, понимаешь, падла, катить начинает»... Многое мог сказать нешибко красноречивый Митя. Но с губ его сорвалось только тихое и интимное: «Эх... твою... по седьмое колено»...

Наджаев продолжал:

— А от него, от твоего городского начальства, след ведет еще выше. Потому-то они вконец оборзели — чувствуют, гады, руководящую поддержку. Все они, словом, замараны. Материала у меня хватает. Но ты, лейтенант, даже представить себе не можешь масштабов проводимой нами операции. Однако и против нас силы действуют немалые. Приходится конспирироваться, идти в колонии, зеков из себя изображать.

— Может, у вас какой документик имеется, — робко встрял Митя. — Сами понимаете.

— Эх, ты, — отечески улыбнулся Наджаев. — Документик... Где бы меня искали с этим документиком?! Но почему не спрашиваешь, зачем я именно тебе первому раскрылся? На то существует секретная инструкция. Агенты моего класса, выполняющие задания в местах лишения свободы, могут раскрываться только оперативникам. Смекаешь? Вы нам из персонала ближе всего. Скажу тебе больше. Мы обязаны ликвидировать каждого, узнавшего, кто мы такие... Запомни: брякнешь про меня — тебе не жить. У нас для этого есть средства и возможно-

сти. Сведения обо мне ты можешь получить в отделе особой секретности Челябинского управления государственной безопасности. Руководит им мой давнишний знакомый — Заварницын Вениамин Павлович. Запомни. Звонить туда, конечно, бесполезно. По телефону никто тебе ничего не сообщит. А вот запрос сделать можешь. Запрос покажешь мне. Я на нем в основном месте оставлю отпечаток пальца. Отвезти его в Челябинск должен надежный человек. И вообще, лейтенант, игрушки кончились! Очень непростые дела вокруг нас затеваются... Те, кто противостоят нам, ни перед чем не остановятся. Поэтому ходи теперь, сынок, с пистолетом. Но коли провернем мы с твою помощью операцию — хорошие перспективы тебя ждут. Не вечно же тебе в колонии среди всякого сброва жить. Есть места и получше. И самое главное: какое сегодня число?

— 13 августа...

— В приметы веришь, лейтенант?

— Не могу знать, — честно ответил Митя.

— С этого дня ты являешься сотрудником государственной безопасности. Агент моего уровня имеет право в исключительных случаях принимать на работу нужных ему людей. К тому же человек начинает чувствовать ответственность за порученное дело. Так что не верь в приметы, лейтенант! Документ я тебе выпишу позже, когда приедет моя личная секретарша. Запомни: ее зовут Рита. Приедет она 20 декабря. Ну, а сейчас я данной мне правительством властью присваиваю тебе звание старшего лейтенанта нашего ведомства. Представление я подпишу задним числом.

— Что я должен делать, товарищ командир? — сглотнув горячую слюну, спросил Митя.

— Ждать. В нашем деле это самое важное. Ты — мой канал связи. Человек, с которым я работал до тебя, был неосторожен. Его сбросили с поезда, когда он ехал в Москву с моей шифровкой. Жаль, хороший был хлопец. Нам с тобой надо продержаться до 13 января. В этот день за нами приедут мои люди. Но не исключено, что операцию придется форсировать. Для начала дай команду о моем расконвоировании. Понимаю. Без начальства этот вопрос не решить. Скажи, твой шеф — надежный человек?

— Майор Дергунов? Может, и не очень чтобы надежный... Но без него-то я ничего не могу. Вы же расконвоированию не подлежите, товарищ командир.

— Да, мне приходилось идти на заведомые нарушения режима. Для пользы нашего общего дела. Ладно. Сообщи обо мне майору. И, пожалуй, начальному колонии. Без них нам действительно придется туго. Будем надеяться, что они поймут важность нашей с тобой миссии, а не поймут — что ж... На карту поставлено так много, что жизни двух майоров, поверь мне, ничего ровным счетом не значат.

— Могу я им представиться как старший лейтенант государственной безопасности?

— Может быть, сынок, можешь.

И без того слабый на голову Митя некоторое время после визита тайного агента пребывал в полнейшей умственной и душевной прострации. На счастье, Писуков довольно часто смотрел кино, а иногда даже читал книжки. Попадались среди них и произведения про чекистов. И эти чекисты поступали очень схоже с тем, как действовал Наджаев, а особенно с тем, о чем он говорил. Слышал Митя и про коррупцию. И про возрастающую роль правоохранительных органов во главе с органами государственной безопасности на современном этапе строительства нового общества. А еще он вспоминал быстрые, волчьи глаза товарища командира. В них он с легкостью читал приговор всему тюремному начальству. Но самое-то дорогое: он теперь старший лейтенант и не каких-то там воинских внутренних войск, но учреждения, откуда просматривалась вся держава со всеми потрохами. От учреждения пахло властью...

Короче, Митя решил действовать.

Резидент выходит на сцену

В отличие от юного Писукова начальник ИТК-2, майор внутренней службы Сергей Михайлович Федоров ни о чем уже не мечтал. То есть, он, конечно, мечтал, но о вещах прозаических и кондовых. Чаще всего он грезил о том, как бы и чем похмелиться. И в этом своем будничном желании очень совпадал с начальником оперативной части колонии Алексеем Федоровичем Дергуновым, тоже майором.

Автор может только догадываться, какая буря поднялась в майорских душах, когда Митя ничтоже сумняшееся представился им как старший лейтенант ведомства, которое они иначе как "Конторой глубокого бурения" не называли, и рассказал о возложенной на него миссии. По причине перманентного сумеречного состояния организма майоры оказались неспособны до конца разобраться в вываленной на них чрезвычайной информации. Впрочем, в колониях случалось всякое. Наличие среди контингента законспирированного агента общегосударственного значения показалось им вполне возможным, ибо пути конторы, по их мнению, были куда неисповедимее Божьих.

Правда, Федоров вознамерился доложить вышестоящему начальству о факте присутствия разведчика. Но был немедленно посрамлен и подвергнут опале.

— Вы что же, — зло выговаривал ему Наджаев, — хотите все погубить?

— Но ведь порядок...

— Знаете что, майор, я не устранию вас только потому, что ваше исчезновение может привлечь внимание. Нами проделана

огромная, скрупулезная работа. Какой год я у вас в колонии плююсь? То-то что пятый. Я исподволь, крайне осторожно накапливаю факты, которые позволят раскрыть целый заговор, выведут на чистую воду сотни преступников. А вы собираетесь идти прямо к ним и выдать меня? Одновременно со мной они уберут и всех вас. Ясно?

— Чего уж ясней... — протянул Дергунов.

— Мы оказали вам огромное доверие, мы видим в вас настоящих патриотов, истинных граждан попираемой России, а вы даже не можете отдать себе отчет в том, что такого рода информация требует от вас не только осторожности, но и беспрекословного подчинения. Странно, что мне приходится объяснять это вам — офицерам. Чтобы у вас не осталось никаких иллюзий, считаю необходимым сообщить вам, что я в колонии не один.

Митя при этих словах гордо расправил плечи. Наджаев ласково улыбнулся ему.

— Нет, лейтенант. Я не тебя имею в виду. Есть и другие люди. Среди контингента.

После этого майору Федорову захотелось немедленно выпить портвейну. Дергунов держался из последних сил. Позже начальник колонии сказал Пискукову:

— Ох, и втравил ты нас в историю. Ну, служишь в конторе, так и служи себе. Мы тебе мешать не будем. Понимаем, дело государственное, секретное. Но мы-то здесь при чем?

— Ладно, — сказал Дергунов. — Расконвоировать мы его, конечно, расконвоируем. Все равно никуда не денется. А там, может, и пронесет нелегкая.

Но нелегкая не пронесла. На следующий день Наджаев сорвал экстренное совещание.

— Товарищи офицеры! Должен проинформировать вас, что обстановка резко изменилась. В общих словах: нас засекли. Мафия перешла в наступление. Ей крайне нужны собранные нами сведения. Чтобы добыть их, они не остановятся ни перед чем. Не исключено, что они явятся сюда.

— Так что же делать? — ужаснулся Федоров, живо представивший, как возглавляемую им колонию окружает батальон до зубов вооруженных людей в пятнистой форме с танковым подкреплением и эскадрильей боевых вертолетов.

— Это может решить только резидент. Ситуация такова, что он пожелал лично увидеться с вами. Лейтенант, — обратился разведчик к Пискукову, — приведи...

И он что-то шепнул на ухо зардевшемуся лейтенанту.

— Он?! — не удержавшись, воскликнул Митя.

Наджаев поморщился и молча кивнул головой.

— Есть, — и Митя вышел из кабинета.

Через десять минут он привел коренастого, золотозубого человека.

— Что?! — воскликнул теперь Федоров. — Этот?!

— Здравствуйте, — сказал золотозубый.

— Ну, знаете... Я все что угодно мог предположить... Но чтобы ты... Вы...

— Зовите меня Валерием Михайловичем... Не ожидали? Это хорошо. Значит, мы с коллегой надежно законспирировались. Но к делу... Коллега, надеюсь, уже ввел вас в курс. От себя добавлю. Ситуация чрезвычайная. Связи у нас нет. По сути мы на грани провала. Поэтому я принял решение — прорываться в Москву. Там у нас всех будет надежное прикрытие. Предлагаю обсудить детали операции.

Биография агента

Оставим пока разведчиков и завербованных ими офицеров разрабатывать детали широкомасштабной операции. Коль вышел на сцену главный герой нашего повествования, то самое время поближе познакомиться с ним.

Валерий Михайлович Гопак, украинец, военнообязанный, разведененный, характер весьма далекий от нордического и так далее...

Биография героя проста и незатейлива. Детство его протекало в рабочей семье, в городе с таинственным названием Золотое, что в бывшей Ворошиловградской области. Как оно протекало — судить не берусь. Но, скорее всего, не безоблачно, поскольку, достигнув совершеннолетия, Валера тут же отправился в свою первую ходку. Но, о счастье: в тот год дорогому Леониду Ильичу стукнуло ровно семьдесят пять. Грязнула амнистия, вынесшая нашего героя на волю...

Увы, счастье, как это часто бывает, оказалось недолгим. В том же году Валера "со товарищи" совершил грабеж и был отправлен в училище на шесть лет, которые отсидел от звонка до звонка, набираясь криминального ума-разума.

История умалчивает, где он приобрел красивую кличку "Одесса". Вполне возможно, что он ее просто себе присвоил. Но даже если это и так, то она ничуть не хуже набившего оскомину "Юстаса". И как нельзя лучше подходит к описываемым событиям.

Итак, свобода, женитьба, а через год новый суд и новый приговор. Дело опять-таки в высшей степени банальное: кража и грабеж. Банален и срок — пять лет. Ни о какой амнистии, понятно, и речи быть уже не могло... Вот и вся биография.

На то, чтобы забраться в магазин и уволочь оттуда пару мешков с продуктами, особой квалификации не требуется. Еще меньше необходимо умения для того, чтобы дать по морде подвыпившему мужику и сорвать с него шапку. Способностей Одессы хватало только на то, чтобы заниматься именно таким вульгарным, малопочтенным и неприбыльным промыслом. В колониях же Валерий насмотрелся на людей совершен-

но иного склада. Иной, как принято сейчас говорить, формации. Попадались люди, перед которыми заискивали не то что бригадиры и начальники отрядов, а само областное тюремно-лагерное руководство. Говорили, что такие люди и в колониях-то появляются раз в год, когда приезжает столичная инспекция, а так все время живут у себя дома, в неге, в холе, крутят великие многоденежные дела, окружены мосластыми охранниками и девицами, до которых мисс Мира еще тянуться и тянуться.

Одессу не жаловали в колонии. Коллеги по отсидке считали его интриганом, даже провокатором. Время от времени над его головой сгущались тучи. Да и как им не сгущаться, если он работал дневальным в штрафном изоляторе, то есть был почти вертухаем.

Между тем Одесса сумел-таки изучить психологию граждан начальников. Сделать это было нетрудно, ибо она, психология, базировалась на павловском учении об условных и безусловных рефлексах. Чтобы управлять ими, надо было найти только подходящий раздражитель.

Кто знает — может, все было и значительно проще. Может, просто горела под Одессой земля, может, понимал он, что не доживет до окончания срока. Бесконечное его стремление завоевать место под солнцем, страсть к дешевым мистификациям могли вызвать чрезмерное раздражение у кантовавшейся в колонии серьезной публики. Да и в деле промелькнули одна-две фразы, что вроде был Одесса "козлом" — то есть соглядатаем и осведомителем. Если это так, то никакой штрафной изолятор не мог спасти его от гнева паханов. С ним могли разобраться даже после освобождения. Желание спасти шкуру — великий стимулятор умственной деятельности. А коли обладает человек фантазией, то действия его могут облечься в самую неожиданную форму. Иначе чем объяснить стремление Одессы во что бы то ни стало покинуть колонию за двадцать (!) дней до окончания срока?

Сквозь тернии — к звездам!

— Значит, так, — сказал резидент, — нам потребуются оружие и люди.

— А без оружия никак? — испуганно спросил Федоров.

— Вы полагаете, что я буду пальцем отстреливаться, — тихо сказал резидент.

— А у нас нет оружия, — вспомнил Дергунов. — Мы же, это, как его... воспитатели.

— У кого есть?

— В батальоне у Головина есть, — услужливо молвил Писуков.

— Вот что, лейтенант... Ступай к Головину. Представься как положено. И приведи его сюда.

Командир двенадцатой роты пятого батальона в/ч 6605 капитан Головин встретил Писукова с неожиданным энтузиазмом.

— Вот оно что! — воскликнул он. — Это наш с тобой шанс. Главное, чтобы эти ребята нас не забыли, когда на Лубянке докладывать будут. Иначе мы здесь, в этих лесах, так и сгнем. А тут сразу в Москву...

После знакомства с Головиным резидент сказал:

— В колонии нас вместе видеть не должны. Поэтому и меня, и Наджаева надо не позднее завтрашнего дня из колонии эвакуировать. У кого мы можем остановиться в поселке?

— У меня, — брякнул Писуков.

— Хорошо, лейтенант. Твоя квартира отныне считается конспиративной. Сбор назначаю там. Завтра. В семнадцать ноль-ноль... Капитан, оружие нам потребуется тоже завтра. Когда его удобнее взять?

— Предлагаю взять оружие ночью, — сказал Головин. — Чтобы не привлекать внимания.

— Согласен. Кто за ним поедет — решим позже. До завтра, товарищи. Готовьтесь к поездке в столицу. Форма одежды штатская. Лейтенанта Писукова прошу задержаться. Мне нужен архив колонии. Найди кейс. Положи бумаги в него и береги, как зеницу ока. За документы отвечаешь головой. Помни, мы должны во что бы то ни стало доставить твой кейс в Москву. Кое-кто многое бы дал, чтобы перехватить его. Расписку тебе дадут у нас, на Лубянке. Завидую я тебе, лейтенант. Молодой, толковый... Нам такие, как ты, очень нужны. Так что все у тебя впереди. Как смотришь на то, чтобы стать начальником тюрьмы?.. Коля, — обратился он к Наджаеву, — ты не помнишь, где у нас сейчас вакансия?

— В Гродно, — без запинки ответил Наджаев.

Начало операции прошло без сучка и задоринки. И Наджаева, и резидента Гопака беспрепятственно эвакуировали через КПП и привели на Митину конспиративную квартиру. Митя накрыл стол. С выпивкой, правда, оказалась некоторая напряженка: удалось разжиться только дешевым, липким, как пластилин, ликером.

— Докладывайте, — приказал резидент Федорову.

— Товарищ командир, машину я вам достал. «Уазик» наш. Только можно мне домой пойти? Или, может, вы сейчас прямо отсюда позвоните вашим... В областное управление. Я вот и телефончик узнал.

— Может, ты уже звонил туда, предатель, Иуда?! — выдохнул Гопак и схватил майора за грудки.

— Никак нет. Ну, если звонить нельзя, то, может, давайте довезем вас до Перми...

— Мне с вами все ясно, майор! — оборвал Федорова резидент. — Появление в областном комитете означает наш немед-

ленный и полный провал. Неужели это непонятно? Диспозиция будет такой. За оружием поеду я, со мной — Головин и Федоров. Головин, пистолет при вас? Извольте его отдать моему коллеге. Так-то будет лучше. Николай Нариманович, проинструктируйте лейтенанта на случай непредвиденных обстоятельств.

За оружием ехать надо было в батальон. Худо-бедно, а Головин упер приличный арсенал: два автомата Калашникова, пистолет Макарова и восемьсот штук патронов с трассирующими пулями.

— Хватит? — спросил он у резидента.

— Не знаю, капитан, — честно признался разведчик. — На одну перестрелку, наверно, хватит. Но и перегружать себя оружием тоже не след. Наше спасение — в мобильности. Поехали.

Обратно на конспиративную квартиру добрались только к пяти часам. Светало. Зашли в дом.

— Ну что ж, — сказал резидент. — Поздравляю вас с успешным завершением первого этапа. Но вся работа еще впереди. Нам придется разделиться. Со мной в Москву поедут Федоров, Головин и ты, лейтенант. Дергунов и Николай Нариманович остаются здесь. Носа из квартиры не показывать. Для верности лейтенант вас запрет. Оставляем вам автомат... Думаю, этого будет достаточно. Коля, проследи, чтобы твой майор не дурил... А вы, майор Федоров, дайте-ка мне ваши часы. "Командирские"... То, что надо. Итак, засекаем время: пять тридцать. Едем в Березники. Тамбросаем машину и пересаживаемся на поезд. Деньги у вас есть? Этого может не хватить. Майор Дергунов, у вас есть деньги? Давайте их сюда, самое большое через неделю вам их вернут. И благодарность объявят. Впрочем, в случае успешного выполнения задания Родины лично я буду ходатайствовать о присвоении вам внеочередного звания и повышения по службе. Это и вас касается, товарищ Федоров. Как вы смотрите на то, чтобы стать начальником всех пермских колоний? По глазам вижу, что хорошо смотрите.

— Разрешите обратиться, товарищ командир, — молвил Головин. — Я уже несколько раз подавал рапорт о том, чтобы меня направили в академию... Начальство затирает. Всё своих сыновков норовит пристроить.

— Н-да, — погрустнел резидент, — вот за это мы как раз и боремся, чтобы в академиях учились такие орлы, как ты, капитан. Не беспокойся, будет тебе академия. Ну, а с тобой, лейтенант, мы уже договорились... Гродненская тюрьма ждет тебя. Ну что ж, Николай, — обратился резидент к Наджаеву. — Давай прощаться. Будь осторожен. В случае чего, прорывайся в Москву с майором...

Разведчики обнялись. Отлепив от себя Наджаева, резидент выпил стакан ликера и, не оглядываясь, вышел вон.

Путь группы прорыва предстояло проделать немалый и чреватый самыми разнообразными опасностями. По всей трассе их следования до Березников были расставлены кордоны в целях отлова сбежавших зеков. Задержать их могли на любом.

— Куда путь держите? — лениво спросили их на первом кордоне.

— В Березники, — честно ответил капитан Головин.

— Это дело, — одобрил начальник поста и шлагбаум вознесся к небу.

На пути группы прорыва через некоторое время возникла водная преграда — река с названием Колва. Лесистые берега ее соединял паром. Здесь также проверили документы. Еще пришлось ждать паромщика, который, появившись, сразу дал им понять, что в такую рань он ни в коем случае не повезет на своем лайнере жалкий "узик", и предложил дожидаться попутных машин...

— Все прогнило, — горько вздохнул резидент. — Вот против таких сволочей мы тоже вынуждены бороться. Сколько он просит? Дайте... И как следует запомните его. Мы еще вернемся.

Паромщик, слава Богу, не слышал этих слов. Но полученная бумажка целый день грела его заскорузлую душу.

Наконец показался районный оплот цивилизации — Березники. Кое-как, шарахаясь от редких и ленивых в это время суток аборигенов, группа прорыва добрела до вокзала.

— Головин, отправляйтесь в кассу. Четыре билета до белокаменной. На первый же поезд.

Вернулся Головин быстро:

— Стартуем через час!

Федоров робко предложил:

— Валерий Михайлович, может, того, возьмем в дорожку. Путь все-таки неблизкий...

— Даю вам двадцать минут. Встречаемся на перроне. Головин, дайте майору денег на две, нет, на три бутылки водки.

Когда группа прорыва собралась в купе, резидент задвинул дверь и сказал:

— Приказываю: в вагоне ходить только по двое. У меня сильное подозрение, что проводник — их человек... Где-то я видел его лицо. Приказ ясен? Майор, разливайте!

Поезд добрался до Перми. Резидент аккуратно выглянул из-под задернутых грязных занавесок. И тут же отшатнулся, прижался к стене, в глазах его появилось какое-то потустороннее, нездешнее выражение.

— Они?! — зажав рот вспотевшей рукой, спросил Головин.

Резидент кивнул. Федоров забился в угол.

— Спокойно. Еще не все потеряно. Их тоже четверо. Они вооружены. Сели в наш вагон.

— Может, опередим их? — предложил Головин и передернул пистолетный затвор.

— Их не опередишь. Они — профессионалы. Думаю, что брать нас будут на последней остановке перед Москвой. Остается одно. Сойти где-нибудь и попытаться уехать на автомобиле.

Родина встречает героеv

Резидент поднял их на рассвете. А поезд уже сбивал ход. Из утреннего тумана полезли убогие пригородные строения. Майор Федоров на цыпочках вышел в коридор, глянул в окно и, втянув голову в плечи, бросился обратно в купе.

— Добро пожаловать в город-герой Шарья, — попытался он состричь перед попутчиками.

И точно: они оказались в районном центре Костромской области, в замыгтанном уголке российской географии, сравниться с которым может разве что знаменитый Коломенский, расположенный, кстати, в каких-нибудь ста километрах западнее. Мирно дремавший на исходе лета городок не догадывался, что стал ареной безжалостной схватки чекистов и нарождающейся российской мафии. Шарья и до сих пор об этом не догадывается.

Резидент Гопак упорно вел группу на окраину города. Погони вроде не было. Дома кончились. Перед разведчиками сумрачно отсвечивала кладбищенская ограда. В ней они довольно быстро обнаружили пролом. И через него проникли в таинственно-наивный мир провинциальных эпитафий.

Гопак привольно расположился на безымянном надгробии и объявил совещание открытым:

— Дело принимает скверный оборот. Поэтому уходить отсюда надо как можно быстрее.

— Куда уходить-то?! — застонал по-звериному майор Федоров.

— В Кострому. Там у меня явка. Оттуда нас на вертолете доставят в Москву. Значит, так. Мы с майором остаемся здесь. Головин и лейтенант идут в город и добывают машину с шофером.

22 августа стало черным днем в жизни шарынского аборигена, владельца "Жигулей", по фамилии Тумаков. Проснувшись ни свет ни заря, он, как истый автолюбитель, отправился в гараж, вывел оттуда "жигуленка", залез в мотор.

Представьте себе ужас блондина Тумакова, когда, заслышав невнятный шорох, он повернул голову и ею же, головой, уперся в холодный ствол пистолета. Перед автовладельцем стоял сравнительно молодой, крепко сбитый человек с окаменевшим лицом и пылающими глазами. Тумаков подумал, что сейчас его заведут в гараж, слепнут и спокойно уедут на родном "жигуленке". Стало обидно и страшно. Заодно отнялись руки и ноги.

— Спокойно, — сказал Головин. — Я — сотрудник государственной безопасности. Нам нужен ты и твоя машина.

На всякий случай Тумаков попытался оглянуться. Вдруг из-за ближайшего гаража выйдет статный милиционер и прекра-

тит весь этот виденный только в американском кино ужас. Но вместо милиционера из-за гаража показался еще один молодой человек. Лицо его было менее решительным, но глаза пылали тем же адским огнем.

— Куда ехать? — обреченно спросил Тумаков.

— На кладбище, — последовал безжалостный ответ.

А в это время майор Федоров прощался с жизнью. Именно так он потом и написал в объяснительной записке на имя следователя следственного отделения учреждения Ш-320 старшего лейтенанта со сказочной фамилией Мереакре П. И. Оставшись наедине с резидентом, майор решил, что тот его обязательно ликвидирует, ибо к этому времени он продемонстрировал полную свою никчемность. К смерти располагало и место, и пропущенные надписи о бренности земного бытия.

Из кустов выпорхнул лейтенант Писуков...

“Ну, вот и всё”, — мелькнуло в голове у майора Федорова.

— Майор, вам что — отдельное приглашение нужно? — спросил Гопак у закрывшего глаза Федорова. — А ну, живо в машину.

Кострома встретила героев без особой радости. Да и сами герои слегка подустали для того, чтобы восторгаться красотами древнего города. К тому же Тумаков в конце путешествия сделался совсем невменяемым и все время норовил заехать куданибудь не туда. Во избежание автокатастрофы Гопак приказал ему остановиться. Команда вылезла из машины. “Жигуль” неуклюже рванул с места и через секунду исчез за ближайшим поворотом.

— Зря мы его отпустили, — сказал Головин.

— Сейчас это уже не имеет значения. Пока он расколется, мы уже будем в безопасности. Теперь разделимся на пары. И будем прорываться на явочную квартиру. Друг друга из виду не терять. Моя рука у лица — сигнал опасности. Тогда все разбегаемся и встречаемся на вокзале.

Они долго и путанно шли сквозь Кострому: неожиданно сворачивали в вонючие дворы, которые заканчивались тупиками, заходили в подворотни и долго ждали там, потом стремительно перебегали на противоположную сторону улицы. Майор Федоров, отягощенный годами и все нарастающей абстиненцией, совсем отключился от действительности. Он и не заметил, как перед ними вырос невзрачный домишко. Издали им делал какие-то знаки Гопак, создавалось такое впечатление, что он намыливает лицо несуществующим помазком.

— Явка провалена, — сообщил чуть позже Гопак, притулившись в углу железнодорожного зала ожидания. На дверях я увидел условный знак. Теряем людей. Этой явкой руководил старый мой товарищ, мы еще в школе за одной партой сидели. Подполковник Володин Сергей Николаевич. Пусть будет земля тебе пухом, Сережа. Жаль, помянуть тебя нечем.

— Я сбегаю, — предложил майор.

— Отставить. Думаю, они уже знают, что мы в Костроме. Хвоста пока нет. Но ведь и крыши у нас тоже нет. Поэтому делаем так. Я с капитаном Головиным еду в Ярославль. Там есть запасная явка. Что ж: настало ваше время, товарищи, — и он положил руки на плечи лейтенанту и майору. — Вы сейчас сядете в поезд и поедете в Москву... Там отыщете улицу Лубянку, дом 41. Войдете в дом, на лестничной клетке к вам подойдет человек. Вы ему скажете: «Нельзя ли попасть на прием к Илье Сидоровичу?» Человек вас обязательно в ответ на это спросит: «По какому вопросу?» Вы ответите: «Сугубо по личному». Человек скажет: «Нельзя ли уточнить?». Ваш ответ: «Уточню при встрече». Имейте в виду, что «Илья Сидорович» — это наш SOS. Приехав в Москву, ни в коем случае не садитесь в первое такси... В метро будете выходить на каждой станции. И пересаживаться в другой поезд. Не меньше двух часов поездите таким образом. В разговоры не вступать. Держитесь подальше от скоплений людей. Перед вами, сбоку и сзади, всегда должно быть свободное пространство. От оружия придется избавиться... Приказываю сдать его в камеру хранения. Капитан Головин, выполняйте.

— Можно я оставлю пистолет? — попросил капитан.

— Оставляйте.

Безмолвно они прошествовали через вокзал к автоматическим камерам хранения. И там, разыскав пустую ячейку, капитан Головин под прикрытием Федорова и Гопака запихнул в пахнущее тухлой рыбой нутро всю огнестрельную наличность.

Наступила минута прощания. Оно было по-мужски скрытым и недолгим. Резидент крепко сжал руку майору Федорову и отечески похлопал по плечу старшего лейтенанта Митю.

— Будьте предельно осторожны, — тихо сказал он. — Вы должны дойти живыми.

И поезд медленно отодвинулся от платформы, уплыл в сумерки, унес с собой майора и Митю.

Москва набросилась на них — растерянных и диковатых — рано поутру. Полагаю, никакая слежка в мире не могла бы в тот день справиться с Митеи и майором. Они меняли поезда, голубые вагоны уносили их в неизвестном направлении, толпа терла их, а они всякий раз пытались создать вокруг себя необходимое по инструкции свободное пространство, чем приводили злых москвичей в окончательное неистовство. Чего только не пришлось выслушать майору и Мите от пассажиров столичной подземки. И в каждом из них отважным разведчикам мерещился враг, и каждый раз сердца у них трепетно замирали, а ноги делались ватными.

Всемирно известная Лубянка оказалась на удивление короткой. На ней не было (о, ужас!) дома под номером 41. Улица обрывалась каким-то легкомысленным сквером со скульптурой неизвестной барышни с неразличимыми чертами лица.

Но Митя решил не сдаваться. "Дом могли снести", — догадался он и перед глазами всплыла совсем недавно виденная табличка "Приемная", а над ней название ведомства, сотрудником которого вот уже без малого две недели ощущал себя Писуков. "Надо идти туда", — решил храбрый Митя.

В приемной после долгих уговоров к ним вышел аккуратно одетый молодой человек.

— Нельзя ли попасть на прием к Илье Сидоровичу? — произнес секретную фразу Митя.

— Простите, кто такой Илья Сидорович? — неожиданно спросил молодой человек.

Митя смекнул, что сотрудник аппарата не знает пароля. Хотя такой пароль не всякому сотруднику и положено знать.

— Я прошу, — устало и со значением сказал Митя, — доложить вашему руководству, что задание Родины выполнено.

— А кто вы такой? — с нарастающим напряжением в голосе спросил сотрудник.

— Я — старший лейтенант государственной безопасности, а это майор Федоров, начальник колонии.

— Позвольте ваши документы. Ничего не понимаю, — произнес сотрудник, — гражданин — действительно майор, а вы служите во внутренних войсках. Вам в МВД надо.

— Я лучше знаю, куда надо. Звание старшего лейтенанта государственной безопасности мне присвоено недавно. Вашим сотрудником. Агентом общероссийского значения. Мне поручено передать важнейшую информацию.

Дальнейшее слилось в Митиной памяти в какой-то невообразимый и невыносимый кошмар. Их провели в кабинет. Их о чем-то спрашивали. Их не могли понять. Появился и вскоре исчез какой-то вертлявый человек, который задал им кучу идиотских, бессмысленных вопросов о болезнях родителей и травмах головы, после чего бросил находящимся в кабинете людям всего одно слово: "Здоровы". Особый энтузиазм вызвало у этих людей упоминание об оружии, сданном в камеру хранения костромского вокзала. Люди как-то странно переглянулись, и один из них очень быстро вышел из кабинета. Пока он отсутствовал, к Мите наконец-то подобралась реальность. Митя как-то сразу понял все. Особенно то, что ему не быть не только старшим лейтенантом вожделенного учреждения, но и вообще лейтенантом... На какое-то жгучее мгновение мелькнуло перед ним радующее глаз здание так и не увиденной им гродненской тюрьмы. Мелькнуло и исчезло навсегда.

А в это время следователь следственного отделения учреждения Ш-320 со сказочной фамилией Мереакре П. И. уже допрашивал освобожденного из квартиры Мити Писукова майора Дергунова и все никак не мог понять, на какой почве сошел с ума никогда бравый оперативник. Майор плел несусветную чушь о тайных агентах, о группе прорыва, о секретных документах... Но самое загадочное состояло в том, что из колонии и в самом деле бес-

следно исчезли ее начальник и оперуполномоченный Писуков, а из батальона вместе с оружием скончался командир роты капитан Головин. Исчезли и кое-какие документы из оперчасти. Впрочем, стратегического, да и вообще какого-либо значения они не имели. Ну и, конечно, пропал Гопак, старожил зоны. Что касается Наджаева, то он хитро улыбался. Он улыбался даже тогда, когда его на всякий случай отправили в изолятор.

Короче: разгорелось ЧП. Звонили в Пермь. А оттуда — в Москву. И уже дождались ответных, до предела насыщенных матом звонков. Мереакре уже объявил розыск сбежавшего узника. Уже собиралась гроза над лесными и речными кордонами, столь беспрепятственно пропустившими группу отважных разведчиков. И аккурат в разгар этой суматохи атомным взрывом в курятнике прозвучало выдержанное в холодно-издевательском тоне сообщение из конторы глубокого бурения о том, что Родина встретила первых своих героев.

Пока Митя и майор Федоров коротали беспокойную ночь в вагоне, резидент и капитан Головин неторопливо плыли в Ярославль. Головин чувствовал себя намного увереннее Мити и майора. Во-первых, шеф оставил его при себе, выказав тем самым повышенное доверие. Во-вторых, именно Головин держал сейчас в руках заветный кейс. Радовал Головина и засунутый за ремень "макаров".

А Гопак спокойно спал. Ибо ничто не отягощало его совесть. Да и не могло отяготить. Что ему снилось в ту августовскую ночь? Зона? Морды товарищей по заключению? Или теперешние его ангелы-хранители? Подозревал ли он, что вползает в легенду, становится ею?

— Здесь провал, — ровным, а потому особенно страшным голосом сообщил он Головину после долгих скитаний по городу. — Видишь... На шестом этаже, третье окно справа — закрыта форточка... Неспроста она закрыта. Успел-таки наш товарищ в последнюю минуту... Спасибо тебе, друг, спас... Ну, капитан, твои предложения?

— Надо прорываться в Москву, — решительно сказал Головин.

— Правильно. Все равно у нас другого выхода нет.

— Но и денег тоже, — осмелился сказать правду капитан. — Только на один билет и наскребем.

— Ну что ж, капитан, тебе и карты в руки. Поедешь в Москву. Я тоже поеду в Москву, но вслед за тобой. Если что, то следить они в первую очередь будут за мной. Ты должен обязательно добраться до Москвы. С тобой секретные сведения. Цены им нет. В твоих руках судьба всей операции. Пароль помнишь? Приедешь в Москву и жди меня на вокзале. Если я в течение двух часов не появлюсь, то действуй самостоятельно.

Затолкнувшись в электричку, капитан Головин увидел одноко стоящего на перроне резидента. Лицо его было задумчиво

и спокойно. Именно с таким лицом Штириц провожал в Париж из Швейцарии свою верную радиостку Кэт с двумя детьми.

В Москве Головин честно промыкался на перроне Ярославского вокзала отмеренные ему резидентом два часа. Потом бросился спасаться от слежки, попеременно ощупывая драгоценный кейс и царапающий живот "макаров". Как и предшественники, он долго не мог понять, куда делся с Лубянки дом под номером 41. И так же безмолвствовала каменная барышня в скверике. Да и мысль о приемной пришла к капитану вполне своевременно.

В приемной после его слов об Илье Сидоровиче воцарилось зловещее молчание. Был момент, когда Головин подумал, что именно здесь и поджидают его предатели Отечества, и начал было шарить у пояса, чтобы успеть вытащить пистолет и поквитаться хотя бы с одним из них. Впрочем, эту мысль он, хоть и с трудом, но отбросил.

Ну, а дальше Головин долго и мучительно падал в зловонную пропасть. Падая, он слышал какие-то обрывки слов и фраз, из коих понял только одно: против него возбудили уголовное дело. Кажется, говорили о его умственных способностях. Куда-то звонили. Заставляли писать и подписывать какие-то бумаги. Катастрофа росла и крепла. Родина встретила последнего своего героя.

Конец агента

Взяли Одессу муторным октябрьским днем. В Москве. В каком-то притоне. Конец агента оказался банален и сдобрен слиздной порцией уголовщины. В Крюково, в утлом домишке на улице с киношным названием Заречная, убили человека. Убийцы были уголовной шушерой. Жертва тоже. Сводили счеты. И при этой малопривлекательной процедуре присутствовал Одесса. Следствию не удалось доказать, что он принимал участие в убийстве. Одессу обвинили в недобросовестности.

А пока раскручивали это дело, выяснилось, что Одесса — беглый. И что безгранично огромное тюремное наше ведомство от первого до последнего человека жаждет свести с ним счеты. Конечно, навесить на Одессу можно было только побег. Идиотизм вырванных с корнем из системы Федорова, Головина, Дергунова, Писукова так и остался за ними. Если бы не желание теперешнего ГУЛАГа поквитаться с Одессой, вряд ли кто узнал бы об этой куче мусора в избе нашего исправительного ведомства. Но суд не счел исчезнение Одессы из колонии победом. И то верно: он же не сам ударился в бега, его чинно-благородно отпустили, поверив в то, во что мог поверить только человек с врожденным и необратимым пороком психики. Так и появился в деле об убийстве на Заречной улице заветный четвертый том, предававший — пусть и относительной — огласке один из самых забавных эпизодов в истории отечественной пенитенциарной системы.

Одессу-Гопака с подельниками судили. Подельникам дали от души — все же умышленное убийство с отягчающими обстоятельствами. Одессе впаяли год. В своем последнем слове он сказал, что париться в зонах ему надоело и пора приниматься за ум. Но Одесса такой человек, что может сказать все что угодно. Вот и вся история.

Еще раз повторюсь: все в этой истории правда. Практически каждая деталь может быть подтверждена документами — вплоть до липкого ликера, до гродненской тюрьмы, до "Командирских" часов... Я всего лишь позволил себе реконструировать диалоги и взял на себя смелость описать переживания действующих лиц (впрочем, немалая часть этих переживаний опять же зафиксирована вполне официально). При всем желании не мог я выдумать события, о которых вы только что прочитали. Как и самих героев этого повествования. ■

ПОДПИСКА - ПОДПИСКА - ПОДПИСКА -

Уважаемые читатели!

Напоминаем, что оформить подписку на "Смену" можно непосредственно в редакции с любого месяца.

Подписная цена одного номера с января 2000 года — 28 руб., стоимость шести номеров — 168 руб.

Ветеранам войны и труда [по предъявлении удостоверения] мы делаем скидку. Для них цена одного номера — 23 руб. 50 коп., шести номеров — 141 руб.

Такая подписка, разумеется, дешевле, чем в почтовом отделении, поскольку вы будете приезжать за журналом в редакцию. Впрочем, если вы не можете забирать журнал ежемесячно — ничего страшного — ваша "Смена" будет ждать, сколько понадобится, и вам не придется волноваться, что журнал пропадет из почтового ящика. Истории, наши постоянные читатели из других областей, стран СНГ и даже стран дальнего зарубежья, оказываясь в Москве, заходят к нам, чтобы купить журналы. Позвоните, и мы соберем для вас комплект "Смены". А если вы не бываете в столице, мы можем выслать любой номер или комплект журналов после того, как вы оплатите стоимость и доставку. Напишите в редакцию, мы сообщим вам банковские реквизиты.

Телефоны для справок: 212-15-07, 250-49-98.

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва,

Бумажный проезд, 14.

Звоните, пишите, приезжайте — мы всегда рады вам.

ПОДПИСКА - ПОДПИСКА - ПОДПИСКА

ПОДПИСКА - ПОДПИСКА - ПОДПИСКА

ПОДПИСКА - ПОДПИСКА - ПОДПИСКА -

Дина КОРЗУН:

“По жизни я не иду, а лечу”

До окончания школы, по собственному признанию Дины, она понятия не имела, чем будет заниматься в жизни. За нее все решила мама: поскольку дочь неплохо рисует, перспектива только одна — поступать в Смоленский пединститут на художника-графика. Но отучившись курс в пединституте, Дина поняла, что занимается не своим делом, и совершила главный поворот в судьбе, поступив на антерсийский факультет школы-студии МХАТ. В 1996 году она окончила курс Аллы Покровской, и ей сразу предложили во МХАТе имени Чехова несколько главных ролей — Татьяну Бородину в спектакле “Любовь в Крыму”, Сонию Мармеладову в “Преступлении и наказании” и Натерину в “Грозе”, где ее партнёрами стали — Ия Саввина и Евгений Ниндинов. А вот кино долгое время обходило ее стороной, пока Валерий Тодоровский не увидел случайно фотографию Дины Корзун в картотеке “Мосфильма” и после первой же пробы утвердил на главную роль в картине “Страна глухих”. Благодаря этому фильму заговорили о многогранности

дарования молодой актрисы. Она получила несолько главных призов на международных кинофестивалях, а в этом году и в Отечестве, главный из которых — приз академии российского киноискусства “Ника”.

— Наверное, после “Страны глухих” вас засыпают предложенными, одно заманчивее другого?

— Нан раз нет. После того, как вышла картина Валерия Тодоровского, месяца три не было вообще никаких предложений в кино. И я тихо, спокойно репетировала в театре “Сон в летнюю ночь” Шекспира, где я играю Елену. И вдруг Алленей Учитель, известный по таким фильмам, как “Рон” и “Мания Жизели”, предложил мне роль в его новой картине о жизни Ивана Бунина. Правда, поначалу мне эта роль не очень нравилась, и я мучилась, никак не решаясь согласиться.

— Это почему же?

— Останавливало то, что я должна играть женщину, которая увела возлюбленную Бунина, то есть такая лесбийская линия. Но дело даже не в характере моей героини, а в том, что роль

оказалась не очень прописана, да и вообще линия этой любви какая-то невыразительная. Хотя по антерскому составу — Бунина играет Андрей Сергеевич Смирнов, его жену Галию Тюнина, которая снималась в "Мании Жизели", работа обещала быть интересной.

В конце концов я согласилась. Но и мне пошли навстречу: внимательно отнеслись к моим предложениюм, и кое-что нам удалось изменить в сценарии. Сейчас уже закончен питерский этап, предстоят съемки в Тунисе и Париже. Кроме этого, меня пригласил в антерскую антрепризу мой педагог Роман Нозан сыграть в компании с Татьяной Васильевой, Гарнелиным, Фенлистовым и Златовицким в пьесе, переведенной с иврита, "Эльнино золото".

— И как вам живется в кино после театра?

— Хорошо живется. Я чувствую себя комфортно везде, где ко мне хорошо относятся, где меня любят. А что касается профессиональной игры, то во мне, как тумблер, что-то переключается, и на съемочной площадке я пользуюсь уже совершенно иными формами, красками, нежели на театральной сцене.

— Вы уверены, что антерская профессия — ваш окончательный выбор? Или возможны такие же резкие повороты, как уже было с вами в Смоленске?

— Да Бог его знает! Моя судьба ведет по жизни, и я ей подчиняюсь. В Смоленске я случайно увидела объявление о наборе на антерский курс, отправилась на пробы, и меня взяли. Там я встре-

тилась с моим первым мужем. Он приехал в провинциальный театр из Москвы — ему казалось, что это будет интересным экспериментом. Через какое-то время мы понеслись. А через год уже вместе уехали в Москву. Обоим в местном театре стало скучно: не было того, чего ожидали, ни настоящего поиска, ни творчества... В Москве я родила сына — Тимура. На новом повороте судьбы мы с мужем расстались, и каждый пошел своей дорогой...

Был период, когда я осталась с Тимуром совершенно одна. Рано утром отводила его в школу, потом прибегала домой, приводила себя в порядок и убегала на репетицию, затем на съемки. Потом забирала его из школы, и мы ехали ко мне в театр, ужинали в столовой, а вечером я играла в спектакле. Было очень тяжело, но яправлялась, не жаловалась и радовалась успехам сына.

— Родители вас сильно баловали?

— Наоборот, мама воспитывала меня довольно жестко. И я думаю, это спасло меня от многого. Она создавала мощное сопротивление моему эгоизму, [я — Овен по гороскопу] и тем самым не давала ему чрезмерно развиваться. Она вкладывала в меня свои взгляды на жизнь, на мир и помогла развитию силы воли и сострадания. Я считаю, что сострадание — главное, что должно быть в человеке.

— Тяга к рисованию у вас сама проявилась?

— Когда я была совсем маленькой, маме было тяжело управляться со всем хозяйством, да еще со мною, и она усаживала меня за стол, доставала краски,

кисточки, бумагу и говорила: рисуй... Я сидела и рисовала, причем мама мне ничего не показывала. Да она и не умела особенно. Хотя очень хорошо шила и, чтобы подработать, много брала заказов на дом, кстати, до сих пор все мои наряды сшиты моей мамой. А все думают, что я одеваюсь у какого-то крутого модельера.

— Она портниха по профессии?

— Нет, инженер, закончила смоленский филиал Московского энергетического.

— Смоленск — тихий город, достаточно удаленный от шумной и суетливой Москвы. Вы ощущали себя провинциалкой?

— Нет, пожалуй. Я даже не знала, что есть какой-то другой, большой мир, хотя, конечно, видела его по телевизору. Меня в

Москву никогда не тянуло, и я никогда не мечтала о прелестях большого города, о внимании, об успехе, о психологических просторах...

— Где вы живете в Москве?

— Живу в Коломенском, тут снимает мне квартиру. А своего угла у меня пока нет и, думаю, долго не будет. На это нужны огромные деньги, лично я смогу заработать их очень не скоро. Если только меня не начнут приглашать сниматься на Запад. Пока же я за свой труд получаю символические деньги.

— Вы хорошая хозяйка?

— Когда мамы и сына нет — творческий беспорядок. Домой прихожу поздно, только переночевать да переодеться. А когда мои дома — стремлюсь к тому, чтобы было чисто и красиво. Мы обязательно вешаем на стены рисунки Тимура.

— Вы влюбчивы?

— Да, и не считаю это недостатком. Это талант! Я влюблена в людей. И умею любить. Меня это обогащает, делает счастливой.

— Не страдаете?

— Раньше страдала, потому что недопонимала глубины этого чувства. А сейчас научилась восхищаться предметом моей любви! И своим собственным чувством. Даже если Он уходит, или я знаю, что Он никогда не может мне принадлежать, я все равно радуюсь возможности видеть его, тому, что живу в одно время с этим человеком...

— Вы сохраняете дружеские отношения с теми, кого любили и с кем сегодня не вместе?

— Обязательно! Я их поддерживаю, трачу на них свою душу и

время, пишу стихи, рисую картины и посвящаю им, получая от этого удовольствие... Я творю свою жизнь, свои отношения. Их надо беречь, ухаживать...

— И когда вы на все находите время?

— Я его не нахожу, оно само находит меня.

— Не устаете?

— Нет, потому что я очень открыта душой и меня ничто не тяготит. Иногда, правда, я чувствую душевную боль, смуту, но стараюсь не зацикливаться, поэтому даже огорчения лишь прибавляют оттенки в мои чувства, в мою душу... Но ничто меня не может чрезмерно утомить или глубоко обеспокоить, я верю в хорошее, верю в любовь. Люблю людей и всячески хочу им помочь.

— И все-таки, у вас есть какое-нибудь средство от усталости?

— Самое доступное — сесть в мягкое кресло, откинуть голову, расслабиться абсолютно, чтобы на лице и во всем теле не была напряжена ни одна мышца, и попробовать выйти из своего тела, представить небо вокруг себя и белые кучевые облака, в которых ты паришь. В этом состоянии свободного полета можно делать все что угодно: нувырки через голову, всевозможные сальто и пируэты. Я очень долго училась, чтобы вот так мысленно выходить из своей физической оболочки, теперь все делаю в мгновение ока.

— Для этого нужна какая-то особая атмосфера: музыка, благовония, свечи...

— Сейчас мне уже ничего не нужно. Могу выключаться даже в метро...

Когда же чувствуешь большую душевную тяжесть, нужно позво-

нить подруге, расспросить, на-
дела, настроение, вместе разо-
брать радости и проблемы, а по-
том, уже в конце разговора, рас-
сказать, что тебя мучает. И обяза-
тельно собственные проблемы буд-
ут после этого восприниматься с
юмором или иронией...

— Накие способности и талан-
ты вы уже заметили в своем сы-
не?

— Он хорошо рисует. Я сама даю ему уроны, объясняю принци-
пы, рассказываю всяческие се-
креты. Еще мы вместе лепим, kleим. Хо-
тела бы, чтобы он серьезно занял-
ся английским. В общем-то, дать
ему все, что только возможно. А
еще дома мы сделали спортивный
уголок: кольца, лестницы, канаты,
на которых он постоянно ви-
сит и ныряет.

— Вы не боитесь когда-нибудь
устать душой?

— Мне кажется, я не могу уст-
ать, потому что я не хожу, а ле-
таю. У меня легкое дыхание. Могу растворяться в природе. И ка-
ждое утро встаю с легкостью.
Мне также помогает вера в Бо-
га. Верю в бесконечность Его
любви и любви человеческой. Час-
то молюсь, и в молитве звучат
такие слова: "Господи, как пре-
красен Твой мир! Я благодарю Те-
бя за то, что я живу в нем!.. Я
так счастлива: спасибо Тебе за
эту встречу... Я верю в Твой умы-
сел: все, что Ты не делаешь со
мной, Тебе угодно!.. И рада все-
му, что Ты со мной ни сдела-
ешь..." ■

Беседу вели
Татьяна СЕКРИДОВА.

Александр ЭКШТЕЙН

СОЛНЕЧНЫЙ убийца

рисунок Алексея Остроменецкого

Часть I

Глава первая

Когда принимаешь душ, попеременно менняя горячую воду на холодную, то через некоторое время чувствуешь себя тем, кто ты есть на самом деле. Если говорить обо мне, то это очень опасно. Я телохранитель класса "Солнечный убийца", хотя мой отец называет меня частным сыщиком государственного уровня. Его заблуждение основано на незнании, поэтому он прав. Он прав и потому, что он мой отец. Я натягиваю поверх мокрого тела халат и направляюсь в кухню. Открываю холодильник и восторженно вздрагиваю от предвкушения завтрака. В холодильнике, как всегда, пусто, и предвкушение завтрака продлевается до обеда. Это же надо, мир переполнен продуктами, а в моем холодильнике пусто. Я подхожу к окну и разглядываю город с высоты первого этажа. Пустота в холодильнике и в моем желудке не может испортить радостного настроения. Несмотря ни на что, мир достаточно прекрасен. Неожиданно звонит телефон, и я беру трубку. "Алло? Да, конечно, Алексей Васильевич, уже выхожу". Я же говорил, что я — убийца, сынок-палаch по особо важным поручениям. Обыкновенный столичный суперментяра с гипертрофированной тягой к справедливости. Я убиваю по приказу в одном случае и по вдохновению в другом. У меня есть четко обозначенные пристрастия, по которым я определяю возможность вдохновенной казни. По приказу убиваю неохотно. Мне претит в приказах несоответствие с моими симпатиями, а также излишняя щепетильность к интеллектуалам. Но ничего не поделать — служба: убивать, как и жить, необходимо.

— Каин убил Авеля, Иуда предал Христа. Так было всегда. Иуда свят, как и все остальные апостолы. Без него не существовало бы христианство. Авель гораздо греховнее Каина. Он был упреком беспощадной нравственности, и поэтому Каин убил его. У него не было выбора. Все предопределено, мир погрузился в ложь, лишь благодаря воинственной нравственности. Любое действие подпитывается противодействием. Если нравственность непримирима, то она не нравственность, а разновидность безнравственности, фашизм тому пример. — Так говорил заместитель Аскольда Борисовича Иванова Байбаков Сергей Иванович по прозвищу "Карандусик". Выпив рюмку водки, он виновато посмотрел на сидящих за столом.

— О да, конечно! — поддержал Карандусика Аскольд Иванов и ласково, с легким хлопком, положил руку на колено сидящей рядом с ним Ирочки Васиной.

Красота не в состоянии спасти мир, но мир в этом и не нуждается. Мир создал свою красоту и стал спасать ее на всевоз-

* Журнальный вариант.

можных конкурсах. Ирочка Васина два дня назад завоевала титул Мисс красоты курорта Сочи, а полчаса назад вылезла из постели председателя правления Азово-Черноморского банка из города Таганрога Аскольда Иванова.

Аскольд Иванов был не первым, кто пытался сорвать печать ангела с входа во внутренний мир Ирочки Васиной. Претенденты осаждали ее с шестнадцати лет, но все их приступы оканчивались провалом и позором. Впрочем, и особенно после того как Ирочка стала Мисс курорта Сочи, она считала такое положение со своей затянувшейся девственностью неким особым знаком. Она верила, что придет настоящий мужчина, весь осиянный роскошью стати, власти и свободно конвертируемой валюты, и этот принциподобный мужчина сделает все, что обычно делают с девственницами люди, желающие взять их в жены. Ирочка учились в Санкт-Петербургском государственном университете, знала три европейских языка, разбиралась в музыке и литературе, увлекалась горными лыжами, к тому же несла в себе великолепные гены России и Кореи, которые соединились в ней благодаря отцу курского рода и матери, кореянки из русского города Хабаровска. То есть Ирочка вполне могла рассчитывать на то, чтобы всю жизнь прожить в безмятежности, любви и роскоши. В ее возрасте не думают об ироничной даме с на смешливым именем Судьба, и поэтому Ирочка восторженно примеряла пляжный костюм фирмы Валентина Юдашкина, который заказал для нее Аскольд Иванов.

Это произошло с банальной неожиданностью, которую можно принять за предопределенность. Он был маленького роста, сутулый, одетый в дорогой, но какой-то опереточно-белый костюм, нос слегка кривоват и, по странной ассоциации, насмешлив. Но не это, совсем не это поразило Ирочку Васину. Ее поразил взгляд, смотрящий сквозь нее и, что особенно покоряло, несший в себе какую-то смесь безумия и высшей мудрости. Если бы Ирочка верила в существование Сатаны, то этого человека она бы сделала символом веры.

Он подошел к ней в ресторане с букетом цветов и, не обращая внимания на Аскольда Иванова и других бизнесменов, сидящих за столом, преподнес его Ирочке. Цветы, экая важность, хотя и приятно, но такие цветы — голубые тюльпаны и черные розы — заставляют вздрогнуть. Ирочка вздрогнула и напряглась. Аскольд и его самоуверенные друзья притихли, слегка опешив. Маленький человек с жутковатым взглядом, в опереточном костюме, с чудесным и немного неожиданным букетом цветов казался настолько отстраненным от каких-либо высказываний в свой адрес, что их и не последовало.

— Глассик! — представился он и усмехнулся.

Ирочка Васина не успела назвать свое имя и поблагодарить за цветы. Он быстро повернулся и пошел к двери, а походка и

выпрямившаяся спина говорили о том, что он успел забыть ее. А Ирочка Васина уже любила этого странного человека!

— Напоминает Люцифера. Кто он? — спросил у Ирочки пришедший в себя Карандусик.

— Я не знаю, — задумчиво ответила Ирочка и непроизвольно добавила: — Честное слово.

Ресторан "Лимпопо" был излюбленным местом для отдыхающих в Сочи представителей шоу-бизнеса, банкиров, шулеров и политических деятелей, состоящих заместителями у лидеров второго эшелона власти. Колоритный, дорогой, с легким налетом порочной гнильцы, что придавало ему неповторимое обаяние респектабельного вертепа.

— Вот так в жизни всегда, — усмехнулся Аскольд Иванов. — Напрягаешься, идешь к какой-то цели, созидаешь, зарабатываешь деньги, пытаешься овладеть понравившимися тебе женщинами, а приходит какой-нибудь эксцентрик с мордой серийного убийцы, и ты понимаешь, что есть люди, которым на все это начхать.

Аскольд наклонился и что-то шепнул сидящему рядом с ним начальнику службы безопасности банка. Тот понятливо кивнул и, встав из-за стола, направился к выходу.

— Я бы ему тоже морду набил, — догадливо произнес Карандусик.

— Бросьте выдумывать глупости, Сергей Иванович. — И Аскольд с видимым интересом уставился на эстраду, где пара профессиональных танцов из московского театра "Варьете без границ" великолепно танцевала танго.

Глава вторая

Сочи — лукавый город с армяно-греческим лицом на фоне русской самобытности. Я медленно шел по улице и улыбался своим мыслям. Мой путь от отеля "Редиссон-Лазурная" к гостинице "Жемчужина" и ресторану "Лимпопо" напоминал путь изнывающего от скуки бездельника. Но на самом деле — я самый высокооплачиваемый и самый надежный телохранитель в России. Вот и ресторан "Лимпопо". Где-то здесь рядом, недалеко от гостиницы, в доме номер "8" живет эта бабушка, "хитрый одуванчик". Жуть до чего смешная. Алексей Васильевич быстро ее разгадал. Доктор селекционных и сельскохозяйственных наук, "Ах, голубые тюльпаны вперемешку с черными розами!", впечатляюще, конечно, как и всякая ложь с научным обоснованием. Покрасила цветы, как куриные яйца на Пасху, и ни в одном глазу, морда диссертационная. Алексей Васильевич ничего, лишь усмехнулся и попер с этим букетом на рандеву в это "попо". Я все видел, я обязан все видеть. Ну и рожица была у этой пластмассовой штучки околоподшумного мировоззрения, и цветы ей как нельзя к лицу, крашеные. Алексей Васильевич спокоен и благодушен, он своего добился, зако-

дировал дитя цветами. А это что такое?! Ну да, конечно, богатый парень решил, что вот так, на почве уязвленного самолюбия, можно избить великого ученого. Он, этот богатый банковский парень, дурак. А его пёс, ишь как сосредоточенно готовится выполнить приказ шефа, достоин жалости. Я не выдергиваю и смеюсь.

Начальник службы безопасности банка, телохранитель и друг детства Аскольда Иванова Сергей Васильев был рад. Желание шефа совпало с его желанием. Этот клоун в белом костюме, напоминающий карточного "катали", которые слетаются в Сочи со всех краев страны, вызывал в нем раздражение и конкретную тягу к мордобою. "Накажу его, как сидорову козу", простодушно подумал Сергей и поспешил к выходу. Несмотря на самоуверенность мыслей, свойственную людям, имеющим спецподготовку десантных войск офицерского уровня и чемпионский титул по тайквандо, Сергея кое-что насторожило. Это "кое-что" имело расплывчатые черты человека, смотрящего в зал ресторана через стекло двери, ведущей на территорию администрации. Это "кое-что" проскользнуло в движениях и лице "опереточного шулера".

— Видите того клоуна карликовых пропорций, что по лестнице спускается? — указал Сергей Васильев на Глассика.

— Видим.

— На улице его остановите и слегка подрифтуете. Вас трое и вы большие, а он один и маленький.

Ребята направились к широкой лестнице парадного входа, которая с "голливудской" пышностью стекала к непрекращающемсяму шуму очарованного югом моря.

Сергей Васильев проводил взглядом "шулера" и ребят. Неожиданно его взгляд наткнулся на человека, стоящего у подножия лестницы, в нем он инстинктивно признал профессионала и те же черты лица, что насторожили его еще там, в зале, за стеклом двери, ведущей на территорию администрации ресторана.

— Стой! — крикнул Сергей своим подчиненным и взмахом руки вернул их обратно. — Все отменяется, идите на место.

Уже уходя, Сергей остановился и оглянулся через плечо. На лестнице стоял "шулер" и так же — через плечо — смотрел в сторону Сергея Васильева. "Чертовщина какая-то", — подумал Сергей и быстрым шагом вошел в ресторан.

— Это какой-то крупняк, поверь мне, Аскольд, его нельзя трогать.

— Да?.. — удивился Аскольд и, помрачнев лицом, жестко произнес: — Я тоже крупняк, и меня тоже нельзя трогать.

Как бы то ни было, а оскорблённое самолюбие сродни оборванному проводу высоковольтной линии, оно опасно для жиз-

ни. Самолюбие Аскольда Иванова было оскорблено до самых высших пределов. И дело даже не в том, что некто, с идиотскими замашками неангажированного клоуна, загипнотизировал его до явного испуга, а в том, что все видели, как ЕГО женщина, за ЕГО столом, не обращая на НЕГО внимания, пренебрежительно вручили букет цветов и при НЁМ не проявили к ЕГО женщине элементарной вежливости. Но даже не это задело самолюбие Аскольда Иванова, а то, что его лучший друг и подчиненный не выполнил его просьбы по той причине, что посчитал хама, оскорбившего его, носителем права на такое оскорбление. Аскольд Иванов уже отдал приказ об увольнении Сергея Васильева и о назначении на должность начальника СБ банка другого, пока еще неизвестного, человека.

— Ты для меня уже не Сергей, вы для меня Сергей Андреевич и вы уволены, прощайте, — сообщил он пришедшему к нему за объяснением Сергею Васильеву.

— Аскольд...

— Борисович, — напомнил ему Аскольд Иванов.

— Опустись на землю. В любом государстве были, есть и будут люди, за которых оно растопчет десяток-другой банкиров, даже не задумываясь, а то был именно такой человек. Ты понимаешь, Аскольд...

— Борисович. Вы уволены, Сергей Андреевич.

Аскольд Иванов еще не дорос до истинного хозяина жизни, и поэтому поле действия для его недоброжелателей было обширным. Он еще не понимал, что планка обиды должна быть на той высоте, которую можно преодолеть.

Покинув номер оскорбленного банкира, Сергей Васильев вышел на улицу. «Хорошая была работа, денежная», запоздало пожалел он и радостно улыбнулся, увидев прямо напротив себя взорвавшуюся восторженными цветами магнолию.

Глава третья

— Этот клоун, как вы выражаетесь, Аскольд Борисович, к цирку не имеет никакого отношения. Никаких особых данных по нему нет. Прибыл на отдых из Москвы, и это единственное, что настораживает даже больше, чем криминальное прошлое.

Полковник Краснокутский сделал шаг к окну своего кабинета и сосредоточенно замолчал, рассматривая двор управления. Неожиданно он напрягся, с изумительной ловкостью вскарабкался на подоконник, открыл форточку и раздраженно закричал кому-то:

— Какого хрена, Степанчук! Убери эту бандуру от моей машины, совсем осатанели, убери, кому говорю! — Полковник спрыгнул с подоконника и, коротко взглянув на Аскольда Иванова, уточнил: — Фамилия этого клоуна Чебрак, Алексей Васильевич Чебрак, ученый-генетик. Больше ничего неизвестно.

— Ученый? — пренебрежительно хмыкнул Аскольд Иванов. — Значит, никто.

— Возможно, — уклончиво произнес Краснокутский. — Но приехал на отдых с деньгами, с охраной и броней в "Домик". Приехал, как вы знаете, из Москвы, а оттуда все что угодно может заявиться, любая пакость.

Кабинет Краснокутского был похож на самого Краснокутского. Обыкновенный кабинет начальника УВД города. Единственной странностью были мексиканская шляпа сомбреро, висящая на том месте, где обычно висит портрет руководителя государства, и чучело игуаны на сейфе. Когда-то полковник Краснокутский по линии Интерпола работал в Мексике и с тех пор относился к этой стране с трепетом влюбленного, а к людям, не любящим Мексику, с явным подозрением.

— Вам не приходилось бывать в Акапулько? — вскользь поинтересовался он у Аскольда Иванова.

— Какое там, к черту, Акапулько, полковник, тут на родине все лицо, можно сказать, заплевали, а вы со своим Акапулько лезете. Умный человек туда без дела не поедет, а у меня там дел нет.

— Ага, — произнес полковник Краснокутский и бросил виноватый взгляд на сомбреро. — Ну... — неопределенно предположил он, нажимая кнопку срочного вызова. И, как бы отбросив в сторону все сомнения, обрисовал ситуацию вбежавшему в кабинет сержанту: — Вот этого субчика в камеру!

— Есть! — восторженно воскликнул сержант и, схватив опешившего Аскольда Иванова за затылок левой рукой, а правой вывернув ему руку к лопатке, уволок пытающегося затормозить ногами банкира из кабинета.

— Так, — уточнил вслух оставшийся один полковник и презрительно добавил: — Проклятые гринго.

Полковник был старомодным и поэтому смелым. Он знал, что его ждут крупные, фактически катастрофические неприятности по службе, но он не мог избавиться от уверенности, что все банкиры — жулики, а банкиры, пренебрежительно отзывающиеся о Мексике, не просто жулики, а позорные извращенцы.

Аскольда Иванова освободили из-под стражи через шесть часов. А через десять, утром следующего дня, полковнику Краснокутскому звонил его друг по школе милиции и по юридическому факультету МГУ полковник Хромов, один из заместителей начальника МУРа по оперативно-розыскной работе, то есть классный сыщик Лёнька Хромов, который проработал двадцать лет в уголовном розыске, вследствие чего о нем с нескрываемым раздражением и скрытым восхищением вспоминали лихие хлопцы на разных режимах, в разных тюрьмах и в разных колониях.

— Честно мне скажи, Палыч, ты сдурул, или у тебя пуля в голове шевельнулась? Насколько мне известно, у тебя ранений в голову нет, значит, вероятность первого предпочтительней. Ты одурел, признайся?

— А в чем дело? — возмутился Краснокутский. — Ты глянь на его физиономию, точно сексуальный маньяк, на Чикатило похож, только выше, моложе и черты лица другие, а так вылитый.

— Ох, Палыч, Палыч, — посетовал Хромов. — Я-то за тебя, но ведь его адвокат к министру пробивается.

— А что министр? — насторожился не знакомый с новым министром Краснокутский.

— Хороший парень, — успокоил его Хромов. — Но они выше лезут, к Президенту. А ты ведь не прав, Палыч, честное слово, не прав. Скажи, он плохо об Акапулько отзывался?

— Хуже некуда... — начал было Краснокутский, но спохватился и недовольно дернул друга: — Причем тут Акапулько, Хромов?

— Вот и я говорю, ни при чем. Ты бы на месте все уладил, извинился бы, что ли?..

Предупреждение Хромова насторожило Краснокутского. Он понимал, что банкир, как квинтэссенция крупного бизнеса, похож на компромат, хранящийся до времени в сейфе начальства вместе с заявлением об уходе по собственному желанию. Если с банкиром не договориться, то все. Полковник стал перебирать на столе свежую прессу и, раскрыв местную газету "Зори над Хостой", увидел на первой странице заголовок: "Банкир-маньяк!" С нарастающим удовольствием он прочитал статью до конца:

"Вчера вечером был задержан Председатель правления Азово-Черноморского банка А.Б. Иванов, прибывший к нам по делам бизнеса из города Таганрога. Новоявленный хозяин жизни оказался сексуальным маньяком на почве вседозволенности. Его задержали работники правоохранительных органов в парке "Ривьера", основанном уроженцем Москвы Хлудовым сто лет назад, во время неблаговидного действия. Банкир-монстр, спрятавшись в зарослях кустарника, мастурбировал, подглядывая за школьницами младших классов, которые играли в бадминтон на аллеях парка, в котором более 240 видов растений. Теперь так называемый "новый русский" будет обслуживать своих клиентов в местах не столь отдаленных и другими, в отличие от банковских, методами."

"Что за прелест!", восхитился про себя полковник Краснокутский и вызвал в кабинет майора Абрамкина, отвечающего в управлении за связи с общественностью.

— Что это за поклеп на уважаемого человека? — Полковник постучал пальцем по газете "Зори над Хостой". — Я прочел и ужаснулся!

— Лучший способ защиты — это нападение. Суворова знает? Пусть Рабинович доказывает, что у него нет дочерей.

Майор Абрамкин был изощрен и хорошо знал способы защиты от возможных нападений. Обязанности "по связям с общественностью" выполнялись им безупречно и обещали ему продвижение по службе.

— Нравишься ты мне, Рабинович, молодец! — Полковник достал из сейфа бутылку и протянул майору: — Глотни текилы, заслужил.

— Я Абрамкин, а не Рабинович.

— Да какая разница, Абрамкин, Рабинович, Кузнецов, разве дело в этом, — отмахнулся от майора полковник. — Нужно нападение усилить и расширить, пусть горит земля под маньяками и другими проходящими. Пусть им тошно будет на земле древних инков... — Полковник поперхнулся и, строго взглянув на невозмутимого Абрамкина, официально спросил: — Что будешь делать дальше, майор?

— Есть у меня одна задумка, а с вами я согласен полностью. Таких людей, как Иванов, вообще не понимаю. Это ж надо, куча денег, а он в кустах...

— Абрамкин! — оборвал увлекшегося майора Краснокутский и, уже спокойнее, но с модуляциями предупреждения, продолжил: — Я когда тебе текилу давал, то ясно произнес "глотни". Так что глотни и верни бутылку на место. Я твой начальник, а не общественность, с которой ты работаешь.

Глава четвертая

Далеко не каждый сочинец знает о том, что в их городе существует уютное трехэтажное здание, которое в реестре отдела учета городской собственности горисполкома значится как здание № 7. Это гостиница "Домик". В ней все, от фронтальной строгости линий до толщины стен, от оформления трех номеров до роскошной тенистости дворика, поставлено на службу Тайне. Гостиницу окружает высокий кованый забор, небольшой, по-южному густо сплетенный лес и не заметные глазу серебристые проволочки-«колокольчики», сообщающие куда надо о том, что кто-то незваный ходит там, где не должен ходить. Официально "Домик" принадлежит МНИЦ (Международному научно-исследовательскому центру им. Вавилова), а неофициально — кто его знает кому. В нем останавливаются для отдыха ученые-генетики, представители наиболее изощренной и наиболее засекреченной науки с далеко идущими и необратимо зловещими целями. Еще в этой гостинице останавливаются люди, одного взгляда на которых достаточно, чтобы понять — это Власть. Официальная она или нет, явная или скрытая, не вопрос. Власть! Этого достаточно, чтобы обходить здание гостиницы "Домик" стороной. Во дворе гостиницы был "пятачок" для вертолета, а на "пятачке" — сам вертолет, был бассейн с

морской водой, вокруг которого росли высокие, в два человеческих роста, борнеовские пушистые азалии голубовато-розового цвета с волокнистыми вкраплениями зеленого. Когда дул сильный ветер, азалии начинали медленно раскачиваться, распушиваться и напоминали ленивых птиц, неохотно и жутковато размахивающих крыльями. Человек со здоровой психикой и нормальным отношением к отдыху предпочел бы вырубить эти азалии, но таких людей в Сочи уже не бывает, они где-то там, с "метлой киркой лопатой", занимаются работой, и не только общественной.

Сергей был сосредоточен и спокоен. Он обошел по внешнему периметру высокого кованого забора, окружавшего странноватое трехэтажное здание. Только что на охраняемую территорию вошел объект, уродливый карлик в стиле "а ля Паганини". Сергей проследил его путь от прогулки по обочине шоссе до часового стояния, с устремленным вдаль взором, на берегу внепляжного моря, там его можно было бы ликвидировать незаметно, но это на взгляд дилетанта. Сергей же — профессонал. Он сразу засек парня, постоянно находящегося в ненавязчивой близости от объекта. Его ненавязчивость и постоянное, то и дело ускользающее от наблюдения присутствие выдавали в нем настоящего, опасного как снежная лавина, телохранителя.

Сразу же после того, как объект вошел на охраняемую территорию, парень исчез. Сергей прислушался к себе и, не услышав сигнала опасности, забыл о парне. Здание было какой-то привилегированной гостиницей. Поднявшись на находящуюся рядом возвышенность, Сергей, тщательно замаскировавшись, стал рассматривать местность через панорамную обзорную трубку "СИ-6". Такая трубка состоит на вооружении ГРУ и позволяет осматривать местность в ночное время, во время сильного тумана, в радиусе пяти километров. Эту штучку Сергей контрабандно привез с войны. Ему "подарил" ее парень, лейтенант ГРУ, убитый во время вылазки на территорию Пакистана. Именно туда сопровождала его группа, которой командовал Сергей. В тот раз они не достигли цели, разведчик погиб. Сергея удивила не смерть разведчика, а ее непредсказуемость. Они наблюдали за нарядом только что сменившихся пакистанских пограничников. Шесть человек с оружием садились в брезентовый фургон грузовика. Малорослый, нескладный солдатик положил ствол автомата на борт грузовика и, нечаянно зацепив гашетку, произвел одиночный выстрел в пространство. Оторвавшись от бинокля, Сергей оглянулся и увидел, что пуля обрела покой в парне из ГРУ, аккуратно проделав вход в центре лба. Парня похоронили там же, не было никакой возможности транспортировать тело на свою часть земли. Документов с собой не брали, а все разведывательные изыски, упаковав в рюк-

зак, забрали с собой. Все сдали по описи. Все, кроме вот этой обзорной трубы "СИ-6".

Осмотрев гостиницу, Сергей повернул небольшой винтик сбоку трубы, и весь декоративный лес внутри забора осветился росчерками хорошо продуманной системы защиты. Низкие "травяные" проволочки были протянуты по всему леску с интервалом в шесть-семь метров, а между ними расположился искусно сплетенный стальной "спотыкач". Несколько видеокамер, работающих в агрессивном инфракрасном режиме, пульсировали зелеными точками на стволах деревьев. "Так, так, так... — подумал Сергей. — А за леском минное поле, а в бассейне подводные лодки, а на первом, втором и третьем этажах разместились суперсолдаты "Альфы", "Беты" и "Призраков", и лишь глубоко под землей, в комфортабельном, бронированном чулане, мой драгоценный объект". Самолюбие его было задето. Он уже не столько хотел убить "урода", сколько узнать, кто он...

Глава пятая

Глассик чувствовал, как в нем просыпается чувство, напоминающее вдохновение. Оно стремительными мурашками разбегалось по телу, наполняло сердце и вены блаженной истомой.

"Я акцент высшего духа на этой земле, в этом проклятом городе, в этой холодной стране, и я согрею, освящу ее своим присутствием". Так думал Глассик, стоя перед зеркалом. Он всегда был окружен зеркалами, даже в этой гостинице добавил к трем имеющимся еще четыре... Казалось, что в зеркалах зашифровано какое-то послание лично ему. Глассик поправил галстук и вышел во двор гостиницы. На площадке возле входа уже стояла машина. Шофер отложил газету в сторону и предупредительно открыл заднюю дверцу.

— Благодарю, Тимофеевич, — произнес Глассик и улыбнулся, почувствовав уверенность, превышающую человеческие возможности. Это означало, что его телохранитель готов сопровождать его за пределами гостиничного бункера. Его не было видно, но Глассик знал, что он уже сосредоточен.

Автомобиль тронулся, и по мере движения черты Глассика смягчались. Исчезли трагические и властные складки возле губ, ушел в глубину блеск глаз, и вместо него из той же глубины выплыл ум и сосредоточенность. Да и сам Глассик куда-то исчез, уступив место Алексею Васильевичу Чебраку, доктору наук генетики и генной инженерии.

Алексей Васильевич Чебрак принадлежал к могучему международному ордену ученых-генетиков. Орден некогда считался сугубо профессиональным и тайным. Единственным и самым главным отличием этого ордена от других было то, что он возник спонтанно и без всякой заинтересованности со стороны офи-

циальной власти. Среди ярких представителей генетики давно созрела мысль, что генетика есть не что иное, как будущее человечества, которое ему — человечеству — не нужно, но примет оно его с восторгом. Генетики отлично поняли, что путем вмешательства в генетический код человека можно изменить все человечество, очистив его от скверны порока любых модификаций, и вывести сверхрасу, приближенную до максимума к подобию Божьему в образе и помыслах, при этом "подобие Божье" трактуется произвольно: не нарушай Уголовный кодекс, и ты в раю. Человека — по генетике — можно и нужно очистить до уровня медицинского стерилизатора, то есть опустить внутренний мир сущего ниже городской канализации. Короче, всю эту тягомотину нужно забыть — пусть разбирают другие...

Как всегда в таких случаях, самыми бескорыстными в поисках сверхчеловека оказались спецслужбы, которые со свойственной им ненавязчивостью любопытства выведали все секреты у организующихся в тайный союз ученых, а затем предложили им свою финансовую и организационную помощь. Так тайный орден ученых-генетиков попал под влияние и контроль спецслужб своих стран, и с тех пор у него появилось гораздо больше возможностей для созидания.

Спецслужбы всех стран мира дружат между собой. Это совершеннейший обман, что, якобы, они противостоят друг другу. Они обмениваются информацией, открытиями, планами и перспективами. Стоит в одной стране прижать финансово и юридически спецслужбу, как по тайным каналам передается "SOS", и тотчас же коллеги из другой страны начинают запугивать свое правительство, растет напряженность, начинаются дипломатические пасы, роль спецслужб растет, и в итоге все довольны. Таков закон профессионализма.

Спецслужбы всех стран мира сделали для развития цивилизации больше всех. Величайшие открытия двадцатого века в области физики, биологии, генетики осуществились под ласковым и неусыпным контролем спецслужб...

Все эти мысли проносились в голове Алексея Васильевича, и он вспомнил, как после очередного сбора в Лунном храме двадцати лучших генетиков мира вернулся домой и был вызван в КГБ. Вызов оформили уважительно и с элементами дружеского расположения, даже прислали комфортабельную машину. Встреча произошла на знаменитой подмосковной даче, и после встречи Алексей Васильевич был слегка раздосадован, смущен и обрадован.

Причиной досады явилась неконкретность тайны. Так приятно было чувствовать себя независимым ученым в кругу таких же независимых и великих умов человечества, а тут, в КГБ, он столкнулся с полной несостоятельностью своего чувства приобщения к глубокой законспирированности, эти ребята знали все, но как-то необидно знали, доброжелательно.

Было предложено:

а) Проводить любые исследования в области создания нового человека с заданными ориентирами. Материал для исследований и исключительность действий исследователя гарантированы.

б) Стать членом сверхсекретного Управления по жизненно-актуальным ситуациям — "УЖАС".

в) Ставить свои условия и не стесняться своих капризов и пороков.

Прошло время, исчез КГБ, а у Алексея Васильевича Чебрака лишь усилились привилегии и уверенность в будущем, но именно тогда его впервые посетил Глассик. Он всегда выходил из какого-нибудь зеркала, и его появление нельзя было предугадать...

Глава шестая

Труп пятнадцатилетней Ольги Останской, выкопанный из могилы и брошенный в сквере городской больницы № 7, был тщательно сфотографирован, обследован и увезен в судебно-экспертный морг. Инспектор уголовного розыска Игорь Баркалов находился в полнейшем недоумении и пытался привлечь к нему своего друга и коллегу Степу Басенка, который выглядел раздраженным. На самом деле все эти чувства были побочными, за ними прятался страх, хладнокровный страх профессионалов.

Олю Останскую оплакали и похоронили сутки назад. Она утонула в бассейне Дворца Спорта завода "Прибой". Ребята плавали, и одноклассник, неожиданно вынырнув, ударили ее головой в живот. Она вскрикнула и пошла ко дну, легкий переполох, несообразительность взрослых. Когда Олю извлекли из воды, она была мертвой, слабое сердце. И вот...

— Что за этим стоит? — недоумевал Игорь.

— Сумасшествие, — категорично заявлял Степан.

Глория Ренатовна Вышук сидела за столиком ресторана "Морская гладь" и поедала экзотическое блюдо "Эскимос в Африке". Ресторан "Морская гладь" находился посередине набережной между памятником А.С. Пушкину и яхт-клубом. Это совсем недалеко от гостиничного комплекса "Темеринда", где "братья" Рогоняны держали в организационной узде устремления некоторых приморских девушек с исключительно многоугольными способностями. В ресторане "Морская гладь" ничего такого, конечно, не было — респектабельное и знаменитое на весь город заведение. Здесь хорошо и нестандартно кормили благодаря высокому искусству шеф-повара и хозяина Самвела Тер-Огонесяна...

Прямо из кухни официант мчался к столику Глории Ренатовны и ставил перед ней блюдо с пышущими жаром блинами.

Глория Ренатовна сразу же накалывала блин двумя остро отточенными ореховыми палочками и отправляла в рот, затем погружалась в сладостную прохладу двух шариков клубнично-сливочного мороженого. Шарики как бы взрывались внутри раскаленного блина, и создавалось ощущение вкусного вдохновения, в котором пробегали не до конца объяснимые мурашки кулинарного риска и в котором угадывался косвенный экстаз повара Саввела Тер-Огонесяна, намертво, до дрожи в коленях, влюбленного в Глорию Ренатовну Вышук.

Фигура Глории Ренатовны была столь пышной и легкой, что, когда она шла по улице, из двадцати проходивших мимо нее мужчин лишь один не обратил на нее внимания. Это был сорокалетний художник Леня Светлогоров, хронический алкоголик. Не выдержав выпитой дозы, он упал при входе на лестницу ресторана "Морская гладь" и не сразу смог подняться. Его внимание сосредоточилось на нижней ступеньке лестницы и на окурке сигареты "Наша марка", прилипшей к ней. Глория Ренатовна привлекла внимание Лени тем, что нечаянно наступила на него. Леня мягко отреагировал:

— Под ноги, жаба, смотри.

— Интересно, — проговорил начальник таганрогского уголовного розыска подполковник Самсонов и, печально взглянув на Степана Басенка и Игоря Баркалова, уточнил: — Впервые встречаюсь с таким паскудством.

— Да, — невнятно поддержал его Басенок и неожиданно предложил: — А давайте всех кришнaitов в городе разгоним, труханем их как следует. Уверен, среди них пару-другую трупопоклонников запросто найти можно.

Немногочисленная секта городских кришнaitов уже полгода добивалась отстранения Басенка от власти старшего инспектора уголовного розыска путем распространения жалоб во все инстанции. А всего-то и дел, что двух "бритоголовых" Басенок задержал за незаконные валютные операции и хранение анаши.

— Не мухти, Степан, — отмахнулся от предложений Басенка Самсонов. — Не нравятся тебе кришнaitы, понятно, но к этому делу ты их не пристегивай, не выйдет.

— Ну да, — согласился с ним Басенок, — не выйдет.

— Итак, Ольга Останская! Что мы о ней знаем?

Игорь раскрыл папку и стал докладывать:

— Ольга Останская училась в девятом классе тридцать второй школы. По слову классного руководителя, учителя физики Шаповаленко Анатолия Григорьевича, и других педагогов, была дисциплинированной и прилежной ученицей, хорошо одевалась, нравилась мальчикам, занималась общественной работой, была старостой класса... — Игорь перевел дыхание и

скучным голосом продолжил: — По словам родителей, была послушной, веселой, ласковой, доброй и умной. Соседи говорят, обыкновенная, хотя и красивая девочка, вежливая и отзывчивая, никогда позже двенадцати ночи домой не возвращалась... Эта хорошая, ласковая и дисциплинированная девочка, — оживился Баркалов, — за два дня до своей случайной гибели в бассейне завода "Прибой", кстати, находящегося весьма далеко от ее места жительства, попала в поле зрения оперативников, курирующих гостиничный комплекс "Темеринда". Оперуполномоченный Савоев обратил внимание на новую девочку по кличке "Гимназистка", которая обслуживала финнов, приехавших на ежегодную регату, и была под опекой братьев Рогонян. Только Савоев хотел взять ее и "братьев" в оборот, как она исчезла из поля его зрения. Лейтенант Савоев опознал по фотографии "Гимназистку", это была Ольга Останская.

— А что если братьев Рогонян втихаря свинтить и утопить в канализации где-нибудь? — неожиданно предложил Басенок.

— Степан! — Самсонов стукнул ладонью по столу. — К следующему понедельнику жду результатов. Можете идти.

Два инспектора уголовного розыска уныло покинули кабинет.

Глава седьмая

Ольга Останская попала под опеку "братьев" неизвестными путями. В девятом классе она достигла такой выпуклой взрывоопасности, что почти все — родители, родственники и педагоги — как бы съежились в ожидании взрыва.

"Братья" Рогоняны на самом деле были не братьями, а двумя однофамильцами, занимающимися общим и криминальным бизнесом — сутенерством.

Отец Роберта Рогоняна был полуармянином с ярко выраженным талантом путешественника, и следы его существования не задержались в памяти Роберта, а мать — русская, но с не свойственной для русских тягой к заокеанским странам, в которых она и пребывала вместе с мужем-путешественником, поэтому Роберта можно считать русским армянкой наполненности.

— Где ты берешь таких талантливых девочек, морда армянская? — восхищался оперуполномоченный лейтенант Савоев, насмешливо глядя на белобрысого Арама Рогоняна, более известного под кличкой "Клипса".

— Мои девочки — высший класс, они это делают за деньги и с теми, кто в них нуждается. И это, во-первых...

— Давай, во-вторых, — заинтересованно перебил его Савоев.

— А во-вторых, где ты видел курносого армянина?

Задавая этот вопрос, "Клипса" воровато нахмурился. Дело в том, что Арам Рогонян был латышом по отцовской линии и русским по материнской.

— А в-третьих, — не стал вдаваться в подробности Савоев, — я тебе сейчас рыло подрифтую, и вся твоя курносость примет форму обычновенной грушевидной носастости.

— Ну... — удивился Клипса и, сникая, спросил: — Я, что, не прав?

— Прав, — оправдал его Савоев и четко сформулировал это оправдание: — Хватит тебе брехать на высоко-философском уровне, гони деньги...

Савоев был взяточником со странными интонациями, которые брали свое начало в его личном и достаточно неординарном профессионализме.

Взяв деньги, он положил их в карман и, глядя на Рогоняна в упор, спросил:

— Где Роберт?

— В бане, — не стал задерживаться с ответом Клипса и, усмехнувшись, добавил: — Финской.

— Роберт! — притворно изумился Савоев, выбивая двери в сауне при яхт-клубе и объясняя: — Шел мимо, думаю, дай зайду.

— Савоев! — искренне изумился Роберт. — Двери на себя открываются, я их никогда не закрываю.

— Молчи, — посоветовал ему Савоев, с интересом рассматривая удивительной красоты девушку, которая была голой, но с обмотанным полотенцем лицом. — Ты что, насилишь ее?

— Делать мне нечего! — возмутился Роберт. — У нее фигура богини, а рожа, как у бомжа небритого. У нас любовь с воображением.

Савоев сдернул с девушки полотенце и, вздрогнув от отвращения, приказал:

— Пошла вон отсюда! Полотенце на лицо накинь и не снимай, а то на пятнадцать суток посажу.

Когда девушка вышла, Савоев протянул Роберту фотографию некогда живой Ольги Останской и зловеще произнес: — Рассказывай все и по порядку!

— Убойная “Гимназистка”, где она сейчас? — затараторил Роберт. — Врожденный талант, я такой нежной и отзывчивой никогда еще не встречал. Ее не остановить, приманка для секуального маньяка, ей в одиночку нельзя “сниматься”, а не то влюбятся и зарежут на почве ревности...

Беспечно брошенный в сквере больницы труп Ольги Останской доставлял уголовному розыску и лично подполковнику Самсонову массу забот. Слух об этом уже влез в уши горожан и распространился по городу с вездесущностью юго-западного ветра. Об этом говорили везде: на пляжах, в парке, на работе. Знакомые при встрече сразу же спрашивали: “А вы слышали?”, и в ответ получали: “А как же...” Горожане были переполнены

негодованием, все настаивали на возмездии, но никто не представлял, как это возмездие должно выглядеть. Выкапывание умерших девочек из земли еще не стало привычным для провинциального обывателя.

Подполковника Самсонова совершенно не интересовало, что о могильном выкапывании говорят на пляжах, в парке, на работе, но ему было интересно, что об этом думает начальство, и несколько часов назад он в полной мере выяснил это.

— Самсонов, — воскликнул начальник областного управления внутренних дел комиссар Кияшко. — У тебя там, я слышал, кладбище под картошку перекапывают?

— Да нет, что вы... — замялся Самсонов.

— Случай, конечно, единичный, но, судя по нестандартности, демонстративный. Так что, Самсонов, не мне тебя учить. Если еще раз в городе потревожат мертвых, то готовься к инфаркту.

— И все-таки, как она попала под вашу крышу? — продолжал настаивать на своей заинтересованности Савоев, разминая уставшую руку.

— Это порода такая, она родилась, чтобы стать проституткой. Городскую баню на Смирновской знаешь? Иду мимо нее, уже стемнело. Вижу, кто-то в окно подсматривает. Там ее и нашел. У меня под контролем девочки разной квалификации. Есть ремесленницы, есть мастера, а "Гимназистка" талантлива, я это сразу понял, большое будущее... — загрустил Роберт и, потянувшись к Савоеву, горячо спросил: — Где она, лейтенант, куда пропала?

— Так! — начал заводиться Савоев. — Я тебе скажу! Подлец! — И лишь произведя два удара — правой рукой пробил пресс, а левой отправил Роберта в нокдаун, — он успокоился.

Леня Светлогоров тоскливо, с собачьей преданностью в глазах, смотрел на Савела Тер-Огонесяна, шеф-повара и владельца ресторана "Морская гладь".

— Как ты мог, Леня? — укорял его Савел, сокрушенno цокая языком. — Такую женщину назвал жабой, как ты мог?

— Да, но она попирала меня ногами, — оправдывался Леня. — Она прошла по мне, как по вафельному полотенцу в душе для грузчиков, а мне там не место. Буксы горят, займи на пиво, будь другом.

— Эх, Леня, — недоумевал Савел. — Я все помню. Я тебе с девятого класса деньги одолживаю, и ни одного перерыва в этом процессе еще не было.

— Привычка, как вторая кожа, — посочувствовал ему Леня и, спохватившись, смягчил формулировку: — Ну, ты даешь!

— Не дам я тебе сегодня денег, — удивил Светлогорова Савел и стал доставать из холодильника продукты. — Ты назвал

Глорию Ренатовну жабой, как ты мог, Леня! — Саввель поставил на стол бутылку коньяка "Наири". — Не получишь от меня денег на этот раз...

— Не надо, — вдруг успокоился Светлогоров и стал разливать по рюмкам коньяк.

— Извинись перед Глорией Ренатовной, а то я тебе морду набью, — пригрозил Саввель и, приподняв рюмку, сурово взглянул на хулиганистого представителя городской богемы.

— Прямо-таки морду! — возмутился Леня и, опрокидывая в рот коньяк, добавил: — Ладно, уговорил.

Глава восьмая

Сообщение о том, что в сквере городской больницы № 7 обнаружен еще один труп без признаков насилия на теле, поступило в отделение милиции Орджоникидзевского района в 21 час 40 минут. Игорь Баркалов в это время, пыхтя от напряжения, вталкивал в камеру временного содержания разбушевавшегося слесаря-наладчика кислородных полуавтоматов с местного оборонного завода. Слесарь со всей силой неосознанного протеста бил по лицу своего коллегу по профессии за то, что встретил его на улице Панфилова в повязке дружинника. Затем он по инерции стал бить по лицам прибывших на место происшествия милиционеров, и был остановлен жесткими и болезненными методами, после чего слегка успокоился в накоплении ударной силы противодействия и находился в таком состоянии до прибытия в отделение. В отделении, обманутый его подавленным состоянием, дежурный капитан приказал снять наручники, и слесарь-наладчик, с чудной фамилией Павлинов, стал бить по лицам потерявшего бдительность дежурного и находящегося в его комнате Игоря Баркалова, заскочившего туда с невинным вопросом: "Машина в сторону Северного есть?" Последним штрихом этой битвы был заключительный аккорд — ладонью по спине — вбивания слесаря в камеру временного содержания.

— От года до трех, — констатировал Игорь, захлопывая дверь камеры.

— Пятнадцать суток и штраф, — возразил дежурный, проворачивая ключ в захлопнувшейся за Павлиновым двери.

В это время и поступило сообщение. Второй труп в сквере городской больницы.

— Опять девочка? — спросил Игорь у дежурного.

— Нет, мальчик, — усмехнулся дежурный и добавил: — Кто поедет?

— Я, конечно, — заторопился Игорь. — А где Басенок?

— В Сочи.

Игорь знал, что у Степана отпуск и родственники в пятизвездочном городе, а спросил он просто так, машинально, мысль его работала уже в строго профессиональном направле-

нии. В это время из недр камеры временного задержания раздался боевой клич и послышался интенсивный шум разразившейся битвы. Это слесарь Павлинов стал бить по лицам находящихся в камере двух местных алкоголиков-дебоширов.

— Ну, я поехал, — заспешил Игорь.

— Давай, Самсонов и прокуратура уже там, — махнул рукой дежурный, не обращая внимания на звуки яростного боя в камере.

В сквере больницы № 7 было людно. Начальник горотдела подполковник Самсонов и заместитель городского прокурора Миронов стояли чуть в стороне от работающих на месте происшествия экспертов и о чем-то неспешно беседовали. По их лицам было видно, что они говорят о будущем. Будущее начнется завтра с утра и будет шумным и неприятным для начальника горотдела и, в какой-то мере, косвенно, для зампрокурора Миронова. Болтливые горожане сделают из этого происшествия трагедию национального масштаба, а местная пресса всеми силами поддержит их.

— Как это все-таки неприятно! — с досадой произнес Миронов.

— Да что вы говорите? — с легкой ехидцей удивился Самсонов и этим удивлением выразил свою прямую неприязнь к зампрокурору Миронову, которого считал высокочкой, дилетантом и "козлом" по жизни.

Игорь подошел к врачу-эксперту, высокому и сутулому Эльмиру Кречугину.

— Что вы тут делаете? — с любопытством спросил он и поздоровался за руку с Эльмировым.

— Нефть ищем, — неохотно ответил Эльмир и разразился длинной тирадой: — Это труп, но дело в том, что труп я уже обследовал раньше. Помнишь, три дня назад самоубийство, девушка повесилась, медсестра, прямо во время ночных дежурств?

— Помню, — ответил Игорь и похолодел от предчувствия.

— Ну, так радуйся, это она. Опять выкопали и положили на то же место, что и Останскую.

— А ты не в курсе, почему медсестра повесилась?

— Нашла веревку, а выбрасывать жалко, — сердито пробурчал Эльмир. — Это не я, а ты сыщик.

— Я в основном по грабежам специализируюсь, но если не хочешь говорить, то и не говори, я не настаиваю.

— Не настаиваешь? — закурил свой любимый "Казбек" Эльмир. — Я бы тоже на ее месте повесился. В семнадцать лет попала на обложку журнала "Силуэт", как самая красивая девушка региона. Лицо, фигура, чтоб я умер. Хирурги 5-й больницы, где она операционной сестрой работала, друг на друга со скальпелями бросались, и вот... — Эльмир резко оборвал свое

повествование и спросил у проходящего мимо фотографа: — За-кончили?

— Да, — исчерпывающе ответил ему фотограф.

— Что вот? — неторопливо напомнил о себе Игорь, зная ма-неру Кречугина заинтриговывать собеседника.

— Повесилась, дура, — равнодушно произнес Эльмир. — Пожар был в доме, крыша горела. Все целы, и лишь ей одной на лицо горящая смола попала и превратила из самой красивой девушки региона в ночной кошмар. Одним словом, понять можно, а вот то, что ее через сутки после погребения кто-то из могильы вытащил, я не понимаю.

— А почему ее сюда, а не по месту работы отправили? — по-интересовался Игорь.

— Какой работы? — опешил Эльмир.

— Ну как же? Она в 5-й больнице работала, а ее в 7-ю подкинули. Некрофilia или другие следы на теле есть?

— Ничего, в том-то дело, что ничего. Все, как в случае с Останской. Выкопали, принесли сюда и аккуратно положили.

— Да-а... — тоскливо протянул Игорь.

— Кхм... — кашлянул Эльмир и с сочувствием посмотрел на него.

— Игорь! — позвал Баркалова подполковник Самсонов.

Игорь подошел к Самсонову и поздоровался за руку с Мироновым:

— Здравствуйте, Сергей Антонович.

— Красивый синяк у тебя под глазом! — удивился Самсонов и, показывая рукой на Игоря, объяснил Миронову: — Парень в схватке пострадал. Значит, так, — продолжил он сосредоточенно. — Басенка из отпуска я отзываю немедленно. Заканчивай осмотр, отправляй труп в морг и вместе с Савоевым ко мне.

— У Степана отпуск через два дня заканчивается. Он уже в поезде домой едет, — сообщил Игорь Самсонову и, улыбнувшись, добавил: — А меня вы отзовали из отпуска в прошлом году через два дня после начала.

— Это хорошо, хорошо, что возвращается. В общем, я жду. — Самсонов резко развернулся и широким шагом направился к своей «Волге». Открыв дверцу, он повернулся к Игорю и крикнул: — Пусть Савоев материалы по сутенерам возьмет с собой!

Оперуполномоченный Слава Савоев заскочил в кабинет Игоря Баркалова с вытаращенными глазами.

— Я только что из морга! — радостно сообщил он.

— Поздравляю, — поддержал радость экспансивного Славы Игорь.

— Слушай же. — Савоев пропустил иронию мимо ушей. — Она, как и Останская, была в связи с Робертом Рогоняном. Останская, по его словам, подглядывала за голыми мужиками в

окна городской бани, а вот эту удавленницу выкопанную я видел у него в яхт-клубовской бане, заметь, опять в бане. Баня и в том, и в другом случае, хотя я думаю, что это он, а не Останская, в окна заглядывал. Как трагически ушли из жизни молодые девчонки, — вдруг загрустил Слава. — Даже в могиле не дали спокойно полежать, выкопали и по всему городу к скверу тащили, ужас... Рогонянов надо брать обоих, как следует допросить, чтобы жизнь медом не казалась, и все, мы окажемся на правильном пути.

— Это ты на правильном пути, Савоев, а я на бездорожье, — задумчиво произнес Игорь. — Роберт сутенер, он всех баб своих сам проверяет, чтобы знать характеристики товара, и проверяет, как ты правильно заметил, в бане, там удобнее... А брать их нужно обязательно, хотя бы для того, чтобы набить морду. Этого хочу я, хочешь ты, а о Степане и говорить нечего, он об этом мечтает и, кстати, завтра уже приезжает. Но вот то, что они к выкапыванию приложили руку, я не уверен.

— Я тоже не уверен, — уныло согласился с ним Савоев. — Но опять-таки, сам понимаешь, баня, да и остальное...

— Ладно, пошли к Самсонову, — решил Игорь.

Подполковник Самсонов дал разрешение на задержание “братьев” Рогонянов с лукавой оговоркой:

— Если что случится, то вы меня неправильно информировали.

— А если ничего не случится?

— Получите выговор за неправильное ведение допроса, — строго проговорил Самсонов и спросил: — Когда Степан приезжает? Беспокоюсь я за него, Сочи не курорт, а место сбора преступных авторитетов. Еще узнает его кто-нибудь из бывших “крестников”.

— Завтра приезжает, в девять вечера. У нас в городе, между прочим, тоже не филателисты собираются. Вчера Кошечкин из первого отделения рассказывал, что за прошедшую неделю они в районе центра тридцать один кабинет по излечению людей от неправильной кармы и точечной импотенции закрыли.

— Это точно, — согласился с ним Самсонов. — Прямо вторжение нечисти всякой. По сводке за месяц задержали десять насильников, двух убийц, восемнадцать злостных хулиганов, шестьдесят семь ясновидящих, восемь магов, двух инопланетян и четырех экстрасенсов. Не город, а столица аферистов, все КПЗ ими забито. Если появится еще один самовыкапывающийся труп, то я окажусь на пенсии, тебе, Игорь, не видать московских курсов по повышению, как своих ушей, а ты, Савоев, будешь улицы патрулировать, в лучшем случае, а в худшем — подметать.

Самсонов, как всегда, преувеличивал, но доля истины в его преувеличении не превышала разумных стандартов.

Глава девятая

Лучший вариант смерти — быть убитым неожиданно и быстро. Так, чтобы жизнь покинула вас с такой обидной поспешностью, что даже вздох облегчения, предшествующий началу смерти, не достиг бы ничьих ушей. Рождение сопровождается криком отчаяния, а смерть вздохом облегчения, и если первое по-суетливому демонстративно, то второе по-беспрестрастному незаметно. Сергей Васильев умер неожиданно и быстро, как и полагается грешникам, на грехи которых не обратил внимания Бог. Голова Сергея, сорванная с плеч какой-то чудовищной силой, лежала в шести метрах от туловища и с любопытством пыталась что-то рассмотреть в начинающем набухать утренней зарей небе. Туловище, лишенное своего основного оформления, выглядело расслабленным и умиротворенным, как бегун-марафонец, сошедший с дистанции, наплевавший на далекий финиш и прилегший возле ручья в придорожном леске.

Начальник сочинского УВД полковник Краснокутский стоял возле обезглавленного тела и выслушивал доклад старшего оперативной группы, следователя по особо тяжким преступлениям Нерсесяна, с задумчивым видом. То, что говорил Нерсесян, нельзя было назвать речью разумного человека, но так как следователь был умным и опытным, то и задумчивость на лице Краснокутского не была скептической.

— Так откусить голову может только крупная акула... — заявил Нерсесян и выжидательно посмотрел на полковника.

— Акула? — удивился Краснокутский и слегка принюхался в сторону следователя, но тотчас же взял себя в руки и напомнил Нерсесяну: — Мы не на берегу Мексиканского залива, а тепло в лесу нашли.

— Нашли в лесу, но убит он был в другом месте, сюда его доставили на автомобиле и бросили. Если бы он был убит здесь, то кровь бы под ногами хлюпала, а так ничего, сухо. Судя по одежде и некоторым предметам, обнаруженным в карманах убитого, это бывший профессиональный военный, имеющий какое-то отношение к спецслужбе. При нем обнаружен "ПМ", какую-то незнакомой конструкции прибор ночного видения, чехол для десантного ножа, но самого ножа не было. Документов, удостоверяющих личность, не обнаружено. Все остальное узнаем после экспертизы и вскрытия... — закончил свой доклад Нерсесян и, бросив взгляд на лежащую невдалеке голову, добавил: — По-моему, тут и без вскрытия все ясно. Странное убийство: чтобы оторвать голову, времени хватило, а от тела избавились бездарно, без заинтересованности, как будто уголовный розыск не принимался во внимание.

По мере того, как Нерсесян докладывал, лицо полковника светлело, а сам он становился спокойнее. Все, что говорил Нерсесян, объясняло лишь одно: они — Управление внутренних

дел города Сочи — этим заниматься не будут, а вот они — Федеральная Служба Безопасности — поломают себе голову...

Действительно, Федеральная Служба Безопасности заинтересовалась этим делом и приняла его к производству, не мешая при этом МВД вести собственное расследование. Причиной заинтересованности ФСБ явилась даже не обзорная трубка "СИ-6", находящаяся на вооружении в ГРУ, а метод, которым убили Сергея Васильева...

Вскоре сочинское УВД выяснило, что погибший — Сергей Андреевич Васильев, уроженец города Таганрога, капитан-десантник в отставке, находящийся в Сочи на деловом отдыхе. Его часто видели в окружении Аскольда Иванова, председателя правления Азово-Черноморского банка, который, как это ни удивительно, также был уроженцем города Таганрога. Аскольда Иванова пригласили для опознания тела убитого и попутно выяснили у него об отставке Сергея Васильева с должности начальника службы безопасности банка. Когда Аскольду продемонстрировали голову Сергея, он сразу же опознал его и, сказав: "Да, это он", упал в обморок на видавший-перевидавший виды пол судмедэкспертного морга.

— Никогда не поверю, что он банкир, — с негодованием произнес патологоанатом, с пренебрежением глядя на лежащего Аскольда Иванова.

— Почему? — с интересом спросил находящийся здесь же следователь Нерсесян.

— Ну что это? — устало указал патологоанатом на валяющуюся Аскольда. — Банкиры при виде трупов в обморок непадают. Помоги мне...

Они взяли Аскольда за руки и водрузили на кушетку, стоящую в углу операционной: "разделочный цех" судмедэкспертного морга.

Вскоре ФСБ выяснило, что Сергей Васильев был убит приемом "Короткое замыкание". Это когда голову человека запрокидывают, подойдя сзади, резко вверх, при этом разрывается горло в районе кадыка, и, запустив руку в разрыв, пропуская между пальцами шейные позвонки, сильным рывком срывают ее с плеч. Прием исполняется в течение полутора секунд и состоит на вооружении спецподразделения, специализирующегося на убийствах лидеров экстремистских движений с целью деморализации остальных активистов. Этого знания вполне хватило ФСБ, чтобы забрать дело у сочинских сыщиков и засекретить его.

Тело убитого Сергея Васильева было обнаружено в десяти километрах от гостиницы "Домик", и она не упоминалась даже в виде предполагаемого места убийства.

"Понятно, — думал ничего не понимающий следователь ФСБ Веточкин, разглядывая обзорную трубку "СИ-6". — На-

чальник службы безопасности банка имеет право на какую-то техническую новинку, которая помогает ему исполнять свои обязанности. Все банковские силовые структуры... — Веточкин хмыкнул, — тяготеют к тому, чтобы иметь в своем арсенале нечто такое, чего нет у других, но не до такой же степени. Откуда у начальника службы безопасности банка, притом бывшего начальника, суперприбор "СИ-6", который не имеет аналогов в мире и состоит на балансе ГРУ?"

Веточкину не дано было додумать путь обзорной трубы "СИ-6". Дверь в его кабинет открылась, и вошел секретарь шефа со словами:

— Давай сюда прибор. Он там нужен.

Секретарь ткнул пальцем в сторону предполагаемого неба. Веточкин протянул ему "СИ-6" и, покачав головой, произнес:

— Занятная штуковина.

По мере изучения обзорной трубы "СИ-6" обнаружилось, что в нее был заложен схематический чип "РА-800" и алгоритмический микропередатчик, который специалисты шутя называют "Ябода", после чего метод убийства Сергея Васильева, сама личность убитого и убийцы, включая "СИ-6", стали объектами пристального внимания ФСБ, ГРУ и кремлевского куратора этих изощренных силовых ведомств.

Я улыбаюсь, и пространство вокруг моей улыбки наполняется нежностью ко всему происходящему. Любая, даже самая незначительная, смерть заслуживает уважения к себе. Мне жаль этого парня, у него такое непредвзятое православное имя Сергей, в этом имени слышатся интонации Нагорной проповеди. Я весь в слезах, я наполнен улыбкой. Вот его нож. Красивый и десантный. Он хотел им защититься, чудак. Я бы одел лезвие этого ножа в белое и голубое. Чехол-тельняшка для ножа. Царство тебе небесное, Сергей, хотя бы какое-нибудь, но царство. Он даже пытался что-то предпринять, наивный профессионал. Я постарался убить его быстро и освободил от сорокадневных мук расставания с жизнью, оторвал голову, открыл вход в пространство. Люди глупы и беззаботны, они издеваются над своими мертвыми, кидают их в ямы и засыпают землей. Это меня веселит. Глупость, словно добротный юмор, всегда обаятельна и злонамеренна. В земле энергия души ждет, пока проржавеет корпус тела, и не выходит, а просачивается наружу. И в это сорокадневное время сгусток пространства, оставшийся на месте некогда живого человека, скрипит от боли и ужаса. Когда же энергия души выползает на поверхность и наполняет этот сгусток собою, то они в этом соединении вносят элемент дисгармонии в земной эфир. Мертвым нужно отделять голову от туловища, и желательно в первые секунды ухода, а через три дня, сопроводив звуками мантры, сжигать.

Сергей с милой фамилией Васильев довolen мной.

— Абрамкин! — возмущался полковник Краснокутский. — Так ты говоришь, что убитый Васильев был начальником СБ у этого гринго Иванова с похабным именем Аскольд?

— Да, — кивал головой немного испуганный взрывным негодованием полковника майор Абрамкин.

— Значит, мы его правильно задерживали. Ты только посмотри... — Краснокутский постучал рукой по лежащей на столе газете "Зори над Хостой". — Ты посмотри, что пишут: сначала он за нашими детьми, дочерьми в особенности, бегает, а теперь мы находим трупы без голов, и оказывается, что эти безголовые работали на него, рука в руку, можно сказать.

— Один, — майор Абрамкин для убедительности поднял средний палец руки вверх.

— Ты кому это показываешь?! — захлебнулся от гнева полковник Краснокутский и с решительным видом стал выбираться из-за стола.

— Нет! Нет, я говорю, один труп, а не то, что вы подумали, один, вот... — Майор сменил палец и зачем-то поднял вверх большой. — Вот, что я имел в виду.

— Ничего хорошего, — буркнул успокоившийся полковник Краснокутский. — Нужно Иванова взять и снять показания по этому поводу.

— Но ФСБ... — начал было Абрамкин.

— Плевать, — успокоил его Краснокутский. — Это мой город, и я не позволю всяким гадам и банкирам насиливать наших детей, отрывать людям головы и ненавидеть мексиканскую землю... — На этой фразе Краснокутский как бы слегка отстранился от сказанного и спокойным тоном приказал: — Давай сюда Ростоцкого.

Ростоцкий был командиром группы захвата, и Абрамкин понял, что банкира Аскольда Иванова ждут новые неприятности.

Глава десятая

Алексей Васильевич Чебрак, самый талантливый ученый-генетик России, был тщательно и глубоко законспирированным шизофреником, но ни он, ни окружающие его люди не знали об этом...

Алексей Васильевич подошел к окну своего номера в гостинице "Домик". За окном была кромешная тьма, ярким пятном в которой выделялся освещенный бассейн. Бассейн не интересовал Алексея Васильевича. Его интересовала дальняя перспектива. Он чувствовал, что где-то рядом, сразу же за оградой гостиницы, кто-то болезненно интересуется им. "Неужто меня хотят убить? — с удовольствием подумал Алексей Васильевич и печально решил: — Вряд ли это у кого-нибудь получится".

Алексей Васильевич Чебрак был настолько защищен от каких-либо посягательств на свою жизнь и настолько уверен в этой защищенности, что в глубине души даже желал опасности и тосковал по беззащитности, в которой — Алексей Васильевич почему-то знал это точно — находятся очертания самой загадочной прописной истины по имени Бог. Алексей Васильевич встряхнул головой и пристальней взгляделся в то место за забором, где, по его мнению, кто-то возжелал его смерти. «Любопытные люди сделали нашу жизнь подозрительной. Сейчас этому любопытному что-то сделают». Мысли Чебрака прервал писк радиотелефона.

— Да, — негромко проговорил он в трубку. По этому номеру мог звонить только его телохранитель.

— Я засек человека, который интересуется вами. Он служит, точнее служил, у этого пристебая банкира. Я вычеркну его?

— Вычеркни, — согласился Алексей Васильевич, — но сделай это по-доброму, озари его солнцем божественного правосудия, пусть он будет счастливым.

— Пусть, — ответили в трубке.

Алексей Васильевич отключил радиотелефон, подошел к встроенному в стену бару, открыл дверцу, и прямо из зеркала, за разномастными и дорогими бутылками, ему улыбнулся Глассик.

Лаборатория, которую возглавлял Алексей Васильевич Чебрак, находилась совсем рядом, восемьсот метров от известного всей стране ГУМа. Через восемьсот метров начиналась крыша из трехслойного бетона, замешанного на яичных желтках и янтарной пыли. Он имел толщину в тридцать шесть метров, и через каждые двенадцать метров в нем была прослойка из свинца, золота и платины. Потолок лаборатории сделан из дерева Рассела в виде панно, изображающего полную луну в обрамлении странного и лохматого вида звезд. Лаборатория умещалась на шестистах пятидесяти квадратных метрах. Вход в нее шел из Кремля. Внутри Спасской башни, рядом с караульным помещением, есть лифт, он спускает вас на глубину триста метров, и вы попадаете в руки ребят, которые должны знать о вас все, вплоть до появившегося сегодня утром прыщика за левым ухом. Те, кого ребята не знают так досконально, завершают свой жизненный путь именно на этой отметке — триста метров. Далее вы попадаете еще в один лифт — очень удобный и красиво оформленный красным деревом — и не спеша опускаетесь еще на пятьсот метров, где перед вами появляется зеленый, семьдесят два вида растений, вестибюль лаборатории. Подносите свое лицо к объективу электронного вахтера, притрагивайтесь ладонью к изучившей ваше тепло и ритм пластинке пропускной системы, садитесь в уютный вагончик спецметро и катите, собственно говоря, на работу. Это вход, выйти через него

не сможет ни один человек, а выход, через который невозмож но войти, находится в самом центре тренировочного лагеря спецназа ГРУ в Подмосковье. Далее все обыденно. Выходите и в сопровождении положенной вам охраны едете домой.

Программа-максимум ученых-генетиков, мнящих себя независимыми, а на самом деле строго контролируемых спецслужбами, была похожа на конвульсии эпилептика, как и сама наука. Программа лучших генетиков мира гласила:

1) Для увеличения жизнестойкости человечества во время начавшегося глобального изменения климата и возможных космических катастроф ученым-генетикам предстоит выработать новый генотип человека, основанный на синтезе рас и пола.

2) Настоятельно объяснять главам государств и ведущим политикам, что существование национальностей в чистом виде губительно для этих национальностей, и государственная политика должна поощрять смешанные браки.

3) Во время процесса смешения необходимо внедрить в человечество несколько искусственных эпидемий под видом прививок: СПИД, медикаментозный гепатит, наркомания. В результате через несколько смешанных поколений численность населения сведется к разумному минимуму и будет обладать мощной иммунной системой и жизненной уместностью в создавшихся климатогеополитических условиях.

4) Во время процесса смешения языков и рас рекомендуется проведение жестко управляемой и предсказуемой ядерной войны. На этом фоне в создаваемом человечестве должна развиться необходимая для жизни на Земле мутация, в которую, после некоторых научных разработок генетиков, можно запустить механизм физического бессмертия. Порочная практика примитивного размножения прекратится, а качество и численность населения будет легко и разумно планироваться Высшим Генетическим Советом — ВГС.

— Боже мой, Боже мой, Боже мой, я изумителен!

Глассик стоял перед зеркалом и радостно, во всю ширь своих тонких губ, улыбался. Затем он оскалился и сделал по ноте му несколько энергичных, в стиле аргентинского танго, движений, затем остановился, выгнулся, как тореадор перед ударом быка бандерильеро, и застыл в такой позе перед вторым зеркалом. Он напоминал воздевающий в ужасе руки к небу вопросительный знак, но радостная улыбка на его лице отрицала этот ужас. Глассик танцевал в полнейшем одиночестве, танцевал между двумя зеркалами и оформлял это танго движениями тореадора. По тому, как он держал в этом танце руки, можно было понять, что он представлял себя с партнером, а вот как выглядел партнер, понять, впрочем, как и представить, было нельзя. Глассик был похож на эскиз гениальности.

Глория Ренатовна Выщух вошла в подъезд № 2 своего дома и закричала от ужаса. Прямо на нее из щели между косяком и открытой дверью смотрел замутненный глаз. В подъезде № 2 был полумрак, а Глория Ренатовна впустила туда игривую бесцеремонность летнего солнца, которое тотчас же осветило этот глаз, смотревший на Глорию Ренатовну из просвета открытой второй двери. Продолжая кричать от ужаса, Глория Ренатовна стремительным и грациозным движением отпрянула из подъезда назад, в летний день и в объятия подошедшего к двери с улицы электрика ЖЭКа Буйнова, который под напором непререносимой стремительности упругого и полнокровного женского тела рухнул навзничь и закричал. Около них стала собираться толпа обескураженных граждан, а на балконах девятиэтажного дома появились озадаченные криком люди. Кто-то из взърванной толпы предположил, что Глория Ренатовна упала на электрика из окна дома, и немедленно были вызваны "Скорая помощь" и почему-то пожарная служба. Диспетчер станции "Скорой помощи", отправляя бригаду на место происшествия, сразу же сообщила о случившемся в милицию. Когда Глория Ренатовна пришла в себя и замолчала, она увидела лежащее между своих ног тело в синей спецовке и осознала всю неприглядно-смехотворную ситуацию, сложившуюся вокруг нее. Она энергично вскочила на свои длинные ноги и с негодованием воззрилась на подавленное тело электрика Буйнова, который лежал вниз головой на ступеньках и с видимым наслаждением на лице вдыхал свежий воздух свободного и солнечного пространства.

Милиция, пожарные и "скорая" приехали одновременно, а через некоторое время выяснилось, что причиной переполоха оказался Леня Светлогоров, талантливый и вследствие этого сильно пьющий городской художник. Влекомый смутным духом алкогольного демона, он шел куда-то без цели и попал в подъезд Глории Ренатовны, где и присел отдохнуть в тени и полумраке за внутренней дверью. Именно глаз Лени Светлогорова и привлек столь потрясенное внимание Глории Ренатовны, так неосторожно освещившую его солнцем при входе в подъезд.

Электрика Буйнова с переломом ребра, сотрясением мозга и психическим шоком увезла "Скорая помощь", ничего не понявшего Леня Светлогорова — милиция, а Глория Ренатовна надменно оглядела переполненные людьми балконы девятиэтажного дома, гордо вскинула голову и шагнула в неосвещенное чрево подъезда № 2.

Глава одиннадцатая

Когда Леню Светлогорова доставили в орджоникидзевское УВД города, он по-прежнему был в полнейшем и беспросветном недоумении. Сосредоточенная и тернистая дорога пьянства наложила на его внешность отпечаток досадной деградации, обла-

гороженной чертами стареющей одаренности. Дежурный по отделению взглянул на Леня профессиональным взглядом и строго выговорил молодому сержанту патрульной службы:

— Почему сюда, а не в медвытрезвитель?

— Так ведь... — начал было объяснять патрульный, но заглянувший в дежурку Савоев с пирожком в руке не дал ему договорить.

— Это Леня, я его знаю. Даю сто процентов, он опять где-то не там прилег, а его не за того приняли. Он у нас знаменитость, рисует в два раза быстрее и смешнее Репина. Лучше всего положить его под лестницу в коридоре, он проспится и тихо уйдет, а если закрыть в камеру, то потом его отсюда без похмелки не выгонишь.

Савоев, обескуражив дежурного и съев пирожок, ушел, а дежурный сержант и дремлющий в углу Леня Светлогоров осталась.

— Может, на природу его вывезти? — предложил сержант.

— Нет! — строго оборвал его дежурный. — Положи его под лестницу.

Савоев вернулся в кабинет и задумчиво спросил у Степы Басенка:

— У тебя есть еще один пирожок?

Степа, доедая последний пирожок и с интересом читая газету, в которую они были завернуты, ничего не ответил, лишь с сожалением помахал в воздухе рукой.

— Понятно, — огорченно констатировал Савоев и, подойдя к Игорю Баркалову, многозначительно спросил: — Ну, и?

Игорь, погрузившийся в заполнение рутинных бумаг, преследующих каждого сыщика как кошмарный сон, ответил ему также исчерпывающе:

— Да, вот...

Сочинские, испеченные руками сестры, пирожки были завернуты в газету "Зори над Хостой". Степа бросился в глаза заголовок: "Банкир-маньяк". Он пробежался по тексту и чуть не поперхнулся от удовольствия. Аскольда Иванова он знал давно. Во-первых, они учились в одной школе, хотя и в разных классах, Аскольд был на два года старше, а во-вторых, жили в одном районе, несколько раз встречались на уличных вечеринках, но Степа его почему-то не любил, просто так, без причины. Ему не нравились его лицо, походка, одежда, и вообще. Степа не поверил газетной заметке, но симпатию к ее автору испытал. Он знал, что Аскольд не сделает того, что о нем написано. Уж Степа-то точно представлял, как выглядят люди, подглядывающие за девочками. Еще в школе милиции они шугали таких в парках почти каждое патрулирование. Это или психи, или блеклые, жалкие, слюнявые мужички, отвратительные, но не опасные, ибо они трусивы до клиники. Аскольд был не из та-

ких, но Степе казалось, что глубинная суть Аскольда именно так и выглядит. Одним словом, Аскольд Иванов Степе не нравился.

Степа дочитал газету "Зори над Хостой", снял трубку и позвонил в редакцию газеты "Таганрогская правда" своему другу Александру Павловичу Ермакову, заместителю редактора по общим вопросам. Степа стал говорить измененным голосом, но Ермаков его перебил:

— Говори нормально, Степан, из тебя имитатор, как из меня главный редактор газеты "Подпольщики Подмосковья".

Ермаков, как всегда, был под легким "шофе" и, как всегда, не обращал на это внимания. Степу, впрочем, как и Степа его, он знал до зевоты. Они вместе ходили в один детский сад, в одну школу и жили на одной улице. В приморском городе, несмотря на его мистическую огромность, все друг друга знают. Стоит поглубже копнуть, и оказывается, что мэр города учился в одном классе с председателем городской Думы, а знаменитый городской рецидивист Юра Зак живет по соседству с недавно отправленным в колонию для малолетних карманником Сашей Ногиным по кличке "Нога" со второго Артиллерийского. Весь город повязан круговой порукой вот уже триста лет.

— Я к тебе заеду, или ты ко мне? — спросил у Ермакова Степан.

— Ты ко мне и вместе с пивом, — не упустил возможности Ермаков.

— Ага, — непонятно выразил свое согласие Степан, положил трубку и, посмотрев на Игоря, сказал: — Я заскочу в газету, потом вернусь, и вечером будем брать Рогонянов.

— Ага, — непонятно согласился с ним Игорь и, посмотрев на Степана, сказал: — Они и сами могут прийти.

— Нет, Игорь, надо именно брать, тогда с ними легче будет общаться.

Степа напустил на себя важный вид, взял промасленную газету из-под пирожков и покинул кабинет.

— Итак, — решительно начал Ермаков, — Азово-Черноморский банк, председатель правления, сидел в зоне, живет в Москве, получил московское гражданство еще до отсидки и не потерял его, значит, имеет мохнатые связи, зовут Аскольд Борисович Иванов. — Ермаков говорил тоном диктора из фильма "Семнадцать мгновений весны" и тем же тоном продолжил: — На самом деле он как был Хомяком с Ружейного переулка, так и остался. Он, по-моему, с Серегой Васильевым, десантником, по соседству жил. Слушай, — отбросив в сторону ёрничество, спросил Ермаков: — Ты думаешь, Хомяк действительно пистолет передергивал на девчонок из-за кустов, что-то мне не верится?

— Да нет, — лениво отмахнулся Степан. — Не думаю, но резон какой-то в этой газетной заметке есть. Понимаешь, Ермилы, если Иванова смутить до предела, он начнет нервничать, делать резкие движения и где-то совершил ошибку. Его банк под нашим наблюдением, там нечистые дела и люди шевелятся, это раздражает. Какой-то Хомяк с Ружейного будет ворочать иностранным и московским капиталом и не приносить никакой пользы вырастившему его городу, так, что ли?

— Нет, не так! — поддержал его Ермаков и сразу же вдохновился: — Совсем не так. Я его начинаю с этого дня доводить до следственной кондиции. Он у меня не только нервничать будет, он у меня в сплошной припадок эпилепсии превратится. Девочек ему захотелось, не банкир, а Оноре де Бальзак хренов.

От обуявшего его журналистского пыла Ермаков стал выражаться ахинейными метафорами, но Степа, привыкший к странным сравнениям своего хронически выпившего друга, не вдавался в смысл произносимой Ермаковым бессмыслицы.

— Ну, вот и хорошо, я пошел на службу.

Степан встал из-за столика, они сидели в парковом пивбаре "У Клавы", но Ермаков, оборвав свой энтузиазм, остановил его:

— Как там движется дело с девушками из могил? По городу только и разговоров об этом. На твоего Аскольда всем начхать, а вот это всем интересно, даже городская Дума об этом вчера весь день проговорила.

— Ну... — неуверенно начал Степан, — как тебе сказать? — Он хитро посмотрел на Ермакова: — Про известного банкира, занимающегося в Сочи онанизмом, так заговорят, что не только о девушках выкопанных забудут, а вообще обо всем на свете.

— Забудут, — согласился с ним Ермаков и, направив палец на Степана, добавил: — До той поры, пока не выкопают еще одну, а тогда только держитесь, я первый подниму шум.

У Любы Савеловой все складывалось хорошо. Она окончила городское медучилище и подала документы в академию имени Сеченова в Москве. Как минимум три человека, заслуживающих внимания, были до икоты влюблены в нее и, яростно "отталкивая" друг друга, умоляющие протягивали Любे свои сердца, руки, покровительство и толстые бумажники. После того, как снимок Любы появился на обложке журнала "Силуэт", количество рук, сердец, предложений и умоляющие протянутых к ней толстых кошельков выросло в несколько раз.

Однажды возле Любы, она шла по Итальянскому переулку в сторону городского пляжа, резко затормозил джип с тонированными стеклами, и, не успев вскрикнуть, она оказалась в салоне, где буквально сразу, стянув джинсы, стал заниматься с ней любовью невменяемый от вожделения парень. Через некоторое время ее выставили из салона с расстегнутыми джинсами и пятьюстами долларами в руках, что в какой-то мере повлия-

ло на ее решение не обращаться в милицию, наоборот, Любе это так понравилось, что она стала садиться в салоны автомобилей добровольно. Как-то Любу остановил на улице Роберт Рогонян и сказал:

— Дура, ты рискуешь жизнью и здоровьем. Разве можно с твоими данными заниматься автомобильной проституцией? Поверь, пока ты будешь работать на меня, под моим контролем, я тебе найду такого мужа, что уровень твоих финансовых возможностей прыгнет высоко.

Люба Савелова от всей души рассмеялась и согласилась с доводами Роберта, принимая его покровительство...

Пожар начался днем. Люба Савелова спала после ночной смены в больнице. Пятиэтажный блочный дом загорелся с крыши, плотно залитой увеличивающимся от ремонта к ремонту слоем битума. Странного строительного качества пятиэтажка была не готова к шапке огня, вознесшегося на ее крыше. Плиты поплыли именно над квартирой Любы, и именно над тем местом, где она спала, в потолке образовалась широкая трещина. На лицо спящей Любы сползла большая "капля" горящего битума, навсегда прекратившая ее карьеру фотогеничной простиутки и навсегда избавившая ее от предложений рук, сердец, толстых бумажников и систематических, ставших ее профессией, изнасилований. Врачи города сделали все, что смогли, спасли на лице Любы все, что можно было спасти. Психиатры вывели ее из психологического шока, но все-таки легкая "придурь" после перенесенного в Любе осталась. Вместе с красотой лица исчезло и женское самолюбие, и желание жить...

В последний путь Любу Савелову проводили мать, отец, бабушка, три хирурга с места работы в 5-й горбольнице и "братья" Рогоняны, с другого места работы. Именно они оплатили похороны, выплатили родителям Любы компенсацию за утерю кормильцы. Вот и все — Любу опустили в землю. Из нее она появилась уже в оформлении общественного негодования и досады сыщиков и была более известна, как мертвое тело, обнаруженное в сквере 7-й городской больницы...

Глава двенадцатая

Для расследования нестандартного убийства гражданина Васильева Сергея Андреевича была создана следственно-оперативная группа. В состав группы, руководителем которой назначили начальника краевого управления ФСБ по Краснодарскому краю Лапина, вошли следователь ФСБ Веточкин, следователь прокуратуры и одновременно зампрокурора города Таганрога, откуда был потерпевший, Миронов, следователь и заместитель начальника Петровки по оперативно-розыскной работе полковник Хромов, два оперативника из ФСБ и два из МВД, криминалист и два эксперта ГРУ. Группе придали мощное тех-

ническое и финансовое обеспечение с широким кругом полномочий.

В первую очередь, были установлены люди из спецгрупп ГРУ, которые могли выполнять прием "Короткое замыкание" и другие, граничные с безумием, приемы высокохудожественного устранения человека из жизни. Таких специалистов оказалось всего шесть человек, и все они входили в "УЖАС" (Управление по жизненно-актуальным ситуациям), которое относилось к структуре ГРУ, но с автономными и не подконтрольными руководству ГРУ полномочиями. Двое из них были ветеранами на пенсии, трое действующих, а шестой погиб, и никто из ГРУ не мог объяснить, по какой причине. И вообще, Хромов и Лапин заметили с первых шагов, что когда заходил разговор об "УЖАС"е, все как-то мялись и не могли ничего объяснить. Именно смерть шестого насторожила и обратила на себя внимание группы.

Управление по жизненно-актуальным ситуациям "УЖАС" оказалось настолько специальным, изощренным и многоплановым, что стояло особняком от целей и задач ГРУ, ФСБ, не говоря уже об МВД. В действиях спецподразделений "УЖАС"а было столько самостоятельности, что Хромов, а за ним и следователь Веточкин, решили более скрупулезно и пристрастно ознакомиться с его деятельностью. Но как это сделать?

— Странное подразделение, вам не кажется, Леонид Максимович?

— Странное не странное, но я по опыту знаю, что там, где начинаются странности, сразу же появляются и подлянки, отчего все хочется послать подальше.

Хромов не зря работал в МУРе. Если уж он о чем-то высказывался, то высказывался исчерпывающе. Веточкин понимающе хмыкнул и стал читать бумагу из ГРУ во второй раз. Официальный ответ на официальный запрос гласил:

"Физическое устранение человека демонстративно жестким способом отрыва головы от тулowiща приемом "Короткое замыкание" осуществляется лишь спецподразделениями "УЖАС"а по борьбе с крайне экстремистскими и террористическими движениями. "УЖАС" входит в структуру ГРУ, но имеет автономные полномочия, не подконтрольные руководству Главного Развивательного Управления. Тем не менее, на Ваш запрос командование "УЖАС"а сочло нужным ответить, что экстраординарные методы отстранения индивидуума от активных действий может осуществить лишь человек, имеющий прямое отношение к их спецподразделениям. Самостоятельное проникновение в эти методы невозможно из-за особой специфики подготовки к ним. Приемом "Короткое замыкание" были оснащены всего лишь шесть человек за все время существования управления. В данный момент двое из шести не владеют этим приемом по возрасту, они уже на пенсии, трое находятся

на службе и вне подозрений, один человек погиб в результате трагического стечения обстоятельств.

Руководство "УЖАС"а ставит следственно-оперативную группу в известность о том, что оно начинает параллельное расследование обстоятельств убийства Сергея Андреевича Васильева в связи с осуществлением этого убийства суперприемом "Короткое замыкание".

Заместитель директора ГРУ по контактам с ФСБ и МВД, генерал-лейтенант Эппель А.С."

К официальной бумаге была прикреплена неофициальная и дружеская записка для Хромова: "Леня, готовьтесь к головной боли".

Неприятности в оформлении предрекаемых Хромовым подлянок начались с первых шагов. Оказалось, мешало работе не то, что люди из группы принадлежали к разным ведомствам, а то, что она была составлена из представителей двух недолюблюющих друг друга миров — Провинции и Столицы. Краснодарский Лапин и таганрогский Миронов косились на московских Хромова и Веточкина, два оперативника из сочинского УВД слегка опасались двух столичных фээсбэшников. Сами москвичи, держа марку, делали вид, что не замечают этого, но где-то в глубине души ехидно посмеивались над "деревней". Тем не менее, группа работала самоутверженно. Почти сразу же акценты расследования переместились из Сочи в Москву и уже оттуда время от времени перемещались за недостающими деталями в Сочи и Таганрог — "жемчужины" Черного и Азовского морей.

Начали расследование с ветеранов "УЖАС"а. Одного, по разрешению руководства Управления, посетил Веточкин, а другого Хромов. И тот, и другой ждали чего угодно от этих бесед, но только не того, что получилось.

Веточкину пришлось посетить Большой театр, что в какой-то мере потрясло его и заставило задуматься о роли искусства в жизни. Суперсолдат "УЖАС"а, владеющий и неоднократно применявшим прием "Короткое замыкание" в разных местах земного шара, работал в Большом гардеробщиком.

Гардеробщик не выглядел благостным пенсионером. Среднего роста, с седым ежиком на голове, худой, как засушенная вобла, но, взглянув в его глаза, сразу же становилось понятным, что речь идет не о "засушенной вобле", а о заснувшей кобре.

— Здравствуйте, Игорь Александрович! — поздоровался Веточкин с гардеробщиком. — Вы уже в курсе, я Веточкин из ФСБ. Нельзя ли с вами поговорить?

— Можно, — спокойно сказал старик и кивнул на два стула в углу гардеробной. — ФСБ... — пренебрежительно хмыкнул. — Ну давай, разговаривай со мной.

Выслушав Веточкина, "уснувшая кобра" усмехнулся и произнес:

— Ты спрашиваешь, может ли кто-нибудь из Управления, владеющий экстремальными, демонстративно-шоковыми методами нейтрализации, заниматься этим самостоятельно, без приказа? Не может, даже если бы захотел.

— Почему? — заинтересовался Веточкин.

— Не скажу, — остыл его любопытство государственный убийца. — Еще ты хочешь знать, кто мог оторвать голову этому парню? Никто из тех, кто жив.

— Вы хотите сказать, — начал было Веточкин, но был прерван прямолинейностью ветерана:

— Я молчу. Чему вас учат на Лубянке, если вы даже очевидное воспринимаете как высшую тайну?

— Да вот, что поделаешь? — пожал плечами Веточкин.

От этого признания жутковатый пенсионер развеселился и посоветовал на дорожку:

— Будь внимательным, сынок, смотри, чтобы и тебе голову не оторвали.

У Хромова беседа с ветераном прошла еще унизительней.

Стефан Искра в доме № 23 не жил, а пил. Пил круглосуточно, много и уже долго. Хромова предупредили, что Искра беспробудно пьет уже в течение нескольких лет, и вследствие этого руководство Управления не несет ответственности за его возможные действия. "Беспробудно пьет в течение нескольких лет?", изумился Хромов, когда на его звонок открылась дверь, и перед ним предстал Стефан Искра. В свои пятьдесят семь лет Стефан Искра выглядел как тридцатилетний мастер спорта международного класса по легкой атлетике, который только что, сразу же после победы на чемпионате мира, объявил журналистам о своем решении покинуть большой спорт. Видимо, методика физической подготовки суперразведчиков делала силы этих ребят столь уникальными, что даже алкоголь отступал перед их уникальными возможностями. Все остальное Хромов додумывал уже в воздухе. Мощные руки "спившегося" суперсолдата приподняли его за лацканы пиджака в воздух, и он услышал:

— Выпивку принес?

— Нет! — честно признался вознесенный Хромов и удивился своей беззащитности.

— Какой же ты глупый! — громогласно укорил его ветеран, поставил на место и захлопнул перед его носом дверь.

"Так, так, так...", рассуждал Хромов, спускаясь со второго этажа по лестнице. "Конечно, конечно...", ошеломленно пытался осмысливать он ситуацию, выходя на улицу. "Ну да, ну да...", наконец-то догадался, увидев в пятидесяти метрах от се-

бя чистенький, беленький домик коммерческого магазина "Вечерок".

Внутри магазина все было ярким, упакованным и дорогим.

— Бутылку водки, — буркнул Хромов продавцу, молодому и прыщавому парню в белой рубашке с надписью на левой стороне "Добро пожаловать", и протянул сотенную.

— Какой? — поинтересовался продавец.

— Настоящей, недорогой, кристалловской, — сообщил Хромов с живым интересом стал смотреть на продавца, ожидая, как он выйдет из этой ситуации.

Продавец вышел из неё достойно. Он вынул из холодильника бутылку кристалловской "Забудь о похмелье", поставил ее на прилавок и отсчитал Хромову шестьдесят четыре рубля сдачи.

— Кто это? — метнулся к продавцу недовольный его действиями мужчина с лицом представителя теневого бизнеса.

— Мент, — коротко ответил продавец и добавил: — Ты что, слепой? У него лицо как у волкодава со стажем.

— Ну и дал бы просто заводскую, зачем дал ту, которую для директора делают? — уже спокойнее упрекнул его мужчина.

— Это тоже мент не простой, вежливый и ехидный, значит, где-то в МУРе индивидуальный кабинет имеет, — назидательно подняв палец, объяснил продавец представителю водочной мафии...

Хромов поднялся на второй этаж и вновь позвонил в дверь Стефана Иекры, держа бутылку водки перед собой. Дверь распахнулась, отставной атлет благосклонно окинул взглядом Хромова и бутылку, сделал приглашающий жест рукой и сказал:

— Входи, Хромов, раз пришел.

Полковник чуть не поперхнулся, но вовремя вспомнил: "Ах да, ему же звонили из ГРУ, предупреждали о моем приходе".

Они вошли в квартиру. Трехкомнатная, крупногабаритная квартира Стефана Искры напоминала ограбленный офис провинциального банка, который сдали под склад стеклотары. Все перегородки были убранны. Перед изумленным взором Хромова предстало стеклянное море пустых бутылок, среди которых, как острова и скалы, выделялись кровать, стол, три стула и шкаф для одежды, между ними, как лодка среди волн, затерялась кушетка для сна. На столе косоюко стоял пораженный в самое сердце чем-то тяжелым и быстрым компьютер последней модели из серии "Будда". Более в пространстве жилплощади, не считая кухни, ничего не было. Если не принимать за "что-то" два перевернутых вверх дном ящика. Кухня оказалась размером с большую комнату обычной квартиры.

— Бери курс в сторону стола, — указал вдоль стеклянного моря Искра и пошел первым, раскидывая в стороны стеклянные брызги разных конфигураций.

"Интересно, как они там в ГРУ с такими кадрами справляются?", думал Хромов, следя в кильватере Искры и продолжая держать бутылку водки перед собой двумя руками.

Стефан Искра очень внимательно впустил в себя водку, прислушался, затем взял бутылку в руки и с удивленно-одобрительным видом рассмотрел ее. Поставив бутылку на место, он широко улыбнулся и, протянув Хромову руку, представился:

— Стефан Искра, генерал-майор в отставке. Если меня не злить, то я добрый. Задавай вопросы, если захочу, отвечу на них.

Хромов, — скучно представился Хромов и пожал "высоколигированную сталь" руки Стефана Искры. Его немного смущало отставное звание экзотического спецназовца и раздражала невозможность допрашивать его в привычной манере. "Если захочу, то отвечу", скептически усмехнулся в душе полковник и подробно изложил Стефану Искре суть своей заинтересованности.

Искра внимательно выслушал Хромова, разлил по стаканам водку и, подняв свой стакан, коротко предложил:

— Давай.

Водка мягко, красиво и благостно ушла в Хромова и уютно разлилась по телу, второй раз удивляя его своим качеством. "Что же я до этого пил?", затрепетал в мыслях Хромова вопрос, но отвечать на него не имело смысла.

— Обычно они только мне "Забудь о похмелье" дают, но, видимо, и в тебе есть нечто, что пугает их, — сообщил Хромову Искра. — Это хорошо. Надеюсь, ты не дурак и понимаешь, что если руководство "УЖАС"а решило вести собственное расследование одновременно с вами, это говорит о том, что меня строго-настрого предупредили, чтобы я говорил с тобой о чем угодно, только не о том, что тебя интересует, и поэтому я тебе лучше анекдот расскажу.

— Валяй, — кивнул Хромов.

— И даже этого я сделать не могу, потому что ты им заинтересовался.

— Ну, я тогда пойду? — уныло заспешил Хромов.

— Ага, иди, — не стал противоречить Искра.

Уже возле двери, перед тем как ее открыть, Хромов услышал брошенные ему вслед слова:

— Не лез бы ты в это дело, а раз полез, впрочем, куда тебе деваться, то не забывай, что и смерть иногда ошибается.

Глава тринадцатая

Начальник краевого управления ФСБ Лапин позвонил начальнику сочинского УВД полковнику Краснокутскому.

— С вами говорит Лапин, здравствуйте, Юрий Павлович.

— Здравствуйте, — осторожно поздоровался Краснокутский, пытаясь вспомнить имя, отчество и должность до боли знакомой фамилии Лапин, но ничего не вспомнил и, словно бросаясь в омут с головой, рискнул: — Как дела, Сашок, как отец там, жив-здоров?

Сорокалетний Лапин отстранил от себя трубку, с недоумением посмотрел на нее и, вновь приблизив, сообщил Краснокутскому:

— Спасибо, папа давно уже умер. С вами говорит начальник краевого УФСБ Лапин Иван Александрович. Скажите мне, полковник, на каком основании вы задержали председателя правления Азово-Черноморского банка Аскольда Иванова?

— Так это ты, Ваня? — решил не сдаваться полковник Краснокутский. — А голос как у отца, вот ведь время летит. Мы с твоим отцом, Ваня, дружили, вместе в Москве учились и вместе по бабам ходили.

Тон Краснокутского был размягченно-умиленным и ностальгически-удивленным. Лапин, не ожидавший столкнуться с другом покойного отца, которого он любил и уважал, немножко растерялся и уже не так настойчиво поинтересовался:

— Что там банкир этот натворил, нельзя ли его отпустить, Юрий Павлович?

— Да ради Бога, конечно же, можно, ничего такого он не натворил. Так, подозрение на совращение малолетней, но оказалось, что она не малолетняя и он ее не совращал. Сегодня его и выпущу, хай гуляет хлопец, что в КПЗ без толку штаны протирать.

— Спасибо, — растерянно поблагодарил Лапин, никак не ожидая такого развития событий. Он предполагал наехать на Краснокутского за незаконное задержание Аскольда Иванова, а затем смягчиться и забрать арестованного к себе для допроса, касающегося убийства Сергея Васильева.

— Слушай, Ваня, ты в Мексике был?

— Да, Юрий Павлович, был, чудесная страна. Вы могли бы пока этого банкира не выпускать? Нам с ним поговорить надо, а то выйдет на свободу, и ищи-свищи его.

— Да ради Бога, конечно же, могу, тем более, что еще не совсем ясно, совращал он кого-нибудь или нет. Сколько его продержать надо?

— До завтра, — улыбнулся Лапин.

Полковник Краснокутский осторожно положил трубку и тоже улыбнулся. В начале телефонного разговора он понял, что ФСБ хочет воспользоваться задержанием Аскольда Иванова, а заодно и приструнить Краснокутского за это задержание. Естественно, полковник не был знаком ни с Лапиным, ни с его отцом, но теперь это не имело значения. Человек, любящий Мексику, всегда мог рассчитывать на дружбу полковника Краснокутского.

Когда Аскольда Иванова арестовали во второй раз, он еще не успел отойти от первого. Второе задержание председателя правления Азово-Черноморского банка насторожило окружающих его людей и заставило задуматься членов правления, а также тайных и явных учредителей о нравственных качествах Аскольда Иванова. Смутила газетная статья в местной прессе, и странное внимание милиции тоже смущало. Содержанию газетной статьи никто, конечно же, не поверил, наглая ложь. Байбаков Сергей Иванович, Карапусик, даже вспомнил о прошлом. Вместе с двумя только ему известными ребятами он тряхнул составителя газетных номеров и выяснил, что статью "Банкир-маньяк" написал не журналист, а принес из УВД майор Абрамкин, да и самого случая в этом году зафиксировано не было. Это все выяснили, но какой-то неприятный осадок в душе друзей Аскольда оставался.

Одним словом, задержание и препровождение в КПЗ сочинского УВД Аскольда Иванова насторожило окружающих его людей и заставило задуматься членов правления банка, а также тайных и явных учредителей, о его моральных качествах.

Но никто, включая самого Аскольда, не знал, что самой главной ошибкой, фактически карьерной катастрофой, были не интриги полковника Краснокутского и майора Абрамкина, по большому счету это можно было утрясти, а то, что в самый момент ареста Аскольд так энергично вздрогнул от неожиданности, группа захвата вышибла двери в номер, что Ирочка Васина взвизгнула под ним и навсегда рассталась с девственностью. Именно это было главной оплошностью Аскольда Иванова, да и самой Ирочки Васиной.

Ростоцкий вошел в кабинет Краснокутского через час после задержания Аскольда Иванова, переполненный вопросами.

— Что делать с этим банкиром?

— С банкиром? — удивился полковник, но сразу же спохватился, вспомнив о своем приказе задержать Аскольда Иванова, и строго сказал: — Как что? Посадите его в камеру.

— На каком основании? — По лицу Ростоцкого было видно, что брать на себя ответственность он не собирается.

— А при каких обстоятельствах его взяли, он сопротивлялся или нет? С бабой был или сразу с двумя?

— Да, он был с женщиной, — сухо ответил Ростоцкий и неожиданно рассмеялся, прикрыв рот рукой.

— Рассказывай, Ростоцкий, не томи, неужели три было?

— Да нет, одна.

— Понимаешь, — перешел на казенный тон полковник Краснокутский. — Я тут твой рапорт о предоставлении отпуска в середине августа прочитал...

— Зато какая одна! — не дал ему закончить Ростоцкий. — Мы врываемся, номер "люкс-экстра" за восемьсот пятьдесят

долларов в сутки, кровать — что вдоль, что поперек — четыре метра. Он на ней, а она под ним и улыбается, вот что странно... — отчитался Ростоцкий и добавил: — Красивая девочка.

— Да, капитан! Да! Закрой этого зажравшегося янки в камеру. Закрой на основании Указа Президента России на тридцать суток до выяснения всех обстоятельств дела.

— Девочка, что под ним была, вовсе не малолетка, и, по ее словам, невеста Иванова, — продолжал осторожничать Ростоцкий.

— Вот это все и надо выяснить за тридцать суток, а то вдруг он маньяком окажется похлеще Чикатило, что тогда?

— А как насчет отпуска?

— Иди. Можешь прямо с завтрашнего дня, а в августе обойдешься, не по чину месяц для отдыха выбираешь.

Когда Аскольда закрыли в полутемной камере КПЗ во второй раз за неполную неделю, он уже чувствовал себя гораздо увереннее. Страшная смерть Сергея Васильева всколыхнула в нем забытые мелодии таганрогского детства и сдвинула в его восприятии что-то такое, от чего хотелось материться и плевать во все попадающиеся навстречу лица. Аскольд Иванов усмехнулся и оглядел камеру. В камере были три человека, одно, уверенное в своей неприступности, окно, под ним сплошная, во всю стену, отполированная до блеска спинами, нара и естественная для всех тюремных камер шизонутая надежда на чудо.

Из трех обитателей камеры временного задержания никто не выделялся многолетней привычкой нахождения в ней. Они напоминали случайных пассажиров списанной электрички, направляющейся в депо на консервацию. Двое — молодые, а один старый. Старик был тщедущен, одет в парусиновый, старомодного покрова, костюм "а ля Паниковский", в соломенной шляпе и с бородкой клинышком. Он напоминал Мичурина и был настолько ветхим и угасающим, что суровое и опытное сердце дежурного по КПЗ старшины Дудника дрогнуло, и старику оставили, пропустив в камеру, бамбуковую трость.

Аскольд снял с себя пиджак, подошел к наре и сказал самому широкоплечему из молодых:

— Двигайся в угол, мое место будет здесь, под окном, мне свет и воздух нужны.

Черноволосый парень задиристо-пролетарского типа на мгновение прислушался к самому себе и, не говоря ни слова, отодвинулся, уступая место под солнцем Аскольду.

Аскольд, конечно, знал, что его выпустят в скором времени, но не знал, насколько это время будет скорым. В нем еще метался дух и гордыня человека, наполнившего свой образ

жизни свободно конвертируемой валютой. Поэтому когда две-ри камеры открылись и в проеме появился дежурный, он не удивился.

— Аскольд Борисович, тебя посадили не в ту камеру, давай выходи, я тебя в другую, поудобнее, переведу...

Аскольд со свойственной для пресыщенного удобствами притурью отказался:

— Не надо мне особых условий, я здесь, с народом, посижу.

— Ну посиди, — презрительно усмехнулся Фелякин и добавил: — Только это не народ, а шушера уголовная. — Фелякин указал на молодежь. — Вот эти двое — боевики у Саркиса Ольгерта, Резаного, — сожгли две палатки, покалечили владельца ресторана "Ночной жасмин", убить его мало, — пожалел пострадавшего Фелякин, — и вылили в окно салона красоты "Гарные Париж СИНЕРЖИ плюс" целую цистерну ассенизаторской машины. У, суки поганые! — Погрозил Фелякин в сторону парней.

Фелякина особенно злил случай с салоном красоты. Почти два месяца он вбухивал туда не менее трех тысяч в неделю. Не в сам салон, конечно, а в молоденьку и нежную кореянку с русской примесью по женской линии. Целых два месяца он тратился ради того, чтобы она сама позвонила и сама предложила:

— Федя, ну что ты, в самом деле, все время кабак да концерты. Пойдем сегодня ко мне, Федя, дома никого не будет.

— Ну да! — обрадованно заревел тогда в трубку Фелякин, изнемогающий от сорока лет, двух детей и невменяемой от хронического недовольства жизнью жены. — Ну да! — ревел Фелякин от предвкушения хотя и сочиненной, но все же почти не проституционной любви со стороны юной женщины. — Ну да! — кричал он тогда в трубку.

В тот вечер все складывалось хорошо.

— Я на дежурстве до завтра, — сообщил он жене.

— Да хотя бы до послезавтра, — отмахнулась от него жена.

И надо же, пришел любить и быть любимым, а она, нежная и желанная, вся в дерме и окурках, которые некультурные граждане частного сектора в районе Бытхи бросают в свои выгребные ямы. В Фелякине как будто бы все оборвалось, любовь прошла, но в этот же вечер он сам, лично, задержал исполнителей этого замысла и не оставил мысли добраться до заказчика, босса, Саркиса Вазгеновича Ольгерта.

... Шестерки хреновы, говорят, что сами до этого додумались, но брешут, сами они вообще думать не могут. А этот... — Начальник КПЗ слегка запнулся, глядя на старика. — А этот дед сдохнет скоро. Зачем тебе такая компания, Аскольд Борисович?

— Ничего, я здесь побуду, — упрямо настаивал на своем Аскольд.

— Ну и хрена с тобой, — потерял Фелякин интерес к Аскольду и, выйдя в коридор, захлопнул дверь камеры.

— Дед, а дед, — прицепился один из парней, унизивших любовь Фелякина, к старику. — За что тебя прикрыли, за изнасилование?

Робко сидящий на краешке нарь старику бесцельно поводил головой и, подняв слезящийся взгляд на парня с элегантной кличкой Лом, проговорил:

— Я не знаю, сынок, говорят, что кого-то убил. Говорят, мужа дочкиного ножом ударили, а они заявление написали, и теперь я в тюрьму, а дом, что я своим горбом построил, ей достанется. Вот так...

Старик заплакал, а Лом, лежа на наре, уперев взгляд в потолок, вывел наглое и поэтому наиболее точное резюме незнания:

— Сейчас только идиоты детьми обзаводятся. За это в тюрьму сажать надо. Ни хрена себе. Я же не писал заявление на жизнь, а меня взяли и родили, теперь вот в тюрьме сижу.

По лицу Лома было видно, что его упадническая философия кончится через десять минут. На его лице была видна такая любовь к жизни, что за ее продолжение он смог бы убить любого, и не одного. Двери в камеру вновь открылись, и дежурный крикнул Аскольду:

— Иванов, на выход, к тебе пришли.

— К вам пришли, Иванов, собирайте вещички. Собирайте себя на далекий этап, — пропел Аскольд, подымаясь с нарь, чем нескончально изумил сержанта, сокамерников и самого себя. «Видели бы меня члены правления банка», подумал он.

В кабинете для адвокатов сидели адвокат Арон Шпеер, Карапусик и радостно вскрикнувшая при появлении Аскольда Ирочка Васина. Аскольд с удивлением взглянул на Ирочку, но разговаривать стал с Карапусиком.

— Ну что там у тебя, Сергей Иванович, все выяснили, идем домой?

— У меня, то есть у тебя, адвокат. Вот, знакомься, Арон Ромуальдович. — Карапусик указал на деликатно потупившегося Шпера. — А вообще-то, все хрено, тебя смешили и вывели совсем из структуры банка. Вот, почитай...

Карапусик протянул Аскольду свернутую газету. Аскольд развернул ее и удивленно поднял брови. Это оказалась «Таганрогская правда», некогда прикомленная им до неподвижного ожирения. Статья в ней называлась: «Если бы не милиция...», и там говорилось:

«Если бы не милиция Сочи, которая задержала у себя в городе нашего некогда уважаемого земляка и мецената Аскольда Борисовича Иванова, председателя Азово-Черноморского банка, то мы бы, простые граждане, так и не узнали, что этот обо-

ротень на самом деле извращенец и растлитель малолетних, который имеет тесные связи с организованной преступностью и сейчас находится под стражей в следственном изоляторе города Сочи по подозрению в убийстве нашего земляка Сергея Андреевича Васильева, боевого офицера, прошедшего ад войны в Афганистане. Вот так-то, дорогие горожане и подписчики нашей газеты. Мы порой заглядываем в рот всем этим новоявленным богатеям, берем их деньги для помощи больным и осиротевшим детям, а они под покровом ночи насилуют наших детей и убивают у них отцов".

— Что за чушь?! — раздраженно вскрикнул Аскольд и отбросил газету.

— Дело не в этом, — перебил его Каандусик. — Газета гавкает, караван идет. Тут кто-то посеръезнее на тебя катит. В какой-то степени, не пойму в какой, вот эта мормышка тоже замешана... — Каандусик кивнул в сторону Ирочки, преданно и радостно глядевшую на Аскольда. — Такого случая не припоминаю. Прямым ходом из аппарата Правительства связались с нами и прямым текстом с полным откровением сказали: "Если вы не отстраните вашего председателя правления от всех дел банка, то у вас будет аннулирована лицензия на все виды банковских услуг". Интересно, где это ты настолько засветился? — Каандусик недоумевающе пожал плечами и замолчал, мрачно разглядывая поверхность стола.

— Кхм, я думаю, — вмешался Арон Ромуальдович Шпеер, — я думаю, что вам надо вспомнить все контакты последних недель. Уверен, что разгадка где-то рядом. Вспомните, что вас неординарно злило, раздражало, что вызывало опасения, страх, чувство оскорблений. Вспомните все. Ведь Сочи в обрамлении бархатного сезона то же, что и Москва, здесь все наполнено начальством, шулерами и шпионами...

Дальше Арон Ромуальдович Шпеер мог не продолжать. Все, включая Ирочку Васину, одновременно вспомнили ресторан "Лимпопо" и опереточного "Люцифера" в белом костюме, преподносящего букет синих тюльпанов и черных роз Ирочке, которая, впрочем, уже знала о нем гораздо больше.

После задержания Аскольда Ирочка Васина покинула номер за восемьсот пятьдесят долларов в сутки и быстро прошмыгнула в свой, на другом этаже, за сто пятьдесят долларов. Номер был оплачен до конца недавно начавшегося месяца устроителями конкурса Мисс курорта Сочи. В коридоре она нос к носу столкнулась с самым знаменитым участником фестиваля киношников "Кинотавр". Знаменитость при виде Ирочки заулыбалась, Ирочка при виде знаменитости презрительно сморшилась, но в глубине души все-таки немного замлела.

В номере она приняла душ, оделась и отправилась на гостиничный пляж. Спустившись в холл, Ирочка почувствовала су-

хость во рту и вошла в уютный полумрак голубоватого риджерса с прохладительно-энергетическими напитками голландской фирмы "Андерс", которые производились в Армении на основе высокогорных, таинственно-стимулирующих трав. Возле стойки она вдруг напряглась и почувствовала растерянность. Резко оглянувшись, Ирочка увидела, что к ней подходит ОН, тот самый Великий Любовник, потрясший ее суть цветами, наглой и оправданной беспардонностью и еще чем-то таким, от чего ей хотелось визжать. Это был Глассик. Брезгливо морщаась, он подошел к вытянуто-напряженной Ирочке и сунул свой горбатый, слегка изогнутый нос в ложбинку символически прикрытой груди. Во время этой странной церемонии Ирочка Васина стояла по стойке "смирно", словно в ожидании приговора.

— Значит, ты спала с этим банкиром? — произнес Глассик, пренебрежительно глядя на Ирочку.

— Да, — покорно призналась Мисс курорта Сочи.

— Я его сурово накажу. Он воспротивился моей воле и лишил Науку ценного биосырья... — Глассик с укоризной посмотрел на Ирочку и, немного смягчившись, объяснил: — Видишь ли, ты была очень редким подвидом женщины, в тебе все эти годы вырабатывался фермент, который мы, ученые, называем "Вспышка"...

На этом Глассику пришлось прервать свои объяснения, быстро выскочить из бара, а затем из гостиницы. На выходе подозрительная скорость была замечена служителем гостиницы, который попытался остановить его для выяснения причин такой поспешности, но какой-то молодой мужчина, медленно проходивший мимо служителя, так толкнул его ладонью в подбородок, что служитель сокрушил в полете два ряда стекол на дверях, цветочный вазон из малахита на улице и упал на каскадных ступенях гостиницы с уже совершенно отстраненным от жизни выражением лица.

На улице Глассик поспешил влез на пассажирское место своего "БМВ", почти сразу же дверца открылась, и на водительское место сел мужчина, который мгновение назад окончательно и бесповоротно объяснил служителю гостиницы всю бесперспективность его работы. Когда "БМВ" тронулся с места, Глассик еще некоторое время слышал визг Ирочки Васиной, пробивающийся сквозь суету и крики, поднявшиеся вокруг убитого служителя, и сквозь шум находящегося совсем рядом морского прибоя.

Нет, определенно все это напоминает затянувшееся и поэтому начавшее гнить от пороков детство. Я улыбаюсь, но чувствую, что в этой улыбке нет презрения. Я редко кого презираю. Я никогда и никого не презираю. Так будет точнее. Точнее и обаятельнее. Я не просто улыбаюсь, я улыбаюсь широко и белозубо. Как он уморительно обнюхивал этот свисток с подиу-

ма. Алексей Васильевич весь состоит из приколов, никогда не подумаешь, что он гений, что на его защите стоит вся мощь и тайная изощренность государства. Я улыбаюсь, но в душе недоволен самим собою. Жалко служителя гостиницы. Я просто произвел толчок и тем не менее убил его. Нужно потренироваться, отработать движение "Минимум", умение не придавать в нужный момент убийственную силу своим возможностям. Я иду к морю. Алексей Васильевич ушел в "Домик" спать. Умора, а не Алексей Васильевич. Спросил у меня о здоровье. Так и спросил: "Как ваше здоровье?" Я не выдержал и расхохотался. Он сразу же все понял и расхохотался в ответ. Так и стояли несколько минут друг перед другом, умирая от хохота. Затем он сказал: "Банк снимается с разработки, эту дуру ломанули, а банкиром я займусь сам. Отдыхайте пока". Вот оно, море. Я снимаю с себя одежду и улыбаюсь широко и белозубо.

Глава четырнадцатая

Следственно-оперативная группа, возглавляемая начальником УФСБ Краснодарского края Лапиным, всерьез заинтересовалась Алексеем Васильевичем Чебраком. Все началось с телефонного звонка полковника Краснокутского.

— Здравствуй, Иван, — поздоровался полковник. — Я так думаю, что ФСБ без МВД гроша ломаного не стоит...

— Юрий Павлович?

— Да, Иван, слушай. Я допросил Аскольда Иванова, так и не дождавшись вас. Много интересного услышал. Здесь у нас есть такая хитрая гостиница, "Домик" называется, над которой я власти не имею. Меня, да и тебя, думаю, возле ее ворот пошлют, а куда пошлют, туда и пойдем...

Краснокутский подробно сообщил Лапину об Алексее Васильевиче Чебраке и его предполагаемом телохранителе. Рассказал об инциденте в гостинице "Жемчужина" с Ирочкой Вариной и убийстве служителя гостиницы неким из ряда вон выходящим способом.

— Так что действуй, Ваня, след верный. А этот Аскольд хорошим парнем оказался, раз его из банка турнули, плохого не выгонят. Я тут журналистов хочу погонять, оклеветали парня, сорочье племя, а ему и так не сладко. Я его выпускаю, сколько можно мучить человека?

— Выпускайте, — отмахнулся от этого пустяка Лапин и радостно произнес: — Спасибо, Юрий Павлович, спасибо!

— Да не за что, работа у нас такая, — рассмеялся Краснокутский. — Ну ладно, Ваня, заговорил ты меня. Звони, если что. До свидания.

"УЖАС" было управлением гибким и мобильным и состояло из восьми отделов под общим названием "Погода на завтра".

Отдел "ОДИН" занимался происходящими процессами в политически активной части общества, криминальном и финансовом мире. И те, и другие, и третий действовали на основе авантюрных постулатов, имели общий опыт "внезаконности" и общее понятие о взаимоотношениях человека с человеком. Именно оттуда, из этих трех групп, должна была выйти новая политическая элита-НПЭ. Ее психологический портрет вносился в память самого надежного в мире русского "компьютера" "Папка для бумаг", а наиболее творческие черты характера выделялись в "Дело".

"Лучше бы снова варягов или греков позвать, чем этих, с психологией вечно голодных, к власти допускать", жаловался иногда самому себе начальник отдела "ОДИН".

Отдел "ДВА" занимался тем же, что и отдел "ОДИН", но под другим, жестко-творческим углом. Они производили "санитарную чистку", дабы эшелон НПЭ не заражался наиболее разрушительными идеями переустройства мира.

Отдел "ТРИ", в принципе, дублировал отдел "ДВА", но только на более уточненном психологическом уровне.

Отделы "ЧЕТЫРЕ", "ПЯТЬ", "ШЕСТЬ" были составлены из специалистов высокого класса с развитым до совершенства, до уровня первозданного инстинкта, любопытством высокопрофессионального дизайна. В задачу этих отделов входило классическое действие — сбор информации с непонятно куда идущими последствиями и нечетко выбранными ориентирами. В штате этих отделов были специалисты не ниже доктора наук.

— С ума сойти! — иногда восклицал руководитель "УЖАС" Иван Селиверстович Марущак после беседы с подчиненными из этих отделов.

Отдел "СЕМЬ" был страшноватым и убийственным. В него входили три боевых подразделения, обученных по универсальной методике "Вольфрам".

Первое подразделение "Слалом" состояло из шести групп:

1. "Любители эдельвейсов".
2. "Трамплин над Калькуттой".
3. "Солнечная лавина".
4. "Непредвиденное препятствие".
5. "Группа "Старт".
6. Группа "номер 13".

Подразделение "Подмосковье" состояло из трех групп:

1. "Сороки".
2. "Тайная вечеря".
3. "Молчание сфинкса".

Эти группы были сформированы из снайперов, специалистов по ядам и нетрадиционным видам оружия.

Подразделение "Зеркало" состояло из восьми телохранителей категории "Солнечный убийца". Все восемь, и каждый в от-

дельности, гарантировали стопроцентную безопасность тому, кого их обязали охранять.

Отдел "ВОСЕМЬ" был отделом, ради которого существовал "УЖАС", — подземная лаборатория, возглавляемая Алексеем Васильевичем Чебраком. Туда стекалась вся мировая информация из области генетики и генной инженерии. В отделе "ВОСЕМЬ" гений генетики Алексей Васильевич Чебрак работал над программой антимутационного действия "Ноах". Он создавал симфонический препарат "Полнолуние".

Общее руководство "УЖАС"ом осуществлял Иван Селиверстович Марущак, бывший генерал бывшего КГБ. Он не отличался выдающимися способностями, был профессионалом и обладал врожденной силой доброжелательности и обаяния. Никто не смог бы так проникновенно сработать с мощным и своеобразным коллективом "УЖАС"а, как он, Иван Селиверстович Марущак. "Маркуша", называли его за глаза и в мыслях подчиненные. Он руководил "УЖАС"ом уже двадцать лет, ибо все перемены, произошедшие с Россией за последние годы, изменили ВСЕ, но даже краешком не затронули деятельность "УЖАС"а, которому, и лично Ивану Селиверстовичу Марущаку, покровительствовал международный орден с трехтысячелетними традициями ЛПЛ — Люди Полной Луны.

"Вот бы на пенсию уйти, да порыбачить утренней зорькой на Донце возле станицы Синявской в тиши, тепле и под водочку", иногда печально мечтал Иван Селиверстович, получая в своем кабинете оперативную информацию со всего мира о деятельности своего неотвратимого "УЖАС"а.

Аскольд с печалью смотрел на прорвавшийся сквозь грубо жалюзи луч ускользающего в вечер солнца. Пространство камеры было плотно набито дымом от сигарет, пылью и воною от хронически смердящего унитаза. Все это, попадая в нежное пространство солнечного луча, пронизывающего золотой спицей сумрак камеры, становилось серебристым, весенним и благоухающим.

— Дед, а дед? — завел свою ежедневную волынку Лом, от скуки изучающий жизнь старика по ответам на свои идиотские вопросы. — Ты много женщин за свою жизнь поимел?

Старик лежал на наре и уже почти не подавал признаков жизни. На вопрос Лома он заворочался, оперся на дрожащие руки и с трудом сел, прилонившись спиной к стене.

— Я ведь как, сынок, — начал он объяснять Лому. — Я женщин не имел, я их любил. Они ведь только на любовь настроены, как скрипка на музыку. — Старик прикрыл глаза и, прислонив голову к стене, застыл.

— Ну, конечно, — усмехнулся Лом, — скрипка, музыка...

— А тебе-то что? — подал голос подельник Лома по кличке "Ся". За все время нахождения Аскольда в камере это была его

первая реплика. Ся все время лежал, накрыв голову носовым платком, отвернувшись к стене. — Какая разница?

— Большая разница, — огрызнулся Лом и добавил: — Лежал бы и дальше, Ся, а то гавкаешь тут.

Ся ничего не сказал, накрыл голову носовым платком и снова лег, отвернувшись лицом к стене.

— Да... — внимательно посмотрел Лом на старика. — Точно, он хвоста навьет сегодня. — И повернувшись к Аскольду, сообщил: — Ну и хрен с ним.

Старика держали в КПЗ уже целую неделю, выясняя его принадлежность к какой-либо известной милиции социальной группе. Его задержали на задворках ночного казино "Мустанг" с пятью тысячами долларов в кармане и следами крови на обуви. Но старик был настолько ветх и обуян частыми приступами старческого склероза, что уголовный розыск сразу же засомневался в его причастности к убийству и ограблению ростовского шулера по кличке "Племянник". Посчитав, что деда подставили, так как у Племянника, по свидетельству служителей казино, было при себе около семидесяти тысяч долларов наличными, милиция, в силу знаменитого русского синдрома перестраховки, на всякий случай закрыла деда в КПЗ. Дед не помнил своей фамилии, адреса, и если бы умер в камере, то вряд ли это кого-то обеспокоило.

— Дед, а дед? — осторожно позвал старика Лом, но старик лишь приоткрыл глаза, мутно посмотрел на него и, не отзавшись, вновь закрыл их.

В это время с той стороны двери зазвенели ключи, щелкнул электрозамок, клацнула задвижка, и дверь в камеру распахнулась, впуская полковника Краснокутского, капитана Фелякина, капитана Ростоцкого и следователя специальной оперативной группы МВД, ФСБ, ГРУ и Генеральной прокуратуры Миронова Сергея Антоновича.

— Иванов... — начал Краснокутский, обращаясь к Аскольду, но был прерван осторожным любопытством Миронова.

— Скажите, на чем вам удалось взять Карлушу?

— Какого Карлушу? — насторожился Ростоцкий.

Неожиданно старик пружинисто вскочил и с криком:

— Вот, черт, какого хрена тебе в Таганроге не сиделось? — бросился на Миронова с бамбуковой тростью.

— Вот это да! — изумился Фелякин, укладывая кулаком на пол преобразившегося деда. — Чего только не случается в жизни, вот и дед как бешеный на людей кидается. Ужас, да и только.

Вошедшие в камеру вышли из нее для короткого совещания. За ними клацнула задвижка, щелкнул электрозамок и зазвенели ключи, а перед потрясенным Ломом и равнодушно заинтересованным Аскольдом остался доселе им не известный че-

ловек под ласковой кличкой Карлуша. У этого человека был проницательный и злой взгляд, гибкое, без капли жира, тело и движения здорового и стремительного человека.

— Ну? — спросил Карлуша у Лома голосом, похожим на волкнутое между четвертым и пятым ребром шило.

— Ну, ты молодец! — признался восхищенный Лом.

— Молодец на конюшне стоит, а я подвис и подвис глухо, — не согласился с Ломом Карлуша. — Миронов в Сочи приперся. Он сам из Таганрога, я там на пятилетку крутился за членока турецкого, а он у меня следаком был...

В это время зазвенели ключи, щелкнул электрозамок, клацнула задвижка. В раскрывшиеся двери вошли Краснокутский, Миронов, Фелякин и два не сомневающихся ни в чем сержанта. Они быстро сгребли Карлушу и увезли его в другое пространство тюремных модификаций для более обстоятельных и плодотворных бесед.

— Иванов! — начал Краснокутский, обращаясь к Аскольду, но был прерван служебным рвением Фелякина.

— Ся, быстро встать, когда начальство в камере, а то я тебя дисциплине научу! — Фелякин дернул лежащего на наре Ся за ногу, и тот безвольно откинулся на спину, слегка и как-то неестественно вывернув шею с косо покрытой носовым платком головой.

— Вот, интересное дело... — восхитился Фелякин и вопросительно посмотрел на Краснокутского.

...Клацнула задвижка, щелкнул электрозамок и зазвенели ключи, запирая двери за покинувшими камеру полковником Краснокутским, зампрокурора города Таганрога Мироновым, капитаном Фелякиным с двумя сержантами, выносящими тело умершего Ся, и с освобожденным из-под стражи Аскольдом Борисовичем Ивановым. В камере остался один совершенно подавленный Лом. Он стоял перед тем местом, где лежал Ся, и бесполково повторял, потирая лоб ладонью, одну и ту же фразу:

— Во фигня какая, ну и фигня. Вот это да, оффигеть можно.

Дежурный по КПЗ открыл сейф и выдал Аскольду часы "Ролекс", бумажник с кредитными карточками и пятьюстами долларами, загранпаспорт, золотой перстень "Ау-Ау", ключи от фордовской "Авроры" и пачку жевательной резинки.

— Я приехал, чтобы расспросить вас о Васильеве, вашем бывшем начальнике службы безопасности, но... — Миронов вежливо кивнул на Краснокутского, — вы уже все рассказали Юрию Павловичу, так что у меня вопросов нет. Вы куда сейчас направляетесь?

— Дел много, — сообщил Миронову Аскольд, — даже слишком.

— Ну да, — согласился с ним Миронов и, немного помаявшись, добавил: — Вы бы пока домой не ездили к родителям. Были похороны Васильева, и местные газеты опубликовали,

что вы являетесь заказчиком этого убийства. Его отец поклялся вас убить; а ваш с ним согласился. Они ведь друзья с юности и всю жизнь соседи. Я возбудил уголовное дело против журналиста Ермакова из "Таганрогской правды" за клеветнические публикации, думаю, что в ближайшие дни последует опровержение по всем газетным статьям, появившимся в последнее время в городской прессе.

— Да, да, совсем распоясались щелкоперы, — вмешался Краснокутский. — Я тоже начинаю трясти "Зори над Хостой". Наплели оклесицы, сволочи, теперь пусть опровергните письмо. Какой-то Абрамкин, гад, эту статью о вас тиснул. Можете не сомневаться, этого-то я точно достану и лишу всех льгот, отпуска и вообще без квартиры оставлю, как жил с семьей в общежитии, так еще лет пять проживет. — Он вдруг понял, что слишком разговорился, и оборвал себя: — Вот так-то.

— Я пойду? — равнодушно поинтересовался Аскольд.

— Идите, — так же равнодушно отпустил его Краснокутский и протянул листок бумаги: — Вот возьмите, пропуск на выход из здания.

Через несколько часов после выхода из сочинского КПЗ Аскольд Иванов обнаружил, что в этом городе у него нет друзей и знакомых, кроме пятиста долларов США. Зеленые бумажки, наполненные таинственной энергетикой, были дружелюбны и предупредительны, как швейцар при входе в пятизвездочный отель, но стоило их отдать в чужие руки без права приумножения, и все они сразу же становились похожими на работника "собеса", разговаривающего со стариком, который хочет узнать, почему ему начислили маленькую пенсию.

Все началось с первых шагов. Выйдя из здания УВД, Аскольд обратил внимание, что при дневном свете его штаны за четыреста долларов и рубашка за триста унижены могучей, разрушительной силой камеры сочинского КПЗ и теперь ничем не отличаются от фасонистой одежды пришибленного волей человека, известного по аббревиатуре "Бомж". Когда он подошел к стоящему неподалеку такси, то таксист, разговаривая с ним, слегка воротил нос, и Аскольд понял, как он "благоухает".

В холле гостиницы он услышал от администратора:

— Здесь ничего вашего нет. Уходите отсюда, негодяй...

Счет по кредитным карточкам оказался заблокированным, у Аскольда просто-напросто отобрали деньги. Он позвонил в Москву и узнал, что и там никому не нужен.

По мере узнавания своих потерь Аскольд, к своему удивлению, становился все веселее и веселее. А после того, как на автостоянке исчезла подаренная ему ко дню рождения правлением банка "Аврора", он сплюнул, зашел в магазин одежды "Все из Германии", купил джинсы, майку, кроссовки и направился в знаменитую на все Сочи турецкую баню, где от всей души и

долго-долго млел в пару, обливал себя прохладными потоками благожелательной воды и слегка покряхтывал от удовольствия.

Сразу же после бани преобразившийся Аскольд пришел в юридическую консультацию № 1, а через две минуты после прихода разговаривал с Ароном Ромуальдовичем Шпеером. От Арина Шпеера исходило доброжелательное спокойствие и абсолютное понимание ситуации.

— Поймите меня правильно, Аскольд Борисович, — говорил Арон Шпеер. — Если вас так безоговорочно и нагло отстранили от всего и ограбили подчистую, если вам не смогли помочь, даже не попытались этого сделать старые знакомые, значит, вы наступили на мозоль такому человеку, который может сделать с вами то, что с вами делают сейчас.

— Ну да, — согласился Аскольд с адвокатом. — И что теперь?

— А ничего, — ответил ему Арон Шпеер. — Почти уже ничего. Лучше всего — приглядеться к жизни с другой стороны, но не с той, с которой вы можете подумать. Жизнь многогранна, и в каждой грани можно наткнуться на счастье. Ну, а второй вариант обычен. Если вы не согласны с тем, как с вами поступили, и чувствуете в себе достаточно ума и силы, то боритесь, верните себе все, что у вас отобрали, накажите тех, кто это сделал, и, можете поверить, это будет самый неразумный вариант: бессмысленно тратить время на то, чтобы возвратить себе прежнее положение и круг знакомых, в котором тебя предали.

— Конечно. — Аскольд замялся. — Сколько я вам должен?

— Мне все и давно заплатили, — отмахнулся Арон Шпеер. — Более того, это я вам хочу вернуть тысячу долларов. Мне заплатил Байбаков пять тысяч за то, чтобы вы вышли на свободу, а полковник Краснокутский был наказан за произвол. Вы на свободе, а вопрос о Краснокутском... — адвокат понимающе взглянул на Аскольда, — думаю, потерял актуальность вместе с вашим Байбаковым. Он пытался забрать эти деньги обратно, но не учел того, что я на своей территории.

Арон Ромуальдович Шпеер вынул из бокового кармана деньги и протянул Аскольду.

— Возьмите, не вздумайте отказываться. Вам просто повезло с ними, а могло бы и не повезти, если, допустим, у меня болел бы зуб или еще что-то в этом роде. От везения отказываются лишь идиоты и святые, а вы, насколько я понимаю, ни то, ни другое.

Покинув юридическую консультацию, Аскольд вышел на улицу и окунулся в готовящийся к вечеру праздничный Сочи. По улицам ходили молодые, и не очень, люди с постоянной готовностью к удовольствиям на лицах. Тысяча сто пятьдесят долларов в кармане дали Аскольду легкую уверенность в буду-

щем и едва заметно приостановили отвыкание от привычек человека с деньгами. Обменяв в пункте обмена валюты сто пятьдесят долларов, Аскольд вновь направился в переговорный пункт и позвонил Карапусику.

— Да, я вас слушаю.

— Карапас, ты можешь объяснить, в чем дело? Ладно другие, но ты-то куда исчез?

— Да, я вас слушаю, але?

— Понятно, змей поганый, понятно. Не забудь, Карапас, помни, я еще живой, здоровый, молодой и умный.

— Але, говорите! — надрывался голос Карапусика. — Вы дурак, раз звоните из сломанного телефона! — У Карапусика сдавали нервы. — Але, говорите! А здоровье за одну минуту можно потерять вместе с жизнью. Але-е! А я жить хочу и ничего не терять! Але, черт побери, говорите же!

— Понятно, — проговорил Аскольд и повесил трубку. — Понятно...

Покинув переговорный пункт, он вышел на улицу.

— Братан, где мы с тобой виделись? — радостно спросил у него мужик сочинской разновидности, одетый как знаменитый киноартист, после недельного запоя попавший под дождь, упавший в канаву и получивший по морде от проходивших мимо хулиганов.

— У хозяина в зоне, пошел отсюда!

— Ну да, — радостно согласился с ним живописный сочинец. — У меня поезд уже гудит, спешу, извини, братан, но задержаться не могу, нет времени...

— Стой! — остановил Аскольд дернувшегося мужика. — Возьми, — и сунул ему в руку сторублевую купюру.

Центр города напоминал сборище больных, по лицам которых было видно, что они симулянты. Обычный сочинский контингент отдыхающих, весь вечер и начинающуюся ночь сосредоточенно вникающий в разнообразие курортных пороков между гостиницами "Кавказ" и "Жемчужина". Именно возле гостиницы "Жемчужина" на Аскольда бросилось что-то невесомое, радостное и благоухающее.

— Слава Богу, ты меня нашел, где же ты был, я тебя искала! — щебетала сквозь слезы Ирочка Васина. — Я так тебя люблю. Принесла передачу, а мне говорят, что вы, мы его уже отпустили. Слава Богу! Что же все-таки случилось? Твои друзья стали говорить о тебе гадости и пытались со мной переспать, но я пригрозила милицией, и они отстали, но из гостиницы меня просили. Плевала я на все...

Они долго сидели за ужином в "Любаве", и Аскольд рассказал обо всем, что с ним случилось.

— Пустяки, — успокоила его Ирочка. — Ты сильный, все вернешь и всех накажешь.

Затем они танцевали, и Аскольд целовал ее мочку уха.

— Мы поженимся! — громко и утвердительно решила Ирочка.

— Конечно, поженимся, но сейчас куда?

— Конечно, ко мне, в Санкт-Петербург. У меня там личная квартира, папа, мама и два брата, которые живут в другой квартире. Мы поженимся, ты оглядишься, разберешься и будешь действовать, я в тебя верю.

— Конечно, — продолжал соглашаться Аскольд. — Конечно, в Ленинград. И пусть он будет Санкт-Петербургом, где живут твои папа, мама и два брата.

Глава пятиадцатая

Час полнолуния похож на час судьбы и час надежды одновременно. Леня Светлогоров стоял перед мольбертом с натянутым холстом, который был установлен перед большим зеркалом, и думал: “Я похож на Гойю”.

Странные мысли заполняли Леню после недельных запоев. Он становился перед зеркалом и тихо ненавидел свое отражение в нем. Он чувствовал за зеркалами беспощадную и ненавидимую им правду и давно уже пытался передать в своих холстах главный и таинственный сюжет Полной Луны — зеркало. Леня тщательно прятал эти картины, сворачивая их в неаккуратные рулоны, в сундуке, который достался ему от бабушки... Иногда он доставал из сундука свернутые холсты, расставлял их в освещенной луной комнате и с недоверием рассматривал...

Когда следственно-оперативная группа подошла к самому финалу в раскрытии убийства Сергея Андреевича Васильева и вышла на конкретных подозреваемых, ее тут же расформировали.

— Что вы тут такое плетете, Иван Александрович? — высказал свое мнение директор ФСБ и, слегка прищурившись, посмотрел на Лапина. — Вот уж не думал, что вы в душе сказочник Андерсен.

— Вся информация, все материалы следствия у вас. Решать тоже вам, сочтете нужным, опубликуете как ранее неизвестные работы Христиана Андерсена. Прикажете все забыть, забуду.

— Ну, а куда же вы денетесь? — Директор неслабого ведомства с интересом посмотрел на подчиненного. — И вообще, Лапин, что ты здесь разумничался? Я все прочел, все понял и пришел к выводу, что для ФСБ это не интересно, но материалы следствия настолько серьезны, что только нам этим и заниматься. Следовательно, материалы следствия нужно признать несерьезными, и отсюда вывод, что ты сказочник Андерсен. Можешь оставить свою фамилию, но приставка “сказочник” обязательна, понятно?

— Да! — четко ответил Лапин.

— Ну и езжай к себе, там у тебя со ставропольцами дел на все ведомства России хватит. Я тебя даже в отпуск отпустить не могу, но на Москву двое суток даю, и еще... — Директор проникновенного ведомства оживился. — Хочешь, настоящей сигарой угощу?

— Не хочу, — отрезал Лапин. — Я, что, на пижона похож?

— Да нет, Иван Александрович, нет, что ты? — с ехидцей произнес директор и, достав из ящика стола изящную коробку лепесткового дерева, протянул ее Лапину со словами: — Возьми, здесь тридцать штук. Одна сигара стоит пятьсот долларов, будешь у себя в Краснодаре меня и других пижонов уговаривать. Это наш человек у президента США из ящика стола в домашнем кабинете позаимствовал. Краденые, одним словом.

Выйдя из кабинета директора ФСБ с коробкой драгоценных сигар в руке, Лапин покинул приемную и направился к Веточкину.

— Веточкин, отгадай загадку, все тайное становится явным или наоборот?

Веточкин с трудом оторвался от аналитического компьютера, встал и, устало потирая виски, предложил:

— Пойдемте, Иван Александрович, лучше коньяку выпьем. Я здесь рядышком, в "Савое", бар отличный приглядел.

Лапин и Веточкин вышли на улицу и направились в сторону Рождественки. У Лапина на лице застыло выражение рассеянной задумчивости.

— Вы сейчас, Иван Александрович, на Андерсена похожи, у вас такой мудрый вид, — заметил Веточкин.

— На кого? — Лапин с подозрением посмотрел на Веточкина и неожиданно предложил: — Слушай, Веточкин, плевать на "свойский" бар. Звони Хромову, тут в Москве и Миронов таганрогский, его в Генпрокуратуру вызвали. Давай где-нибудь тихо и солидно посидим, скромненько выпьем бутылку восемьдесят "святой воды" и разнесем к черту что-нибудь дорогое и частное. Вот я, например, знаю, где ресторан "Мексиканская кухня", а ты?

— Знаю. — По лицу Веточкина было видно, что он с энтузиазмом принял предложение Лапина и сосредоточенно просчитывает план действий. — Знаю, где "Мексиканская кухня"... — Веточкин придержал Лапина за локоть и достал из кармана сотовый телефон. — Только вы, Иван Александрович, забудьте о нем. Вся разница между русской и мексиканской кухней в том, что у нас в пельмени мясо кладут, а у них жгучий перец. Я как-то шел мимо этого ресторана и видел, как оттуда пятеро чернокожих выходили после обеда.

— Ну и что? — удивился Лапин. — Ты расист?

— Дело не в этом. — Веточкин продолжал держать в руке телефон. — Они после этих пельменей стали белыми как мел.

— Ты, Веточкин, как только приедешь в Сочи, — стал советовать Лапин, — так сразу прямым ходом к начальнику УВД Краснокутскому иди и все, что знаешь про мексиканскую кухню, выкладывай ему, вот у вас разговор будет, заслушаешься.

— Ага, — согласился Веточкин, набирая номер Хромова, — я в курсе.

Лапин, Веточкин, Хромов, Миронов и прибившийся к ним по дороге житель Москвы Рудольф Агеев были пьяны в той степени, в какой всё, включая пеший переход через Альпы, кажется пустяком. Они уже выпили водки "Вагнер" во внутреннем ресторане "Турандот" концерна "Сибмаш" и там же выпили две бутылки Рижского бальзама, закусывая мясом по-французски в сырно-чесночном соусе, тем самым поставив точку в кредитоспособности Лапина. Следующим в "атаку" пошел Хромов и лихо расправился с возможностями своего бумажника, после того как в "Золушке" они съели под водку "Бестия" двух поросят, нафаршированных новорожденными цыплятами, сваренными в кумысе, и после того, как Хромов раздал на чай, расставаясь во время этого процесса с мечтой о новенькой "девятке", аванс за которую он неосторожно прихватил с собой на встречу. Хромов по инерции продолжал раздавать на чай и после выхода из ресторана, а Лапин, Веточкин и Миронов думали, что он подает нищим, и укоряли его за граждансскую мягкотелость. Наконец Хромов сунул последнюю бумажку в руку высокому, худому и бледному старику с внешностью свергнутого императора, который всю жизнь мечтал о том, чтобы его свергли.

— Спасибо, конечно, но заберите обратно, я не нуждаюсь в этом, — баритонально произнес стариик, и по голосу стало ясно, что никакой он не стариик.

— Ты кто, почему в гриме? — встрепенулся Хромов.

Друзья окружили псевдостарика и с неприятным для него интересом стали рассматривать.

— Я Рудольф Агеев, артист, в данный момент вхожу в образ Ганса Христиана Андерсена, и отсель у меня такой вид, господа.

— О! Андерсен! — обрадовался смирившийся с преследующим его образом Лапин. — Пошли с нами. Мы не артисты, конечно, но пить умеем без всякой оглядки.

— Ну, если вы так желаете, господа, — не стал ломаться артист, — то почему бы и нет?

Следующими на передовую вышли объединенные силы Веточкина и Миронова, при этом Миронов стал интеллигентничать, то есть попытался спасти свою начальность тем, что предложил "купить и посидеть дома у кого-нибудь", но его не стали слушать, оборвали, и он, наступив на горло собственной интеллигентности, пошел в "атаку" вместе с Веточкиным и вместе с

ним потерпел банкротство на шашлыках по-карски, водке "Слеза Рокфеллера" и стерляди по-британски в ресторане "Медуза Гордона".

Утро солнечного дня они встречали полными сил и здоровья. И если Веточкин, Лапин, Хромов и Миронов были готовы выдержать еще одни сутки такого напряженного ритма, то, судя по Рудольфу Агееву, он выдержал бы вдвое больше. Возле здания мэрии к ним подошли патрульные и попросили предъявить документы. Им предъявили, и патрульные с разочарованным негодованием отошли от них. В ходе проверки молодой сержант хотел заподозрить в чем-нибудь артиста, но Хромов, ткнув в артиста пальцем, сообщил сержанту:

— Это Рудольф Агеев, а ты лучше не зли меня.

— А... — Сержант равнодушно сплюнул на вымытый асфальт Тверской улицы.

На Красной площади друзья остановились и стали зевать. В пять часов утра человек или спит, или зевает, независимо от того, где он находится. Отзевавшись, они приступили к подсчету оставшегося резерва и обнаружили триста рублей. Агеев меланхолично сунул руку куда-то в глубь театрального реквизита и добыл еще одну бумажку. Четыреста рублей!

— Поехали на Чистопрудный бульвар, — вдруг ожиился Хромов.

— А там что? — поинтересовался Миронов. — Дешевый ресторан?

— Там Стефан Искра, — коротко ответил Хромов.

Стефан Искра вел себя так, будто у него была многолетняя привычка каждое утро в шесть часов встречать загулявших представителей уголовного розыска, прокуратуры, ФСБ и московской богемы в одной компании. Он лишь благодушно хмыкнул при виде друзей, вложивших четыреста рублей в жидкую валюту, и широко распахнул двери, приветствуя Хромова вопросом:

— Явился?

Стефан Искра в шесть часов утра выглядел как спортсмен-юниор после легкой пробежки по сосновому бору.

— Да уж, — вздохнул начинающий уставать Хромов.

Вся компания, разбрасывая в стороны стеклянные брызги бутылочного моря, пробилась к столу и, расставив бутылки вокруг покосившегося компьютера с открытой и пустой банкой красной икры на нем, стала рассаживаться по мере своей изобретательности. Хромов, Лапин и Миронов сели на стулья. Веточкин рухнул на кушетку, а Рудольф Агеев горделиво вздвинялся на большой жестянке из-под оливкового масла. Стефан Искра широко улыбнулся и, сняв со стола компьютер, сел на него.

— Министр внутренних дел, — сообщил Хромов, — так и сказал. Забудь об убийстве с отрывом головы и о странном приборе. Пусть этим ГРУ занимается, а ты жди повышения. Зачем вообще надо было огород городить?

— Ну да, — поддержал его Миронов. — Меня тоже послали куда подальше. Вернее, не меня, а прокурора города, а меня назначили. Так и сказали в Генпрокуратуре, забудь навсегда, Миронов, о сочинском убийстве, и ты прокурор города, а если вспомнишь хотя бы один раз, то к прокуратуре вообще не будешь иметь никакого отношения. Я и забыл.

— Так ты теперь прокурор? — обрадовался Лапин. — Надо выпить за это, а меня вот тоже сигарами наградили и даже скажочником Андерсеном титуловали.

— А я вообще не понимаю, о чем вы говорите, — произнес Веточкин и вдруг в недоумении огляделся. За ним замолчали и огляделись остальные, кроме Стефана Искры, начавшего пить водку. Рудольф Агеев, к удивлению присутствующих, исчез.

— Где артист? — задал в пространство вопрос Хромов.

— Артист? — усмехнулся в то же пространство Стефан Искра. — Это "УЖАС" вас сопровождал. Я же говорил, такое дело не раскрывается, не дадут. Раз оторвали голову приемом "Короткое замыкание", значит, работал "Солнечный убийца" из группы телохранителей, то есть все по закону. Я не должен вам этого говорить, но говорю, а по вашим лицам понимаю, что вы болтать не будете. — Стефан выпил еще водки и расхохотался. — Но ведь как ловко покинул нас, ни одна бутылка не звякнула.

Глава шестнадцатая

Роберта и Арама Рогоняннов группа захвата взяла во время самого плодотворного часа сутенерского бизнеса. Они предлагали двух сестер, Оксану и Лолиту, играющих блондинистое очарование, туркам с только что прибывшего в порт сухогруза "Акмал". Турки, всегда немного дуреющие от женской блондинистости, были "крученными" не менее "братьев" и уступали им лишь потому, что находились не на своей территории.

Группа захвата обрушилась на них, как гром среди ясного неба. Никаких спецприемов не применяли, дали ногами между ног, стукнули дубинкой по ребрам, заковали в наручники, и всех четверых, оставив обездоленных сестер на площади "Морского вокзала", увезли в орджоникидзевское УВД, где Арама и Роберта с нетерпением ожидали Степа, Игорь и Савоев.

— Ну что, Роберт, допрыгался? — спросил Игорь у недоумевающего сутенера. — Теперь тебе не отвертеться. Тебя опознали, когда ты с кладбища девчонок тащил...

— Конец тебе, Арам, — сообщил Араму в соседнем кабинете Степа Басенок. — Ты думал, что номер с кладбищем и больни-

цей тебе с рук сойдет, думал, девушки и после смерти на тебя работать будут?

— Да у вас крыша поехала! — возмутился Роберт.

— Ты, ментяра, оборзел?! — взорвался Арам. — Какое кладбище?

— Это у кого крыша съехала? — поинтересовался Игорь, насыпав два гулких удара по корпусу Роберта в области солнечного сплетения. — У меня свидетели есть, котяра вонючий...

— Я тебе сейчас оборзю! — охаживал Басенок Арама Рогоняна дубинкой. — Я тебе сейчас объясню степень твоей виновности. — Он нанес Араму "прилипчивый" удар вдоль спины. — Сутенер поганый...

Слава Савоев, находящийся в коридоре, посмотрел на часы и решительно вошел в кабинет Игоря со словами возмущения:

— Прекратите это избиение, вы что?! Я напишу на вас рапорт по инстанции, безобразие!

— Да ладно, — зло проговорил Игорь. — Пишите, но от меня им пощады не будет. — Со злостью захлопнув за собой дверь, Игорь вышел из кабинета и быстро ворвался в кабинет Басенка с возгласом:

— Прекратите, старший инспектор! Какое имеете право избивать подозреваемого? — Он стал оттаскивать Степана от лежащего на полу Арама. — Как вы смеете?! — И вытолкал Басенка в коридор.

— Роберт, — проникновенно обратился к Роберту Савоев. — Пиши явку с повинной, я ее через прокуратуру пропущу, у меня прокурор родственник. Пиши, я тебе советую, а то здесь тебя инвалидом сделают, все злые на вас, клянусь. Я-то тебя знаю, дело с тобой имел, постараюсь отмазать, пиши, дело говорю...

В это время дверь в кабинет открылась, и вошел Степа Басенок с дубинкой в руке.

— Савоев, тебя к начальнику вызывают.

— Да? — всполошился Савоев. — Я сейчас. Побудь здесь, Степан, — попросил он Басенка и, выйдя из кабинета, сразу же вошел в следующий со словами: — Баркалов, тебя к начальнику вызывают.

— Да? — удивился Игорь. — Я быстро. Побудь здесь, — бросил он Савоеву и вышел из кабинета.

— Я из тебя урода сделаю! — Дубинка Степана не оставляла сутенеру надежды на вертикальность. — Буду бить, пока не сдохнешь, альфонс-многостаночник.

— Это тебе не в бане свои жертвы мучить! — стучал кулаком по голове Арама Савоев. — Это тебе уголовный розыск!

— Прекрати, Савоев! — В кабинет ворвался Игорь. — Не смей! Я добьюсь вашего увольнения! — Он вытолкал Савоева из кабинета, и тот, уже в коридоре, рывком преодолел расстояние до следующего кабинета и влетел туда с криком негодования:

— Прекратите немедленно, как вы смеете?! Я добьюсь вашего увольнения из органов МВД!

— Арам, — говорил Игорь, — пиши, больше года не дадут, ты ведь не убийца. А здесь тебя забывают, все злые, как собаки. А если напишешь, я лично тебя в КПЗ отвезу, и, даю слово, никто тебя пальцем не тронет.

— Пошел ты к черту, я никого не выкапывал!

— Иди ты, знаешь, куда, Савоев, мне живые всю плешь проели, а ты на меня еще и мертвых навесить хочешь... — категорически отвергал возможность явки с повинной Роберт Рогонян.

После того как измученных допросом Роберта и Арама увидели по камерам, Степан, Игорь и Слава Савоев сидели в кабинете и курили. Никто из них всерьез не принимал версию о причастности Рогонянов к выкапыванию тел из могил. Но основания для их допроса, хотя и сильно косвенные, все же имелись, это во-первых, а во-вторых, в России, особенно в провинциальной ее части, почти невозможно найти работника уголовного розыска, который не хотел бы набить морду сутенеру.

Савоев прошелся по кабинету и включил телевизор, чем несказанно удивил Степу и Игоря, считавших телевизор, стоящий на сейфе больше года, сломанным. Судя по движениям Савоева, он тоже считал телевизор неработающим, так как при первых бликах экрана отпрыгнул от него.

Дверь в кабинет открылась, и вошел дежурный с возмущенным вопросом:

— Что с турками делать?

— Турки? — удивился Степан. — Откуда у нас турки?

— Их взяли вместе с Рогонянами!

— Зачем? — пришла очередь удивляться Игорю. — Зачем турок-то взяли?

— Не знаю. Мне привезли, я закрыл камеру, и все.

— Не пойму, — стал рассуждать Савоев. — Неужели и турки на них работали? Ну и ну, кто на них позарится?

— Да выгони ты их, Петрович, — пожалел дежурного Степан. — Зачем они тебе нужны?

— Ну да, — обрадовался дежурный. — Действительно?

— И вот еще... После турок, часа через три, выгони и Рогонянов.

— Выгнать? — не понял дежурный.

— Ну да, Петрович, — вмешался Савоев. — Зачем они тебе нужны?

— А, может, у тебя с ними дела? — поинтересовался у дежурного Игорь Баркалов.

— Что? — возмутился дежурный лейтенант. — Дела с ними? Да пусть чешут, мне-то что...

— Действительно, — поддержал лейтенанта Савоев. — Какие могут быть дела с этой мразью?

Глория Ренатовна Выщух вошла в просторный зал городского универмага и остановилась посередине. Она всегда останавливалась так, чтобы не затеряться в пространстве. На этот раз она вошла в универмаг с определенной целью купить катушку ниток стального цвета. На Глории Ренатовне было каскадное платье "Радуга", сделанное в манере "сомневающегося миди", шляпка "Дочь плантатора" за триста долларов, а стремительную таинственность ног, верхней частью скрывающихся под взволнованностью "сомневающегося миди"; внизу облегали изысканные сандалии "Афинянка".

— Мне вот эту катушку ниток, красавица, — указала юной продавщице Глория Ренатовна и, погладив ее по щеке, добавила: — Какая ты прелесть.

Купив нитки, Глория Ренатовна неспешной походкой вышла из прохлады универмага в солнечную безжалостность центра города, оставив в душе юной продавщицы серебристый звон восхищения и едва заметный укол зависти.

Я не пытаюсь смотреть на мир и осмысливать происходящее. В этом нет особой необходимости. Я иду по Москве и немного удивляюсь разорванному величию этого города. Изнеженная привычка к исключительности рано или поздно сыграет с москвичами злую шутку. Я москвич уже в шестом поколении. Я гуляю по вечерней Москве. Пытаюсь прийти в себя после разговора с Иваном Селиверстовичем Марущаком. Вот, пожалуйста! Сошедшая с ума проститутка в ста метрах от подземного магазина на Манежной когда-то площади. Главное — изменить историю вовремя построенным магазином. Девушка что-то ищет в урне возле магазина "Огни Москвы". Длинные, молодые ноги в драных колготках. Я улыбаюсь. Квинтэссенция времени и пространства. Главное — успеть, успеть встать возле чего-нибудь дорогое, блестящего и пахучего, тогда есть шанс приобщиться. Иван Селиверстович — это неоспоримо. Это святое. Дал команду: "Сделай так, чтобы за убийство Сергея Васильева тебя задержали, осудили и посадили в колонию. Документы на имя Василия Яковлевича Буслаева я тебе выдам. Затем выберешь время и уйдешь из мест лишения свободы. Главное — зафиксировать, что это убийство раскрыто. Наш гений припадочный засветился. Генпрокуратура, МВД и ФСБ шум подняли, надо успокоить". На мой вопрос, как же Алексей Васильевич, он ответил: "Сейчас в безопасности. Глаза горят, из ушей дым валит, вдохновенная идея ему спать не дает. Он теперь год из лаборатории вылезать не будет, а ты должен за год попасть в руки правосудия и незаметно уйти из них". С Иваном Сели-

верстовичем не поспоришь. Я с ним не спорю. Это мой командир. Я улыбаюсь. Сумасшедшая проститутка достаточно молода, чтобы возбудить желание в мужчине среднестатистического, московско-лысовато-рабочего типа, который вот уже года три сидит без работы и торгует газетами. Я улыбаюсь. Навстречу мне идет молодая москвичка в облаке хрупкости. Не проститутка, любительница. Иди ко мне, моя нежная. По твоим глазам вижу, что ты нуждаешься в счастье. Ну что же, оно у тебя будет. Короткое счастье московской женщины. Я улыбаюсь...

Часть II

Глава первая

Степа Басенок сидел на скамейке осеннего парка и думал: "Уголовный розыск убивает в моей душе лирику". Осенний таганрогский парк был красив той красотой, от которой, ни с того ни с сего, начинают плакать женщины, напиваться мужчины и выть собаки. Парковая осень, в отличие от лесной, гораздо меланхоличнее и более напоминает слова и музыку городского романса. Степа Басенок, старший инспектор уголовного розыска, сидел на скамье осеннего парка не зря. На фоне разгулявшейся по всей стране преступности для инспектора уголовного розыска наслаждение осенними красотами и отдых — непозволительная роскошь. Несмотря на то, что легкие строки недисциплинированной поэзии: "Я сидел, я молчал, я скучал, словно мыслью сорвался со скал...", досаждали ему, он не обращал на это внимания, так как его рука, засунутая в карман куртки, сжимала рукоять пистолета Макарова, а миролюбие теплолюбивой южной осени казалось подозрительным. Когда в начале аллеи появились двое молодых мужчин, Степа внутренне напрягся, а внешне расслабленно "заотдыхал" и "занаслаждался" прекрасным южно-осенним пространством. Двое — один из них, высокий и слегка дерганый, нес перекинутую через плечо сумку, — шли медленно и о чем-то разговаривали. Позади мужчин, отметил Степан, из боковой аллеи вышел Игорь Баркалов и унылой походкой неопохмелившегося человека неуверенно двинулся за ними. Степа продолжал "наслаждаться" осенью и думать: "Высокий немножко стеснен сумкой, его локтем в кадык, а Шишу брать на болевой. Где же Савоев?.." Впереди мужчин, со стороны центрального входа, появился Савоев. В тот момент двое мужчин поравнялись со скамьей "разнежившегося" Степана...

Далее все произошло молниеносно и грубо. Вместо того, чтобы "локтем в кадык" и "взять на болевой", Степа чисто по-хулигански ударил высокого кулаком по носу левой рукой, от чего тот метра на три сдвинулся назад и попал в объятия подоспевшего Игоря, а правой произвел бескомпромиссное соприкосновение с челюстью Шиши, недавно освободившегося

из мест лишения свободы. Услышав вскрик и лязг челюсти, Степа досадливо поморщился, заломил Шише руку и защелкнул наручники. Впереди слышались крики человека, впавшего от страха в истерику. Это Савоев взял третьего, местного барыгу Алексея Смирнова, Леву, торговца на рынке и своего давнего осведомителя. Если бы посторонний человек увидел этот "захват" со стороны, он сразу бы бросился звать милицию. Долговязый Слава Савоев наносил сидящему на скамейке Леве оплеухи, время от времени сменяя пинками по ногам.

Но утренний парк был безлюдным и тихим, и поэтому посторонний не мог видеть всех нюансов захвата преступников. А осенний, пронизанный мелодиями грусти и бесконечности, парк внимательно и нежно прощался с падающими на землю листьями, и суета людей его не отвлекала.

Шиша, как и Лева, был осведомителем. Он работал на Степу, а Лева на Славу Савоева. Высокий, у которого в сумке оказалось пятьсот граммов опиума-сырца, краснодарский перевозчик наркотиков по кличке "Морс", тоже был осведомителем, — Басенок и Савоев этого не знали, — у недавно назначенного начальником сочинского отдела УВД по борьбе с наркотиками Ростоцкого. Парадоксальное столкновение интересов...

Законопослушная часть России не любит людей, склонных к сотрудничеству с правоохранительными органами. Правоохранительные органы презирают склонных к сотрудничеству с ними. Криминальная часть России убивает склонных к сотрудничеству с правоохранительными органами. Ни в одной стране мира нет такого большого количества людей, сотрудничающих с правоохранительными органами, как в России.

Общая заинтересованность может быть плодотворной и убийственной, все зависит от заинтересованных лиц. Пятьсот граммов опиума, изъятые из сумки Морса, давали ему право на восьмилетнее путешествие в места лишения свободы. У Шиши появилась возможность использовать сто граммов из пятиста изъятых в своих, меркантильно-внедренческих, целях. Лева, из-за того что не сообщил Славе о готовящейся сделке, лишился своего торгового места — он продавал легальное пиво и нелегальную водку — на рынке и был посажен на месяц в КПЗ для работы в качестве "подсадной утки".

— Работай хорошо, — предупредил его Савоев и уточнил: — С выдумкой.

А в неблизком Сочи начальник отдела по борьбе с распространением наркотиков, капитан Ростоцкий, еще не знал, что его самый продуктивный агент проявил самостоятельную инициативу и попал не куда-нибудь, а в следственный изолятор родственного для Сочи города Таганрога, который начисто и с негодованием отрицал это родство...

Самой главной заботой орджоникидзевского отделения милиции стала забота о мертвых. Что только не делалось в этом направлении. Патрульные группы, отсылая в пространство материальные слова, несколько раз за ночь покидали черту города и ехали, подпрыгивая на выбоинах, в сторону кладбища. Обходили его дозором и вновь, прибавляя к сказанному в пространство новые слова, возвращались в город. Устраивали засады. Игорь Баркалов, Степа Басенок и Слава Савоев провели несколько ночей в "городе мертвых" в надежде столкнуться нос к носу с неведомым выкапывателем трупов, но все оказывалось безрезультатным. Территория кладбища была огромной и, в противовес сложившемуся мнению, отнюдь не спокойной. Удалось задержать группу "цветочных" бизнесменов — круговорот венков в природе, — снимающих со свежих могил новые венки и поставляющих их в многочисленные села вокруг города. Надписи "Дорогому отцу от детей" и "Мужу от жены" всегда актуальны и не требуют изменений.

Вот уже три месяца мертвых никто не трогал. Расследование шло ни шатко, ни валко. Версии были призрачными и не достаточно безумными, они нехотя возникали и почти сразу же и безвозвратно гибли во время проверки, не выдерживая оперативной логики. Неожиданно возникшие из небытия судьбы Ольги Останской и Любы Савеловой никак не могли вернуться обратно — в забвение. Прикованные к материалам уголовного дела, они от этого дела и зависели. Нельзя обрести покой на небе, если в любой момент следователь или оперуполномоченный может тронуть твою душу...

— Нужно следить за поголовьем проституток под крышей Рогоняннов. Я уверен, как только кто-нибудь из них попадет под машину или повесится, так сразу же нужно возле могилы делать засаду, придут выкапывать... — говорил Слава Савоев. — Останская и Савелова тому доказательство, обе под Рогонянами были, обе покинули жизнь преждевременно и трагически. — Он сидел на краешке стола и ел бутерброд с колбасой.

В кабинет оперуполномоченного вошел Самсонов и начальственно остановился посередине. Савоев вскочил со стола и произнес:

— Здравствуйте, Семен Иосифович.

— Здравствуйте... — Самсонов подошел к столу Игоря Баркалова. — Баркалов, вы рейд по карманникам сегодня будете проводить?

— Да, будем, — ответил Игорь. — Сейчас оперативники подойдут, и начнем.

— Я кое-какие сюрпризы подготовил, — не устоял Савоев. — Как минимум, камеры три надергаем щипачей.

— Знаешь, Савоев, — с опаской произнес Самсонов, — никаких фокусов, а то мне понадобится ровно шесть секунд, и ты будешь зекам баланду в КПЗ раздавать. Где Басенок?

— Звонил, сейчас будет, — сообщил Савоев, и по его лицу было видно, что во время предостережений Самсонова он был занят своими мыслями.

Оперативники, пришедшие для выполнения операции по очищению города от карманных воров, напоминали туркменских студентов городского происхождения в центре Ашхабада. Они были смуглы, одеты в белые рубашки с короткими рукавами и черные брюки с подозрительно глубокими карманами. Судя по чертам лица, цвету глаз и пляжному оттенку смуглости, к туркменским студентам, и тем более к городу Ашхабаду, они не имели никакого отношения. Это была так называемая "добровольная дружина", состоящая из студентов Радиотехнического института.

— Восемь человек, — удовлетворенно хмыкнул Степа Басенок. — Делитесь на четыре группы, три группы пойдут на зачистку троллейбусов, точка отправки у всех — центральный рынок, а одна группа — по самому рынку, будет работать с тетей Лизой, Савоев все объяснит. Будьте внимательными, осторожными и быстрыми, наши карманники имеют богатый опыт, традиции и работают мастерски, с выдумкой. — Степа закончил инструктаж и повернулся к Савоеву: — Ну все, веди ребят на маршрут. Ты две недели их обучал, тебе и карты в руки.

— Ну да, — согласился с ним Савоев и кивнул студентам: — Пойдем.

— Извините, дайте пройти, — пробивался от задней двери троллейбуса к передней Вислюк. — Пропустите, пожалуйста...

Проталкиваясь, он мимоходом прикасался телом и рукою к одежде сплоченных в троллейбусном коллективе граждан в поисках выпуклости по имени "полный бумажник". Вислюк никогда не путал "полный бумажник" с записной книжкой или с пустым бумажником. В нем жил странный рефлекс на "карманные" деньги. Вот его рука слегка "прошмыгнула" по брюкам какого-то парня, и легкие, как пузырьки лимонада, мурashki пробежали от руки к шее и кончику носа, сообщили Вислюку информацию о "шмелев" с деньгами в кармане этих брюк. Рука его влилась бесшумной струей в карман и, притянув бумажник, стала истекать в обратную сторону. "Что-то карман глубокий", начал мысленно удивляться Вислюк, но в ладонь впилась боль, и, спасаясь от нее, Вислюк быстро дернул руку из чужого кармана.

— Уважаемые граждане, господа! — Савоев появился рядом с оперативником, в кармане которого "жила" рука Вислюка. — Познакомьтесь, это Вислюк, вор-карманник. — Савоев указал на Вислюка, пользуясь возникшей вокруг них свободой пространства. — Вот так надергают они наших кровных и зарабо-

танных, потом строят особняки, покупают "мерседесы", идут в политику...

Савоев нес ахинею, но делал это сознательно. Рука, засунутая в чужой карман и зафиксированная в нем рыболовными крючками, которые Савоев велел оперативникам нашить внутри кармана с деньгами, была символична и располагала к антикriminalной агитации.

— Пошли в тюрьму, начальник, — угрюмо посоветовал Савоеву Вислюк. — Этим быкам объясняй — не объясняй, все равно их обворовывать будут.

— А-а-а! — послышалось в задней, уплотненной, части троллейбуса, и радостный голос второго оперативника с искрометным азартом рыбака сообщил: — Второго подсек!

Савоев протиснулся в заднюю часть троллейбуса.

— А это, дорогие граждане, всем нам известный вор-карманник Стукань. Он подумал, что дважды в одно место снаряд не попадает, и, как видите, ошибся.

Стукань, двадцатипятилетний вор-рецидивист, с изумлением рассматривал вывернутый карман оперативника и свою руку, буквально "пришитую" к нему десятком рыболовных крючков.

— Ну ладно, пойдем в тюрьму, — провозгласил Савоев, защелкивая наручники на запястьях "рыбаков" и "рыбы".

Игорь Баркалов сидел в кабинете "базаркома", участкового городского района "полукруг", а оперативники ходили по рынку вслед за бабой Лизой, общественным ветераном по борьбе с ворами-карманниками. Усталой походкой замордованного жизнью и бытом провокатора баба Лиза, Елизавета Федоровна Лобова, преподаватель судомеханического колледжа на пенсии, с тяжелой хозяйственной сумкой ходила между рядов, прицениваясь то к луку, то к моркови, а то и просто к большому и толстому куску сала с розовыми прожилками мяса. В сумке лежала большая рыбина — судак, более известная в городе как "сула", двухкилограммовый кусок свинины, пакет с гречневой крупой, кочан капусты, блок сигарет "Ростов", пятьдесят коробков спичек, и сверху этого, из-под коробков со спичками, нагло выглядывал толстенький, слегка приоткрытый, чтобы можно было заметить листики крупных купюр, бумажник. Один из внештатных "тихушников", студент Кучеров, даже поймал себя на мысли, что он, во времена периодически возникающего студенческого безденежья, мог бы и не устоять перед такой соблазнительной и легкой приманкой.

Ближе к рыбным рядам баба Лиза переложила сумку из одной руки в другую и сосредоточенно подумала: "Надо было сумку полегче скомпоновать". Рыбные ряды, как всегда, были живописными и, как всегда, напоминали людям, что самое

щедрое, самое простое и самое богатое море России — Азовское. Огромные судаки, вобрав в свои глаза зеленовато-радужную стеклянность воды, раскрывали пасть с острыми, игольчато-частыми зубами. Чебаки, протестуя против отсутствия воды хлесткими ударами хвоста о прилавок, несли в себе более трех килограммов плоти, солидности и равнодушного достоинства. Саблеобразные чехони уже не протестовали, они были нежными и поэтому дремали, слегка закрывая и раскрывая рты на своих вытянутых и слегка устремленных вверх мордочках. Бычки, суперделикатес в прожаренном до хруста состоянии в центре яичницы с помидорами, в живом виде напоминали мародеров, собранных для переклички в местах лишения свободы. Тарань, шедевр вяления, истекала соком, розоватой прозрачностью и чревоугодной нежностью. Кефаль невозмутимо, со скрытым обаянием, расположилась в шеренге товарок, и ее стремительная солидность формы притягивала взоры. Из "кучек по десятку" расползлись крупные раки. Ведра свежезасоленной и кучки вяленой хамсы серебрили пространство. Сазаны, с чешуей в детскую ладошку, его золотили. Толстолобики демонстративно разлеглись на прилавке и напоминали каждому покупателю, что их тела хватят на все, и этого "всего" будет много. Сомы расплылись в саркастической усатой улыбке и как бы намекали, что в них еще больше "всего"...

Игорь Баркалов смотрел в окно, выходящее на рыбные ряды из мясного павильона, в котором находился кабинет "базарко-ма", и видел, как известный городской "щипач" по кличке "Люцик" подошел к бабе Лизе и что-то строго стал ей выговаривать, указывая пальцем на сумку. Баба Лиза горячо и агрессивно ему отвечала. Два оперативника дернулись в их сторону и в сомнении застыли рядом, оглядывая мусорный бак с видом оптовых покупателей черной икры. "Зараза, Люцик, все понял и издается, скотина, — с досадой подумал Игорь и, взглянув на часы, решил: — Пора в отделение возвращаться, клева уже не будет".

Глава вторая

На столе полковника Хромова звонил телефон, но Хромов его не слышал, так как находился далеко от своего кабинета в районе ВДНХ, и если бы кто-то нужный захотел позвонить ему, то позвонил бы по мобильному. Убитых было трое, крепкие мужчины в дорогой одежде отрицающего законопослушность стиля. Так одеваются только бандиты, внедренные оперативники и оптовые торговцы мясопродуктами, решившие вместе с семьей посетить театр.

— Заказные и разборочные убийства даже не стоит расследовать, а сразу квалифицировать как самоубийство, — предложил Хромов на заседании коллегии МВД. — Все, кто был убит

по этим мотивам, в конечном счете, заслуживают этого. Заказывают убийство лишь тех людей, которые готовы заказать его для других.

— Ну да, — ответили Хромову на коллегии, — хорошо бы, но нельзя...

Оперативники закончили осмотр места преступления, опрос очевидцев и фиксирование их в качестве свидетелей. Из трех убитых двое были похожи на честных и порядочных людей, а один — в кроссовках, тренировочных брюках "Отдай деньги", черной "брисиловской" куртке и коротко подстрижен. В каждом, чуть больше, чуть меньше, сидело около ста граммов свинца, что говорило о демонстративном, устрашающем убийстве. Хромов подошел к телу седого, лет под пятьдесят, мужчины, уткнувшегося лицом в асфальт, и приказал перевернуть его. Мужчина, как и двое других, был ему не знаком. Хромов подозвал старшего оперуполномоченного Старикова и в приказном тоне произнес:

— На этот раз никаких глухарей, преступник должен быть наказан.

— Я понимаю. Самому противно, но вот он, — Саша указал на седого, которого до этого рассматривал Хромов, — мне знаком. Живет со мной в одном подъезде, выше этажом. Доктор биологических наук. Вот его автомобиль... — Стариков показал на стоящий недалеко от убитых "вольво". — Видимо, шли к машине, но им не дали дойти.

— Видимо, — равнодушно буркнул Хромов.

— Зовут его Ананий Сергеевич Тассов, — не унимался старший оперуполномоченный. — Его "вольво" стоит во дворе под моими окнами, и раза четыре за ночь срабатывает сигнализация.

— Даже не знаю, — нахмурился Хромов. — Как бы подогнать, что ты применил оружие по закону? Я бы его, конечно, тоже застрелил, но не среди же дня на многолюдной улице?

Полковник Хромов шутил с таким отстраненным от шутки видом, что Саша не выдержал и громко расхохотался, чем вызвал недовольное удивление в толпе зевак, стоявших перед зоной оцепления.

— Вот, — продолжил он, испуганно оборвав смех. — Стриженый, по всей видимости, телохранитель, при нем просроченное удостоверение сотрудника МВД на имя Блудова Егора Ивановича. А третий нам не знаком.

— Ладно. — Хромов открыл дверцу служебной машины. — Заканчивай здесь, а я к себе. Завтра доложишь о результатах.

Хромов обошел все рынки столицы. Без свиты. В скромном одеянии москвича четвертого уровня благосостояния. Он двигался в крикливо пространстве наполненных беззаконием по самую завязку московских базаров и думал: "Когда Петр Пер-

вый прорубал окно в Европу, задняя стена дома обвалилась на Азию". Казалось бы, начальнику следственно-оперативного отдела и замначальника МУРа по оперативно-розыскной работе как-то не к лицу знакомиться с рыночно-базарной преступностью таким образом, но Хромов и не знакомился с тем, что хорошо знал. Он просто ходил и смотрел.

— Эй, купи, дорогой, цветы для девушки. Розы, и она твой, — прицепился к полковнику мужик с явно мытищинским чертами лица. — Купи, давай, нэ жалей для любимой!

— Ты негр или китаец? — спросил Хромов у мужика, пытливо глядя ему в глаза.

— Русский, — опешил мужик и, торопливо отходя от Хромова, зло бросил: — Негр!

Саша Старикин, увидев полковника Хромова в интернациональной толпе Черкизовского рынка, не удивился — Хромов был одним из самых нестандартных начальников МУРа.

Старикин не стал подходить к Хромову. Справедливо решив, что если тот пришел на Черкизовский рынок один, то у него, старшего оперуполномоченного, нет никаких оснований наделять полковника напарником. Но под охранительное наблюдение он его взял и стал "вести". Через некоторое время Старикин понял, что он не одинок в этом занятии, чуть левее от Хромова заметив щуплую фигуру Ласточкина, знакомого опера из местного отделения. Не выпуская мурровского полковника из виду, Ласточкин мимоходом отметил, что вьетнамский авторитет по кличке "Хонда", выходя из кафе посередине рынка, при виде полковника нервно вздрогнул, но тотчас же взял себя в руки и спокойно, с видом что-то вспомнившего, развернулся, возвращаясь в кафе. Ласточкин быстро вошел в кафе, пересек его и вышел с другого входа почти в одном шаге за Хондой.

— Стой! — Он положил руку на плечо Хонды. — Поговорить надо.

Хонда, не вздрогнув и не повернувшись, остановился и, глядя прямо перед собою, спросил:

— Ты сево, опер?

— Нисево, — передразнил его Ласточкин. — Ты кого с той стороны увидел, почему испугался?

— Волкодаву Хромова видел, он мене сажал тюрьма, засем мне итити в ее сторона, я лузсе другой сторона итити.

— Никакой другой сторона тебе не итити, — успокоил Ласточкин Хонду, защелкивая на нем наручники. — Тебе итити со мной поговорить.

— Да, вопросов много, — раздалось позади Ласточкина, и он быстро оглянулся, увидев улыбающегося Хромова, из-за спины которого подмигивал ему Старикин.

— Ну да, — смущенно поддержал Хромова Ласточкин. — Вопросы всегда найдутся...

Полковник Хромов посмотрел на Хонду, тот сидел перед ним на стуле с видом буддийского монаха, и спросил:

— В морду хочешь?

— Нет, не хосю, — поспешил ответил Хонда.

В кабинет, любезно предоставленный Хромову в местном отделении, вошел Саша Стариков.

— Он, видимо, в морду хочет?

— Нет, не хосю, — заверил Сашу Хонда и резиново растянул на своем лице заискивающую улыбку.

Хромов усмехнулся. Он знал, что Хонда говорит на русском великолепно и безо всякого акцента. Знал и Саша Стариков, ему об этом сказал Ласточкин. Туповатая форма дознания "в морду хочешь?" была насквозь искусственная и являлась частью психологической игры, в которой опытные сыщики и надеялись добить хотя бы немного информации о демонстративном убийстве троих человек в районе ВДНХ. У Хромова было подозрение, что один из убитых имел какое-то отношение к Хонде.

— Что это, Хонда? — Хромов стремительно протянул руку и, оттянув на Хонде свитер, вытащил поверх него золотую цепочку с причудливым медальоном из какого-то странного, отсвечивающего розовым, металла.

— Нисего не знаю, — вспыхнул Хонда. — Ты чё ко мне прибодался, полковник?

После этих слов азиатская беспристрастность Хонды слегка увяла, и из узких прорезей глаз выглянула устоявшийся, истеричный и жестокий российский уголовник. Хонда пробыл в лагере четырнадцать лет благодаря Хромову, раскрутившему его на этот срок за убийство и ограбление русского корейца-коллекционера, москвича в третьем поколении. Хонда тогда еще был не Хондой, а лейтенантом вьетнамской освободительной армии Шон Тинь (Горный дух), находившимся в России на излечении и отдыхе после ранения...

Увидев медальон, Саша Стариков удивленно хмыкнул и с немым восторгом посмотрел на Хромова. Точно такой же был на одном из трех убитых возле ВДНХ.

— Это изображение духа покровителя Ким Куи, золотая черепаха, — объяснил Хромов старшему оперуполномоченному. — Дух хороший, добрый, но золотое его изображение могут носить лишь избранные мыонги, а это настораживает. Я за всю жизнь встречаю лишь второго такого избранного. Один убит вместе с двумя гражданами России, наверное, те еще гуси. А второй — Хонда, базарный главшпан прищуренных. Вот и возникает вопрос: зачем нам такие избранные?

— Не нужны! — громко согласился с полковником Саша Стариков и бескураженно спросил: — Что с мыонгом будем делать?

— Пока в КПЗ, — задумчиво решил Хромов. — Там отопление включили, мерзнуть не будет.

— Прокурора санкция не давать! — горячо запротестовал Хонда.

— Давать, давать, — успокоил его Саша Старикин, положив свою могучую руку на шею задержанного, похлопал по ней. — Еще как давать.

Глава третья

Ананий Сергеевич Тассов родился и вырос в Москве. Окончив школу, Ананий поступил на биологический факультет МГУ, он чувствовал в микробиологии невнятные акценты несбывшегося совершенства. Анания возмущало, что слово "человек" звучит неоправданно гордо и самоуверенно, а маленькие, не видимые глазом и даже простым микроскопом, брускатые хрусталики надмолекулярно-атомного действия, которые делают поступки человека осмысленными, незаслуженно оставались в тени. После окончания университета Ананий остался в аспирантуре, защитил кандидатскую и почти сразу же докторскую диссертации, стал Ананием Сергеевичем, холостым, молодым, перспективным ученым, которого вот так, небрежно, свел на нет великий уравнитель АКМ, нашпиговав циничным свинцом возле ВДНХ, в компании странных и двусмысленных личностей.

— Вечно эти ученые в какое-нибудь дермо влезут, а мы разгребай лопатой все их высшие стремления, — сердился Хромов, внимательно глядя на Сашу Старикова. — Так говоришь, информация о Тассове засекречена по высшему государственному уровню?

— Да, — подтвердил Саша. — Выше не бывает, надо ФСБ подключить.

— Ну да, — уныло кивнул Хромов. — Родственная организация, им позвонишь, и они тут же всю информацию тебе на блюдечке преподнесут. — Хромов немного помолчал, торжественно подняв кверху палец, назидательно произнес: — Но существует мужская дружба! — и потянулся к телефонному аппарату, изобразив на лице непривычную для Саши дружелюбную усмешку.

Тарас Веточкин, возглавив отдел аналитических инсинуаций ФСБ, ни капельки не изменился. Он был по-прежнему молодым, как и все сорокалетние, веселым, в меру циничным и не до конца искренним в тех ситуациях, когда это имеет смысл.

— Да! — резко бросил в телефонную трубку Веточкин.

— Нет! — ответили ему в ответ и выжидательно замолчали.

— Хромов? — полуувопросительно поинтересовался Веточкин и сам себе ответил: — Ну да, Хромов.

— Тарас, тут такое дело, что тошно от безысходности. Дай мне информацию по Тассову Ананию Сергеевичу, его недав-

но застрелили, а он весь из себя засекреченный, биолог, учёный.

— Информацию? — удивился Веточкин. — По Тассову? — Не отнимая от уха трубку, он стал щелкать по клавиатуре компьютера. — ГРУ или ЦРУ, разницы никакой, доволен?

— Слушай. — Беспардонность Хромова не имела границ. — А как у тебя отношения с Вьетнамом, вась-вась или аля-улю?

— Аля-васю, васю-улю... — Веточкин достал бумажник, пересчитал деньги и выщелкнул на дисплее: — Вьетнам.

— Хонда, бандюк с Черкизовского рынка, — с надеждой проговорил полковник.

— Леонид Максимыч! — возмутился Веточкин. — Это ФСБ, а не спецприемник для бомжей.

— Да ты что? А бывшего лейтенанта вьетнамской армии Шон Тиня знаешь? Он у нас за ограбление и убийство сидел. Освободился и остался в России, теперь на базаре земляков терроризирует.

— Шон Тиня? Информации нет, — соврал Веточкин. — Ищи, полковник, по своим каналам.

— Ага, — дал ему понять Хромов, что все понял. — Откуда у вас вообще информация о чем-либо, и вообще, почем дрова в Ростове?

— Там все бесплатно, Хромов, пошли лучше вечером выпьем чего-нибудь, я кефир люблю, а ты?

— В девятнадцать тридцать жду тебя на служебной машине возле Соловецкого камня. Свою машину не трогай. Я тоже кефир люблю и знаю, как он по мозгамшибает.

— В девятнадцать тридцать пять! — категорически настоял на своем Веточкин и положил трубку.

Глава четвертая

— Да-а, — скептически произнес, ни к кому не обращаясь, Хромов, покидая салон "ауди" и с наслаждением делая несколько наклонов и приседаний, чем нескончально всполошил пробегающих мимо прохожих, которые не предполагали, что солидный, седеющий человек, вышедший из солидной, официальной машины, начнет заниматься разминкой гимнастикой в центре вечерней Москвы. Оперевшись руками о скамью, Хромов сделал несколько энергичных отжиманий.

— Вот черт, а я лыжи забыл надеть. — Стоя возле отжимающегося полковника, Веточкин был похож на заботливого тренера.

— Ладно тебе, лыжи, — добродушно проворчал Хромов, прекращая свою разминку. — Куда пойдем?

— Да вот, — махнул рукой Веточкин в сторону "Детского мира", — бар хороший в "Савое".

— В "Савой" так в "Савой", — согласился Хромов, и они направились в сторону гостиницы.

Охрана при виде Веточкина, решительно входящего в холл гостиницы, дружелюбно закивала головами. Хромов, немного задержавшись при входе, вошел как лицо, не связанное знакомством с Веточкиным. Охрана насторожилась, но, внимательно посмотрев в лицо Хромова, столь же дружелюбно, хотя и неуверенно, закивала головами, на всякий случай.

Раздевшись в гардеробной, Хромов и Веточкин вошли в ресторан. Ресторан и бар были великолепными в смысле доброхотов поесть и выпить.

— Пошли в пельменную, — сразу же стал настаивать Хромов, вспомнив, как утопил в чисто московском загуле деньги на новый автомобиль в компании с Веточкиным, Лапиным, Мироновым и подобранным ими по дороге агентом "УЖАС"а Рудольфом Агеевым.

— Ну уж нет, — категорически отверг это предложение Веточкин. — Я угощаю.

— Да что ты говоришь, — разозлился Хромов и, подойдя к стойке бара, небрежно бросил: — Два по сто "Перцовки".

Бармен с недоумением стал рассматривать витрину бара, затем с уважением посмотрел на Хромова, нагнулся и из сокровенной глубины извлек хрустальную испанскую бутылку с десятком выдавленных на ней медалей. Благоговейно разлив по стаканчикам, доверительно шепнул Хромову:

— Первач, батя лично для меня делал, тройная очистка через березовую золу, песок из песочных часов и уголь, на красном перце "огневка" настоящий, шестьдесят градусов, маде ин Неклиновка, Ростовской области.

— Добро, — кивнул головой Хромов и махнул рукой Веточкину, показывая на стаканы.

Веточкин о чем-то оживленно разговаривал на другом конце стойки с немолодым мужчиной. Глубоко запавшие глаза с темными кругами вокруг, обвисшие щеки и весь вид показывали, что мужчина не жилец на этом свете. Увидев сигналы Хромова, Веточкин, извинившись, подошел и взял протянутый ему стакан.

— Ужинаем здесь.

Через несколько минут глубоко потрясенный Веточкин, восстановив дыхание, спросил у Хромова сдавленным голосом:

— Это жидкай перцовий баллончик?

Хромов, настороженно глядевший на него, ответил вопросом на вопрос:

— А что? — И тоже выпил.

Придя в себя, Веточкин смотрел на Хромова восхищенными глазами:

— Хорошо, ей-Богу, хорошо!

За ужином, наконец-то, заговорили о главном.

— Знаешь что, Хромов, — осторожно начал Веточкин и с подозрением покосился на соседний столик, где веселилась шум-

ная компания телевизионщиков, побросавшая на пол аппаратуру. — Ты "УЖАС" помнишь?

Помнил ли "УЖАС" Хромов? Конечно, помнил. Точно так же, как помнил о нем каждый член следственно-оперативной группы, работавший когда-то над раскрытием нестандартного убийства Сергея Васильева. Почти каждый из группы чувствовал себя тогда уязвленным. Профессионалы не любят, когда к ним относятся насмешливо, с пренебрежением.

— Ну? — не стал отвечать на вопрос Хромов и тоже с подозрением покосился на телевизионщиков.

— Вот что, — решительно проговорил Веточкин. — Молчим, едим, принимаем еще по сто грамм перцового средства самозащиты и уходим.

— Куда?

— В пельменную, — весело рассмеялся Веточкин.

"Пельменная" оказалась рестораном "Испанская кухня". Веточкин и Хромов были людьми опытными и поэтому еще по дороге стали выяснять свои финансовые возможности. У Хромова в кармане лежали снятые утром со счета деньги на "давно присмотренную шубу" для жены, а Веточкин получил зарплату, к тому же ему вернули десятитысячный долг за проданную "шестерку". "Нормально!" — решили они, и ресторан "Испанская кухня" оказался как нельзя кстати.

— Я недоумеваю, — говорил Хромов Веточкину, — почему ГРУ? Нормальное государственное учреждение, защищающее интересы страны. А мы постоянно натыкаемся на его деятельность в виде трупов и пытаемся, что самое смешное, возбудить по ним уголовные дела. Что-то перекосилось за последние пятьсот лет государства российского.

— Да, — согласился с ним Веточкин. — Трупы, сотворенные государственными учреждениями, всегда служат укреплению мира и созидательного труда, а Тассов Ананий — ученый-биолог, даже больше, он работал в области генетических форм, направленных на создание человекообразных носителей трансплантиционных органов для пересадки человеку.

— А ГРУ здесь при чем? — не сдавался Хромов, все сильнее и сильнее увлекаясь поеданием стоящего перед ним блюда. — Это разведка, там хорошие ребята работают, Искру Стефана, например, ты знаешь.

— Стефан, во-первых, совсем не ГРУ, а во-вторых, ты спросил, я ответил и тем самым совершил должностное преступление.

— Ну да, — согласился с ним Хромов и запил мясо красным вином. — Шон Тинь, например.

— Шон Тинь? — удивился Веточкин. — Звучит как-то по-голливудски, это новый актер?

— Ну, Тарас, — изумился Хромов, подвигая к себе крабово-маслиновый салат, политый каталонским травяным соусом. — Неужели Хонда ваш агент?

— Хонда? Мы же не об автомобилях говорим. Или Тассов попал в аварию?

— Хорошо, Тассов, — сдался Хромов, запивая салат вторым бокалом красного вина. — Возвращаемся к ГРУ. Скажи мне, Веточкин, почему это ГРУ застрелило Тассова?

— ГРУ не стреляло, — поправил его Веточкин и задумчиво воткнул вилку в свиную ножку. — ГРУ ищет киллеров. Тассов был под их крышей.

— Ох, — удивился Хромов и съел кусочек баскского прессованного сыра. — Уеду я, наверное, на Аляску и стану чукчей. Тюлени, море, и никто никому не нужен. Хорошо!

— Рыба, — поддержал его Веточкин, — одичавшие пограничники, — мечтательно протянул он и неожиданно, с удивившей Хромова энергией, стал жадно поедать свиную ножку.

Полковник Краснокутский вызвал к себе в кабинет руководителя отдела по борьбе с распространением наркотиков Ростоцкого и спросил:

— Амиго, мне пришло из Таганрога неофициальное сообщение. Самсонов спрашивает, действительно ли наркокурьер Апиев, всем нам известный под кличкой "Морс", которого недавно задержали в Таганроге с опиумом, выполнял оперативное задание твоего отдела?

— Морс, — возмущенно удивился Ростоцкий. — Вот гад, а я думаю, куда же он делся... Да, Апиев выполнял оперативное задание.

— Понятно, амиго, — скучным голосом произнес Краснокутский. — Оперативное задание? Продавал в Таганроге полкилограмма опиума? Покажи-ка мне, капитан, разработку, объясни мне, дураку, в чем смысл этого задания.

— Господин полковник, дело в том, что эта скотина Морс по-перся туда самостоятельно. Его там взяли, но здесь он участвует в разработке против Ольгерта, и очень важно, чтобы его освободили, иначе целый год можно псу под хвост выкинуть.

— Ага! — оживился Краснокутский. — Он в операции против Резаного, это хорошо, амиго. Я позвоню Самсонову, но за результат не отвечаю, они там вредные. Вот если бы обмен произвести?

— Пока из Таганрога никто и не попадался, кроме Карлуши, — пожал плечами Ростоцкий.

Владимир Иванович Логинов, более известный под кличкой "Карлуша", находился в состоянии активной депрессии. Ему не хотелось спать, пить, есть и жить. Единственное, что он делал с удовольствием, так это курил. Карлуша понимал, что

за убийство ростовского каталы "Племянника" ему грозит возмездие с двух сторон: снисходительное — со стороны закона, и убийственное — со стороны его жертвы. Племянника в зоне не простят. После того, как его случайно, а поэтому вдвойне обидней, опознал в КПЗ таганрогский зампрокурора Миронов, Карлушу перевели в СИЗО, и он сидел в камере на втором этаже вместе с пятью пожилыми подследственными тихого нрава, на которых из-за обрушившейся депрессии не обращал внимания.

Карлуша, как каждый третий зек страны, был осведомителем. А в Таганроге состоял на связи у Катаева, старшего следователя прокуратуры по особо тяжким преступлениям. Миронов об этом не мог знать. Поэтому, лежа на нарах, Карлуша думал: "Хочу в Таганрог, зачем мне Сочи?" Хотя, если разобраться, в его положении — убийство при отягчающих — особой разницы не было, что Сочи, что Таганрог...

Глава пятая

Гlorия Ренатовна Выщух была приглашена Самвелом Тер-Огонесяном в городской театр имени А.П.Чехова на премьеру спектакля "Мещанин во дворянстве". Впервые в жизни ей пришлось принимать участие в некоем подобии эксцентричности, ибо на ее 190 сантиметров роста Самвел смог представить лишь свои слегка округлые 178 сантиметров. При этом у Самвела были пронзительные глаза, черные жесткие волосы, выразительные губы и преисполненная внутреннего достоинства осанка. Он мог быть похожим на Наполеона, но великолепный, в стиле "а ля Фрунзик Мкртчян", армянский нос начисто зачеркивал это сходство. На Самвеле был черный дорогой костюм, белая, в нантских кружевах, дорогая рубашка, темный, с классическими золотыми разводами, дорогой галстук и черные, с отрицающим вульгарность блеском, дорогие туфли. Гlorия Ренатовна была вся в ниспадающем, темном, дорогом и ненавязчиво прочерчивающем самые потрясающие части ее тела. Когда они вошли в уже многолюдное фойе театра, где собралась самая элитная часть города, то, судя по лицам, обратившимся в их сторону, стало понятно, что премьера спектакля потеряла свою актуальность.

Полковник Самсоцов, пришедший на премьеру не по своей воле, а по воле супруги Стефании Алексеевны, был в меру солиден и в меру раздражен, когда увидел Самвела Оганесовича Тер-Огонесяна в обрамлении Гlorии Ренатовны Выщух. "Королева и жулик", бессознательно подумал Самсонов и усмехнулся. Он знал, что Самвел не жулик, но живописное, если не сказать высокохудожественное, появление колоритной пары толкнуло его на это попахивающее театром сравнение.

— Ты что, Семен? — подозрительно глядя на полковника, спросила Стефания Алексеевна и, проследив за его взглядом,

понимающие кивнула головой. — Ты прав, по ним давно тюрьма плачет.

— Да ты что, Стефания? — испуганно взглянул на жену Самсонов. — Она же твоя школьная подруга.

— Кто?! — изумилась Стефания Алексеевна. Внимательно вглядываясь в Глорию Ренатовну и узнав, равнодушно признала свою ошибку. — Господи, как она разжирела и овульгарились, ее трудно узнать.

“Бабы, — с усмешкой подумал Самсонов и остро позавидовал Савелу. — Хорошо одевается, стервец, дорого. Надо его проверить на вшивость. Глория не та женщина, чтобы тянуть пустышку”. Самсонов лукавил, он знал, что Савел законно обеспечен и живет вне криминала, но ему доставляло удовольствие так думать, хотя это были и не типичные для него думы.

Стефания Алексеевна слегка дернула его за рукав и проговорила:

— Семен, прекрати думать о всякой чепухе, пойдем в зал, уже был второй звонок.

Игорь Баркалов стоял возле подъезда театра имени А.П.Чехова, гордости города Таганрога, и думал: “Дать Самсонову досмотреть первый акт или вызвать сразу?” На этот раз из могилы было извлечено тело Светланы Баландиной. Она погибла в результате трагического и нелепого случая — от “рогов” троллейбуса. На подъезде к остановке “Центральный рынок” троллейбус слегка подпрыгнул на ухабе, слегка вильнул, и эти самые “рога”, соскочив с проводов, ухнули вниз. Один из них и упал в центр головы беззаботно болтающей со своим однокурсником Светланы Баландиной. Однокурсник, высокий и смазливый Виктор Ригин, сразу же потерял сознание, ибо кровь, брызнувшая из головы Светы, окропила ему лицо так густо и беспросветно, что многочисленные люди на остановке решили, что “рог” упал именно на него. Ригин упал навзничь и не двигался, а Света, сделав два шага назад, уперлась спиной в стенку троллейбусной остановки, обхватила голову руками и, съехав по стене, умерла. Похороненная вчера, сегодня Света лежала в сквере завода “Красный котельщик”. Лежала за грядой декоративного кустарника, обрамляющего аллею, на свежепостриженной траве газона под ярким фонарем. Это было наглостью. Неведомый и жуткий эстет причесал ей волосы, расправил складки на платье, сложил руки и положил розу на грудь. Опергруппа окружила этот круг света, молчала и не двигалась...

Светлана Баландина училась в музыкальном училище по классу фортепиано. Очаровательная юная девушка с тонкими чертами. Хрупкие очки, казалось, придавали ее лицу некую многообещающую тайну. При виде ее молодые люди со стуком

ставили на стол летнего кафе свои бутылки с пивом, переглядывались и с восхищением мотали головами. Даже преподаватель и замдиректора Шведов Олег Петрович, столкнувшись с девушкой в коридоре музучилища, смотрел ей вслед с ностальгическим восторгом.

Но был у Светы Баландиной один существенный, не ведомый даже ей самой, недостаток. Об этом знали только родители Светы, отец-хирург и мать-онколог. Только они знали, что внутри Светы вызрела и вот-вот должна была взорваться болью и последующей за нею смертью нелепая и не оставляющая шансов болезнь — саркома, рак костного мозга и соединительных тканей. Поэтому, когда на них обрушилась весть о трагической смерти дочери, они решили, что "рога" троллейбуса сорвались не случайно, их столкнула рука Бога...

Миронов обвел свой прокурорский кабинет глазами, встал с кресла, подошел к окну и посмотрел со второго этажа на Лермонтовский переулок. Ничего не увидев из-за пышной зелени акаций, заслонявших окно, он вздохнул и прислонился лбом к стеклу. Он вспомнил, как совсем недавно жилполнокровно и яростно, как расследовал до конца не доведенное дело об убийстве Сергея Васильева, вспомнил московский загул и Стефана Искру.

В дверь кабинета постучали.

— Войдите, — уныло согласился со стуком Миронов.

В кабинет вошел старший следователь прокуратуры по особо тяжким преступлениям Катаев.

— Что там у тебя? — уже взяв себя в руки, начальственно спросил Миронов.

— Нужно перевести из сочинского СИЗО в наше Карлушу, он мне нужен.

— Карлушу? — удивился Миронов. — Он же убийца, я его опознал в сочинском КПЗ, он на склерозника косил, а тут я... — Миронов осекся. — Зачем он тебе?

— Он мой осведомитель, — сообщил Катаев. — Хочу его в камеру к "Рыжему" посадить, может, что и узнает новое о хищениях в порту.

— Боюсь, это будет не так легко сделать, — озабоченно произнес Миронов и, достав из кармана портсигар с выдавленным на нем профилем Анны Ахматовой, закурил свои любимые сигареты "Наша марка".

— Они просят обмен. Мы им Апиева, того, что задержали в парке с опиумом, а они нам Карлушу.

— Так в чем же дело?

— Вот. — Катаев протянул ему заполненный бланк об этапировании подследственного Апиева в Сочи. — Ваша виза на эту бартерную сделку нужна.

Миронов расписался на бланке и поинтересовался:

— Что ты думаешь об этом выкапывателе девушек из могил?

— Этим ребята Самсонова занимаются, — скептически ответил Катаев. — На мой взгляд, все дело в эстетике, в психическом заболевании и в гипертроированном чувстве справедливости. Я думаю, что занимается этим человек, имеющий какое-то отношение к творчеству.

— Интересно, — вяло произнес Миронов. — На такое действительно только Вагнер и отважится, надо все-таки съездить на место преступления, они еще там?

— Да, — кивнул головой Катаев и вышел из кабинета.

Миронов снова подошел к окну, прислонился лбом к стеклу и, вновь улыбаясь самому себе, лицемерно подумал: “Как все-таки скучно быть начальником”...

Не высказав своей идеи об установлении автомобильной звуковой сигнализации возле свежих захоронений Самсонову, Слава Савоев не смог о ней умолчать в присутствии Игоря Баркалова.

— Представляешь, как гудает в двенадцать ночи среди могил, и можешь не сомневаться, сразу двух зайцев убьем.

— Зайцев? — флегматично поинтересовался Игорь.

— Да, двух! — восторженно подтвердил Савоев, не обращая внимания на флегматичную отстраненность Игоря от его рационализаторского предложения.

— А почему не лисиц, чернобурок, например? — продолжал поддерживать разговор Игорь, думая о чем-то своем, не связанном с системой сигнализации на кладбище.

— Лисиц? — скептически переспросил Савоев, с подозрением глядя на задумавшегося Игоря.

— В смысле? — наконец-то очнулся Игорь и с некоторой оторопью взглянул на Савоева. — Какие лисицы, Слава, что ты ко мне прицепился? — накинулся он на оперуполномоченного. — О деле надо думать, а не о воротниках для своих любовниц.

— Вот именно, о деле! — вспыхнул возмущившийся Слава и, остановив направляющегося к оперативной машине Степу, сообщил ему, кивая в сторону Игоря Баркалова: — Одна чернобурка на уме у парня.

— Что? — не понял Степа, с недоумением глядя на Савоева.

— Чернобурка, — объяснил ему Слава и, заметив подъехавшую “Волгу” Миронова, сообщил: — Прокурор приехал, одним словом...

Увидев выходящего из черной “Волги” Миронова, Самсонов оглядел свой костюм и подумал: “Интеллигенция нагрянула”.

Не обращая внимания на прокурора, он подозвал к себе Степу, Игоря и Славу, оглядел их и задал нетрадиционный вопрос:

— Как вы думаете, Миронов в этом деле не может быть замешанным?

Сыщики переглянулись между собой и чуть не хором ответили:

— Может.

— О чём это вы? — вежливо спросил Миронов, подходя к Самсонову. Ермаков крутился возле криминалистов-экспертов и не подошел вместе с ним.

— О судьбе, — вяло и слегка грустно ответил Самсонов, указывая на то место, где недавно лежало тело Светы Баландиной, уже увезенное в ставший для него привычным морг. — Есть что-то в этих выкапываниях вызывающее, какая-то театральная подоплека и крик души, эдакий поэтический вызов...

Миронов, продолжая стоять в позе идиота, с силой захлопнул портсигар и прищемил себе палец, что в какой-то мере повлияло на выражение его лица. Оно стало более осмысленным.

— А девчонка красавица была! — заметил Ермаков.

На следующий день после обнаружения похороненного и вновь извлеченного из земли для публичной демонстрации тела Светы Баландиной город взорвался восторженным негодованием: «Это же надо, такое уникальное и живописное злодейство, и это же надо, именно в нашем городе. Ну и Таганрог!».

В этот же день Роберт и Арам Рогоняны спешно покинули город и уже через несколько часов были в непосредственной близости от города Анапа, дав себе слово никогда и ни при каких обстоятельствах не приближаться к городу Таганрогу ближе трехсот километров до той поры, пока «этую бешеную падлу-могильщика не повяжут менты».

Глава шестая

Я сижу в тюрьме. Меня приговорили к пяти годам лишения свободы за убийство Сергея Васильева и служащего сочинской гостиницы. Это же надо так придумать, будто я случайно сбил Васильева своим мотоциклом, которого у меня никогда не было, а он, падая с моста, зацепился за какой-то прут и оторвал себе голову, а служащий гостиницы просто столкнулся со мной на бегу, упал и умер. Великолепный по своей сути кульбит закона в мою пользу. Если я кого-то убиваю, то в этом столько смысла и добра, какие закону и не снились. Я улыбаюсь. Во мне столько улыбчивой нежности к происходящему и столько трепетного любопытства, что я смотрю на все вокруг с радостью. Какие строгие люди в форме. Они ведут меня по коридорам, то и дело открывая и закрывая решётчатые двери, и делают это с такой сосредоточенной суворостью, что я едва сдерживаю смех. Теперь я Буслаев Василий Яковлевич, ну и подобрал мне имечко Иван Селиверстович, — оно мне нравится. Есть в нем что-то разбойничье, тюремное и обаятельное. В моих руках матрас, подушка, одеяло, скатанные и ка-

кие-то залоснившиеся. Разве можно приговаривать человека к лишению свободы и при этом не иметь возможности давать ему нормальную пищу и чистые постельные принадлежности? Впрочем, все это чепуха. Ага. Вот и моя камера, ну и дела, забыта под самый потолок, ужасная вонь, здесь человек во семьдесят несчастного быдла. До свидания, контролеры, я на месте, можете затарахтеть за моей спиной ключами, закрывающими двери, это романтично. Здравствуйте, господа заключенные, можете со мною познакомиться, мне пока еще интересно...

Начальник оперчасти армавирской тюрьмы майор Васнецов зашел в кабинет спецчасти и с равнодушным интересом стал просматривать уголовные дела только что прибывшего в тюрьму этапа.

Раскрыв папку с уголовным делом, перечеркнутым синей полосой, которая означала, что осужденный может подвергнуться насилию со стороны других заключенных, он презрительно поморщился. Некий Основоколодцев Семен Леонидович был осужден на четыре года лишения свободы за педофильство. "Скромный и милый бухгалтер, — усмехнулся Васнецов, вычитав в деле профессию Основоколодцева, отложил его в сторону и решил: — Сделаю из него информатора, он сам мне на грудь кинется с этой просьбой". Он пометил в сопроводительной карточке для контролеров: "В 42 камеру". Это была его камера, там находилось семь человек, и все уже, с разными интервалами, бросались к нему на грудь с просьбой о вступлении в самую могучую и древнюю партию стукачей. Следующее дело принадлежало некоему Буслаеву Василию Яковлевичу. Васнецов лениво и быстро его просмотрел: "Пять лет лишения свободы, статья 109, причинение смерти по неосторожности". "Какой рассеянный, — съязвил про себя Васнецов. — Сначала одного уронил до смерти, а через десять дней второй об его чемодан споткнулся". Васнецов даже в рутинном ознакомлении с делами вновь прибывших, а они прибывали и убывали по два раза в день, находил себе повод для веселья. "Ага, по профессии кладовщик, место проживания и прописка Улан-Удэ, отдыхал в Сочи, понятно". Но что-то настораживало Васнецова, что-то в том деле было не совсем чисто. Внимательно просмотрев дело, майор на двенадцатой странице в уголке заметил небрежный, как бы машинально поставленный значок ∞. "Ясно", — мгновенно захлопнул дело Васнецов и положил его на место, написав в сопроводительной карточке: "В общую камеру". Васнецов был профессионалом и сразу же забыл о фамилии Буслаев и значке ∞, которым в математике обозначают бесконечность.

В камере, рассчитанной на двадцать пять человек, находилось пятьдесят осужденных, которые, как известно, гораздо

компактнее, чем обыкновенные люди. Верхний ряд нар у окна занимала мнящая себя авторитетной публика. В камере не было ни одного вора в законе и нового русского новой бандитской иерархии, сидела в основном разношерстная, шестерящая и алкогольно-бытовая публика. Здесь же, у окна наверху, расположился Лом. Саркис Ольгерт дал знать людям — “людьми” в тюрьме считаются авторитеты, воры в законе и те, кто зарекомендовал себя бескомпромиссным борцом за криминальные права граждан, — что Лом — его человек. Лом возликовал и стал самозабвенно создавать свою команду. Это она занимала верхние нары у окна, и теперь любой поступающий в камеру новичок должен был пройти собеседование с верхонарной экзаменационной комиссией, внести посильный дар в общественную казну и получить статус зека и соответствующее полученному статусу место в камере.

Когда двери камеры распахнулись, вошел невысокий человек, который чертами лица и цветом коротких волос слегка напоминал Пьера Ришара.

— Ты кто? — пренебрежительно спросил у вошедшего Сыр. — Пьер Ришар или француз?

— Нет, — улыбаясь, ответил ему вошедший.

Их разговор происходил в странной, невероятной для переполненной камеры тишине.

— А кто? — уже совсем презирая вошедшего, механически спросил Сыр, намереваясь отправить его в “чертятник”.

— Не знаю, — новичок продолжал улыбаться. — Видимо, смерть твоя...

Санкт-Петербург, как квинтэссенция несбывшихся желаний империи, несет в себе энергию пульсирующей и какой-то белесой насмешки. Вдоль Невки, если идти долго, не сворачиваая в сторону, удаляющуюся от исторического центра, есть улица, отходящая от нашего пути влево, под прямолинейным названием “Щелевая”. Между двумя глухими безоконными стенами двух прошловековых высоких домов, эта улица оканчивается тупиком в виде небольшой площадки, превращенной в полусклад-полусвалку картонной и деревянной тары из близлежащих магазинов. В самом углу площадки есть уникальное место. Очень близко к поверхности земли проходит теплоцентраль, и поэтому асфальт там сухой и теплый, а со стороны стены дома очень близко к улице проложены трубы с горячей водой, которая поступает в расположенную неподалеку фабрику цикличной керамики. Именно на этом месте из подручных картонно-деревянно-ящиковых средств было построено небольшое сооружение, крышу которого в несколько слоев плотно окутывала целлофановая пленка. Здесь уже более полугода жил потрясенный жизнью и Ирочкой Васиной Аскольд Борисович Иванов. Нанесенная обида, планку которой он слишком высо-

ко завысил в ресторане "Лимпопо", гибель Сергея Васильева, два ареста, потери денег и друзей, отказ от него отца и безропотно следующей за ним матери и последовавшая за этим, с интервалом в три дня, их смерть не выбили из Аскольда Иванова желания битвы за достойное место в жизни. Его доконала Ирочка Васина. Через два месяца после того, как они прибыли в Санкт-Петербург, она стала погуливать, затем подсела на иглу, а когда Аскольд опомнился, — он уже нашупал дорогу к накоплению первоначального капитала на посреднических услугах не до конца законного свойства, — перед ним стояла красивая, но наглая, беспринципная и навсегда сорванная с привязи прости-тутка, владеющая несколькими европейскими языками. Этот последний штрих в цепи неудач так потряс Аскольда своей неожиданностью, что в его глазах тут же поселилось жуткое очарование мрачной депрессии. Он скрыл все свои документы и растворился в илистом мире бомжей, навсегда уйдя с поля действия нашего повествования.

Глава седьмая

Алексей Васильевич Чебрак находился в трансе вдохновения. Его пульсирующий мозг обладал интуицией кошки, проживающей третью жизнь. Он чувствовал приближение результата. Этот результат показывал, что очень скоро можно начинать выращивание абсолютных доноров, безмозглых двойников заказчика. То есть, если у вас есть деньги и власть, вы делаете заказ, у вас берут клетку и с помощью ее выращивают вашу копию, благодаря которой при современном развитии медицины вы можете продлить свою жизнь вдвое. Забарахлило сердце, пожалуйста, получите ваше личное — второе. Хотите иметь два, три клона? Пожалуйста, здоровый желудок или печень никому не помешает, главное — платите...

Дело в том, что Алексей Васильевич Чебрак действительно был гением генетики. Проблема генетического клонирования, как животных, так и человека, состояла в том, что копия была недолговечна и подвержена ускоренному старению. Если из клетки сорокалетнего бизнесмена делали его копию, то ребенку в пять лет уже нужна была женщина, в шесть она была уже не нужна, а в семь он умирал с признаками глубокой старости. Такие опыты давно проводятся генетиками всего мира. Ученых, в принципе, невозможно остановить никакими этическими и моральными соображениями. Если ученые что-либо открыли, они постараются воплотить это в жизнь, гибель всего человечества их вряд ли может смутить. Поэтому все разговоры о безнравственности тиражирования людей не стоят выеденного яйца — их стали бы тиражировать. Но вмешался эффект быстротечного старения, и это притормозило клонирование. Генетики остановили свои опыты и замахали руками на геронтологов: "Давайте, скорее ищите ген старости, найдите

этую клетку отключения, сколько можно ждать, клиенты ждут". Они не знали, что блуждающий ген отключения в организме человека, созданного для вечности, отсутствует, а вот привнесенный извне инородный ген смерти, переданный клеткам человека откуда-то оттуда, из не подвластного пониманию прошлого, выглядит вот так 4. Алексей Васильевич Чебрак знал об этом, а еще он знал, что в клонах очень легко убрать быстротечное старение, и ген смерти здесь ни при чем. Нужно только подключить к этому делу мозг, самый совершенный инструмент организма, и все будет хорошо. Если в самом начале зарождающегося цикла, образовывающего клон, закодировать мозг на полную мощность одной-единственной мыслью: "Я молод, я силен, я здоров, я буду таким вечно", то в итоге получался здоровый, крепкий, выдерживающий весь человеческий цикл без поломок, человекообразный полуфабрикат — носитель донорских органов.

Алексей Васильевич Чебрак радовался, как дитя, своему открытию. Судя по первым результатам, у него все получалось. Два таких полуфабриката уже восемь лет находились в лаборатории. Их содержали как дорогостоящих и редких животных, то есть очень хорошо. В восемь лет они выглядели, и по внешности, и по физиологии, и по эластичности мышц, именно как восьмилетние. Алексей Васильевич подпрыгивал от радости, он не знал, что где-то наверху, в своей резиденции, в своем кабинете, сидел руководитель "УЖАС" а Иван Селиверстович Марущак и мрачно, с каким-то болезненным отчаянием, тоже думал о генетике и об открытии Алексея Васильевича Чебрака...

Дело об убитых на ВДНХ как-то само собой заглохло. Во-первых, Хромов с этим был полностью согласен, убили, ну и черт с ними. В Москве любят убивать, и неважно, что ты думаешь по этому поводу. Тем более, что после убийства на ВДНХ произошло еще десять убийств, и все они легли на плечи отдельно, который возглавлял Хромов, и все они были совершены с особой дерзостью и с помощью автоматического оружия.

Во-вторых, после того случая они уже три раза встречались с Веточкиным, и тот его убедил, что Хонду надо выпустить. Веточкин врал самозабвенно, а Хромов у него спрашивал:

— У вас в ФСБ все такие брехливые как ты, Тарас?

— Ну что ты! — искренне обижался Веточкин.

Встречи Хромова и Веточкина начинались с бара в гостинице "Савой", с перцовкой "неклиновской атомной", а заканчивались черт-те где и рано утром, иногда у Стефана Искры, алкоголька со свежим лицом и изящным, на грани уникальности, антипохмельным видом. Если в первый раз они истратили свои деньги, то во второй и третий разы тратили деньги Веточкина, выданные ему "для работы с агентами представительской категории", то есть с депутатами Госдумы.

На Хонду, в принципе, ничего не было, и Хромов выпустил его, подумав при этом: "И без тебя, вьетнамская рожа, дел с головой и рук не видно, иди уже в свое ФСБ!"

И, в-третьих, Тассов Ананий Сергеевич. Только Хромов и Старики начали "копать" в этом направлении, как их вызвали на самый верх, наорали зачем-то, забрали все материалы по этому делу и отпустили, буркнув: "Сами разберемся, вы туда вообще не суйтесь".

— Серьезный ученый, — озадаченно проговорил Старики, как только они вышли из здания министерства на улицу. — Но сигнализация у него хреновая была.

— Если бы он был хорошим ученым, его бы не застрелили, — не согласился с ним Хромов, который уже с первых шагов расследования догадался, что дело именно этим и кончится. Регулярные общения со Стефаном Искрой научили его угадывать присутствие "УЖАС"а по самым прозрачным намекам.

Глава восьмая

В городе Сочи шел дождь. Теплый, густой и продолжительный дождь. С ветром, молнией и громом. Курортные люди, словно фантики от конфет под порывом ветра, весело перебегали улицы и рассредотачивались под навесами многочисленных магазинов и кафе. Невидимое за густой растительностью, вздыхало море. Его вздохи напоминали сонные вздохи пресыщенной коровы, лежащей на лугу в полдень. Дождь умыл рододендроны парка Ривьера и теперь гладил глянцевые листья пальм. Где-то раздавались веселые крики пьяной компании, впавшей от дождевых струй в истерично-припадочную радость курортно-надрывного счастья. Дождь беспристрастно омывал шашлыки, разложенные на скатерти посередине поляны. Любопытные капельки дождя заглянули в фойе УВД Сочи и ничего не увидели, кроме каких-то букетов в центре и большой фотографии с черной лентой поперек угла. Дождь отпрыгнул от окон и снова приник к ним. На фотографии в фойе был запечатлен улыбающийся полковник Краснокутский, под ней была табличка: "Скоропостижно... от инфаркта... наш боевой товарищ, который..." — обычные официальные строки. Но необычной выглядела последняя приписка к основному тексту: "Прощай, амиго".

Теплый, густой и продолжительный дождь, с ветром, молнией и громом, плакал над городом Сочи.

Конец лета в городе выдался беспощадно жарким. Настолько жарким, что Самсонов начал скептически относиться к будущей осенней прохладе. "Климат становится безобразным и непредсказуемым", устало думал он, с опаской косясь в сторону кондиционера, установленного в кабинете. Пессимизм все больше и больше поглощал Самсонова. Во-первых, из-за возни-

кающих то и дело трупов у него накрылся отпуск и наметилось понижение в должности. У Самсонова до сих пор стоял в ушах крик и мат комиссара Кияшко. Инфаркт, который обещал ему комиссар, настиг самого комиссара, и Самсонов всерьез опасался, что в отместку за то его настигнет инсульт.

Все это время в кабинете Самсонова находились фальшиво понурые Степа Басенок, Игорь Баркалов и Слава Савоев. Последний то и дело незаметно и яростно влезал рукой к себе за шиворот и чесался. Перед вызовом к Самсонову ему вздумалось сорвать с росшей во дворе управления яблони плод, и ему за шиворот упало несколько гусениц. Вся шея Славы волдырилась.

— У нас болезни попроще, — неосторожно заметил он. — Инсульт болезнь полковничья.

— Значит так, — решительно заявил Самсонов. — Савоев, ты отстраняешься от всех дел, хватит, попил кровушки, сдай оружие.

— Да мне его уже полгода не выдают, — растерянно произнес Слава.

— Значит, получи и сдай... — Самсонов гневно указал на дверь и гаркнул на Савоева: — Вон! Я уже написал рапорт о твоем несоответствии. Будешь баланду зекам в КПЗ раздавать. Вон из моего кабинета!

Грустный Савоев покинул кабинет Самсонова.

— Так, — повернулся Самсонов к оставшимся и стал переводить взгляд с одного на другого. Наконец задержал его на Степане и, ткнув в него пальцем, столь же громко, хотя и не столь эмоционально, приказал:

— Вон! Сдай оружие. Ты тоже не соответствуешь, вам всем в уголовном розыске нечего делать... — Он перевел взгляд на Игоря, но тот, успокаивающе выставив перед собой руки с ладонями вперед, миролюбиво произнес:

— Сдаю, сдаю, сдаю.

— Сдавай, — хрюпло согласился с ним Самсонов. — И я сдам тоже. И сам пойду без оружия этого труповыкапывателя ловить, а то с оружием я его пристрелю.

— Успокойся, Иосифович. — Игорь и Степа участливо смотрели на Самсонова. — Найдем мы этого философа.

Дверь в кабинет приоткрылась, и просунулась голова Савоева с вопросом:

— Чего?

— Ничего, — буркнул Самсонов. — Заходи, работать будем.

Гlorия Ренатовна Выщух принимала ванну. Совсем недавно в ее квартире произвели перепланировку, и она из трехкомнатной стала пятикомнатной. Делалось это простыми методами. Самвел Тер-Огонесян купил двухкомнатную квартиру, находящуюся на одной лестничной площадке с квартирой

Глории Ренатовны, и объединил их. Соседи с удовольствием продали свою двухкомнатную квартиру, во-первых, потому, что Самвел давал хорошую цену, а во-вторых, они переезжали в трехкомнатную с улучшенной планировкой, потому что денег Самвела вполне хватало на приобретение трехкомнатной квартиры, хотя и не в центре города, но и далеко не на окраине.

После объединения двух квартир, которое мастерски, быстро и красиво произвела бригада строителей из Армении, квартира Глории Ренатовны приобрела "новорусский" налет армянского происхождения. Поэтому она принимала ванну в большой, с пятью зеркалами, включая потолок, ванной комнате, и размеры ванной, встроенной в пол, напоминали маленький бассейн. Глория Ренатовна подняла вверх ногу и провела по ней двумя руками. Она думала о сыне, которого вот-вот заберут в армию, и о Самвеле Тер-Огонесяне, проделавшем все манипуляции с квартирой Глории Ренатовны и предложившем ей руку и сердце. Глория Ренатовна согласилась.

Она вздохнула, опустила ногу и, поднявшись во весь рост, ступила на разноцветно-мозаичный пол ванной, отражаясь своим блестательным тридцатишестилетним телом во всех зеркалах...

Глава девятая

— Васнецов! — На лице дежурного капитана явно было отображено отчаяние. — У нас грандиозное ЧП в 72 камере.

— В общей? — испуганно воскликнул начальник оперчасти. — Что там? — И не дожидаясь ответа, выскочил из кабинета, на ходу застегивая китель и устремляясь на второй этаж тюрьмы.

— Да я сам толком не пойму, — едва успевая за ним, бубнил дежурный. — Похоже на передел сфер влияния. На мой взгляд, полкамеры убиты.

Возле 72 камеры толпились две тревожные группы быстрого реагирования контролеров и солдаты из роты охраны. С немногим растерянным лицом между ними стоял зам по режиму Дудко. Увидев Васнецова, он кинулся к нему и взволнованно-официальным тоном сообщил:

— Ну все, Васнецов, хана тебе за неправильное распределение осужденных по камерам.

— Смотри, чтобы тебя не выгнали, блоха режимная, — не дал себя запугать начальник оперчасти и сделал знак корпусному: — Открывай!

Он быстро обвел камеру взглядом. Верхний ряд нар у окна был пуст, если не считать двух человек, которые выглядели настолько миролюбивыми в своей неподвижности, что всем, вошедшим в камеру за Васнецовым, стало понятно: двойное ЧП — два трупа.

Кладовщик сидел за столом и с увлечением строил из костяшек домино домик.

— Он, — дрожащей рукой ткнул коридорный надзиратель в сидящего за столом строителя доминошного домика. — Он их тут шугал, как курей в курятнике. — Коридорный нагнулся под нижнюю нару.

— Лом, вылезай оттуда!

— Нет, — раздался уверенный голос “главного в камере”. — И не просите.

— Вылезь, пропадлина! — гаркнул лейтенант, пришедший с солдатами. — А то “черемуху” под нару пущу.

— Нет, — сурово отказался Лом. — Я лучше тут, в темноте, побуду.

— Вылезь же, Иванцов, что ты в самом деле? — тоже нагнулся и вмешался в уговоры зам по режиму. — Все уже тихо...

Васнецов с удовольствием рассматривал место происшествия и почти с любовью поглядывал на невозмутимого Кладовщика. Увольнение откладывалось.

— Что вы, Иванцов да Иванцов, — с негодованием откликнулся Лом. — Нас тут человек двадцать сидит.

— Все вылезьте, тараканы ползучие! — взорвался строевой лейтенант. — А то сейчас АКМ принесу, он вас быстро уговорит.

— Это вам не тридцать седьмой год, — возмутился зам по режиму. — Не видите, что ли, люди и без того напуганы, может, они там все раненые.

— Да, конечно. Все как один герои-панфиловцы.

Из-под нижних нар потихоньку стали выбираться перепуганные сокамерники.

— Он! — вновь протянул свою дрожащую руку коридорный в сторону невозмутимого любителя доминошных домиков.

— А мне кажется, — раздраженно перебил его Васнецов, — что среди этих, — он ткнул пальцем в сторону мертвых, — возникла поножовщина. И они друг друга уничтожили.

— Ну-у... — неуверенно начал догадываться коридорный. — Вообще-то...

— Гну! — перебил его уже догадавшийся дежурный. — Прямая поножовщина. Доктор, — обратился он к рассматривающему трупы начальнику санчасти, — обоюдное убийство надо документально зафиксировать.

— Ну да, — ворчливо отреагировал начальник санчасти, — у них шеи свернуты, дырок от ножа нет.

— Поищите лучше, — возмутился Васнецов. — Делов-то, дырки...

Солдаты вытащили убитых в коридор и положили на принесенные санитарами из хозяйственной службы носилки, и те унесли их в овощехранилище, находящееся во дворе тюрьмы и по необходимости выполнявшее функции временного морга.

— Мы теперь под министерством юстиции, а не МВД, — предупредил доктора Васнецов. — Чтобы все было по закону, раны от ножей есть, я уверен. Ножи я вам попозже принесу.

— Есть так есть, — равнодушно согласился начальник санчасти. — Мне-то какая разница.

Васнецов решительно ткнул пальцем в сторону низложенной подоконной аристократии:

— Всех в карцер, а этого, — он задержал палец на выползающем из-под нар Ломе, — ко мне в кабинет.

Человек с лицом хмельного Пьера Ришара оторвался от своего занятия, как-то затуманенно посмотрел в сторону находящейся в камере администрации и контролеров и, слегка кивая головой, улыбнулся им беззащитной улыбкой...

Мне иногда становится грустно. Убийства окружают и сопровождают меня по жизни. Я очарован своей нестандартностью. Вот эти двое убитых мною молодых людей уже обрели счастье неведения. Что их ожидало впереди? Мое сердце от этих мыслей становится размягченным и нежным, словно его омыли чем-то теплым, хмельным и бархатным. Вокруг меня суетятся грубые люди в форме, уносят мертвых юнцов в глубь своих казематов. Я же строю из костяшек домино хлипкий замок своих эмоций и отстранен от этой суеты. Что? Мне задают вопросы, с ума сойти, это может развеселить кого угодно. О, да, конечно. Убили друг друга? Вы знаете, по большому счету, да. В этом тюремном мире они только и делают, что убивают друг друга. О, нет. Спасибо, я побуду здесь. Я терпелив и нежен. Эти двое были избраны судьбою. Один от окна крикнул в мою сторону грязное оскорбление, а второй под воздействием этого призыва решил принести себя в жертву и бросился в мои объятия. Я обнял его, всхлипывая, а затем, внимая призыву, обнял и оскорбившего меня. Всех остальных я прогнал вниз, дабы они не нарушили эксклюзивности принесенных мне жертв, а затем стал строить дом вот из этих забавных костяшек. Как жаль, что женщину в таких местах не хочется, молоденький нежный юноша был бы очень кстати, но, судя по нравам в этом мрачном каземате, здесь можно получить для утех лишь старого рецидивиста. Это слишком уж авангардно, я предпочитаю классику...

Глава десятая

Начальник краснодарского УФСБ Лапин прибыл в Сочи на похороны полковника Краснокутского как раз в то время, когда гроб с телом погружали в автобус ритуальной фирмы "Последняя надежда". Было очень много людей в форме и без нее. Краснокутского любили в городе. Среди провожающих полковника в последний путь Лапин заметил Хромова и приблизился к нему. Хромов поздоровался с ним и печально произнес:

— Хорошего мужика потеряли.

— Да, — огорченно кивнул Лапин. — Он с моим отцом дружил. Меня еще ребенком помнил.

Хромов скептически взглянул на Лапина и спросил:

— А сколько же тебе лет?

— Сорок семь, — тяжело вздохнул Лапин.

— А ему, — Хромов посмотрел в сторону уже установленного в автобус гроба, — пятьдесят два.

— Да, — уныло кивнул головой Лапин. — Совсем молодой, ох уж, эти инфаркты. — Покосившись в сторону задумавшегося Хромова, он пояснил: — Я его тоже еще ребенком помню.

Хромов и Лапин сели в автомобиль Лапина и вместе с колонной других автомобилей и автобусов поехали на кладбище. Впереди ритуального автобуса ехал ГИБДДэшный "форд" со провождения, а по бокам четыре ГИБДДэшных мотоциклиста...

— ...Старик, конечно, с приурью был, на Мексике помешан, но мужик хороший, — говорил начальник отдела сочинского УВД по борьбе с наркотиками Ростоцкий майору Абрамкину.

Абрамкин, слегка уязвленный тем, что Краснокутский не успел его рекомендовать на повышение в должности и звании, кивнул головой:

— Знали бы мексиканцы, что у них такой почитатель в России есть, они бы в честь его улицу в Мехико назвали.

— Ну да, — хмыкнул согласившийся с ним Ростоцкий.

На кладбище гроб установили на специальный постамент, и, как всегда в таких случаях, зазвучали прощальные официальные речи. Выступили мэр Сочи, затем Хромов, его сменил выступающий от рабочего коллектива УВД майор Абрамкин. И в этот момент в кармане Лапина засигналил мобильник. Оглядываясь по сторонам, Лапин достал его и, выслушав сообщение, сразу же стал настороженным. Положив мобильник в карман, он незаметно посигналил Хромову и кивнул головой "на выход". Выбравшись из толпы провожающих, они направились к воротам кладбища.

— Ты сейчас умрешь от удивления, — сказал Лапин Хромову.

— А на что мне такое удивление, — раздраженно проговорил Хромов и, оглядевшись, добавил: — Да еще в таком месте...

На похороны Краснокутского, с легким опозданием, прибыла мексиканская делегация из горного индейского города Чьяпос в количестве тридцати человек во главе с послом Мексики в России и мэром этого города. Появились яркие, какие-то праздничные цветы, зазвучала с трибуны эмоциональная, пронизанная темпераментной скорбью, речь мэра Чьяпоса. Пере-

водчик, прибывший с делегацией, еле успевал сообщать слушающим: "Он был нашим другом... наши слезы жгучи, как тройная текила... он любил петь... Вот!" Затем посол Мексики сухо и лаконично сообщил: "Мексиканское правительство и народ Мексики скорбит. Амиго Краснокутский спас от смерти сына великого Родригоса. Сейчас вся семья Родригоса Салема погрузилась в траур по амиго Краснокутскому. В честь его парламент и правительство Мексики постановили назвать одну из улиц Мехико. Она так и будет называться "Улица амиго Краснокутского". Затем вдове и дочерям было передано официальное приглашение и билеты на самолет от правительства Мексики для участия в торжественной церемонии переименования улицы в честь отца и мужа, а также личное приглашение и чек на крупную сумму от великого Родригоса.

В конце концов Краснокутского похоронили. Могила утопала в цветах России и Мексики, многие плакали.

— Кто же такой Родригос? — с недоумением произнес Хромов и посмотрел на Лапина.

— Знаменитый контрабандист и наркобарон в прошлом, а сейчас владелец крупнейших отелей в Акапулько и Мехико, уроженец города Чьяпос, — с восторгом глядя на портрет Краснокутского, утопающий в цветах на могиле, объяснил ему Лапин.

Глава одиннадцатая

Саркис Вазгенович Ольгерт, известный в уголовном мире под кличкой "Резаный", с удовольствием сделал последнюю затяжку "пяточки" в папирозе с марихуаной и, посмотрев на Морса, вежливо спросил:

— Тебя как, из пистолета выстрелить или на кол посадить?

Морс, переведенный из таганрогского СИЗО в Сочи и выпущенный Ростоцким на свободу, пытался объяснить Резаному, что полкилограмма опиума, выданные ему Резаным для продажи, пропали безвозвратно из-за злокозненности таганрогских ментов и стукачей.

— Еле ноги унес, Резаный, что поделаешь, издержки нашей жизни.

— Не нашей, а твоей, — назидательно произнес Резаный. — Вот и получается, Морс, что если среди нас есть такие, которые работают на ментов... — Он достал коробочку с кокаином и, ловко орудуя лезвием, сделал четыре дорожки, затем быстро, со смаком, вдохнул их через стеклянную трубочку и продолжил: — ...то и среди ментов есть свои, которые работают на меня. И вот эти свои сообщили, что среди нас кто-то работает на отдел по борьбе с наркотиками, а попросту на Ростоцкого. Что ты на это скажешь, Морс?

"Конец", мысленно похолодел Морс, но виду не подал и спокойно спросил:

— И кто же из наших работает на Ростоцкого?

Резаный усмехнулся, вытащил из ящика стола коробочку со шприцем, достал из стола пузырек с уже разведенным героином и какой-то лист бумаги. Блаженно улыбаясь, он выбрал шприцем два куба и, кивнув на бумагу, сказал:

— Возьми, Морс, почитай.

Внутренне холодея, Морс взял бумагу и узнал свой почерк и свое сообщение на имя капитана Ростоцкого, которое он в спешке написал на улице и передал через оперуполномоченного лейтенанта Сардида, так как Ростоцкого не было, а ждать Морс не мог. В сообщении было написано: "Сегодня, в 21.40, 9 вагон, "Москва-Сочи", 10 килограмм, таджик с фруктами, встречает "Абрек".

Морс, понимая, что смерть близка, решил хотя бы набить Резаному морду. Он напружинился, поднял глаза и увидел, как Саркис Вазгенович Ольгерт склонил голову набок и умер от передозировки, даже не успев выдернуть из вены пустой шприц...

Морс облегченно вздохнул и подумал: "Теперь бы из дома выбраться". Затем огляделся и понял — не выбраться. Все окна зарешечены, за дверью сидит охрана, на первом этаже играли в карты самые близкие соратники и родственники Саркиса-Резаного. Он лихорадочно стал обыскивать комнату Ольгерта и самого Ольгерта в поисках оружия. Нашел его, это был оснащенный полной обоймой пистолет Макарова, и, столкнув мертвого Саркиса Вазгеновича с кресла, сам уселся в него лицом к двери, положив перед собой снятый с предохранителя пистолет. Его слегка знобило, он нагнулся и вытащил из кармана покойника коробочку с кокаином, быстро сделал себе дорожку и вдохнул, пользуясь стеклянной трубкой Ольгерта. После кокаина страх исчез, и Морс даже повеселел немного. Неожиданно внизу раздался страшный шум и возгласы: "Всем на пол! Не двигаться! Милиция!" "Меня освобождать пришли", необоснованно подумал Морс, механически открыл ящик стола и обнаружил пузырек с героином и рулон разовых шприцов. Когда он набрал три куба героиновой смеси и стал вводить раствор, массивная дверь распахнулась, и на пороге появилась экзотическая "группа захвата": пьяный Хромов, пьяный Лапин, пьяные Ростоцкий и Абрамкин, пьяный начальник КПЗ Фелякин и еще несколько пьяных оперативников из УВД, а также пьяный мэр мексиканского города Чьяпос, которые, помнивая Краснокутского огромными дозами текилы, пришли к выводу, что самое лучшее поминовение для усопшего будет взятие под стражу Резаного. Ворвавшись в кабинет Ольгерта, они увидели, что мертвый Саркис лежит на полу, а такой же мертвый Морс сидит в кресле с откинутой вбок головой.

Окинув кабинет взглядом, Ростоцкий торжественно заявил:

— Мой агент, как камикадзе, убил врага и сам застрелился, я горжусь собой.

После третьего извлеченного из земли трупа в городе все стало грандиозным и шумным. Первым и выпуклым проявлением этой грандиозности стало появление московских журналистов и телевидения, которое приспало в Таганрог свою съемочную группу. Вслед за столичными журналистами развили бурную деятельность областные и городские журналисты, встрепенулись депутаты российского и областного уровня, в город приехал губернатор области и накричал на мэра города. Мэр города в отместку накричал на полковника Самсонова и городского прокурора Миронова. Возле мэрии города появились люди с плакатами, на которых было написано: "Остановите маньяка!" "Зашпитите мертвых от живых!", "Отдайте мою зарплату!".

В общем, город давно не знал такого всплеска активной жизни. Но общественность общественностью, а по линии сузубо профессиональной в город прибыла группа сыщиков МУРа во главе с Хромовым, который так прямо и сказал Самсонову:

— Полковник, все начальство с придурию, вас и себя я вывожу за скобки, так что не расстраивайтесь. Если вы ничего пока не нашупали, то мы без знания местности и людей тем более этого не сделаем. Поэтому сейчас уходим на пляж, а через неделю вы нас, загорелых и восхищенных вашей работой, проводите в Москву, где мы доложим, что таганрогский уголовный розыск это один из самых лучших в стране розысков.

— Пляж будет шикарный, — пообещал Самсонов, с удовольствием рассматривая Хромова. — Я вас в доме отдыха "Морская" на полное довольствие поселю.

— Я рад. — Пожав руку Самсонова, Хромов вышел из кабинета.

Вскоре возле здания мэрии стало тихо. Столичные корреспонденты и политики постепенно рассредоточились по сокровенным, ухоженным турбазам местных бизнесменов и представителей власти.

— Фу-у... — выдохнул Самсонов, вытирая пот со лба. — Тишина... — Он поглядел на Миронова, сидящего в его кабинете с невозмутимым видом, и вдруг резко протянул ему руку со словами: — Мир!

Миронов от этого резкого и стремительного движения отшатнулся и вместе со стулом упал спиной на пол. Ударившись в падении о стенку металлического сейфа, стоящего позади, он потерял сознание.

Самсонов озадаченно почесал затылок и, сняв трубку, позвонил секретаршу:

— Вызови "скорую", Аллочка. Тут у меня Миронов на полу лежит. Не пойму, то ли у него припадок, то ли на солнце перегрелся, то ли просто моего рукопожатия избегает.

Глава двенадцатая

Иван Селиверстович Марущак стал тяготиться возложенными на него обязанностями, а с недавнего времени даже ненавидеть их, а еще больше — презирать. Набрав номер подземной лаборатории, он спросил у коменданта:

— Как там?

— Алексей Васильевич хочет к морю, говорит, что встреча с волнами оплодотворит его мысли, — огоршил его новостью комендант подземной лаборатории.

— Самая волнистая вода находится в центре Марианской впадины, — пошутил Иван Селиверстович.

— Это озеро, что ли? — не понял шутки комендант. — Далеко?

— Одиннадцать километров шестьсот метров от поверхности Тихого океана, — рассмеялся Иван Селиверстович и положил трубку.

Собственные ощущения не так уж и сильно задевали Марущака. Его потрясло и даже испугало другое — недавнее посещение подземной лаборатории, в которой Алексей Васильевич Чебрак сделал ему подарок ко дню рождения — Ивану Селиверстовичу исполнилось шестьдесят лет. Чебрак показал его клон, подрастающую копию Ивана Селиверстовича...

“Вот до чего пьяня доводит”, не мог простить себе Марущак, вспоминая, как несколько лет назад позволил взять у себя клетки для эксперимента.

Иван Селиверстович потрясенно смотрел на свое “отрочество”, в глазах которого мерцала абсолютная пустота абсолютно го идиотизма.

— Лет через десять-пятнадцать что-нибудь забарахлит в организме, — снисходительно-восторженно говорил ему Алексей Васильевич, — а у вас, пожалуйста, полный комплект идеальных запчастей.

Иван Селиверстович молча направился к моргу и, бросив взгляд в сторону лаборатории, столкнулся с взглядомносителя своих донорских органов и крови... С того дня Иван Селиверстович стал впадать в мрачные размышления и выраживать в самом себе какое-то опасное умозаключение. Впрочем, все это не мешало ему исправно выполнять свои обязанности, и “УЖАС” действовал, как высокоточные часы — без сбоев...

“К морю ему, видите ли, захотелось, гениоту привернутому”, подумал Марущак, набрал номер по внутреннему телефону и сказал курьеру:

— Вызываю солнечного по кличке “Улыбчивый”, пусть появится, время пришло.

Он почему-то осторожно положил трубку на место, откинулся на спинку кресла, посмотрел в потолок и, неожиданно для себя, плонул в него.

Странно все это. Сколько говорят, пишут о зловещем и жестоком преступном мире, о том, какое унизительное отношение человека к человеку в лагерях и тюрьмах, но я этого не замечаю. Осужденные преступники улыбчивы и беззащитны, как дети. Едва я выхожу из барака, как они начинают улыбаться мне и дружелюбно приветствовать, приносят хорошую пищу, деньги, спиртное, наркотики. Глупенькие. От последних трех я всегда отказываюсь в их пользу, и они обескураженно счастливы. Мне присвоили кличку "Беспредел". Она мне нравится. Буря и натиск — вот смысл моей клички. А начальник колонии при виде меня резко разворачивается и уходит в противоположную сторону, что-то шепча себе под нос. Я его понимаю...

С левой стороны у изголовья моей кровати стоит тумбочка, на ней небольшой, но мощный транзистор "Спейс". Каждое утро в шесть утра я слушаю "Маяк" — новости. Вот и сегодня я просыпаюсь в половине шестого, а сплю я по системе "Леопард" — в позе абсолютного отдыха и готовности к действию, и включаю транзистор. Вместо обычного "Доброе утро, в эфире "Маяк", новости!", диктор произносит кодовую фразу: "Улыбайтесь всегда и слушайте новости на волне "Маяка".

Понятно, Иван Селиверстович Марущак, человек, которому я беспрекословно и пожизненно подчиняюсь, приказал прервать отпуск и вернуться на службу. Прощайте, мои дорогие уголовники, вспоминайте меня, вашего пастыря. Я улыбаюсь...

Начальник колонии усиленного режима полковник внутренних войск Струве был в неописуемом восторге. Заключенный Буслаев Василий Яковлевич исчез, проще говоря, ушел в побег, и полковник молил Бога, чтобы он не возвращался. Струве закурил и, вызвав к себе командира роты охраны, укоризненно спросил:

— Что же это такое, как у вас охрана поставлена, что зек умудрился пройти, и у вас ничего не звякнуло?

— А я знаю? — невозмутимо ответил ушастый майор. — Он мне не докладывал.

— Идите, — не стал вдаваться в подробности полковник.

— Зачем? — столь же невозмутимо ответил майор. — Что я, не знаю этого зека? Нас, видимо, наверху за дураков держат?

— Видимо, — согласился Струве, но спохватился, ибо собирался переложить всю ответственность за побег на майора, и соглашаться с его доводами у него не было резона. — Вы, майор, эти разговоры прекратите, мало того, что упустили заключенного, так вдобавок и поиск не организовали.

— Знаешь что, Струве, — рассвирепел майор, — ты на меня не спихивай, ты забыл, как он у тебя сигареты забирал для зеков-колясочников и замечания делал за то, что пьяный на службу ходишь, забыл?

— Не было такого, — сразу же пошел в отказ Струве. — Это невозможно в принципе.

— Козел ты, Струве, — сразу как-то поник майор.

— Но, но! — приподнялся из-за стола полковник, но тут раздался звонок секретарши. — Да? — щелкнул он клавишей.

— К вам начальник спецчасти и начальник режимной части, — пробасила секретарша, восемнадцатилетняя девяносто-килограммовая красавица.

— Давай их сюда. — Струве снова сел на место, стараясь придать лицу выражение солидности и власти.

— Лицемер наглый, — в последний раз напомнил о себе командир роты, который не находился в подчинении у полковника.

Вошли начальники спецчасти и режимной части. Выяснилось, что исчезло дело осужденного Буслаева Василия Яковлевича, исчезли карточки с его фамилией из контролерской, продларька, санчасти, и так далее, и тому подобное, то есть получилось, что такого зека в списочном составе колонии нет, и, следовательно, никакого побега не было.

— Ура! — начал Струве, но осекся и четко проговорил: — Я догадывался, что так оно и получится.

Савоев разбирал на столе бумаги, состоящие из бытовых жалоб жильцов подотчетного ему микрорайона.

Еще не зная, что наступает его звездный час, он взял из папки стандартный лист бумаги с жалобой от жильца, проживающего по улице Пальмиро Тольятти, дом X?, квартира 44... Она была сухой и конкретной, как математическая формула, и принадлежала Носову Геннадию Геннадьевичу.

“Рядом со мной в квартире 43 проживает Леонид Растворич Светлогоров, он алкоголик и явный шизофреник. Прошу подвергнуть его медицинскому освидетельствованию”.

“А то я не знаю, что Леня алкаш и псих, — раздраженно подумал Слава. — По-моему, об этом знает весь город”, но решил отправиться на улицу Тольятти и посоветовать Лене Носова покусать.

Поднявшись на второй этаж дома номер X?, Слава позвонил в квартиру 43, где проживал Леня Светлогоров, и почему-то почувствовал волнение. Дверь не открывали, и он позвонил еще раз, еще и еще. Рядом раздался щелчок, и из квартиры 44 вышел сухощавый, высокий, с лицом профессора математики, человек.

— Я его уже два или три дня не вижу, — сказал он.

— От вас можно позвонить? — спросил Слава, чувствуя, как волнение сменяется какой-то зыбкой и ни на чем не основанной догадкой.

— Да, — не стал вдаваться в подробности Носов, внешностью напоминавший собственную жалобу.

— Степа, бери Игоря, и дуйте сюда, ко мне, на Тольятти, возле квартиры Лени Светлогорова, ты знаешь, где это, — не вдаваясь в подробности, проговорил в трубку Слава и услышал короткий ответ:

— Даум...

Через некоторое время они стояли в большой комнате трехкомнатной квартиры Лени Светлогорова и смотрели на тело, болтавшееся в петле, прикрепленной к люстре. К своей рубашке Леня пришипил булавкой записку. В ней сообщалось:

“Я напомнил людям о существовании людей и ушел домой. Каждый человек — история, деталь бесконечности. На кладбище лежат пластины людей-планет, но мы ничего не знаем о них. Изучайте мертвых и прощайте, через триста лет я вернусь и все проверю.

Художник-археолог,
проверяющий правила земной и небесной жизни,
Леня Светлогоров”.

К стенам почти пустой комнаты были прислонены картины в грубых рамках. Вот хоронят Ольгу Остансскую — четко выписаны лица вокруг могилы и гроб, упывающий в нее. Вот вторичное, послемогильное, появление Ольги. Леня вложил в это второе появление как бы легкий проблеск ни на что не рассчитывающей надежды. Вот уродливая маска смерти на лице Любы Савеловой, Леня нарисовал еще одну Любку, стоявшую среди провожающих и оплакивающую саму себя и свое уродство. Света Баландина на одной картине кокетливо и артистично стояла у куста жасмина, а на второй лежала в сквере завода “Красный Котельщик” мертвая.

— Так он, оказывается, и был тем извращенцем-труповыкапывателем! — В полной тишине скрипучий от негодования голос соседа Носова прозвучал как карканье.

Степа Басенок пренебрежительно взглянул на него.

— Заткнитесь лучше, — и объяснил: — Он был вторым и улучшенным воплощением Сальвадора Дали.

Эпилог

Я еду в Москву. Мимо окон поезда мелькают селения, города, леса, равнины — Россия. Мне, телохранителю высшего класса “Солнечный”, еще нужно выяснить свое отношение к ней. Где-то я слышал, или читал, или сам пришел к мысли, что русская любовь к Родине — это одна из разновидностей суицида. Когда-нибудь я обдумаю это. Иван Селиверстович вызвал меня на службу. Видимо, придется вновь сопровождать Алексея Васильевича, этого гениального ублюдка с забавными представлениями об окружающем мире. Он так уверен в моей надежности, что позволяет себе любые экстравагантности

из-за этой уверенности. Только не знает, что, если Иван Селиверстович прикажет его уничтожить, я это сделаю. Единственный человек на земле, которому я обязан и буду служить до последнего вздоха в любых ситуациях, это Иван Селиверстович Марущак. Нас шесть "солнечных". При экстремальном изменении мира, чем, собственно говоря, и занимается "УЖАС", мы бросаем все обязанности и всецело занимаемся одним — спасением жизни Ивана Селиверстовича и информационных файлов "УЖАС" а. Величие нашей организации бесконечно лишь на Тибете, в МОАГУ, есть равные, нет, все-таки посовершеннее, чем мы, нейтрализаторы, а еще проще, "люди полной луны" — ЛПЛ, к встрече с которыми нужно готовиться на полном серьезе, но мы в одной команде... Нужно заскочить в Москве к старшему брату, он проживает под именем Стефан Искра, находится, как и другой коллега, работающий гардеробщиком в Большом театре, в состоянии "засухаренности" — играет роль алкоголика — пьет спиртное по методике "таяла вода" — и суперсолдата в отставке, а на самом деле он такой же, как и я, неистовый "солнечный". Я люблю своего брата. Скоро у меня будет новое задание, а сейчас я смеюсь, представляя вытянутые лица администрации колонии, которую покинул, поколебав тем самым их веру в колючую проволоку, сигнализацию, запретную зону и солдат на вышке. Ну что же, пусть поживут в безверии. Вот и огни Москвы, огромного, отличного и великого города. Здравствуй, Москва, я подъезжаю к тебе и улыбаюсь... ■

Конец первой книги

Геннадий ЕВГРАФОВ

**“Я В СЕБЕ,
ОТ СЕБЯ,
НЕ БОЮСЬ
НИЧЕГО...”**

Рассказывали, что когда в салон Мережковских привели Сергея Есенина — новую восходящую звезду в Северной столице, Гиппиус, холодная и непроницаемая, затянутая во что-то черное, вышла навстречу поэту, поднесла свой лорнет (с которым почти никогда не расставалась) к глазам и, взглянувшись в облик гостя, бесстрастно спросила: "Это что у вас за гетры такие?"

Была зима, было холодно, но рязанский самородок, прослышенный о чудаствах хозяйки дома, явился знакомиться в валенках не только из-за морозов, но и для "эпатажу". "Эпатажу" не вышло...

Она сама любила эпатировать и лорнировать, рассматривать окружающих через микроскоп, будь то в жизни или в литературе. Что, впрочем, для нее было одним и тем же. Поэтому большинство литературных знакомых ее не любило, меньшинство, отдавая дань уму и таланту, побаивалось. Дружили немногие. И сохраняли верность, как, например, Савинков или Злобин, до конца жизни. Своей или ее.

Современники оставили описания ее портрета. В этих описаниях переплелись и личные, и литературные отношения. И восприятие тех, кто о ней писал. И, конечно же, время и место.

Вот какой впервые (в 1901 году) в редакции журнала "Мир искусств" увидел ее — Зинаиде Николаевне было 32 года — совсем еще молодой, почти всегда пребывающий в экзальтации, Андрей Белый: "...из качалки сверкало; З. Гиппиус точно оса в человеческий рост, коль не "остов пленительницы" (перо — Обри Бердслея); ком вспученных красных волос (коль распустит — до пят) укрывал очень маленькое и кривое какое-то лицо; пудра и блеск от лорнетки, в которую вставил зеленоватый глаз; перебирала граненые бусы, уставясь в меня, пята пламень губы, осыпаясь пудрою; с лобика, точно сияющий глаз, свисал камень: на черной подвеске; с безгрудой груди тащил черный крест; и ударила блесками пряжка с ботиночки; нога на ногу; шлейф белого платья в обтяжку закинула; прелест ее костяного, безбокого остова напоминала причастницу, ловко пленяющую сатану".

А вот какой запомнилась Гиппиус в середине 20-х годов (З. Н. шел уже 48-й год) другой современнице, острой и наблюдательной Нине Берберовой: "Положив ногу на ногу и закинув голову, слегка прикрывая веками свои близорукие глаза (ставшие к старости косыми), она играла лорнеткой, слушая Маклакова... Она всегда любила розовый цвет, который "не шел" к ее темно-рыжим волосам, но у нее были свои критерии, и то, что в другой женщине могло показаться странным, у нее делалось частью ее самой. Шелковый, полупрозрачный шарф струился вокруг ее шеи, тяжелые волосы были уложены в

сложную прическу. Худые маленькие руки с ненакрашенными ногтями были сухи и безличны, ноги, которые она показывала, потому что всегда одевалась коротко, были стройны, как ноги молодой женщины прошлых времен. Бунин, смеясь, говорил, что у нее в комоде лежит сорок пар розовых шелковых штанов и сорок розовых юбок висят в платяном шкафу. У нее были старые драгоценности, цепочки и подвески, и иногда...она появлялась с длинной изумрудной слезой, висевшей на лбу на узкой цепочке между бровями. Она несомненно выработала в себе две внешние черты: спокойствие и женственность. Внутри она не была спокойна. И она не была женской".

Прошло всего лишь каких-то четверть века, а казалось, почти вся жизнь: встреча с Дмитрием Сергеевичем Мережковским, первые книги стихов и прозы, литературно-критическая и общественная деятельность, три революции, эмиграция — но Гиппиус всегда и везде оставалась Гиппиус — верной себе, не изменявшей себе никогда и ни в чем.

Она родилась 8(20) ноября 1869 года в провинциальном городке Белеве Тульской губернии, где после окончания юридического факультета Московского университета служил ее отец Николай, выходец из осевшей еще в XVI веке в России немецкой семьи Адольфуса фон Гингста, переменившего фамилию на фон Гиппиус. В январе 1869-го года он женился на дочери екатеринбургского полицеймейстера Анастасии, под конец осени появилась на свет маленькая Зинаида. Отца назначали то в Тулу, то в Саратов, то в Нежин, семья, в которой вскоре появились еще три дочери, перемещалась вслед за ним.

В Нежине нежно цвела сирень, пахло яблоками, хрустели на зубах знаменитые нежинские огурчики. Москва запомнилась густым колокольным звоном, кривыми переулочками, которыми Зинаида добиралась до классической гимназии Фишера на Остоженке, куда ее отдали родители, переехав в столицу. Но в основном образование было домашним — манерам учили гувернантки, наукам — студенты. После ранней смерти отца (в 1881 году) семья продолжала кочевать, это сказалось на здоровье Зинаиды — врачи заподозрили туберкулез. Из Москвы переехали в Ялту, из Ялты — в Тифлис.

В ней рано проявились литературные наклонности, она пыталась писать стихи, вела дневник. Стихи были ученическими, подражательными, дневник был интересен самой себе. Она полюбила живопись, увлеклась музыкой и...верховой ездой. Лошади попадались строптивые, но она быстро научиласьправляться с ними. Зинаида расцвела, налилась статью, и высокая, золотоволосая, с зелеными, излучающими изумрудный блеск глазами, пользовалась успехом у молодых людей. В Боржоми она познакомилась с Дмитрием Мережковским, который при-

влек ее внимание своей серьезностью, эрудированностью и умением говорить "интересно — об интересном". Симпатия оказалась взаимной, знакомство имело последствия, и летом 1888 года произошло объяснение. В ротонде, где они танцевали в один из вечеров, было душно, тесно, все толкали друг друга. Они выбрались из круга танцующих и ушли в ночь — светлую, прохладную. Был разговор, даже не объяснение и не предложение, причем оба, как вспоминала позже Зинаида Николаевна, разговаривали так, как будто давно было решено, что они жениятся и что это будет хорошо.

И это действительно было хорошо — Мережковские прожили вместе 52 года и ни разу со дня венчания, состоявшегося 8 января 1889 года в тифлисской церкви Михаила Архангела, не расставались. Невесте минуло 19 лет, жениху было 23 года.

Так началась жизнь вдвоем: совместная семейная и литературная не совместная — прожив все эти годы бок о бок, ни разу они не написали ничего вместе. Идеи — да, часто вырабатывали вдвоем, но случалось ей и опережать в чем-то Дмитрия Сергеевича. Она бросала зерна в унавоженную почву, он наращивал плоть, бережно выращивал, оттачивал, придавал форму.

Многих современников этот брачно-литературный союз приводил в удивление. Родственница Валерия Брюсова Бронислава Погорелова через 10 лет после смерти З. Н. и спустя более полувека после запечатлевшейся на всю жизнь встречи писала: "Странное впечатление производила эта пара: внешне они по-разительно не подходили друг другу. Он — маленького роста, с узкой впалой грудью, в допотопном сюртуке. Черные, глубоко посаженные глаза горели тревожным огнем библейского пророка. А рядом с ним Зинаида Николаевна Гиппиус. Соблазнительная, нарядная, особенная. Она казалась высокой из-за чрезмерной худобы. Но загадочно-красивое лицо не носило никаких следов болезни. Пышные темно-золотистые волосы спускались на нежно-белый лоб и оттеняли глубину удлиненных глаз, в которых светился внимательный ум. Умелый-яркий грим. Головокружительный аромат сильных, очень приятных духов. При всей целомудренности фигуры, напоминавшей скорее юношу, переодетого дамой, лицо З. Н. дышало каким-то греческим всепониманием. Держалась она как признанная красавица, к тому же — поэтесса. От людей, близко стоявших к Мережковским, не раз приходилось слышать, что заботами о семейном благодеянии (то есть об авансах и гонорарах) ведала почти исключительно З. Н. и что в этой области ею достигались невероятные успехи".

Это взгляд со стороны. А вот взгляд изнутри — самой Гиппиус. В книге о муже — так и названной — "Дмитрий Мережковский", писавшейся до и после его смерти, она вспоминала: "... разница наших натур была не такого рода, при каком они

друг друга уничтожают, а, напротив, могут, и находят между собою известную гармонию. Мы оба это знали, но не любили разбираться во взаимной психологии. ...случалось мне как бы опережать какую-нибудь идею Д. С-ча. Я ее высказывала раньше, чем она же должна была ему встретиться на его пути. В большинстве случаев он ее тотчас же подхватывал (так как она, в сущности, была его же) и у него она уже делалась сразу махровее, принимала как бы тело, а моя роль вот этим высказыванием ограничивалась, я тогда следовала за ним". Но было и по-другому: "Иногда случалось, что первая идея принадлежала ему. Если я ее не понимала и была не согласна, я редко следовала за ней, пока не убеждалась в ее правоте. Так же и он, и тогда происходили между нами ссоры, мало похожие на супружеские". И все же, что касается религиозной идеи, то всю жизнь они прожили той, что пришла ей в лето Господне 1905 года и сделалась *idee fixe*. Это была идея о "тройственном устройстве мира". Как всегда, она поделилась ею с мужем. Он "преобразил ее в самой глубине сердца и ума, сделав из нее религиозную идею всей своей жизни и веры — идею Троицы, пришествия Духа и Третьего Царства или Завета".

Они были как сообщающиеся сосуды, "плюс" на "минус" в жизни дал "плюс", поэтому и сумели прожить вместе такую долгую, хотя и непростую жизнь.

Но вот еще одно важное (безусловно, субъективное) наблюдение современника (Георгия Адамовича) для понимания личности Гиппиус: "...она была человеком без "музыки" и хорошо это знала. "Музыка" была в нем, в Мережковском; странная, бедная, какая-то отрешенная, не то аскетическая, не то скопическая, но несомненная, и при их теснейшем, чуть ли не полу-вековом умственно-литературном сотрудничестве, она многое от него переняла, — и, переняв, осложнила. Она перестроила себя на его лад, но при этом осталась собой, не поддавшись ничему, сколько-нибудь похожему на подобие "музыки", ничему такому, что обычно приводит к дешевой славости или певучести... Она хотела "того, чего нет на свете"...умом, разумом, рассудком стремилась к тому, чего умом, рассудком, разумом достичь нельзя..."

Профессиональная литературная жизнь Зинаиды Гиппиус началась незадолго до свадьбы, когда в 12-й книжке журнала "Северный вестник" за 1888 год появилась первая поэтическая публикация — два стихотворения, подписанные инициалами З. Г. Но это был еще "не поэт — Зинаида Гиппиус", это был "Надсон в юбке". Вообще вся ранняя поэзия З. Г. окрашена в тона, характерные для "поколения уставших" — поколения 1880-х годов, разочарованного в жизни, меланхолически склоняющегося, пессимистически настроенного. И, конечно, здесь не могло не обойтись без весьма распространенных в литературе

того времени мотивов — сомнений в собственных силах, томлении по смерти.

Как поэт, оригинальный, с собственным голосом, ясно различимом на фоне таких мощных голосов, как Анненский, Брюсов, Ходасевич, Зинаида Гиппиус оформится в первое десятилетие нового, XX столетия, когда религиозно-мистические искания обретут поэтическую форму, когда напряженное духовное существование между двумя полярными полюсами — то, что ее мучило и не находило ответа, она сумеет передать в слове: “Мне близок Бог — но не могу молиться. /Хочу любви — и не могу любить”. Когда “Я” выйдет за рамки личности и станет и миром, и Богом — в себе. Это хорошо поймет и почувствует Иннокентий Анненский, тончайший лирик и проницательный критик. Разбирая ее стихи, он напишет: “Для З. Гиппиус в лирике есть только безмерное Я, не ее Я, конечно, не Ego вовсе. Оно — и мир, оно — и Бог; в нем и только в нем ужас фатально-го дуализма; в нем — и все оправдание, и все проклятие нашей осужденной мысли; в нем — и вся красота лиризма З. Гиппиус”. Далее Анненский цитировал ее стихотворение:

Я в себе, от себя, не боюсь ничего,
Ни забвенья, ни страсти.
Ни боюсь ни уныния, ни сна моего,
Ибо все в моей власти.

Ни боюсь ничего и в других — от других,
К ним нейду за наградой.
Ибо в людях люблю не себя, и от них
Ничего мне не надо.

О, Господь мой и Бог, пожалей, успокой,
Мы так слабы и наги.
Дай мне сил перед ней, чистоты пред Тобой,
И пред жизнью — отваги.

И приходил к окончательному выводу: “Среди всех типов нашего лиризма я не знаю более смелого, даже дерзкого, чем у З. Гиппиус. Но ее мысли, чувства до того серьезны, лирические отражения ее так безусловно верны, и так чужда ей эта разъедающая и тлетворная ирония нашей старой души, что мужская личина этой замечательной лирики (З. Н. Гиппиус пишет про себя в стихах не иначе, как в мужском роде) едва ли когда-нибудь обманула хоть одного внимательного читателя”.

Другими словами, речь шла о “вселенной” поэта Гиппиус, которую не спутаешь ни с чьей другой. Она прорывалась в стихах к самой себе, к такой, какою была. Это могло кому-то нравиться, кому-то не нравиться, но это было. Поэтому Анненский увидел “фатальный дуализм”, а Роман Гуль — “страшное двойное лицо”. И даже больше того — “двоедущие”. А

Корней Чуковский — “манию противоречия”. Гиппиус отвечать своим зоилам не хотела, но в стихотворении “Напрасно” (1913), написанном совершенно о другом и по другому поводу, получилось, что ответила: “Будь верен сердцу своему/Храни его ключи”.

И была верна, и хранила, и редко кого туда пускала. Любила всю жизнь одного Дмитрия Сергеевича, но бывали и влюбленности. В поэта Минского или, скажем, в известного и влиятельного в свое время литературного критика Акима Волынского. Это ему она в одном из писем (27 февраля 1895 года) писала: “...Я смешала свою душу с Вашей, и похвалы и хулы Вам действуют на меня, как обращенные ко мне самой. Я не заметила, как все переменилось...”. Они были уже несколько лет знакомы “литературно”, теперь роман принимал другие формы и развивался быстро и стремительно. Уже 1 марта неприступная Зинаида признается: “Вы мне необходимы, Вы — часть меня, от Вас я вся завишу, каждый кусочек моего тела и вся моя душа...” Но в октябре все кончилось — когда она из завоевателя превратилась в завоевавшую, когда она поняла, что он не способен испытывать то, что она называла “чудесами любви”, когда он уступил ей во всем... Она была из тех женщин, что не любят, когда им уступают. Тем более — во всем. Волынский этого не понял... и уступил. Увлечение прошло, зависимость исчезла. Когда это произошло, он перестал ей быть интересен — сделался антиэстетичным. Что ж, она могла прекратить отношения и по этой причине, и не только с человеком, но и с властью, как это произойдет в 1917 году.

В начале века образовался так называемый “тройственный союз”, в который входили она, Мережковский и ближайший сотрудник “Нового пути”, критик, публицист Дмитрий Философов. Идея “тройственного устройства мира”, должного прийти на смену традиционному христианскому мируустройству, усердно разрабатываемая Д. М. и З. Н., на бытовом житейском уровне приняла форму совместного проживания с близким духовно и интеллектуально Философовым. Конечно, это был очредной эпизод, вызов Мережковских обществу. Жизнь втроем — общество полнилось слухами, гадало: настоящая — не настоящая? А тут еще письмо из Парижа, куда троица уехала в феврале 1906 году. Язвительная Зинаида писала Брюсову, что они радуются новому оригинальному хозяйству (квартира в Париже была дорогой и огромной), что мебели в ней всего 3 постели, что кресел (соломенных) тоже 3 и что вообще это “новый способ троебрачности”. Но как было на самом деле — кто знает. Известно только — из писем Философова к Гиппиус — что влюблен он в нее никогда не был, о чувственности не шло и речи, если что и испытывал, то только дружественный настрой. Однако подозревал, что З. Н. в него была влюблена. Тем не менее “союз” длился несколько десятилетий, после чего распался...

Зинаида Николаевна всегда стремилась быть свободной — и внешне, и внутренне. Презирала условности, старалась быть не в быту — над бытом. Поэтому всегда, несмотря на совместную жизнь с мужем, была одинока (внутренне), ибо свобода и одиночество две вещи нераздельные. Поэтому на виду и вела себя подобающим образом, вызывая восхищение одних и неодобрение других.

Она любила одеваться в мужское, как Жанна д'Арк или Надежда Дурова. В стихах, статьях говорила о себе в мужском роде, подписывалась мужскими псевдонимами "Антон Крайний", "Лев Пущин", "Товарищ Герман". Многих это раздражало, некоторых пугало, третьих отталкивало. А она, не обращая внимания ни на первых, ни на вторых, ни на третьих (кроме Дмитрия Сергеевича — он всегда и во всем оставался единственным авторитетом, к голосу которого она прислушивалась), была единственно такой, какой могла быть: внешне — спокойной и женственной, привлекающей внимание мужчин и женщин, внутренне — мятущейся, увлекающейся мистикой "поля", решавшей вопросы "метафизики любви", размышляющей о Христе, церкви, живущей в современности и современностью — для будущего.

Ее литературному таланту было узко в каких-то одних жанрово-заданных рамках. Поэтому — и стихи, и проза. Поэтому — и публицистика, и литературно-критические статьи.

Первый сборник ее рассказов — "Новые люди" — появился в 1896 году и не выходил из привычного беллетристического ряда. Ни в технике письма, ни в сюжетах или героях, и даже философских аллегориях не было новизны, открытия и событием в литературе книга не стала. Очевидно, Гиппиус нужна была новая форма для самовыражения, в стиховых рамках ей было узко — проза давала простор для высказывания томивших ее идей, чувств, мыслей. Но здесь она не смогла удержаться от некой заданности и даже (порой) прямой назидательности — того, чего не терпит настоящее искусство.

Лучшей формой для литературного высказывания стала для Гиппиус форма дневника. На протяжении 1899 — 1907 годов ее литературно-критические статьи появлялись в журнале "Новый путь", направление которого — неохристианское возрождение России, вера в Третий Завет или религию Духа — разрабатывалось Мережковскими. Собранные вместе, они составили единое целое — "Литературный дневник", который увидел свет в 1908 году. Здесь она была не скована никакими ограничениями, здесь она могла говорить с читателем напрямую, здесь она могла не сдерживать свой клокочущий темперамент. И дать волю своим симпатиям и антипатиям, любви и нелюбви. А любила она Достоевского и Чехова, и свысока, как к боссяку и плебею, относилась к Горькому и уж совсем уничижительно-презрительно к третьеразрядным литераторам типа Ба-

ранцевича, которых в современной ей литературе было пруд пруди.

Но "Дневник" представлял перед читателем и как своеобразная летопись духовной жизни Гиппиус, где личное тесно сплетается с "общественным". "Дневник" позволял свободно говорить обо всем — и о литературе, и о театре, и о философии, и о религии. Отпадала необходимость скрываться — как говорили раньше — под маской "лирического героя". Героем был сам автор — героями те, о ком он писал. Но был и еще один существенный момент, весьма важный для Зинаиды Гиппиус — страстицы ее дневника, казалось, совсем недавно еще дышавшие современностью, теперь говорили уже о том, что было. Настоящее стало прошлым, то есть историей, жизнью, которой жила она и общество. Но все меняется, все движется, поэтому: "Надо уметь чувствовать время; надо помнить, что история везде и все в истории — в движении. Последняя мелочь — и она в истории, и она может кому-нибудь пригодиться, если будет только на своем месте". Поэтому она не хотела отрекаться ни от одной за пятой, ни от одной строчки, ни от одного "вчерашнего дня". Что было — то было.

Поэтому, обращаясь в предисловии (уже процитированном выше) к своим читателям, автор утверждал: "Отрекаться от какого бы то ни было прошлого — опасно: это отречение ведет к потере и настоящего, и будущего". Это была не просто декларация — чувство историзма было присуще Зинаиде Николаевне Гиппиус. И все статьи "Дневника" пронизаны именно этим чувством, шел ли в них разговор о прозе поэта (Брюсова), или о театре (Художественном), или о пошлости в жизни и литературе. Не говоря уже о рассуждениях на темы современного искусства, декадентах или парижских впечатлениях.

Гиппиус не только критиковала, полемизировала, ниспревергала, но и утверждала — свое, заветное, выношенное, то, во что верила, чем жила, что думала о том или ином предмете. А думала она прежде всего о главном — о Боге и путях, ведущих к нему. Размышляла она и об "искусстве для искусства", высказывая мысль, что это "змея, кусающая свой хвост". Она говорила о самых важных для человека вещах — о Жизни и Смерти, о вере и безверии, о том, что несмотря ни на что человек живет потому, что можно жить, потому что "человеческое в человеке живуче".

И еще одна важная для Гиппиус мысль прозвучала на страницах ее "Литературного дневника": "Черт говорит: "должно быть, как есть. Мы говорим: должно быть, как должно быть". И только если мы так говорим, — и может что-нибудь действительно быть. Потому что черт и тут обманывает нас, лживо воплощая в слова свои мысли; истинное же значение слов "все должно быть, как есть" — "все должно не быть, потому что ничего нет".

О, она хорошо знала, о чем говорила. Она давно боролась с "чертом" в своей душе, отсюда — когда "черт" побеждал — и двойственность ее натуры, характера, которую улавливали проницательные современники, отмечая в ней "демоническое" начало. Но она же и мучительно пробивалась к Богу, ища его на путях Любви, о чем и писала в одном из писем к Философову в июле 1905 года: "Я ищу Бога-Любви, ведь это и есть Путь, и Истина, и Жизнь. От него, в Нем, к Нему — тут начинается и кончается все мое понимание выхода, избавления".

И еще у нее было то, что спасало — стихи, проза, религиозные поиски, Дмитрий Сергеевич Мережковский. И Россия, которую она (без надрыва) любила. Но ту, которая была, а не ту, которая стала. Революция 1905 года уже была не ее. Октябрьский переворот 17-го — тем более. "Грядущий хам", о пришествии которого предупреждал ее муж, грянул, причем не только полез — из всех российских щелей — он пришел к власти. И уничтожил все, чему она поклонялась. Все перевернулось — бытие, быт, старая жизнь с ее поисками добра, гармонии, идеала. "Добро" пришло в кожаной куртке с наганом и ордером на обыск. К "гармонии" приводила пуля в чекистском подвале. "Идеалом" стали кровь, насилие, единомыслие.

Когда-то (в 1904-м) в стихотворении "Все кругом" она писала:

*Страшное, грубое, липкое, грязное,
Жестко-тупое, всегда безобразное,
Медленно рвущее, мелко-нечестное,
Скользкое, стыдное, низкое, тесное,
Явно довольное, тайно-блудливое,
Плоско-смешное и тошно-трусливое,
Вязко, болотно и тинно застойное,
Жизни и смерти равно недостойное,
Рабское, хамское, гнойное, черное,
Изредка серое, в сером упорное,
Вечно лежачее, дьявольски косное,
Глупое, сохлое, сонное, злостное,
Трупно-холодное, жалко-ничтожное,
Непереносное, ложное, ложное!*

*Но жалоб не надо; что радости в плаче?
Мы знаем, мы знаем, все будет иначе.*

Она ошиблась. Не то что не стало иначе (стихи удивительно ложились на новую большевистскую действительность), но более того, действительность оказалась пострашнее стихов. Русская воля — всегда хаос и анархия. Большевики сняли все табу, разбудили самые темные, дремлющие в человеке инстинкты. Гиппиус, в отличие от Блока, не услышала "ни музыки революции", ни музыки в революции. Кроме того, она никогда не была "хористкой" — не пела ни "в хоре", ни "с хором". Она все-

гда была голосом вне хора, отличным от других, поэтому всегда слышимым, поэтому явственно различаемым на фоне других. Она была индивидуальностью и ей было не по пути с массой. И все, что творилось в послеоктябрьской жизни (не жизни — хаосе) — ей было не по нутру. И поэтому она не хотела быть с теми, кто умертвил февральскую Россию. Не говоря уже — заодно. Вопрос: со свободой, но без России был решен в пользу свободы* — они начали готовиться к отъезду. Туда, где не было большевиков. Туда, где не ограничивали свободу думать, свободу говорить, свободу писать. Туда, где у них была своя квартира. Мережковские тайно собирались в Париж.

Они уезжали не столько от голода, холода, воюющих мерзлых селедок и общественных работ — они уезжали от несвободы, они уезжали из-за брезгливости, из-за невозможности эстетически сосуществовать с новой властью. Они покидали “царство Антихриста”, царство тотальной лжи и тотального террора. В декабре 1919 года Мережковские, Философов и Злобин, бывший ее литературным секретарем с 1916 года, выехали из Петрограда в Гомель — в январе 1920 нелегально перешли границу. У Мережковских были опасения, что им не дадут выехать по существующим правилам. С собой они уносили свою Россию. В той, другой России, которую они оставили (понимали, что навсегда), оставались Брюсов, Блок, Чуковский. Кто-то пошел на сотрудничество с новой властью, кто-то приспособился к совместному сосуществованию. Кто-то (Ходасевич, Ремизов, Тэффи), как и они, покинули Родину. Кого-то (в основном философов — Бердяева, Шестова и др.) большевики бесцеремонно посадили на пароход и выслали из страны. В Варшаве, Берлине, Париже возникли островки русской эмиграции. Мережковские до своего отъезда во Францию (в ноябре того же 20-го года) обосновались в Польше. И активно занялись антибольшевистской деятельностью. Темперамент Зинаиды Николаевны требовал общественного выхода. Они основали газету “Свобода”, печатали политические статьи, направленные против Советской власти, читали лекции о положении дел в Советской России. Гиппиус была остроумна и зла, высмеивала своих идейных врагов, не щадя никого.

В Париже их литературная и общественная деятельность продолжилась — они не собирались сидеть сложа руки. Вокруг Мережковских всегда собирались люди. Так было в Петербурге, так продолжилось и в Париже — и здесь они стали одним из средоточий русской интеллектуальной жизни. По

* В Париже Нина Берберова была свидетельницей таких разговоров между супругами:

— Зина, что тебе дороже: Россия без свободы или свобода без России?

— Свобода без России, — отвечала она, — и потому я здесь, а не там.

воскресеньям в их квартире в фешенебельном квартале Пасси собирались писатели и журналисты, философы и издатели русских газет и журналов. Говорили о литературе, спорили на политические темы, обсуждали положение в России и мире. Но вскоре эти воскресные посиделки показались Мережковским недостаточными, и в феврале 1927 года они создали общество "Зеленая лампа" — нечто вроде "инкубатора идей", род тайного общества, где все были бы между собой в заговоре в отношении важнейших вопросов "воскресений" и постепенно развили внешний круг "воскресений". Цвет "русского Парижа" можно было увидеть на этих ставших традиционными встречах.

Общество просуществовало до 1939 года. Немцы вошли в Париж 14 июня 1940 года.

Дмитрию Сергеевичу останется жить чуть больше года, Зинаиде Николаевне — пять лет.

Но что это были за годы. Многие русские успели (кто куда) выехать из Франции. Мережковские остались. Они боролись с навалившейся старостью, с болезнями — возникли перебои с лекарствами, с голодом — порою вся еда их состояла из кофе и черствого хлеба, с холодом — не было угля, чтобы согреть дом, с безденежьем — французские издатели с приходом немцев перестали платить, о заграничных — не заходило и речи. Вспоминался Петроград 17-го года. В Париже 40-го — было хуже. Что оставалось? Друзья, которые помогали, чем могли. Работа, которая спасала от уныния.

Дмитрий Сергеевич Мережковский ушел из жизни 7 декабря 1941 года. Он редко болел, продолжал много писать и умер внезапно.

После смерти мужа она замкнулась в себе, свидетельствует верный Владимир Злобин, остававшийся с нею до ее последнего часа, и даже помышляла о самоубийстве — только "остаток религиозности"держивал ее от самовольного ухода. Но — "живь мне нечем и не для чего" — записывает она в дневник. И все же она нашла в себе силы и продолжала жить. Утраты продолжались — в ноябре 1942 года не стало сестры Аси. В дневнике появляется запись: "С того дня в ноябре, когда умерла Ася, я каждый час чувствую себя все более оторванной от плоти мира (от матери)".

Зинаида Николаевна пережила мужа на пять лет, успев напечь книгу о нем ("Дмитрий Мережковский"), но не успев закончить. Когда начинала работу, она понимала, что его уход (как, впрочем, и ее самой) не за горами. Поэтому надо было спешить. После смерти Д.С. она могла воскресить его только в слове. Это единственное, что у нее оставалось.

"На З.Н. в церкви на отпевании (Мережковского — Г. Е.) было страшно смотреть: белая, мертвая, с подгибающимися ногами. Рядом с ней стоял Злобин, широкий, сильный. Он поддер-

живал ее", — вспоминала Нина Берберова. После его смерти она словно закаменела.

В сентябре 1943-го на русском кладбище в Сен-Женевьев-де-Буа открывали памятник Д. С. Мережковскому. За эти несколько лет Зинаида Николаевна превратилась совсем в старуху, черты лица ее обострились, кожа стала сухой и прозрачной. Ей помогали жить стихи.

В первом своем стихотворении, написанном в семилетнем (!) возрасте она писала:

Давно печали я не знаю
И слез давно уже не лью.
Я никому не помогаю,
Да никого и не люблю.

Людей любить — сам будешь в горе.
Всем не поможешь все равно.
Мир что большое сине-море,
И я забыл о нем давно.

В последнем:

Я на единой мысли сужен,
Смотрю в сверкающую тьму,
И мне давно никто не нужен,
Как я не нужен никому.

Она прошла "чистилище" и все отпущенные ей жизнью круги "рая" и "ада". И осталась все той же Гиппиус, все с тем же мужским "Я", со своим отношением к людям, к миру.

В последнее время она работала над поэмой "Последний круг (И новый Дант в аду)". Ее личная "божественная комедия" подходила к концу — в поэме она подводила ее итоги.

"Незадолго до смерти у нее вырывается крик: "Но мне все равно теперь. Я только и хочу — уйти; уйти, не видеть, не слышать, забыть..."

Она умерла сухой парижской осенью 9 сентября 1945 года и была похоронена на русском кладбище, где покоялось тело ее мужа, с которым она прожила такую долгую жизнь и без которого все в ее жизни стало терять свой смысл.

БЕЗУТЕШНЫЙ МОЙ...

Светлана БЕСТУЖЕВА-ЛАДА

Любовные связи имеют тенденцию рваться именно тогда, когда не нужно. А иногда разрыва не происходит именно тогда, когда это нам раз позарез необходимо.

У Нонны — женщины более чем приятной во всех отношениях — был любовник...

Нет, не ждите душераздирающей истории о любовном треугольнике, где третьей вершиной является ревнивый муж, о пылких объятиях украдкой на квартире у временно отсутствующей подруги и прочей романтической чепухи.

Во-первых, Нонна находилась в разводе и так давно, что успела забыть даже то, как выглядел ее бывший муж. Во-вторых, дамой она была не только приятной, но и практичной, и после первого неудачного брачного опыта любила повторять, что еще раз она выйдет замуж лишь под общим глубоким наркозом. В-третьих, любовник у нее был, а вот любви не было, и встречалась Нонна с Валентином, по ее собственным словам, "для здоровья". Поскольку в постели равных ему не наблюдалось.

Но при таком замечательном таланте — таланте великолепного любовника — Валентин обладал целым набором недостатков. Самым незначительным из них был тот, что существовала вполне законная жена, которая неоправданные отлучки мужа из дома не поощряла, а наоборот, настраивала, и немилосердно. А самым главным, во всяком случае, в глазах Нонны — абсолютное отсутствие у партнера по койке интеллекта как такового. За всю свою жизнь Валентин прочел полторы книги, причем первую — еще в школьные годы, газет не читал в принципе, а по телевизору смотрел только спортивные программы, а также ночные выпуски "Плейбоя". И вообще был прост и незадачлив, как штыковая лопата.

Нонна же, напротив, интеллект ценила очень высоко. Но, здраво рассудив, что умные разговоры можно вести с кем-нибудь еще, а первоклассные любовники на дороге не валяются — ни в прямом, ни в переносном смысле слова — однажды завязавшиеся отношения с Валентином прервать не спешила. Встречались раз в неделю в ее квартире, получали свою долю удовольствия и расходились, вполне довольные друг другом. Правда, Валентин пару раз заикался о том, что хорошо бы эти отношения узаконить, но, понятное дело, ответного энтузиазма не встречал. Что еще крепче привязывало его к любовнице, поскольку все его прежние знакомые женщины только и мечтали о том, чтобы сочетаться законным браком. Причем немедленно.

Но всему почему, Нонна отменно готовила. И если принять за аксиому достаточно банальное

высказывание о том, что путь к сердцу мужчины лежит через его желудок, то в данном случае успех был стопроцентный. Законная жена Валентина кулинарными изысками не увлекалась, вершиной ее стряпни были котлеты с картошкой и соленым огурцом, курильными на рынке. Нонна же пекла пироги и пирожки, варила украинские борщи и русские щи, огурцы солила собственноручно, а грибы мариновала так, что прославилась среди достаточно широкого круга своих друзей и знакомых. Которым, кстати, Валентин представлен не был. Более того, они и не подозревали о его существовании. Будучи заместителем управляющего одного из средних по масштабу банков, Нонна сгорела бы со стыда, узнай что о ее связи с инженером так и не перестроившегося занюханного НБ, который, к тому же, не мог поддержать самого простого разговора о превосходстве французских детективов над американскими.

Естественно, возникает вопрос: почему такая женщина оказалась вынужденной довольствоваться таким мужчиной. Ответ прост: искать интеллектуального любовника Нонне было элементарно некогда. Главное место в ее жизни занимала работа, не отказывала она себе и в таких простых радостях, как регулярное посещение салона красоты, бассейна, теннисного корта и массажного кабинета. Любила почитать вечером хорошую книгу или посмотреть хороший же фильм. Друзья и знакомые были давно и прочно семейными людьми, отбивать чужого мужа было как-то неинтересно. Да и вообще, лучшее — враг хоро-

шего, считала Нонна. Есть Валентин, ну и ладушки — интимные проблемы решены, и никаких обязанностей, разве что посуду после совместного ужина помыть. Так и для этого, слава Богу, посудомоечная машина имеется.

К счастью для Валентина, он искренне не понимал, какая пропасть на самом деле существует между ним и его любовницей. Воспринимал Нонну только как необычайно привлекательную женщину, которая умеет ублажить мужика и в постели, и за столом. Роскошную библиотеку считал предметом меблировки — и только. О том, что Нонна зарабатывает больше него, конечно, догадывался, но представить себе не мог — насколько больше. С неподдельным интересом слушал ее рассказы о заграничных командировках и поездках на заграничные же курорты, но сам прекрасно обходился двумя неделями в деревне у тещи. По-своему он Нонну даже любил, только выразить это словами был решительно не в состоянии. И не из-за эмоциональной тупости, а исключительно из-за крайней ограниченности словарного запаса.

Длилась эта связь — романом назвать рука не поднимается — года три. Нонне исполнилось сорок лет и свой день рождения она решила отметить достаточно своеобразно: устроить трехдневный отдых в Риме. Посидеть в ресторане, выпить хорошего вина, погулять по прекрасному ночному городу и купить себе какой-нибудь абсолютно бесполезный, но роскошный подарок. Например, дамский пистолет восемнадцатого века. Или золотую пудреницу. Или еще что-нибудь, что приглянется.

Сказано — сделано. Первый день в Риме прошел именно так, как мечталось Нонне. А на второй день на террасе уличного кафе она обратила внимание на мужчину, который ного-то ей напоминал. Пона она пыталась вспомнить, кого именно, мужчина встал, подошел к ее столику, и на чистом русском языке попросил позволения присесть. Нонна ошарашенно кивнула, а незнакомец мило улыбнулся и сказал:

— Мы с вами встречались на одном из мероприятий в вашем банке. Но вы были так заняты, что меня даже и не заметили. Но мир, как видите, тесен, и если мне не удалось познакомиться с вами в Москве, то придется это делать в Риме. Вас зовут Нонна, я знаю. А меня — Игорь.

— Так вы русский? — поразилась Нонна.

— Это вас разочаровывает? Да, русский, и даже не эмигрант, а самый что ни на есть российский подданный. В Риме в командировке по делам своего банка. А вы?

— А я праздную свой день рождения. Решила сделать себе такой подарок.

— Вы всегда делаете подарки сама себе?

— Нет, не всегда. Но чаще, чем мне хотелось бы.

Пересказывать дальнейший разговор, наверное, не имеет смысла. Закончился он тем, что Игорь попросил Нонну о свидании этим вечером, поскольку должен был уйти по своим делам, и получил согласие. Любовь с первого взгляда — явление проблематичное, но вот симпатия, возникающая при первой встрече, вполне может стремительно перерасти

во что-то более глубокое и серьезное. Проверено временем и опытом.

Вечернее свидание не разочаровало ни Нонну, ни Игоря. У них оказалась масса интересных обширим тем для обсуждения, они с удовольствием отметили совпадение многих своих точек зрения и личных пристрастий и вообще прекрасно провели время. Жаль было только, что Нонне предстояло через день улететь обратно в Москву, но, во-первых, в запасе имелся еще один вечер, а во-вторых, Игорь должен был вернуться в столицу России всего лишь через несколько дней. Жизнь явно поворачивалась к Нонне самым благоприятным образом, а такие моменты она умела ценить по достоинству.

Второй вечер был еще лучше, чем первый. Правда, Нонна была слегка удивлена тем, что Игорь преподнес ей прелестную золотую цепочку с изящным медальоном, извинившись за несколько запоздалый подарок ко дню рождения. Но это удивление тоже было приятным. Как и совместный ужин, и совместная прогулка, и... да, все правильно, совместно проведенная ночь. Возможно, кто-то осудит мою героиню за легкомысленное, граничащее с распутностью, поведение (ложиться с мужчиной в постель на второй день знакомства!), но я этого делать не буду. Случается, что все происходит не только со второй, но даже и с первой встречи, а порой — и на первом же часе знакомства. И ничего — некоторые пары до сих пор живут в любви и согласии.

На следующий день Нонна улетела домой, увозя совершенно

восхитительные воспоминания и мечты о новой встрече уже на московской земле. Ибо Игорь обещал позвонить немедленно по возвращении и непохоже было, чтобы он шутил или лукавил. Кстати, он так и сделал, хотя я прекрасно понимаю, что куда правдоподобнее было бы описывать страдания Нонны, тщетно ожидающей телефонного звонка день за днем, неделю за неделей, месяц за месяцем. Но жизнь — это плохая литература, и в ней самые невероятные повороты сюжетов случаются куда чаще, чем в романах. Не было мучительных и бесплодных ожиданий. Был обещанный телефонный звонок, новая встреча — и не одна, и, наконец, предложение сочетаться за конным браком. Хэппи энд, то есть счастливый конец, назалось бы.

Увы, только назалось. Там, в Риме, Нонна начисто забыла о Валентине. Никакой любви к нему она никогда не испытывала, а новые восторги и упоения мгновенностерли из памяти прошлые. Только по дороге из аэропорта домой Нонна вспомнила, что через два дня должно состояться обычное свидание у нее на квартире, но при этом лишь досадливо передернула плечом. Ну, отменит она это свидание, зачем теперь все эти заморочки? Взрослый,женатый мужик, не помрет же он от того, что любовница укажет ему на дверь.

Разумеется, Валентин от этого не помер. И отмену свидания перенес стоически, тем более, что преподнесла ему Нонна эту новость под соусом чрезвычайной перегруженности на работе. Такое случалось пару раз за три го-

да, и хотя ликования, естественно, не вызывало, но воспринималось достаточно спокойно. Но когда Нонна отменила и следующую встречу, Валентин воспринял это уже гораздо менее спокойно:

— Я могу что-нибудь придумать и выкроить пару часов в выходные. Я уже за тобой соскучился, ты что, не понимаешь?

От этого "за тобой" у Нонны неизвестно свело челюсти, хотя слышала она это прелестное выражение не в первый раз и давно научилась не обращать внимания на не совсем правильную русскую речь любовника.

— Я все прекрасно понимаю. Но так складываются обстоятельства. В конце концов, когда ты уезжаешь на две недели в деревню к теще, я не устраиваю из этого трагедии.

— Ну, понятно. Только давай через неделю — как штык. Больше я не выдерну. А с женой у меня не получается так, как с тобой.

Нонна только вздохнула. Сагу о жене, с которой ничего не получается так, как хотелось бы, она уже давно выучила наизусть. Но если до "римских нанинул" слова эти пролетали мимо ее ушей, а тем более — сознания, то теперь невероятно раздражали. И посему она решила: хватит. Надо будет в следующий раз называть вещи своими именами, сказав, что любовь ушла, помидоры увяли и вообще — чао, бамбино, корри. То есть по-русски: извини, милый, что без скандала обошлось, но нам пора расстаться.

Именно это она и сказала при очередном телефонном звонке Валентина, но понимания не встретила. Да, он винил и осознал, что она встретила другого мужчи-

ну, в которого влюбилась и который влюбился в нее. Понятно, что переспали — как же без этого, он, Валентин, без претензий, даже интересно, пусть при случае расскажет подробности. Но почему при этом надо пренебрегать такие приятные свидания — непонятно. Был один любовник, будет два — в чем проблема-то?

— Проблема, милый, — терпеливо пыталась втолковать ему Нонна, — заключается в том, что я по-лю-би-ла! Более того, собираюсь замуж. И любовник мне при таком раскладе не нужен. Чтобы тебе было понятнее: на фига козе баян, когда ей и так весело?

— При чем тут коза? И баян еще какой-то? Ну, собралась замуж — ради Бога. Я тебя не отговариваю. Только почему ты со мной не хочешь встречаться? Чем я плох?

— Ты всем хорош, иногда даже чересчур. Но я не хочу изменять мужу. Не хочу. И не буду. Так что разойдемся тихо и мирно, без претензий. Ты женат, я выхожу замуж — ну и ладушки. Никаких проблем.

Как она ошибалась! Проблемы возникли там, где их не ожидалось в принципе. Валентин звонил чуть ли не каждый вечер, выбегая для этого к телефону-автомату и выдергивая настоящие сражения с женой из-за постоянных неоправданных отлучек из дома в неустановленное время. Он просил, умолял, заклинал, неожиданно обретя дар связной речи, признавался в любви до гроба, жаловался на беспросветную тоску и одиночество. Недоумевал, почему нельзя иметь любовника, будучи замужней женщиной — другие и по двое имеют, и ничего. В об-

щем, цирк, а в нем кино про войну — другими словами этого и не выразишь.

Наконец терпение Нонны лопнуло и она сухо попросила энс-любовника больше ей не звонить. Потому что, когда говорят "не хочу", это означает именно нежелание встречаться вообще, а не только в интимной обстановке. И вообще, поезд ушел, рельсы разобрали, кто не успел, тот опоздал, спасибо за внимание, извините за беспокойство. И положила трубку со вздохом облегчения. Продолжалось это состояние — облегчения — ровно сорок минут. После чего раздался звонок, но уже во входную дверь. Зная ослиное упрямство Валентина, Нонна дверь открыла, иначе в процесс выяснения отношений оказались бы ввлеченные все соседи по лестничной площадке, а также живущие этажом выше и ниже.

— Я все обдумал, — начал Валентин с порога. — Если ты меня разлюбила, понятное дело, тут уж кранты. Навязываться не буду, не боись. Но ты должна и обо мне подумать, о моем будущем.

— Это как? — обалдела Нонна.

— А так, что прежде, чем меня бросить, ты должна найти мне любовницу. Не на улице же мне подбирать — неизвестно, на кого нарвешься.

— Интересное кино! А то, что мы с тобой на пляже познакомились, это тебя не смущало?

— Ну так ведь обошлось. И потом после тебя мне абы какая баба не нужна. Ты — женщина моего уровня, культурная, с тобой поговорить есть о чем, опять же — порядочная, направо-налево не гуляешь...

Когда Нонна услышала, что она — женщина уровня Валентина, ей стало не то чтобы плохо, а как-то не по себе. Неужели она настолько преувеличивала масштабы своего интеллекта? И ведь говорилось-то на полном серьезе: чувство юмора у мужика напрочь отсутствовало.

— Так что найди себе замену, — завершил Валентин монолог, — и свободна. А до этого придется тебе по-прежнему со мной встречаться.

— А если я не хочу? Насиловать будешь?

— Зачем? Просто расскажу твоему жениху, что и как у нас с тобой было. Понятно?

— Понятно, — обреченно кивнула Нонна, мучительно соображая, где выход из этой идиотской ситуации. Тысячи мужчин бросают любовниц практически ежедневно, а тут — на тебе! — вцепился мертвой хваткой. Уж если повезет, так по-крупному. И тут ее осенило...

— Вот что я тебе скажу. Искать тебе любовницу я, конечно, не буду. Но дам несколько телефонов одиноких и приличных женщин, а дальше — сам. Такой вариант тебя устраивает?

Через полчаса ей удалось втолковать Валентину все преимущества подобного варианта, проводить его восвояси, перевести дух и набрать номер телефона знакомой дамы, которая пару лет назад открыла собственное брачное агентство и на жизнь не жаловалась. Наспех состряпав какую-то более или менее убедительную версию, она заручилась обещанием дамы завтра же прислать по факсу список не менее десяти дам, более или менее соответств-

вующих запросам Валентина. И легла спать, приняв таблетку снотворного — средство, к которому она прибегала в исключительных случаях.

Неделю спустя она вручила Валентину список, за который заплатила пятьсот кровных рублей, и достаточно холодно осведомилась, может ли считать себя свободной. Валентин не менее холодно ответил, что там видно будет, надо для начала познакомиться хотя бы с одной, а лучше — со всеми. Чтобы было, значит, из него выбирать.

— В общем, позвоню, — величественно обронил он на прощание. — До моего звонка замуж не выходи, потерпи. Иначе...

Грозному предостережению Нонна не вняла: Игорь торопил со свадьбой, а видимых причин откладывать ее не было. Скромное торжество состоялось спустя два месяца после встречи на итальянской земле, молодые провели неделю на Кипре, вернулись в Москву и зажили почти замечательно. Нонна перебралась к Игорю, к себе на квартиру заезжала от случая к случаю — взять что-то необходимое или тогда, когда муж уезжал в командировку. И каждый раз вздрагивала от телефона

фонного звонка: Валентин мог отучить такое, что и во сне не приснится.

Но когда он действительно позвонил, Нонна ушам своим не поверила. Такого исхода своего авантюрного в общем-то замысла она и не предвидела:

— Мать, — рокотал страшно довольный голос Валентина, — ты все-таки обалденная баба. Только ты могла такое придумать. Спасибо тебе, все путем.

— Тебе кто-то подошел? — осторожно спросила Нонна, не веря своему счастью.

— Кто-то! Трои! Теперь у меня такой наф — не поверишь. Через день их по очереди навещаю, своей дуре мозги запудрил насчет сверхурочных, ну и вообще... Каждой — раз в неделю, они довольны, я — тем более. Ты ведь девочка хрупкая, так часто не можешь, да и работа твоя... В общем, нормально. Спасибо тебе за порядочность.

— И тебе спасибо, за доверие, — машинально откликнулась Нонна.

Так что трагедии не состоялось. Все остались довольны и даже счастливы. Кроме, пожалуй, жены Валентина. Но ведь нельзя же угодить всем сразу. ■

ЖИЗНЬ

Николай АЛЕКСАНДРОВ

Об этой истории, произошедшей в апреле 1998 года, написала вся мировая пресса.

Собственно, о ее герое, 30-летнем немце Томасе Драхе, она начала писать еще раньше, когда он, похитив своего соотечественника миллиардера Нана-Филиппа Римтсма, сумел благополучно получить за него выкуп в размере 22 миллионов долларов, а затем преспокойно уйти от всех расставленных ему ловушек и исчезнуть. Словно растворился — подобно сахару в станане воды. Драх был объявлен в международный розыск, Интерпол числил его в десятике важнейших преступников, найти которых было для международной полиции делом чести. Журналисты не слишком верили в успех поисков: с 22 миллионами в кармане можно было исчезнуть так надежно, что в полном смысле

слова — ищи-сищи ветра в поле. Уж раз сумел уйти в самом начале, как его обнаружить теперь? Сменил документы, сделал пластическую операцию — начал жизнь сначала!

И тем не менее Драх был арестован.

Правда, врываясь на рассвете в номер "люкс" роскошного отеля "Найзер парк" в столице Аргентины Буэнос-Айресе к англичанину Энтони Лайлору, который еще неожился в постели со своей уругвайской подружкой (а чего им было не нежиться, они приехали в Буэнос-Айрес с единственной целью — побывать на концерте "Роллинг-Стоунс"), полицейские отнюдь не были уверены, что Энтони Лайлор — это Драх. Документы англичанина были безупречны, как, между прочим, и его английский, к тому же в отли-

сначала

чие от Драха он носил бороду... Прежде чем арестовать английского подданного, полицейским еще следовало получить доказательства, пусть и самые косвенные, что Энтони Лэйлор — это действительно Драх.

Уловка, к которой они прибегли, была предельно проста, даже примитивна, но Драх на нее попался.

Полицейские потребовали, чтобы он спустился с ними в холл отеля и показал содержимое обнурируемого им гостиничного сейфа. Как обязан был поступить законопослушный гражданин, которого разыгрывал из себя Драх? Ему не оставалось ничего иного, как согласиться. В сейфе лежали его английский паспорт и 30 тысяч долларов. Полицейские пересчитали деньги, и один из них, обращаясь к коллеге, воскликнул

по-немецки, — как бы только для него, чтобы не понял "англичанин": "Aha! Тут десять тысяч!" Криминальное сознание Драха подсказывало ему, что полицейские элементарно хотят облегчить его на 20 тысяч долларов. И он не замедлил продемонстрировать им прекрасное знание языка, при помощи которого копы втайне от него "собирались" договориться между собой об экспроприации: "Не валяйте, ребята, дурана! Здесь тридцать тысяч, ясно же видно!" Чистейший немецкий язык выдал Драха с головой, и преступник был арестован.

А он-то, наивный, полагал, что, уехав на другой континент, сменив имя и изменив внешность при помощи растительности на лице, как бы начинает жизнь сначала — то есть находится в безопасности.

Как свидетельствуют данные специальных исследований, ежегодно тысячи и тысячи людей во всем мире пытаются начать жизнь сначала, "с чистого листа" — меняя имя, внешность, уезжая в другой город, страну, обзаводясь новыми документами. Например, только в Великобритании каждый год полиция заводит 25 тысяч дел об исчезновении людей. Большинство из пропавших спустя некоторое время находятся, но 10 процентов — 2 500 человек! — не обнаруживаются никогда. Некоторые из них, понятное дело, становятся жертвами преступлений (ежегодно полиция обнаруживает 30-40 трупов людей, ранее исчезнувших), кого-то, можно допустить, если верить в НЛО, похищают пришельцы. Однако, как свидетельствуют все те же исследования, подавляющая часть "без вести пропавших" делает это по собственной воле. Будучи при этом, как говорится, в здравом уме и твердой памяти. Другими словами, делает осознанно и, более того, готовясь к своему "исчезновению" весьма основательно и расчетливо.

Что заставляет людей идти на подобный шаг? Накие причины?

Криминальные обстоятельства жизни, бегство от правосудия, как в истории с Драком, — наиболее простой случай исчезновения. Тут, можно сказать, все ясно. Кроме того, преступной личности вообще много легче сменить "коину", начав жизнь, не имеющую точек соприоснования с его прежней жизнью. Такие люди психологически ориентированы на внеобщественное существование, у них нет "корней", глубоких человечес-

ских привязанностей, им все равно, какая среда вокруг, какой язык, лишь бы они могли жить, как просит их душа.

Однако мировая летопись исчезновений знает и другие — абсолютно полярные криминальные — причины, по которым человек оставляет свою прежнюю жизнь и рвет с нею все связи. Их можно было бы назвать "духовными" — так как в их основе лежит неудовлетворенность своей настоящей жизнью, ее активное отрицание, желание заново сложить судьбу. Так, в художественной среде средневековой Японии была широко распространена традиция смены имени ради обретения нового творческого дыхания, достижения новых художественных высот. Мастер, достигнув расцвета таланта и добившись абсолютного признания, чувствуя, что это признание начинает ему мешать творить, брал себе новое имя. А вместе с ним начинал новую жизнь как художник, отторгнув от себя все, что было сделано под прежним именем.

Несомненно, одной из знаменитейших попыток "исчезновения" по духовным причинам является уход Льва Толстого из Ясной Поляны. Едва ли бы эта попытка удалась — даже если бы великий старец не заболел, — слишком он был известен, слишком большой шум с самого начала вызвало его бегство из родового поместья. Но есть и другие примеры — вполне успешных бегств подобного рода, когда человек, даже и не сменив имени, полностью уходил от себя прежнего. И тут прежде всего следует вспомнить классика французской поэзии Артура Рембо.

Ему было только 19 лет, когда он написал свое последнее стихотворение. После этого он пронес еще 18 лет — которые, практически, равняются половине его жизни, но из-под пера его не вышло больше ни единой строфы. Он оборвал все свои поэтические знакомства и бежал из Франции. Сначала в Бельгию. Но это было слишком близко от родных краев, прошлое угрожало "достать" его тут в том или ином виде, и Рембо понесло дальше. В конце концов его забросило в Египет, потом в Аден — крайнюю южную точку Аравийского полуострова, а спустя недолгое время настал черед Эфиопии (называвшейся тогда Абиссинией), города Хараре, где он и прожил оставшиеся ему годы жизни, занимаясь торговлей. Его деловые компании и знать не знали о его поэтическом прошлом. Он был для них коммерсантом, как они сами, и все. Рембо также не хотел знать себя прошлого, Рембо-поэта. Его поэтические сборники вышли на родине заботой друзей еще при его жизни, — Рембо остался к этому факту абсолютно равнодушен. Как поэта его больше не существовало. Он убежал от себя — поэта. Не переменив имени, стал другим человеком, Рембо-торговцем. Прижился в чужом, экзотическом для европейца мире, стал в нем своим, усвоил его нравы, обычай, привычки. Его письма этой поры — прямое свидетельство того, как далеко (и безвозвратно!) он убежал от себя-поэта. Они написаны протонольно-сухим, безжизненным стилем — стилем заурядного торговца. Неизлечимо больной саркомой Рембо поехал умирать во Францию, в родительский

дом. Но на родину вернулся совсем другой человек, чем уезжал с нее. От Рембо-поэта в нем не было ничего.

До сих пор остается покрытой мраком тайны смерть российского императора Александра I. Известно, что в последние годы царствования Александр I был чрезвычайно религиозен и откровенно тяготился своими монаршими обязанностями, неоднократно высказывал желание сложить их с себя. Его поездка в Крым, а затем в Таганрог, будто бы продиктованная необходимостью подготовки к войне с Турцией, с этой точки зрения представляется совершенно бессмысленной: цари не принимают решений о войне путем личной рекогносировки местности. Зато с точки зрения исчезновения, начала новой жизни подобная поездка очень удобна: далеко от столицы, двора, рядом только свои, близкие, верные люди, положить в гроб чужой труп — дело, выражаясь современным языком, техники. "Простуда" царя протекала абсолютно непохоже на все известные простудные заболевания и слишком стремительно. Потом, когда гроб с его телом был доставлен в Петербург, никто из знавших Александра I долгие годы не мог его опознать — до такой степени смерть будто бы изменила его лицо.

А вскоре после воцарения на российском престоле нового императора, Николая I, в Сибири объявился старец по имени Федор Кузьмич. Старец был поразительно осведомлен о самых мельчайших деталях жизни царского двора. Причем о некоторых из них мог знать только сам Александр I.

По требованию Николая I сибирского старца привозили к нему на беседу в Санкт-Петербург, после чего отправили обратно. О чем они говорили наедине в течение нескольких часов, осталось неизвестным, — Николай I никогда об этом не рассказывал. Этот факт представляется совершенно естественным именно в том случае, если старец "Федор Кузьмич" действительно был Александром I. А если старец оказался проходимцем, то почему же было о том никому не сообщить?

Впрочем, случается, что начинать "жизнь сначала" человеку приходится отнюдь не по своей воле. А дане и противу собственного желания. И вовсе не потому, что за ним тянется какой-нибудь преступный след. Перед необходимостью исчезновения его ставит сама жизнь, неблагоприятный для него разворот событий.

Для полтавского дворянина Александра Шаргея, как и для многих других, таким неблагоприятным разворотом событий стала гражданская война. Он родился в 1898 году, род его матери вел свою родословную от шведского полководца Шлиппенбаха, плененного Петром I во время похода Карла XII в Россию. В 1916 году Александр закончил гимназию с серебряной медалью, поступил в Петроградский политехнический институт. Однако через год, по достижении призывающего возраста, он был мобилизован, направлен на курсы прaporщиков, а по окончании их — на фронт. Летом 1918 года дворянин Шаргей оказался в добровольческой армии. Летом 1922 года он пытался перейти советско-польскую

границу, чтобы пробраться на прародину матери, в Копенгаген, но был задержан пограничниками. Ему удалось сбежать из-под ареста, и, чтобы избежнуть дальнейшего преследования, он стал Юрием Кондратюком, который был его земляком, студентом и незадолго до того умер. Документами умершего сына снабдили Александра Шаргеля сами родители Юрия.

Превратившись из потомственного дворянина в "выходца из пролетарской семьи", как позднее писал он в своих анкетах, Александр Шаргей уехал с родины подальше, в Сибирь, и в течение 20 лет, до самой гибели в ополчении между 22 и 25 февраля 1942 года на Кривцовском плацдарме на реке Оне, так и жил под именем Юрия Кондратюна, оставшись неразоблаченным. Под этим именем он и вошел в историю теоретической космонавтики XX века как один из ее отцов-основателей. Его книга "Завоевание межпланетных пространств", изданная в 1929 году в Новосибирске, являлась в конце 50-х — начале 60-х катехизисом американских ученых, готовившихся к высадке на Луну.

История Шаргеля-Кондратюна стала известна буквально в самые последние годы только благодаря самому широкому и пристальному вниманию к его личности, изучению его биографии, многочисленным опросам свидетелей его жизни. А не это бы обстоятельство, так бы никто никогда и не узнал, кем в действительности был "Юрий Кондратюк". Можно только предполагать, сколько таких лженондратюнов жило на бескрайних просторах

страны Советов в 20—40-е годы. Наверное, не десятки и не сотни, а многие тысячи.

Психологи утверждают, что желание "исчезнуть" и обрести новую судьбу посещает — хотя бы раз в жизни — каждого человека. Или практически каждого. Существует тип личности, обладатели которого подвержены так называемому "синдрому бродяжничества". В определенную возрастную пору или определенные моменты жизни тяга начать "все сначала" оказывается для таких людей непреодолима. Характерно при этом, что среди молодых людей, уходящих из дома и специально теряющих паспорта, называющих себя новыми именами и т.п., от одной трети до половины, как свидетельствует статистика, — дети из вполне благополучных семей. Иначе говоря, дело совсем не в "давлении" среды, окружающей обстановки. Наукой зафиксировано даже явление, получившее название "синдром человека-волка" — линантропия. Человек уходит от общества в лес — в буквальном смысле слова — и живет как зверь. Прилив желания уйти в другую жизнь зачастую оказывается столь сильным и неожиданным, что люди даже не успевают подготовить свой уход, просто обрывают прежнюю жизнь и вступают в новую совершенно неподготовленными к ней, как бы "голыми".

Есть наконец и люди, которые исчезают, движимые чисто авантюрными желаниями. При этом они составляют количественно довольно значительную группу. Ими движет жажды перевоплощения, внутреннее социальное ан-

терство, им, как правило, свойственно фантастическое мышление.

Правда, как свидетельствуют все те же специальные исследования, очень часто исчезновения, регистрируемые в этой группе, далеко не всегда бывают "взаправдашными". В них совершенно отчетливо прослеживается элемент игры, эпатажа, а то и прямого шантажа. Это, как правило, лихебства и цель исчезающего — непременно найтись.

Так, 3 декабря 1926 года создательница знаменитых романов про сыщика Пуаро Агата Кристи, будучи тогда 35 лет от роду и автором уже 6 детективов, не взяв с собой никакого багажа, покинула на автомобиле свой дом в Моррис Коули и не вернулась. Незадолго перед этим, и без того находясь в угнетенном состоянии после недавней смерти матери, она узнала, что у ее мужа серьезные отношения с секретаршей его коллеги и он собирается подавать на развод.

На следующий день после ее исчезновения автомобиль Агаты Кристи был обнаружен неподалеку от цепи глубоких прудов. Все указывало на самоубийство. Полиция прочесала пруды в поисках тела, но ничего не нашла.

Между тем в водолечебницу в Харроугейте поступила некая мисс Тереза Нил, будто бы приехавшая из Южной Африки. То и была "утопленница". При этом Агата Кристи, скрывшись под вымышленным именем Терезы Нил, отнюдь не стремилась к тому, чтобы остаться неизвестной. Напротив. Совершенно не изменила внешности, проявляла повышенный и демонстративный интерес к многочисленным газетным публи-

нациям о своем исчезновении. Спустя 10 дней старший офицант лечебницы сообщил в полицию, что проживающая в лечебнице Тереза Нил похожа по описанию на разыскиваемую сочинительницу.

Позднее Агата Кристи объяснила свое исчезновение нервным срывом и провалом в памяти. Но версия сочетания нервного срыва с трезвым расчетом выглядит ощутимо убедительнее. В результате газетного шума неверный муж писательницы был ославлен на всю страну, а сама она стала широко известна.

История исчезновений числится, разумеется, в своем ларце и абсолютно анекдотичные случаи. Один такой произошел в 1997 году с жительницей Мехико Марией де Лурдес Сантьяго.

Полиция обнаружила в нармане убитой уличным грабителем женщины избирательное удостоверение на ее имя. И, естественно, сочла, что убитая и есть Мария де Лурдес. Однако без опознания принять окончательное решение полиция не могла и вызвала в Мехико ее родителей.

Престарелые родители, получив известие о гибели дочери, выехали в столицу — и, измученные долгой дорогой, убитые горем, опознали в погибшей дочь. Молодая женщина была перевезена на родину — в поселок Ноакотла в штате Веланрус и похоронена на местном кладбище.

А спустя несколько месяцев, накануне Рождества, живая и невредимая Мария появилась в поселке, приехав навестить родителей. Что началось! Отец с матерью категорически отказались

признать ее. Наша дочь в земле, крестясь, твердили они. Поселковый священник по их просьбе совершил обряд изгнания "призрака" обратно в потусторонний мир.

И лишь когда ничего из этого не вышло, "призрак" не исчез, родители, а вместе с ними весь остальной, взбудораженный происшедшим поселок, поверили, что Мария не встала из гроба, а просто произошла ошибка при опознании убитой.

Подлинное, настоящее "исчезновение", с перевоплощением, вхождением в новый образ — совсем не такая простая вещь, как может показаться. Дане если все документы в порядке, и комар носа не подточит, и достаточно денег, и удалось изменить внешность. Однако с человеком "остается" его личность — его привычки, реации, образ мышления, внусы... Переменить это все в себе невероятно сложно, практически невозможно. На чем немецкий гангстер Томас Драх и погорел. Убежав в Аргентину, переменив имя и изменив бородой внешность, он не сумел переменить своих привязанностей и привычек. Жил шикарной жизнью "на виду", соря деньгами, ездил по модным курортам — чем и привлек к себе внимание полиции. А его поездка в Буэнос-Айрес с единственной целью — послушать свою любимую "Роллинг Стоунс" — придала сыщикам окончательной уверенности, что подданный британской короны Энтони Лэйлор — тот самый Драх, и осталось только получить какое-либо носвенное подтверждение тому. Что им и удалось, разыграв спектакль с попыткой

ограбления Драха на 20 тысяч долларов.

Подобная же неспособность разорвать все связи с прошлой жизнью, переменив привычки и забыв о прежних привязанностях, подвела и бывшего члена английского парламента Джона Стоунхуса, чье исчезновение в середине 70-х годов было предметом шумного обсуждения во всех слоях британского общества.

Стоунхус, используя свой авторитет парламентария, организовал специальный банк для живущих в Британии иммигрантов из Бангладеш. Банк, однако, лопнул, разорившиеся вкладчики стали требовать компенсации. Стоунхус попытался поправить дела, взяв кредиты в Америке, для чего поехал туда, но его переговоры в Америке успехом не увенчались. Тогда он и решил начать новую жизнь под чужим именем. Еще до этого, предвидя возможность неудачи с американскими кредитами, он запасся фальшивым паспортом на имя Джоя Маркхэма. Оставив одежду на веранде гостиничного номера, снятого на свое настоящее имя, он уплыл в море — и не вернулся, смытавшись самоубийство. Проплив около милли вдоль берега, Стоунхус вышел на берег у другого отеля, где заранее снял себе номер на имя Маркхэма. Так Стоунхус исчез и появился Маркхэм. После чего бывший член британского парламента улетел в Австралию.

Но в Австралии он, чувствуя себя в полной безопасности, вновь занялся любимым делом — банковско-финансовыми махинациями, а, кроме того, вызвал к себе из туманного Альбиона свою бывшую секретаршу и одновре-

менно любовницу Шейлу Бакли. Все это вместе и стало для него роковым. Стоунхус привлек к себе внимание полиции, его опознали, депортировали на родину, и там он за свои махинации с бангладешскими фондами сел на скамью подсудимых.

Его соотечественник, лорд Лунан, исчез примерно тогда же, в середине 70-х. Его исчезновение также сопровождалось большим шумом, так как он подозревался в убийстве няни своих детей, Сандры Риветт, с которой состоял в интимных отношениях. Вернее, он не просто подозревался, а был обвинен в этом убийстве — все улики свидетельствовали против него.

Некоторое время после исчезновения Лунана полиция надеялась, что рано или поздно его удастся арестовать: он отправил письмо своему старому приятелю, с семейной парой других своих старых друзей встретился в одном из отелей в Мозамбике. Однако, видимо, почувствовав, что вокруг него начинает скиматься кольцо, лорд резко прервал всякие сношения с прежними друзьями и знакомыми — и это дало ему возможность уйти от правосудия. Можно предположить, что Лунан и поныне живет и здравствует где-нибудь на просторах Южной Африки.

Современная российская жизнь тоже дает, но уже свои, специфические образчики исчезновений.

Глава Московского городского банка Антон Долгов слыл в своем кругу человеком интеллигентным. В его банке предпочитали держать счета разные организации

культуры, банкир покровительствовал искусству, активно меценатствовал. У банка, в отличие от многих других, была великолепная реклама. Спонсорская, твердая, уверенная. Она свидетельствовала о замечательном эстетическом вкусе ее создателей и заназчина. "Хороший банк — устойчивый банк", — кто не помнит этого слогана? Долгов вел такую рекламную политику, чтобы реклама сегодняшнего дня работала на будущее — многие из рекламных роликов банка были рассчитаны на детей: дабы они запомнили его название, а когда вырастут и им предстоит выбирать банк, в сознании тут же возник бы Московский городской. Симпатичный веселый мультипликационный дельфин, всем своим обликом и поведением адресованный детям, нырял и плескался в морских водах, а улыбчивый голос говорил за на дром: "Московскому городскому банку нравится именно он..."

Банк действительно произвил впечатление в высшей степени надежного. Открывались новые отделения, увеличивался штат.

Но вдруг, совершенно неожиданно, в конце лета 1995 года пошли слухи о его скверном финансовом положении. Долгов созвал пресс-конференцию, на которой все это опроверг. Оправдание возымело свое действие — слухи о скверном финансовом положении прекратились. Однако вместо них тут же появились новые: будто бы Долгов в разговорах с близкими людьми говорил, что его жизни угрожают. Московские газеты были полны различными сообщениями о банке, ни одно из которых невозможно было счи-

тать достоверным. Так продолжалось две-три недели, а потом Долгов исчез, не оставив никаких распоряжений — ни письменных, ни устных, — никакой записи. Тот самый случай, про который говорят: как сквозь землю провалился.

Банк прекратил все операции, по факту исчезновения президента началось следствие. Тут-то и выяснились странные вещи. Получалось, что слухи о финансовых затруднениях банка исходили от самого Долгова. Кроме того, за последние полгода он совершил несколько частных поездок за границу, но куда именно — не знал никто. Наконец накануне своего исчезновения он задержался в банке далеко за полночь, причем, как показал один из операционистов, сев за компьютер, собственоручно совершал какие-то трансферты (переводы денег).

Долгов не объявился ни через неделю, ни через месяц, ни через год. Близкие к нему сотрудники банка выдвинули версию, что он убит. Однако следствие, исследовавшее все обстоятельства исчезновения, склонилось к выводу о намеренном исчезновении банкира. Вероятней всего, Долгов, запасшись документами на другое имя, подготовил себе где-то надежное убежище, затем распустил слухи о неустойчивом положении банка, о грозящей ему лично опасности, а когда они достигли апогея, перекинул свободные средства банка на личный счет в одну из многочисленных мировых офшорных зон — и поспешил на самолет.

Что заставило президента "устойчивого банка" сделать это, остается загадкой. Прямых социаль-

но-психологических причин для исчезновения у него не имелось. И тем не менее, вероятней всего, он находился в состоянии глубокой скрытой депрессии. Его мучил страх. Страх утраты достигнутого положения. Страх, что недостанет сил и умения удержать банк на плаву в течение долгого времени. Так во время войны беженцев всегда во многие десятки и сотни раз больше, чем возможных потенциальных жертв боевых действий врага.

Не исключено также, что ко всем страхам у Долгова примешалась еще и некая тайная любовь. Тайная любовь, когда человек встречает кого-то, с кем, как ему кажется, он будет по-настоящему счастлив, но процесс обычного, гражданского ухода от семьи представляется ему невероятно сложным и тяжелым как процессуально, так и психологически, такая любовь весьма нередко становится причиной начала новой жизни — "с чистого листа".

Год с небольшим спустя после исчезновения Долгова в одной из московских газет промелькнуло сообщение, будто бы один из бывших сотрудников банка столкнулся с ним нос к носу на пляже в Майами. Встреча была до того неожиданной, что бывший подчиненный Долгова вовсе не сразу поверил своим глазам и решил

обратиться к патрону, лишь вполне уверившись, что не ошибся. Но Долгов, поняв, что опознан, моментально исчез с пляжа. С той поры больше банкира никто нигде не встречал, и он ни разу не дал знать о себе никому из своих родных, близких, знакомых.

По неофициальным, неподтвержденным данным, за последние 7-8 лет "жизнь сначала" под новыми именами — после совершения каких-либо преступлений или просто "интереса ради", движимые авантюристическим желанием — начали за рубежом несколько десятков тысяч граждан бывшего СССР. Благо что греческие или собственные российские паспорта на другое имя — не проблема. Были бы деньги.

Но вот что любопытно: насколько "легко" живется в их новой оболочке этим людям? Психологи утверждают, что безболезненно такая перестройка жизни человеку не дается. Отназаться от себя прежнего — немыслимо склонно, это психологическая ломка, схожая с наркотической. При малейшей возможности утраченная личность стремится вновь заявить о себе.

Подождем, может быть, и Антон Долгов еще объявится в Москве. ■

Однажды вся мировая стоматология сводилась исключительно к выдергиванию больных зубов. Занимались этим в основном банщики, цирюльники, ремесленники. Известно, что Петр I также обожал драть зубы у своих подчиненных. Древнеегипетские дентисты, правда, ушли дальше: они вытаскивали клыки из слоновой кости и привязывали их к сохранившимся зубам золотыми ниточками. А в памяти наших современников старшего поколения все еще живет дребезжащая бормашина, от вида и, в особенности, зву-

на которой в душе у каждого на всегда оставался испуг. Среднему и младшему поколениям повезло больше: сверхскоростные турбоАПАРТЫ, значительно сокращая "пыточное" время, оказались более щадящими. Но как бы далеко ни уходил технический прогресс современной медицины, "синдром бормашины" остался: все-таки очень сложно представить себе лечение зуба без прикосновения к нему. И любой, хоть раз сидевший в зубоврачебном кресле, со мной согласится: самый ужасный момент — первое прикосновение бормашины к больному зубу. Уже одно только ожидание этого заставляет человека покрыться нервной испариной.

Однако наступает черный день — идем к стоматологу, са-

борматтисты"

димся в ненавистное кресло и дрожим, покоряясь неизбежности. А куда денешься? Со школьных лет знаем: от здоровья зубов во многом зависит наше здоровье в целом. Кроме того, сегодня человека с испорченными или кривыми зубами, обнажающимися при разговоре или улыбке, и не на всякую работу возьмут.

— Вы совершенно правильно оцениваете значение нормального состояния зубов для человека. Но, что насается "неизбежности" — тут я с вами сегодня могу уже не согласиться, — возразил мне кандидат медицинских наук, преподаватель факультета усовершенствования врачей-стоматологов Минздрава РФ и главный врач базовой стоматологической клиники этого факультета **Олег Шинберг**. — Потому что сегодня врач-дентист может лечить пациентов, не вызывая у них неприятных болезненных ощущений. Вы ничего не слышали о бесконтактном методе лечения кариеса? Тогда пойдемте со мной — лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать.

В зубоврачебном кабинете доктора Шинberга уже ждал пациент. Мужчина средних лет поудобнее расположился в кресле, открыл рот, врач взял в руки изящный наночечник и, дергая его на расстоянии нескольких сантиметров от зуба, включил миниатюрный прибор... А тишина в кабинете почти не нарушена, не последовало характерного свиста турбин, только еле слышино зашуршала струйка воздуха.

— Видите, как порошкообразный поток отсекивает пораженные ткани зуба, — обратил мое внимание Олег Эмильевич. — И так продолжим до тех пор, пока полость зуба не будет полностью очищена — это и есть залог успешного лечения. Эта техника обработки кариозной полости позволяет совершенно исключить случайное повреждение здоровых тканей зуба, поскольку действие порошковой струи рассчитано только на размягченные кариесом ткани.

Кроме того, скрепление пломбировочного материала с зубом, обработанным бесконтактным способом, гораздо сильнее, чем

при применении бормашины. Дело в том, что при очистке полости бором забиваются канальцы внутреннего слоя зуба, образуется так называемый смазанный слой. Он таит потенциальную опасность возможного отслоения пломбы от зуба. А бесконтактный метод позволяет оставить канальцы незаблокированными, и пломбировочный материал, проникая в них, держится надежнее и дольше.

При этом зубные ткани не испытывают ни давления бора, ни температурного раздражения зубного нерва, неизбежно возникающего при традиционном сверлении зуба. Полная безболезненность — согласитесь, это немалое преимущество нового метода. Даже самые нервные пациенты, панически боящиеся стоматолога, не жалуются. А еще при таком лечении абсолютно исключена возможность инфицирования.

— Ох, напомнили... Самый первый мой поход в семилетнем возрасте к зубному врачу закончился поднявшейся в тот же вечер высоченной температурой и двумя последующими неделями малоприятного лечения от жесточайшего стоматита.

— Вот видите... А наши юные пациенты от такого застрахованы. Впрочем, еще больше ребятишки ценят то, что после лечения бесконтактным методом во рту остается приятный освежающий лимонный привкус, как после жевательной резинки или леденцов.

— Но с помощью этой медицинской технологии можно, наверное, бороться не с одним только нариесом?

— Нет, конечно! Благодаря ей, люди перестали испытывать неприятности, связанные с необхо-

димыми буквально всем профилактическими процедурами: отбеливанием зубов и их периодической очисткой от извечных врагов эмали — камней и налета. С удалением зубных отложений линвидируется опасность развития различных заболеваний, вызывающих воспаление десен и кровоточивость. Вместо пародонтологических крючков, допотопных экскаваторов и даже вместо ультразвука мы теперь используем прибор с мелодичным названием "Эрфло". По эффективности и комфорту ощущений пациента он оставил позади всех соперников. Кроме здоровья, человек получает с помощью "Эрфло" и великолепный косметический эффект: жемчужно-белые зубы — хоть в рекламе "Нолгейт" снимайся.

— Ну, а если жемчужные зубы всего лишь мечта, навеянная телероликом, а в реальности — разившийся нариес, разрушенные, расшатавшиеся или хуже того, отсутствующие зубы? Ведь не секрет, что немало людей до сих пор страдают от таких последствий "ненавязчивого" бесплатного сервиса. Что им делать?

— При так называемых запущенных зубах прежде всего надо пройти обследование. В нашей клинике, например, для этого есть уникальная компьютерная система — радиовизиограф. По сравнению с обычным рентгеновским аппаратом радиовизиограф значительно снижает лучевую нагрузку на пациента. Даже когда необходимо сделать целую серию снимков — вреда здоровью не будет. Кроме того, на экране монитора врач может оценить плотность костной ткани челюсти, измерить длину корней зуба, заме-

тить скрытые очаги воспаления — все то, что недоступно рентгеновскому обследованию и крайне важно для правильной постановки диагноза и выбора метода лечения. Например: стоит ли делать имплантацию, то есть вживление искусственных зубов, или остановиться на металлонерамише; а может быть, — попробовать применить минрозамковое протезирование?

— А что это — минрозамковое протезирование? Оно чем-то лучше обычного?

Основное его отличие от традиционных съемных протезов заключается в способе фиксации искусственных зубов. Всем знакомы неэстетичные металлические крючки на передней поверхности зубов, сразу же выдающие несчастливого обладателя съемного протеза. Протезы на замках такого недостатка лишены. Они крепятся в полости рта с помощью специальных фиксирующих элементов — минрозамков (или аттачменов), располагающихся спереди зубов, а как бы спрятанных под протезом, что и обеспечивает отличную фиксацию и великолепный внешний вид. После минрозамкового протезирования только сам пациент да его врач знают о наличии съемного протеза, а все остальные могут только позавидовать естественной белозубой улыбке.

— Олег Эмильевич, отчего бывает такое: пломбы, выпадающие из большого зуба уже через месяц после посещения дантиста, или надолго посиневшая, воспаленная десна после того, как протезист надел на зуб коронку?

— Чаще всего все эти неприятности — из-за несоблюдения

врачом технологии. Сейчас грамотный специалист-стоматолог применяет современную технику препарирования зубов с так называемым уступом. Она избавляет пациентов от этих неприятностей, — десна оказывается свободной от давления на нее края коронки, поэтому нет и воспаления, кровоточивости десен, расшатанных зубов.

— Многие стоматологи сходятся во мнении, что большинство наших соотечественников после сорока лет, как правило, настрадает пародонтит — заболевание, грозящее потерей большого количества зубов за достаточно короткий промежуток времени. Как сегодня стоматология может бороться с этим страшным заболеванием?

— Один из современных методов лечения пародонтита — введение биоактивных лечебных веществ в поврежденные участки. Это стимулирует рост костной ткани и практическую линвидацию очагов воспаления. Иначе говоря, удается вырастить на месте пораженной новую кость, совершенно не отличающуюся от "родной", натуральной. А значит, даже сильно расшатанные в десне зубы укрепляются и можно будет избежать их естественной потери или хирургического удаления. Соответственно, не потребуется и дальнейшее дорогостоящее протезирование.

— А как решаются проблемы принуса и исправления других дефектов, например, зубов, вырастающих "в шахматном порядке"?

— Для начала давайте скажем вашим читателям: в любом возрасте исправлять зубы не поздно — абсолютных противопо-

назаний тому практически не существует. Поэтому не стоит ма-хать на себя рукой и сетовать на упущенное в детстве и юности время. Но, конечно, все-таки лучше это сделать как можно раньше, когда костная ткань более податлива. Ортодонтическое лечение займет в этом случае гораздо меньше времени.

Нередко начинать приходится уже с молочных зубов или в период смены принуса. В таком возрасте чаще всего используются съемные или ортодонтические аппараты, стимулирующие или, наоборот, тормозящие развитие челюстей — в зависимости от дефекта. Кроме съемных пластинок, сегодня широко применяется аппаратура для постоянного ношения. Наиболее современная здесь методика — лечение с помощью брекет-системы (так называемая эдинайс-техника): на каждый зуб крепятся специальным kleem крошечные пластины-брекеты. Изготовлены они могут быть из металла, пластмассы, нерамики, а соединяются между собой упругой металлической дугой. День за днем, медленно, но верно, брекеты и дуга выводят зубы в идеально ровный ряд. Достигнутый эффект необходимо закрепить, иначе зубы скоро вернутся на прежнее место. Для этого используются ретенционные аппараты, определенное время удерживающие зубы в их новом, правильном положении. Кроме того, совершенно необходимо регулярное посещение врача-ортодонта во время лечения — за исправлением деформаций нужен контроль специалиста.

От пациента требуется дисциплина, от врача — комплекс теоре-

тических знаний и практических навыков, из которых, собственно, и складывается профессионализм. Лишь при наличии всех этих условий стоматологическое лечение будет успешным.

— Я вот слушаю с интересом ваш рассказ о чудесах современной стоматологии и думаю: столичный и не рядовой доктор говорит о возможностях, которыми располагает столичная медицина и которыми — увы! — наверняка не располагают поликлиники городов и районов, где живут (и, как и мы, москвичи, мучаются зубами) наши читатели. И если еще вспомнить, что стоматологические услуги не входят в перечень обязательного медицинского страхования, говоря попросту, стоят денег, которых у людей нет... Честно сказать, начинают одолевать сомнения: а уместно ли, нужно ли про все эти "чудеса" им рассказывать?

— Да ведь причины всего, о чем вы говорите, лежат не в сфере медицины. Это и мы с вами, и читатели наши хорошо понимаем. Но, знаете, чем больше люди будут информированы о том, на что они вправе в этой жизни рассчитывать, — в том числе и в области стоматологии, — тем скорее мы все начнем избавляться от всевозможных "синдромов бормашин".

Беседовала **Лариса ЧЕЧНЕВА.**

Новейшие технологии в борьбе с пожарами

Система автоматического пожаротушения,

установленная АО "ИП"КРИС" обеспечит надежную защиту любого сооружения от разрушения огнем. Доверьтесь нам, и в кратчайшие сроки опытные специалисты спроектируют, смонтируют и наладят надежное противопожарное оборудование, включающее также пожарно-охранную сигнализацию и систему автоматического дымоудаления. Производим техническое обслуживание систем противопожарной автоматики.

Тел./факс: (095) 125-37-88; 125-03-08

Левково

пансионат

Пансионат "Левково" Администрации Московской области — современный комплекс индивидуального, семейного и детского отдыха на охраняемой территории. Находится в 35 км от Москвы по Ярославскому шоссе. Бывшая барская усадьба. Современные постройки, пруд, лесопарк 18 га.

Нашим услугам:

2-х комнатные люксы, 1-комн. полулюксы, 3-х местные с удобствами, З-х разовое питание, бар, 2-х этажная сауна с бильярдом, футбольное поле, спортплощадка, катание на лошадях, библиотека, медпункт. Прекрасные условия для проведения конференций, семинаров, банкетов, свадеб, конференц-зал на 250 мест, залы для занятий спортом, транспорт. Работает детский оздоровительный лагерь (июнь-июль).

Развлекательные программы с участием известных артистов эстрады и кино.

141200, г. Пушкино, пансионат "Левково"
тел. (095) 584-39-49, 584-39-62, ф. (253) 2-44-21

**Вниманию
владельцев
микроволновых
печей!**

Хотите быть уверены в том, что вы правильно пользуетесь микроволновой печью, и она не оказывает вредного влияния на ваше здоровье?

Вам необходимо приобрести Индикатор-СВЧ излучения.

Контроль с помощью "Индикатора" достаточно прост. "Индикатор" поворачивают тыльной стороной к работающей печи и перемещают в пространстве вокруг печи на расстоянии 0,8-1,0 м. Появление звуковой и световой сигнализации свидетельствует об обнаружении повышенного уровня излучения.

В этом случае необходимо обратиться в ремонтную мастерскую.

Контролируя излучение микроволновой печи "Индикатором-СВЧ" завода "Протон", вы сохраняете здоровье.
Тел. (095) 534-02-86, 534-33-50,
факс (095) 534-33-08.

ВАКУУМ-ЦЕЛИТЕЛЬ

Лечебно-
оздоровительный
центр

Кому не знакома медицинская банка. Древнейший метод лечения с ее использованием до сих пор активно помогает бороться со многими недугами. Но мало кто знает, что древняя медицинская банка дала жизнь новому направлению в современной науке.

Совсем недавно ученые института медико-биологических проблем предложили воздействовать на ткани организма регулируемым импульсным вакуумом. Результаты оказались поразительными!

Создаваемое на определенном участке периодическое отрицательное давление оказывает не только массирующее действие на ткани, но и значительно облегчает продвижение эритроцитов в конечных отделах капилляров. Именно это усиление микроциркуляции существенно улучшает обменные процессы между эритроцитами и клетками тканей. По данным Центра авиакосмической медицины уровень общего обмена веществ в таких тканях повышается в 3-4 раза и, по окончании воздействия, длительное время остается выше исходного. Эти изменения отмечены на глубине до 5 см.

Клетки ткани, на которые воздействовал импульсный вакуум, много быстрее восстанавливают свою нормальную жизнедеятельность, проявляют большую устойчивость к различным неблагоприятным воздействиям. Этот эффект врачи Центра используют для быстрого восстановления космонавтов после их длительного пребывания на орбитальной станции.

Особенно эффективен метод при лечении болезней суставов. Облегчение наступает буквально после первой же процедуры — уменьшается боль, отек, увеличивается подвижность сустава пациента. При вакуумном воздействии на область нижних долей легких, пораженных застойными явлениями, улучшается дренаж бронхиального дерева (легче и в большем количестве отходит мокрота), облегчается дыхание, увеличивается вдох. Отлично помогает метод, снимая неприятные ощущения при хроническом простатите, когда в результате воспалительных процессов развивается отек предстательной железы и появляются боли. Нейродермитные и псориатические бляшки, характеризующиеся сильным зудом, перестают беспокоить человека уже во время процедуры.

Импульсный вакуум значительно облегчает лечение болезней опорно-двигательного аппарата (артриты, артрозы, состояния после травм, остеохондроз и др.), неврологических заболеваний с выраженным болевым синдромом и нарушениями чувствительности, хронических бронхо-легочных и некоторых кожных болезней, хроническом простатите. Это современный, эффективный и перспективный метод лечения многих болезней.

М. Потапов, канд.мед.наук,

директор Центра авиакосмической медицины,

М. Мелехин, директор Лечебно-оздоровительного центра "Вымпел".

**ЛОЦ "Вымпел": Москва, Щелковское шоссе, д.3,
тел. (095) 462-35-84.**

Знакомьтесь, "ЛитА-Цвет"...

Сегодня многим из вас знакомо название одной из лучших отечественных косметических серий "Приосновение...", но не многие знают, что послужило причиной единогласного признания ведущими косметологами, дерматологами этих поистине чудодейственных кремов. А также вызвало особую к ним любовь артистической элиты.

Производитель серии "Приосновение..." медицинская научно-производственная фирма "ЛитА-Цвет" была образована в 1993 году. Первой разработкой компании стала уже широко известная в медицинских кругах хирургическая ранозаживляющая салфетка "ЛитА-Цвет-1", излечивающая раны любой этиологии

без осложнений и образования грубых рубцов и применяемая в пластической хирургии. Простота в использовании делает ее доступной даже для ребенка, а клинические испытания показали, что салфетка замечательно проявила себя там, где бессильны многие другие средства. Таким результатам способствует присутствие в салфетках фирменного препарата, не имеющего аналогов в России и за рубежом, "Эксолина" — уникального биостимулятора регенерации тканей, который представляет собой натуральный водорастворимый экстракт, содержащий коллаген, комплекс аминокислот, минералов и минеральные вещества.

Наблюдая за результатами применения салфеток "ЛитА-Цвет-1", ведущие хирурги России в один голос рекомендовали использовать "Эксолин" в косметике. Таким образом 3 года назад специалисты фирмы пришли к решению создать омолаживающую косметическую серию, которая получила нежное название "Приоснование...". Известно, что коллаген — белок, обеспечивающий прочность, эластичность и упругость кожи, и очень важно после 25 лет подпитывать кожу коллагеном извне, чтобы замедлить процесс старения. Уникальная технология и особый источник сырья для производства "Эксолина" позволили получить препарат, по своим свойствам значительно превосходящий любые известные типы коллагенов и усиливающий эффективность действия косметических препаратов. В рецептуру кремов "Приоснование..." входят витамины, эфирные и фитомасла только высшего качества. А также уникальный увлажнятель кожи — гиалуроновая кислота. Серию представляют несколько увлажняющих кремов, питательный, крем от морщин, тоник, косметическое молочко, шампуни и бальзам-ополаскиватель для волос. Королем серии "Приоснование..." является крем "С двойным действием" — увлажняющий с эффектом лифтинга. В 1999 году ассортимент серии значительно пополнился! Добавлены композиция увлажняющих гелей для разных типов кожи и бальзамы для ног.

Приятно отметить, что специалисты фирмы не останавливаются на достигнутом и постоянно находятся в поиске новых средств, которые помогут вернуть и сохранить молодость и красоту. Для распространения косметики "Приоснование..." приглашаем дистрибутеров.

К международной выставке "Интершарм" и к Новому году НПФ "ЛитА-Цвет" подготовила очередной подарок своим почитателям — новую косметическую серию, которая носит имя фирмы "ЛитА-Цвет", которая будет предложена для оптовых продаж.

Минимальная партия — 1 коробка (48 шт.).

Скидки при больших объемах закупок — от 1 до 10 процентов.

Доставка — самовывоз или ж/д транспортом за счет заказчика.

Рекламная поддержка на ТВ, радио, в печати.

Проводятся презентации фирмы и ее продукции с обучением продавцов.

Для тех, кто желает ближе познакомиться с продукцией фирмы, адрес:

Москва, ул. 9-я Парковая, д.37, корп. 1.

Тел. (095)165-90-01, 965-04-00, факс (095)965-05-00.

Кирилл™

С ХОРОШИМИ ПРОДУКТАМИ И КУХНЯ ХОРОША,
А В ХОРОШЕЙ КУХНЕ БУДЕТ ХОРОШ И ПОВАР
ПОЛЬ БОКЮЗ, "Витрина. Ресторанный Бизнес", №3, 1999г.

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ ЖУРНАЛА "СМЕНА"!

Российская внешнеторговая фирма "СК Транс" поздравляет Вас с наступающим Рождеством и Новым 2000 годом. Мы предлагаем Вам продукты питания, которые позволят приготовить вкусные блюда к праздничному столу. Эти продукты производятся в Германии на заводах компании Walter RAU, основанной в 1903 году и с тех пор имеющей безупречную репутацию среди ведущих европейских производителей высококачественных и здоровых продуктов.

"КИРИЛЛ Меланж" (Жирность 70%) — это сбалансированная смесь абсолютно чистого натурального молочного жира и высококачественных растительных масел. Использование в "Меланже" 8% чистого молочного жира, а не сливочного масла или молочных сливок придает продукту качество длительного хранения, предотвращает скрытые и непредсказуемые изменения его полезных свойств. "КИРИЛЛ Меланж" обогащен витамином Е, имеет очень низкое содержание холестерина, не содержит протеина (белков) и углеводов. "КИРИЛЛ Меланж" — это больше, чем масло!

"КИРИЛЛ Экстра" 40% — растительный маргарин с пониженным содержанием жира, используется для бутербродов и идеален для тех, кто заботится о своей фигуре.

"КИРИЛЛ Экстра" 70% — универсальный растительный маргарин. Используется для бутербродов, добавления в каши, супы, картофельное пюре, макароны, жарения и выпечки.

"КИРИЛЛ" 70% и "КИРИЛЛ" 60% — универсальные растительные маргарины, хорошо зарекомендовавшие себя для жарения и выпечки.

"КИРИЛЛ" легкий растительный жир для жарки и фритюра (Жирность 100%). Исключительным достоинством жира "КИРИЛЛ" являются его нейтральный вкус и отсутствие запаха, свойство не подгорать и не впитываться в продукт, благодаря чему последний полностью сохраняет свой соб-

ственный натуральный вкус, питательную ценность и аромат. В процессе жарки растительный жир "КИРИЛЛ" не горит, не разбрызгивается, не темнеет, выдерживает несколько циклов приготовления, поэтому его использование, в среднем, не менее, чем на 30% эффективнее обычного растительного масла.

Наша позиция на рынке продуктов питания: "Здоровое питание — активная жизнь!"

Товар сертифицирован

БУДЬТЕ ЗДОРОВЫ!

BEEM®

Germany

Знакомьтесь, посуда BEEM®, произведенная фирмой Blitz Elektro Erzeugnisse Manufaktur из Франфуркта-на-Майне. Она изготавливается из высококачественной, антикоррозионной (нержавеющей) стали марки 18/10, в быту называемой хирургической. Сталь — это нейтральный материал, поэтому посуда из неё благоприятна с точки зрения воздействия на окружающую среду и взаимодействия с продуктами питания. Посуда BEEM® обладает идеальным теплораспределением, как бы аккумулирует тепловую энергию, тем самым сокращая время приготовления, кроме того, обладает антипригарными свойствами. Секрет прост — он в особом строении дна посуды конструкции MEGATHERM®.

Такая конструкция в разрезе имеет структуру сэндвича. Прослойка из обладающего высокой теплопроводностью алюминия заключена в вакуумную капсулу из стали 18/10. В результате, благодаря равномерному распределению тепловой энергии, пища готовится под воздействием мягкого жара с плотно прилегающей крышкой. Итог потрясающий: продукты не развариваются и не пригорают. В них полностью сохраняются витамины и минеральные соли. В такой посуде можно готовить без использования воды и жира, что особенно важно для приготовления здоровой пищи.

Представительство в России BEEM® Handels GmbH. Т. (095) 755-68-42

ФИРМЕННЫЕ МАГАЗИНЫ:

м. "Тургеневская"

— Сретенский б-р 7/1 т. 925-49-73
м. "ВДНХ".

ВВЦ, пав.: № 18 — "Электротехника"
№ 2 — "Народное образование"
— "Москва" (Пандус)

м. "Багратионовская"

— ТЦ "Горбушка" 3 этаж,
пав. № 209, т. 767-50-24
м. "Арбатская"

— ТД "Москвичка",
Новый Арбат д.15А,
т. 202-96-98
доб. 244.

Гуляй

Олег ПОЛОНСКИЙ

Декабрь на Руси издревле называли студень или студный, так как в это время года наступала пора холодов и стужи. Современное название месяц приобрел после введения на Руси христианства и произошел от латинского "десем" — десять; у римлян декабрь считался десятым месяцем в году.

В народе декабрь отмечен верными приметами и поговорками. "Звезды, что искры пушат, в небе ярно горят — сильный холод зрят", "Загремел гром зимой — на

землю свиренье привел", "Дым столбом — и мороз таков", "Зимой белые облака — мороз хватает за бона", "Солнце в туманном кругу — иди пургу", — издревле говорили на Руси.

1 декабря. Платон и Роман. Наков Платон, танова и зима. Платон да Роман начнут зиму нам, — говорили в народе.

4 декабря. Введение во храм Богородицы.

"Введение пришло, зиму привело", "Введение ломает леде-

рисунок Виктора Ковали

- не хочу? ёкайорь

ние", — утверждает народная мудрость. Ранние морозы, бывало, ударяли еще задолго до праздника. Случались они после затяжных дождей и за одну ночь сносили землю, делали твердыми разбитые в осенней непроезжей хляби дороги. А на Введение уже и снег и легкий морозец — совсем зима! Но нестойки были первые морозы в этот день, нередко наступали оттепели. "Введенские морозы зимы не ставят", — говорили старые люди. Через Введен-

сные ворота, мол, проведет зима и старого и малого, и птицу, и зверя лесного. Не выдерживают ледяные ворота живого тепла. Поэтому, мол, и оттепели на Введение. Коли с этого дня зима круто принимается за морозы, то жди летом знойных дней. Когда на Введение мороз, то все зимние праздники ожидаются морозными.

Почитаем и великий праздник Введения во храм Богородицы на Руси. И не было на русской земле

церкви, куда не собирались бы в этот день верующие люди. Родители Пресвятой Богородицы, праведные Иоаким и Анна, молясь о разрешении их неплодства, дали обет: если родится дитя, посвятить его на служение Богу. Когда Деве Марии исполнилось три года, ее родители решили исполнить свое обещание. Одев Пречистую в лучшие одеяния, с занженными свечами они привели ее в Иерусалимский храм.

Пречистая Дева воспитывалась в Иерусалимском храме в обществе благочестивых дев, прилежно читала Священное Писание, занималась руноделием, постоянно молилась и возрастала в любви к Богу.

Введение приходится на седьмой день Рождественского поста — установленных церковью сорока дней очищения и покаяния перед Рождеством Христовым. Правила этого поста не самые суровые, поэтому праздник Введения отмечался даже в монастырских трапезных. Праздничный стол в каждой семье устраивался в зависимости от материального положения. Простой народ готовил рыбку "на холодное" — заливное блюдо, горячую уху, холодные кисели и домашнее пиво. В состоятельных семьях подавались к этому празднику инра, копчености из осетровых рыб, стерлянья или белужьи уха с виноградным вином, соленые лимоны, квасы, меды и даже дорогие заморские вина — романея и бастар. По монастырям вместо постных щей, капусты, гороха давались двойная порция рыбы, хмельной квас или еще что-нибудь покрепче, ведь теперь больше до Рождества Христова больших праздников не предвиделось.

7 декабря. Екатерина-санница.

Этот день открывал санную страду. Часто говорили: "Телега хлеб в дом возит, а сани — на базар". На санях ездили к далекому рыбачному промыслу, на санях вывозили дрова из леса. Сани в крестьянском хозяйстве были немалой подмогой. Дорожные сани-облевни, крестьянские сани-древни, их полозья березовые. Но и дровни, то есть малые саночки — все в день Екатерины полагалось снать с горки. Бывало, что девица или парень ходили к ведунье, чтобы та сани заговорила на заветное имя. Верили: если любимый сядет в эти сани, с горы снится, то снится с его души тяга, из-за которой сердце его не чуяло любви, не откликалось на нее.

9 декабря. День святого Юрия. Юрьев день.

На Руси два Егория: один холдный (зимой), другой голодный (весной). Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! В этот день крестьяне могли переходить от одного барина к другому, но царь Борис Годунов в конце XVI века запретил это делать. Поэтому и родилась такая поговорка.

12 декабря. Парамон. Если на Парамона снег, то быть метелям до Николы (то есть в течение недели до 19 декабря).

13 декабря. День Андрея Первозванного.

По преданию, когда апостол Андрей (Первозванный) направился из Скифии в Рим, то остановился с учениками на берегу Днепра под горами. А на утро взошел на эти горы, благословил их, поставил Крест, помолился и отправился дальше. Впоследствии на этих горах возник город Киев.

В этот день по народному поверью шли наслышивать воду. Поутру шли на реку, рубили прорубь, опускались на колени на краю проруби, принимались ухом ко льду и слушали. Верили, что коли шумная вода, то надо ждать метели, стужи. Коли тихая вода, то зима будет тихой, хорошей. Черпали воду из проруби и несли домой. И когда вода была шумной, то ее не сразу разливали в чугуны. Сначала надо было воду успокоить, чтобы с этой водой в твой дом шум не вошел.

14 декабря. Пророк Наум, покровитель знания и учения.

С давних времен пророк Наум почитался на Руси наставником, помощником и покровителем у людей умственного труда. В школах и училищах его еще называли Грамотником. В старину детей начинали учить дома с первого декабря или отдавали в "наученье". И перед началом занятий всегда испрашивали благословения у пророка Наума. Делалось это торжественно и чинно. С утра все семейство отправлялось в церковь, где служили специальный молебен, посвященный покровителю знаний и наук — пророку Науму. И только после этого шли домой, где с почетом встречали учителя. Глава семейства подводил к нему за руку сына и просил учить уму-разуму, а за непослушание и лень наказывать. Ученик отвечивал три земных поклона и подходил к учителю. Учитель три раза символически ударял его по спине плеткой. Затем мать усаживала сына за стол, вручала узорчатую косянную узанку. Учитель открывал азбуну и показывал бунты ученику. Так символически проходил первый урок, который заканчивался угощением преподавателя и пожеланием ему всяческих благ.

Пророк Наум также пользовался почитанием иуважением среди русских студентов. Существовал обычай перед экзаменами приходить в церковь и ставить свечки покровителю учения. Считалось, что нельзя подходить к экзаменационному столу, не заручившись поддержкой пророка Наума. Так родилась поговорка: "Батюшка Наум, наставь на ум", "Пророк Наум наводит на ум". И в наши дни в студенческой среде иногда вспоминают пророка Наума, особенно перед экзаменами, и считают, что нужно поставить ему свечку в церкви для успешной учебы.

17 декабря. День Варвары.

Трещит Варюха: "Береги нос и хо!". Кличет Варвару Спиридон (25 декабря): "Ты бы, Варвара, день притачала!". И Варвара с ледяной иглой, с солнечной нитью к Спиридону на порог. А сама иголку ледяную в шубейку воткнет и скажет: "Святая Варвара загодя ночи урвала, дня притачала".

18 декабря. День Саввы.

Савва салит, ледяные настилы стелет, гвозди острит. Еще говорили: "Варвара мостит, Савва гвозди острит". "Унатает Савва, будет земля укрыта справно". Погоду узнавали, не выходя из избы в тот день: "Красный огонь в печи да поленья трещат, будто серная, стужа на дворе лютая". Ледяная смола над землей висит. Варвара заваривает, Савва засалит, Никола занует.

19 декабря. Николин день.

19 декабря православная церковь отмечает день памяти наиболее почитаемого и любимого в народе святителя и чудотворца Николая. На Руси этому угоднику построено, по всей видимости, больше всего храмов, часовен, монастырей. В редком доме не встре-

тишико иконы, посвященной святыму Николаю-угоднику. В народе велика была вера в чудодейственную силу Николая. Он являлся заступником от всевозможных бед и напастей, помощником в самых трудных обстоятельствах жизни, защитником при самых больших опасностях. С давних времен святой Николай считался покровителем рыбаков и мореходов, с ним связаны далекие морские путешествия и удачи в рыбной ловле. А в коммерческих делах святого Николая почитали за наставника при заключении различных торговых сделок и договоров. Среди простого народа святой Николай являлся главным и основным помощником и заступником русского крестьянина от грозных сил природы, от сглаза, от жестоких хозяев и вообще от всячего зла и напастей. Популярность святого Николая была настолько широкой, что его имя вошло в народные пословицы и поговорки. "Нет за нас поборника и заступника супротив Николы", — говорили в народе.

И в наши дни у верующих святой Николай является одним из самых любимых святых. День его памяти всегда сопровождается пышными богослужениями, иконы с его изображением считаются чудотворными и приносящими спокойствие и благополучие в доме. Кстати, именно икону Николая-угодника сейчас чаще всего вешают в своих машинах водители.

25 декабря. Спиридон-солнцеворот.

Солнце на лето, зима на мороз. На Спиридона медведь в берлоге поворачивается на другой берег. После солнцеворота хоть на воробышний сон, да прибудет дня. В этот день люди выходили на самые

высокие места в округе и встречали первые солнечные лучи. В древних месяцесловах, на притолоне амбарных дверей, на прялках изображалось солнце в виде косого креста — как обережная сила. На солнцеворот пекли круглый хлеб и деревянной лопаткой выдавливали в тесте бороздки в виде косого креста. И только потом ставили хлеб в русскую печь. По древнему поверью, когда занатилось солнце, не бросай сор на улицу — пробрасываясь. "Когда солнце занатилось, новой ковриги не починай, а то свое завтра почнешь". Думы о домашнем очаге, о сохранении доброго духа в доме были испокон веков связаны с солнцем. Жгли за деревней костры. Помогали солнцу окрепнуть: "Разгони огонь потемь! Верни на Русь красный день!". Странная бабка протаптывала в снегу путь к рябине, стуча палкой по стволу и приговаривая: "День солнцеворот, натись в огород, с огорода на красное угорье, подымися над нашим подворьем".

29 декабря. День пророка Аггея.

Ноли на Аггея сильный мороз, то простоит он до Крещенья. На Аггея и Даниила (30 декабря) иней — будут теплые святки.

31 декабря. Гадание о грядущем.

Чтобы узнать, каким будет Новый год, в неглубокую миску воды наливали и заговаривали. Эту воду несли в холодные сени или ставили под небом на крыльце. Утром глядели. Лед коркой поднимается — будет добрый год, с прибылью. Лед ровно застынет — быть жизни ровной. Лед поднимется буграми — и горе, и счастье видеть. Лед замерзнет лунной — ущербным будет год.

В начале восьмидесятых в Манчестере появились две группы, которые очень сильно отличались от остальных: "New Order" и "The Smiths". Преднамеренно или нет, но они оказались далеко за узкими рамками стилей и направлений. "New Order" считали своими любителями потанцевать, депрессивные романтики и даже панки — сочетание, на самом деле, совершенно немыслимое. "The Smiths" полюбила вся думающая молодёжь Британии, а солиста группы Моррисси критики просто боготворили. Записав несколько пластинок, сформировавших лицо сегодняшней музыки "не для всех", обе группы прекратили существование.

Распад групп не означал, однако, что музыканты выдохлись. Просто в какой-то момент работа вне группы стала приносить больше удовольствия. В "The Smiths" слишком разными стали Моррисси и гитарист — композитор Джонни Мэрр: первый никак не мог разобраться в личной жизни и определиться с сексуальными предпочтениями, в то время как Мэрр женился и был вполне счастлив — каное ун тут совместное творчество. Начавшаяся умопомрачительным диском "Viva Hate" сольная карьера Моррисси развивалась просто феерически, и Мэрр решил не отставать. Автор музыки ко всем песням "The Smiths", он носил почетный (и за-

Дмитрий ВЕБЕР

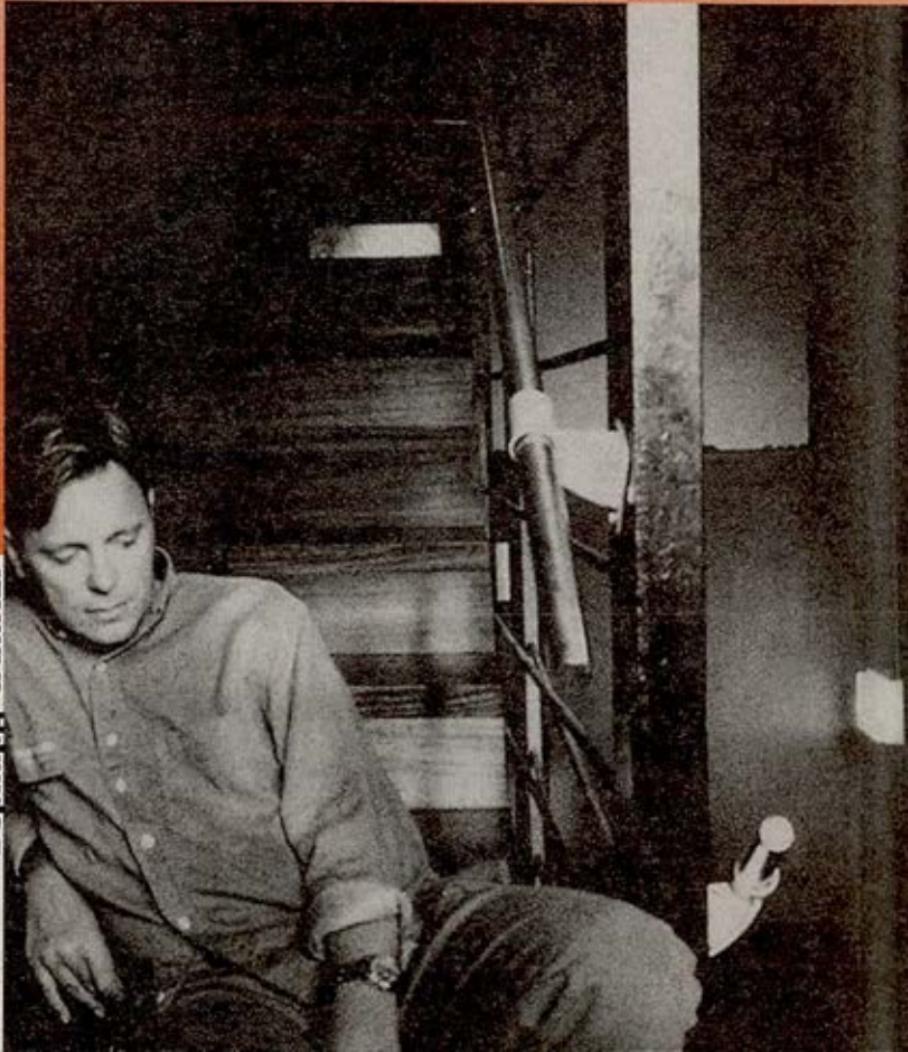
ЭФФЕКТ СТРОНГ "ЭЛЕКТРОНМК" но не наш

служенный) титул "последнего супергитариста". Но он прославился не многочасовыми сноторвными соло в духе Гари Мура: его интеллигентную, воздушную и проницательную манеру игры и сладко-горькие мелодии просто не с чем тогда было сравнивать, это только теперь их переняли все, вплоть до "Oasis". В некоторых песнях звучит до двадцати гитар! Всегда в чёрных очках, замкнутый и флегматичный, в "The Smiths" он находился в тени Моррисси, хотя их вклад в успех группы был равнозначен. Сразу же после распада группы

Марра засыпали предложениеми ведущие музыканты того времени, но согласие получил вокалист "New Order" Бернард Самнер.

Фантически "New Order" стали первой группой, которая показала, что танцевальная музыка не обязательно непроходимо глупа. Что бы сегодня без этого простенького факта делали те же "The Prodigy"? Тексты Самнера, порой абстранные, двусмысленные, полные иронии и сарказма, нинан поначалу не вязались с музыкой, но "New Order" приучили публику к такому странному сочетанию.

Бернард Самнер

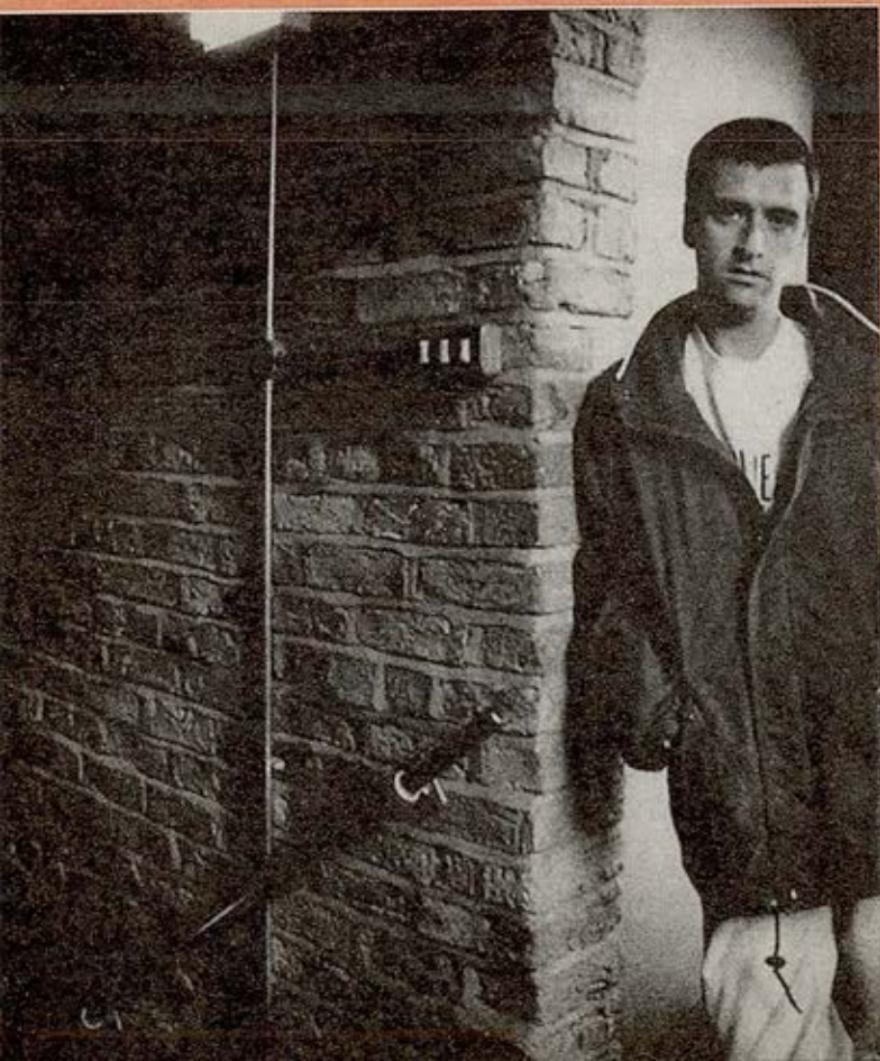

Н 1989 году группа достигла своего потолка. И хотя продолжала еще что-то записывать, но ничего нового так и не предложила.

И вот в 1989 году Марр и Самнер начинают работать вместе. Новый проект получает название "Electronic". Несмотря на то, что именно в этот год происходит необычный взлет техно, состоявшийся во многом благодаря "New Order", решено было не идти на поводу у моды и не пускаться в эксперименты. Для записи вокала пробного сингла, чтобы избежать сравнений с предыдущими группами

Бернарда и Джонни, приглашается Нил Теннант из "Pet Shop Boys", давний знакомый и того, и другого — гитара Джонни Марра звучит почти на всех альбомах меланхоличных умников из PSB.

У нас, в силу ряда причин, "Pet Shop Boys" считается долгиграющим аналогом "Модерн Тонинг", а в Англии они уважаемы самыми "продвинутыми" деятелями: культовый режиссер Дерен Джермен снимал им клипы, Брайан Ино — их большой друг, "Blur" отдают им песни для минширования, а английская пресса иногда

Джонни МАРР

доходила до того, что называла их танцевальным вариантом "The Smiths". Истина, видимо, лежит где-то посередине: на каждый непримечательный текст и свежую мелодию в репертуаре "Pet Shop Boys" найдется проходной бессодержательный шлягер.

И вот первый продукт "Electronic" появляется на свет. Интеллигентное диско... Звучит дико, но так оно и было. "Getting Away With It" становится синглом недели в авторитетнейшем еженедельнике "New Musical Express". Получив щедрые авансы от критиков, которые обычно весьма скептически настроены к совместным проектам, дуэт принимается за работу над альбомом.

Поначалу не очень понятной выглядела роль Джонни Марра — до этого он занимался только гитарной музыкой, неужели тут он ограничится сочинением песен? На деле всё оказалось ещё интереснее: в электронную музыку воздушная гитара Джонни прекрасно вписалась. Как участники самых влиятельных групп 80-х, они не могли ударить в грязь лицом перед надменными 90-ми. И не ударили: первый диск, названный просто "Electronic", считается одним из лучших альбомов текущего десятилетия. До сих пор я, например, не определил стиль этого творения: танцевальное диско ("Tighten Up") сменяется разном ("Idiot Country"), гитарными вещами ("Get the Message" — главный хит), электронными инструментами ("Soviet") и хард-роком ("Feel Every Beat"); и все за пятьдесят с небольшим минут. Никогда еще совместный проект двух патриархов жанра не содержал такого потока свежих идей.

Гитара Джонни звучала не хуже, чем в шедеврах "The Smiths", мрачно-весёлая, здравомыслящебезумная атмосфера напоминала о лучших днях "New Order", гипнотический ритм "Patience of The Saint" превосходил все песни "Pet Shop Boys". Но главное не это. Главное то, что диск повышал настроение лучше любого "Прозака", о котором речь еще зайдёт. Умная и несмущающая музыка редко когда бывает оптимистичной, и "Electronic" сумели стать приятным исключением.

Как критики ни обожали "The Smiths" и "New Order", но в Англии 1991 год выдался неблагоприятным на события и все похвалы обрушились на Марра и Самнера. И это на фоне не лучшего периода Моррисси (его принялись ожесточённо хаять) и полного провала проектов других участников "New Order": "Other Two" и "Revenge". После "Electronic" грань между попсой и роком стёрлась до полного её отсутствия. Тем ценнее, что Самнер не поддался искушению увлечься новомодным техно.

А в 1993 Бернард снова собирает свою старую группу, но без особого успеха — критика признала, что новый альбом "New Order" более похож на сольник Берни Самнера, то есть "Electronic" без Джонни Марра. Неудача этого проекта, окончательный развал "New Order" и другие факторы повергают Берни в полуторагодичную депрессию, во время которой он вообще не занимается музыкой. Будущее "Electronic" заволило туманом. Бернард Самнер впал в депрессию. Лечился новомодным препаратом "Прозак", не обладающим побочными действиями. И помогло!

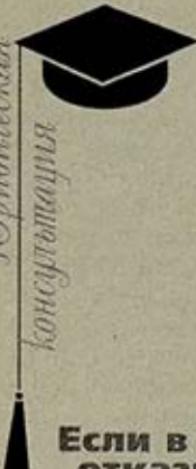
Работа над новым диском "Raise The Pressure" тут же заминала. Критика обругала альбом за старомодность, но это оказалось, на мой взгляд, достоинством. Многие "старини" вроде "U2" с головой ринулись в модную рейв-культуру, и... тишина. Слышно только, как рыдают их фирмы, подсчитывая убытки. Стать счастливым исключением удалось одному лишь Дэвиду Боуи, но он всю жизнь только и занимается стилистическими экспериментами. А Марр и Самнер записали хорошую, ровную пластинку, не так уж и похожую на предыдущую, как это принято считать. Свежих идей, пожалуй, было маловато, но верные поклонники получили старое доброе "альтернативное диско".

Когда в конце 1998-го стали ходить слухи о том, что "Electronic" записывают третий альбом, мало кто отнесся к этому с большим энтузиазмом. Причем не только в среде поклонников, но и в фирмах звукозаписи — Марру и Самнеру удалось заключить контракт на выпуск альбома только в Европе, ни одна американская фирма по сей день не рискнула выпустить их альбом. Если первоначально "Electronic" задумывался как именно электронный проект, в котором на первом плане стояли бы клавишные и всевозможные сэмплеры, то с течением лет ситуация изменилась. Третий альбом был записан составом обычной рок-группы: гитары да барабаны. Опять-таки никто не ждал никаких сенсаций — по большому счету, и Марр, и Самнер не записывали ничего сверхвыдающегося уже лет восемь, и были все основания зачислить их в ряды творческих банкрот-

тов, а английские критики обычно с этим не медлят.

И каково же было всеобщее удивление, когда в марте 1999 "Electronic" выпустили "Twisted Tenderness"! Мало кто сомневался, что этот диск станет одним из самых заметных музыкальных событий года. Он был буквально переполнен новыми идеями и шквалистой энергией, которая, как казалось, осталась только на старых пластинках "The Smiths" и "New Order". В "Vivid" присутствует замечательное соло на губной гармошке. Гитара Марра никогда прежде не звучала настолько филигранно и мощно. "Late At Night" — классический "манчестер", который, по большому счету, никто уже и не надеялся услышать. В общем, абсолютно великолепный альбом, который мало того, что устроил всех, кто его ждал, так еще и привлек новую армию поклонников.

Что очень кстати, поскольку, как обычно после записи очередного альбома "Electronic", Марр и Самнер снова разошлись. Бернард собрал (после 7-летнего перерыва) "New Order", группа чрезвычайно успешно выступила не сколько раз в Англии и Европе, а в настоящий момент пишет новый альбом, который появится в начале 2000 года. "Последний супергитарист", который после распада "The Smiths" так пока и не создал собственную группу, наконец-то дозрел до этого ответственного решения. Подробности проекта, названного "Healers", пока не разглашаются, но их диск появится примерно в то же время, что и долгожданная пластинка "New Order". Ну, а года через три, глядишь, появится и четвертый альбом "Electronic". ■

Если в замене отказывают

"Закон РФ "О защите прав потребителей" обязывает продавца заменить товар ненадлежащего качества. На практике торговые организации часто отказывают в замене товара. Почему закон в таких случаях не действует?"

Ю.Торбеев,

Нижний Тагил

В действительности, Закон РФ "О защите прав потребителей" в редакции от 6.01.96 г. действует во всех случаях, где присутствуют отношения потребителей и продавцов (изготовителей, исполнителей). Вместе с тем нужно знать, что потребительские отношения регулируются не только этим Законом, но и другими нормативно-правовыми актами, в том числе Гражданским кодексом РФ и рядом Постановлений Правительства РФ. Кроме того, судьи, разрешающие потребительские споры, применяют Постановление Пленума Верховного Суда РФ "О практике рассмотрения судами дел о защите прав потребителей" в редакции от 17.01.97 г.

В отношении замены товара ненадлежащего качества действительно существует некоторое расхождение в положениях Зако-

на и Гражданского кодекса. Ст.503 ГК ограничивает возможность замены технически сложных или дорогостоящих товаров только случаями существенного нарушения требований к их качеству, тогда как ст.21 Закона такого ограничения не предусматривает. Эту правовую коллизию разрешил Верховный Суд в вышеупомянутом Постановлении Пленума, причем в пользу норм Гражданского кодекса РФ. Это означает, что не все товары ненадлежащего качества подлежат обязательной замене по требованию покупателя, а только содержащие существенные недостатки, либо вообще не являющиеся технически сложными или дорогостоящими.

Допустим, вы купили холодильник, и вас не устраивает его качество. Вы обращаетесь к продавцу, требуя замены этого холодильника. Он отказывает, ссылаясь на то, что этот товар, во-первых, является технически сложным и дорогостоящим, а во-вторых, не содержит существенных недостатков. Если при этом вы не согласны с аргументами продавца, у вас есть право обратиться в суд. В рамках судебного разбирательства суд будет решать, является ли данный конкретный товар технически сложным или дорогостоящим. Также будет устанавливаться, имеются ли в товаре существенные недостатки, которые ст.475 ГК определяет как неустранимые, то есть недостатки, которые не могут быть устранены без несоразмерных расходов или затрат времени или выявляются неоднократно, либо проявляются вновь после их устранения и т.п. Для определения такого рода признаков проводится экспертиза.

Плюс неустойка

"Из них составляющих складывается сумма возмещения убытков потребителю, получаемая по суду?"

В.С.Рябова,

Казань

Согласно ч.2 ст.15 Гражданского кодекса РФ под убытками понимаются расходы, которые лицо, чье право нарушено, произвело или должно будет произвести для восстановления нарушенного права, утрата или повреждение имущества, а также упущенная выгода. В возмещении вреда по потребительским делам убытки, как правило, складываются из стоимости товара и расходов, понесенных потребителем: оплаты юридических услуг, производства экспертизы и т.д. Все эти моменты, включая упущенную выгоду, должны быть документально подтверждены.

Кроме того, как уже было сказано, неустойка по потребительским спорам носит штрафной характер, то есть не включается в возмещение убытков. Ее размер, предусмотренный Законом, весьма значителен. Однако на практике суды часто снижают размер неустойки, так как дело в суде может затянуться на долгое время, и неустойка вырастет до несоразмерной величины.

Страдания — измеримы

"Есть ли реальная возможность возмещения морального вреда с продавца или изготовителя?"

О.Шерстобитова,

Хабаровский край

Компенсация морального вреда предусматривается ст.15 Закона, а также ст.151 ГК РФ.

Вместе с тем, сама сущность этого вида вреда (физические или нравственные страдания) такова, что в суде часто возникает проблема доказывания, имели ли место физические или нравственные страдания. В отношении физического аспекта доказывание производить несколько легче — суды принимают медицинские справки и другие подобные документы. В других случаях все зависит от конкретных обстоятельств дела.

Требуйте чек!

"Сейчас распространена торговля различными товарами [в том числе бытовой техникой] на рынках. Действует ли там Закон "О защите прав потребителей"?

Ю.М.Путин,

Пермь

Оснований считать рынки территориями, свободными от применения Закона РФ "О защите прав потребителей", нет. Соблюдение прав и интересов покупателей в соответствии с Законом — обязательное условие рыночной торговли. Закон требует от продавца предоставления чека или другого документа, удостоверяющего факт покупки. С этим документом вы можете обратиться к продавцу. Если такой документ утрачен, для подтверждения покупки можно использовать свидетельские показания. При этом необходимо учитывать то, что претензии предъявляются не администрации, а непосредственно продавцу. Администрация рынка не отвечает за отношения продавца и потребителя.

Ольга Корытко,

консультант "Смены" по юридическим вопросам

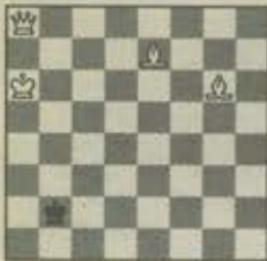
Шахматная эпиграмма

эпиграмма

Под редакцией международного гроссмейстера **Виктора ЧЕПИЖНОГО**
VIII международный конкурс составления шахматных задач-миниатюр

142. П. ЛЕБЕДЕВ
Бобруйск, Беларусь

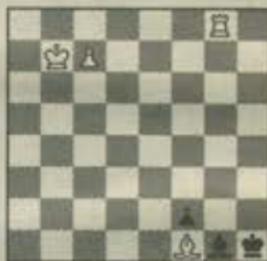
2

143. С. РАДЧЕНКО
Ростов-на-Дону

2

144. Ф. КАПУСТИН
п. Роза, Украина

б) п.c7-d7-f7

2

145. Б. ЖЕНЖЕРУН
Полтава, Украина

2

146. М. ЧЕРНУШКО
Уссурийск

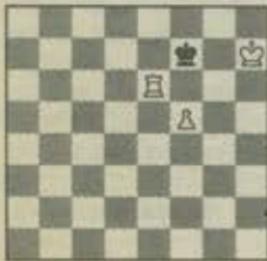
2

147. А. ЧЕРНЕНКО
ст. Подгорная,
Ставропольский кр.

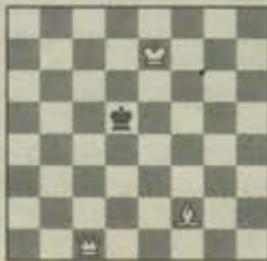
2

148. П. ЛЕБЕДЕВ
Бобруйск, Беларусь

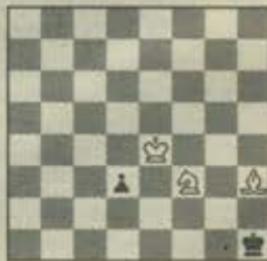
3

149. Л. ПРОНИН
Москва

3

150. В. ШИЛЬНИНОВ
г. Асбест, Свердловская обл.

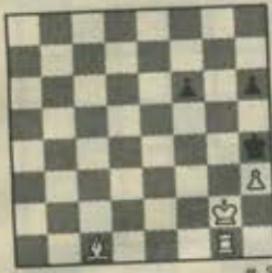
3

б) Kph7 ↔ п.f5

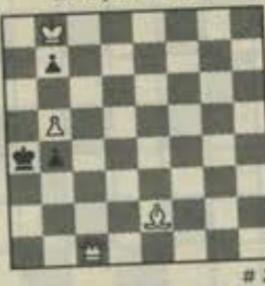
б) Cf2-e2

б) п. d3-h7

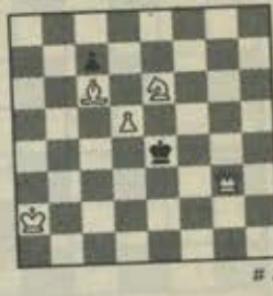
151. Н. ЧИСТИЯНОВ
Омск

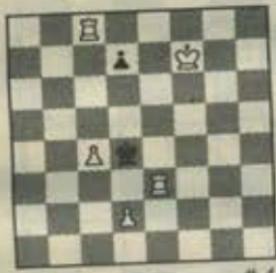
152. В. АНТИПОВ
г. Боровичи,
Новгородская обл.

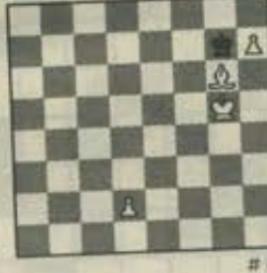
153. В. КОНОВАЛОВ
Тула

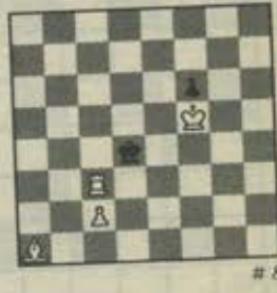
154. В. КОЗЫРЕВ
д. Нина, Эстония

155. Д. ПАНИЧКИН
Махачкала

156. В. МАТЗУШ
г. Старая Русса

Журнал "Смена" объявляет IX международный конкурс составления шахматных задач-миниатюр на 2000 год по трем разделам: двухходовки, трехходовки и многоходовки. В каждом разделе установлены денежные призы: первый приз — 250, второй приз — 200, третий приз — 150, специальный — 100 рублей.

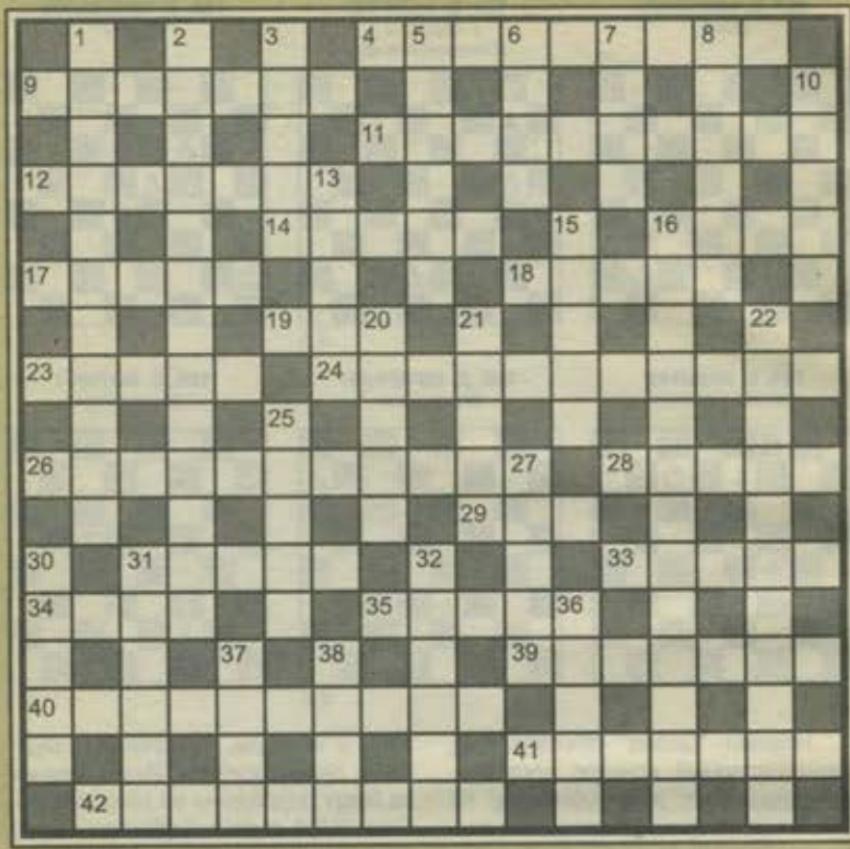
Оригинальные, нигде ранее не публиковавшиеся задачи, изображенные на диаграмме, с полным решением следует посыпать по адресу: 101457, ГСП, Москва, Буманский проезд, 14, редакция журнала "Смена". Последний срок — 15 августа 2000 года. Судья конкурса — международный арбитр по шахматной композиции Виктор Челинин.

На конверте следует делать пометку "Конкурс составления шахматных задач". Все присланные композиции примут участие в конкурсе. Лучшие миниатюры будут опублико-

ваны в журнале. Присланные задачи не рецензируются. Итоги конкурса будут подведены во второй половине 2001 года и опубликованы на страницах "Смены".

Приглашаем наших читателей принять участие также в конкурсе решения шахматных задач, напечатанных в журнале "Смена". Фамилии наиболее активных решателей будут публиковаться. После завершения конкурса решатели, приславшие правильные ответы на задания, будут награждены почетными грамотами и книжными призами.

Решения задач следует посыпать на открытках с пометкой "Конкурс решения шахматных задач" по редакционному адресу в течение двух месяцев после выхода журнала. На открытке следует указывать фамилию, имя, отчество и домашний адрес. В наших конкурсах могут принять участие все желающие!

ЭРУДИТ

По горизонтали. 4. Древнейшее название Сицилии. 9. Подслащивание медом кваса, пива или настаивание напитков на меду. 11. Дальний родич электрического угря, живущий в реках Колумбии. 12. Брат-близнец Настора, упомянутый в "Отцах и детях" И. Тургенева. 14. Древнее государство на Ближнем Востоке, где была первая в мире регулярная армия. 16. Французский композитор, чью оперу "Иван Грозный" долго считали потерянной и поставили лишь в 1946 году. 17. Головной убор Марии Стюарт на полотне Шарля Клуэ. 18. Охотничье название мускусной жемчуга у набарги. 19. Рыба, которую удят, соблюдая полную тишину. 23. Тюлень, способный доставать рыбу из рыболовных сетей, портЯ их. 24. Паразитический способ торговли. 26. Мускульная чрезмерность нультириста. 28. Недуг, заставляющий ловить воздух. 29. Мягкий знак в молодости. 31. Наналенный этап конкурса красоты. 33. Птица с пурпурными на груди и спине. 34. "Дюма графини". 35. Один из самых обычных артистов древнеримского цирка. 39. Размер, наименование написана "Божественная комедия" Данте. 40. Первый советский альпинист, по-

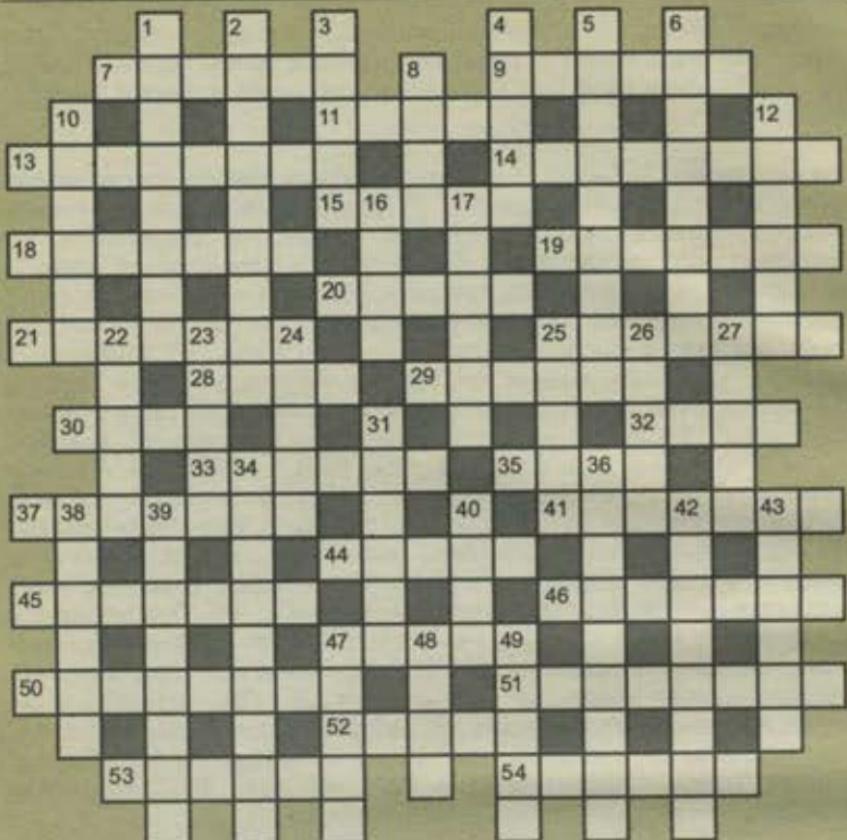
коривший Эверест. 41. Узбенский астроном и математик. Одно из слов в его трактате о правилах решения уравнений превратилось в "алгебру". 42. Высокая трава, чьи корневища используют во многих лекарственных препаратах.

По вертикали. 1. Свойство характера древних римлян, заставлявшее их умереть, но не уйти с поля боя. 2. Грозное явление, перед которым странно светится небо. 3. Чешский полноводец, родившийся, по преданию, под дубом возле Тронцова. 5. Швейцарский ученый, разработавший психодиагностический тест для изучения личности. 6. Снежная твердь. 7. Город в Азербайджане с мостом Улу, на котором любят постоять туристы. 8. Юмор — ... — сатира. 10. Физическая единица, названная именем венгерского ученого с титулом барона. 13. Место самых трагических действий в трагедии Шекспира "Ромео и Джульетта". 15. Морское зрелище на озере Селигер. 16. Высокое должностное лицо в ФРГ. 20. Борзой "герой" в рассказе А.Чехова "Хамелеон". 21. Непрофессиональное занятие Нерона в городах Греции, из поездки по которым он привез в Рим 1808 венков. 22. "Гора, таная высокая, что через нее не может перелететь ни одна птица" (на языке шерпов). 25. Технический прием в водном поло, позволяющий освободиться от соперника-спинуна. 27. Лучший король Лир отечественного кино. 30. Река, долго текущая почти параллельно Мае, прежде чем впасть в нее. 31. Вид живописи, самый первый образец которой найден на острове Крит. 32. Древнеримский слой патрицианско-плебейской знати. 36. Все живые организмы и растения луга или, скажем, озера. 37. Название в произведениях М.Волошина пахучей травы, завариваемой на Руси как чай. 38. Шестиногий дровосек.

ОТВЕТЫ НА "ЭРУДИТ", НАПЕЧАТАННЫЙ В № 11

По горизонтали. 3. Эгисф. 10. Айва. 11. Харанири. 12. Брель. 13. Трог. 14. Заводила. 18. Плато. 19. Небо. 20. Мост. 24. Дюма. 25. Щада. 26. Мериме. 27. Клее. 29. Карп. 30. Сверхкорона. 31. Осел. 32. Эдип. 33. Абсент. 34. Труд. 35. Гнев. 37. Румб. 40. Иден. 43. Таити. 44. Переярон. 46. Цент. 47. Онунь. 48. Юмореска. 49. Лидс. 50. ...остяк.

По вертикали. 1. ...phantom... 2. Евдонс. 4. Герольдмейстер. 5. Салоте. 6. Чабан. 7. Жакоб. 8. Пики. 9. Шива. 15. Великобритания. 16. Доденвэдр. 17. Ламаркизм. 21. Облысение. 22. Тщеславие. 23. Венок. 28. Яхонт. 36. Панкус. 38. Ужение. 39. Батист. 41. Дятел. 42. Норка. 44. Плющ. 45. Рoom.

КРОССВОРД

По горизонтали. 7. Город, где было тесно родам Монтенни и Наполетти. 9. Родина Буратино. 11. Инструмент для нарезания резьбы на стержнях и трубах. 13. Увеличение платы или зарплаты. 14. Декоративный цветон, употребляемый как овощ. 15. Транспорт со счетчиком. 18. Половина игры в футбол. 19. Объект, либо стоящий, либо не стоящий выделки. 20. Американское заведение в российской деревне. 21. Известный русский актер, первым на отечественной сцене исполнивший роль Отелло. 25. Горный ледник. 28. Проток в устье Волги. 29. Зеленая валюта. 30. Знаменитый немецкий механик-оптик. 32. Очаровательность. 33. Пляска Нарпа в стихотворении И.Нинитина "Нупец на пчельнике". 35. Былое под Полтавой. 37. Мастер мини-портретов из стеклообразной массы. 41. Жестоний человек, мучитель. 44. Нутко смешной случай. 45. Морковская купальня. 46. Чем дальше в тыл, тем он, по Ю.Шевчуку, жирнее. 47. Народное название пряника. 50. "И

заплы тысячи орудий слились в протяжный вой*. 51. Праздничное угощенье. 52. Обычная добыча ястреба в тайге. 53. Птица, из костей которой индейцы высокогорий Южной Америки делают флейты. 54. Все-властный орган в первые годы советской власти.

По вертикали. 1. Ннэзь, русский историк XVIII века. 2. Хорошая немецкая пастушья и сторожевая собака. 3. Способ удара в игре на бильярде. 4. Экстравагантный "возвращенец" в природную среду. 5. Главарь. 6. Ноинкобежец с вынужасами. 8. Кулик, в жарких нраах зарывающий яйца в песок, предоставляя заботу о выведении птенцов солнцу. 10. Столица, родина булатной стали. 12. Ученик А. Ватто, по чьим композициям А. Нуапель с сыном делали гобелены. 16. Герой одного из самых страшных рассказов Э. По. 17. Библейский богатырь, чья сила таилась в волосах. 22. Спектакль, где все поют. 23. Словесный бальзам для души невысокого полета. 24. Отец кибернетики. 25. Глина, обожженная при подземном пожаре. 26. Русский поэт, "создавший" уникальную породу лошадей. 27. Одна корова или три овцы как единица для расчета с пастухом в деревне. 31. Лесная усадьба на Урале и в Сибири. 34. Голландский художник, великий мастер светотени. 36. Первчество. 38. Советский поэт, замечательно писавший для детей. 39. Русский художник-авангардист, в чьем творчестве был период "Ослиного хвоста". 40. Близкий лесной родич зяблика. 42. Парфюмерная "вода из Нельна". 43. Звуки, издаваемые селезенкой бегущей лошади. 47. Орган, снабжающий рыбу кислородом. 48. Летающая тряпичница. 49. Чувство, увлекающее человека в игру.

Составил **Н. БАРАНОВ,**
Шацк Рязанской области

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 11.

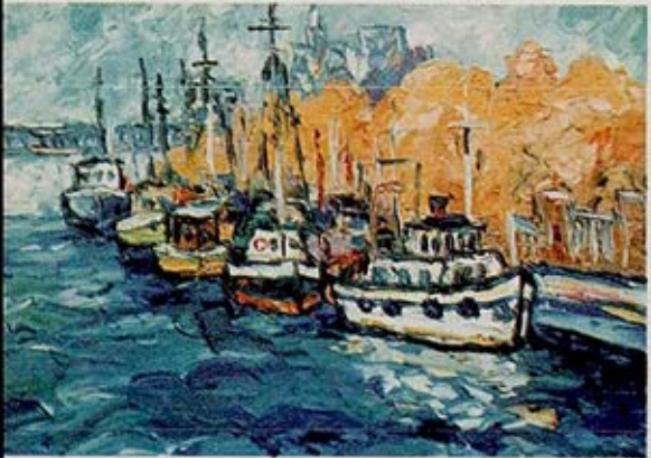
По горизонтали. 7. Гораций. 10. Аммонит. 13. Серин. 14. Паган. 15. Визитка. 16. Нузовок. 17. Науру. 18. Зенит. 19. Тансист. 22. Запятая. 23. Ожина. 26. Клепало. 27. Старк. 29. ...вторник... 32. Унион. 34. Исполин. 38. Декабрь. 42. Тиран. 43. Галуа. 44. Покатор. 45. Филатка. 46. Черен. 47. Пират. 48. Антиний. 49. Пенинес.

По вертикали. 1. Росинант. 2. Хариус. 3. Минкус. 4. Эмпуза. 5. Погоня. 6. Минотавр. 8. Резан. 9. Цитрин. 11. Мазепа. 12. Навит. 20. Толстун. 21. Нипарис. 22. Залнинд. 24. Жетон. 25. Карно. 28. Ласточка. 30. Харантер. 31. Блатен. 33. Шналин. 35. Пинет. 36. Орапий. 37. "Иония". 39. Египет. 40. Аларих. 41. Бутан.

Елена Синева

Живописные темы Елены Синевой — пейзажи, натюрморты и цветы. Особенно цветы: роскошные парадные розы, астры, хризантемы. На своей даче она их и выращивает, а затем всю эту красоту переносит на холст. Непринужденное композиционное построение словно разрушает барьер между пространством на холсте и реальностью. Отсюда и ощущение, что попадаешь в прекрасный мир слад-

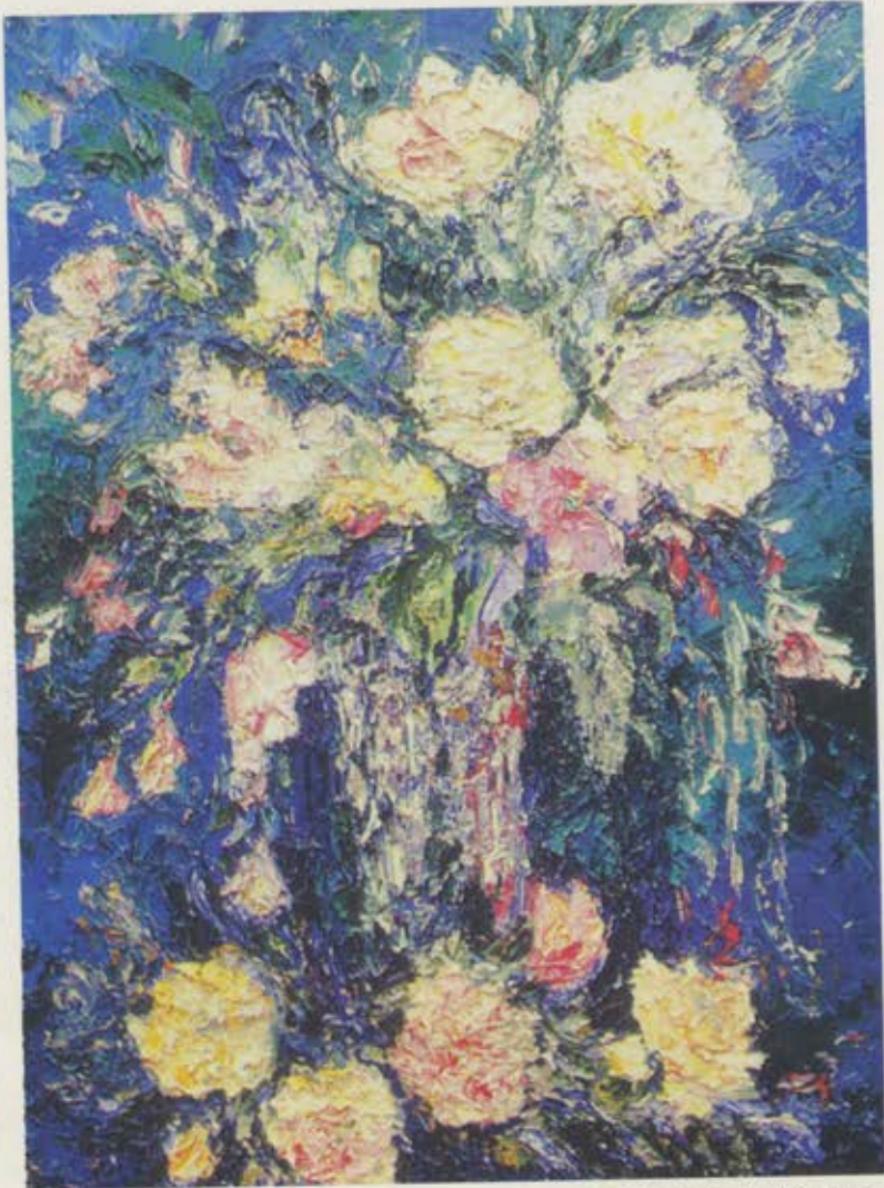
Гавань. них грез, где нет места серой будничности и повседневным заботам. Вообще работам художницы присущи единство формы и цвета, колорита и композиции. Сама Елена считает, что от природы ей даны острота и сверхчувствительность зрения, обостренное цвето-

восприятие. Поэтому цвет для нее — главный "герой" картин. И, видимо, не случайно ее любимые художники — Моне, Гоген, Матисс, Вламинк, представители французской школы импрессионизма и постимпрессионизма.

Путь в живопись для Елены Синевой оказался извилистым. И хотя еще в детстве она занималась в изостудии, после окончания школы родители настояли, чтобы Елена получила приносящую стабильный заработок профессию. На семейном совете выбрали институт электронного машиностроения.

Учась в институте, Елена посещала живописную студию, но окончательное решение посвятить жизнь только живописи пришло во время поездки в Коктебель. Море, необычайная прозрачность воздуха, ослепительное южное солнце, гора Ка-Ра-Даг настолько поразили, что безудержно захотелось запечатлеть на холсте не только щедрую на красоты крымскую природу, но и выплыть в свой восторг, восхищение...

"В пейзажах, — говорит Елена, — очень важно, чтобы определенное состояние природы совпадало с внутренним состоянием души". Тогда Елена писала, как одержимая, удивляясь и радуясь самому процессу творчества, и каждая ее работа становилась этапом внутреннего развития. Она пишет маслом, акрилом, масляной пастелью. Слой краски кладет толстый, пастозный, отчего письмо получается корпунское,

Натюрморт.

напоминающее рельефную пасту. Большое внимание уделяет декоративности цвета, что дает возможность закрепить образ, наделить его цельностью и законченностью. В то же время в некоторых работах Елена допускает некоторую недосказанность и дела-

ет это сознательно, чтобы зритель сам домысливал образ. Но что бы ни писала художница — пейзажи, натюрморты, — ее работы оптимистичны, наполнены душевной ясностью и просветленностью.

Людмила КАНДАЛОВА

Некоммерческая организация "Негосударственный пенсионный фонд

"ЛУКОЙЛ-ГАРАНТ"

(Государственная лицензия № 11 от 27 октября 1995 года)

НПФ "ЛУКОЙЛ-ГАРАНТ" — один из ведущих в России негосударственных пенсионных фондов.

Учредители Фонда:

ОАО "ЛУКОЙЛ";

ОАО "Нефтяной фонд промышленной реконструкции и развития";
Международное объединение профсоюзных организаций ОАО
"Нефтяная компания "ЛУКОЙЛ"

С 1997 года Фонд начал выплату негосударственных пенсий. В настоящее время пенсию получают пенсионеры, проживающие в 11 регионах России.

НПФ "ЛУКОЙЛ-ГАРАНТ" предлагает самые разнообразные пенсионные схемы для предприятий всех форм собственности и физических лиц.

Для защиты пенсионных накоплений от инфляции фондом производится индексация размера негосударственной пенсии на всем протяжении ее выплаты. С апреля 1999 года размер негосударственной пенсии Участников Фонда увеличен на 15%.

Адрес Фонда:

123022, Москва,
ул. Красная Пресня,
дом 44, стр.2

Телефоны:

(095) 929-95-21,

(095) 929-95-22

Факс:

(095) 929-95-20

